Астрид Линдгрен

Этот день и есть жизнь

Йенс Андерсен

Издательство
Колибри

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Астрид Линдгрен. Этот день и есть жизнь» – первая за 40 лет биография великой сказочницы, книги которой многие десятилетия помогают детям во всем мире справляться с нелегким делом взросления.

Эта книга о ней самой – бунтарке в брюках и мужском пиджаке, первой в родном городке остригшей длинные волосы, матери-одиночке в пуританской Швеции, жене человека, фамилию которого она прославила на весь мир… Вдове, художнике, благотворительнице, «мудрой старице» – духовной наставнице всей Скандинавии, человеке, в совершенстве владевшем искусством понимать. Той самой женщине, чью независимость и жизнелюбие унаследовала знаменитая Пеппи Длинныйчулок.

В ее письмах, дневниках, фотографиях, воспоминаниях близких оживают ее сражения, поражения и победы, моменты вдохновения и минуты отчаяния.

- Йенс Андерсен
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Письма поклонников
  - ○ А-ля гарсон
  - ○ Таинство размножения
  - ○ Аллея Надежды
  - ○ Ваши дети – не дети вам
  - ○ Матери всех стран, соединяйтесь!
  - ○ Революция в детской
  - ○ Птицы скорби и певчие птицы
  - ○ Поэзия белых ночей
  - ○ Битва за фантазию
  - ○ Я танцевала в своем одиночестве
  - ○ Астрид Линдгрен: избранное
  - ○ Библиография
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

Йенс Андерсен
Астрид Линдгрен
Этот день и есть жизнь

Jens Andersen
DENNE DAG, ET LIV:
EN ASTRID LINDGREN-BIOGRAFI

Copyright © Jens Andersen & Gyldendal, Copenhagen 2014
All rights reserved
Published by agreement with Gyldendal Group Agency

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Г. Орлова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство КоЛибри®

* * *

В чем смысла нет, я знаю. Копить деньги, вещи, дела, жить знаменитостью, красоваться на страницах журналов про знаменитостей, так бояться одиночества и тишины, что ни разу не найти времени в тишине и покое подумать: что делать мне с моим коротким земным веком?

Астрид Линдгрен. 1983

Предисловие

Чтобы написать биографию, нужны двое: тот, кто пишет, и тот, о ком пишут. Однако зачастую к этому процессу невольно оказываются причастны и другие люди, и они тоже влияют на результат. Среди них и создатели уже написанных книг и статей, к которым прибегают авторы последующих сочинений. В списке источников в конце моей работы упомянуты все книги, статьи, журналы и сайты о жизни и творчестве Астрид Линдгрен, перед авторами которых я в долгу. Там же приведен алфавитный указатель имен и список работ Астрид Линдгрен.

Я безмерно благодарен всем, кто помог мне получить доступ к другим источникам. Прежде всего, шведскому биографу Астрид Линдгрен Лене Тёрнквист, которая неустанно помогала мне советами и указаниями и научила меня, датчанина, ориентироваться в архиве Астрид Линдгрен в Национальной библиотеке в Стокгольме, в 2005 году включенном в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Хочу также сказать спасибо стенографу Риксдага (шведского парламента) Бритт Альмстрём, которая помогла мне расшифровать некоторые стенографические записи Астрид Линдгрен из этого архива. Также спасибо Анне Эклунд-Йонсон из Регионального архива Вадстена, научному сотруднику Королевской библиотеки Копенгагена Бруно Свиннборгу и главному редактору редакции детской и юношеской литературы датского издательства «Гюльдендаль» Элин Альгрен-Петерсен.

В работе над биографией ты зависишь от других людей, от их дружелюбия, щедрости и желания помочь, поделиться своим особым знанием, предоставить в твое распоряжение свои специфические умения. Я благодарен Тому Альсингу, Барбру и Бертилю Альвтеген, Урбану Андерсону, Малин Биллинг, Дэвиду Бюгге, Хелен Даль, Гэлли Энг, Белинде Эриксен, Йенсу Фельке, Якобу Форшелю, Лене Фрис-Гедин, Еве Глиструп, Клаусу Готтфредсену, Стефану Хильдингу, Йесперу Хёгенхавену, Аннели Карлсон, Черстин Квинт, Йеппе Лаунбьергу, Катрине Лиллеэр, Аннике Линдгрен, Йорну Лунду, Карлу-Улофу Нюману, Нильсу Нюману, Иде Бальслев-Олесен, Юхану Пальмбергу, Свену Райнеру Йохансену, Гунвору Рунстрёму, Нинг де Конинг-Смит, Ане Мейер Сандрейд, Лисбет Стевенс Сендеровиц, Маргарете Стрёмстедт, Торбену Вайнрайху, Хелле Вогт и Эльсе Тролле Эннерфорс.

Особая благодарность семейному предприятию *Saltkråkan AB* за техническую поддержку и практическую помощь, в частности, с многочисленными иллюстрациями, а также Кьелю-Оке Хансону,

сотрудникам Культурного центра Астрид Линдгрен в Виммербю и Якобу Нюлину Нильсону из библиотеки Виммербю. Спасибо датскому переводчику Астрид Линдгрен Кине Боденхоф, Енню Тор из «Гюльдендаль Груп Эйдженси» и моим редакторам Вибеке Майнлунд и Йоханнесу Рису.

И наконец, спасибо Государственному совету Дании по искусству, фонду «Гангстед» и Датско-шведскому культурному фонду за экономическую поддержку, а также моему верному первому читателю Етте Гларгор. И конечно же, Карин Нюман, дочери Астрид Линдгрен, которая одобрила идею написания этой биографии. Без ее интереса, знаний и активного содействия, без наших долгих бесед и переписки в течение последних полутора лет эта книга не могла быть написана.

Йенс Андерсен

Копенгаген, август 2014

Письма поклонников

Все 1970-е годы в отделении почты на углу Далагатан и Оденгатан работы только прибывало. Виной тому была пожилая дама, ничем, казалось бы, не отличавшаяся от прочих пожилых дам, каких встречаешь на улице, в парке, в бакалейной лавке или кафетерии стокгольмского района Васастан. Многие годы в отверстие для почты в двери этой пожилой дамы ежедневно падала пачка писем. А в юбилейные годы – 1977, 1987 и 1997-й – почтальонам приходилось звонить в дверь дома на Далагатан, 46, чтобы вручить адресату мешки с посылками и письмами, на которых красовались марки всех стран мира. После того как на письма отвечали, они попадали в коробки и на чердак, где хранились не одни лишь поздравления и яркие детские рисунки, но и окаймленные золотой рамкой послания от государственных мужей и королевских особ, и обычные письма от обычных людей, просивших автограф, денег или моральной поддержки в том или ином политическом деле.

Большинство просто выражали свой восторг и восхищение и часто, пользуясь случаем, задавали Астрид Линдгрен пару вопросов. Вопросы могли быть невинными – например, детишки из нулевого класса интересовались, действительно ли лошади едят мороженое, а девятилетняя Кристина из Ярфаллы просила объяснить, как отец Пеппи из телесериала может отправлять почту в бутылках, если сидит в тюрьме. Однако в этих кипах корреспонденции попадалось немало совсем не детских вопросов: некий Карлсон, слесарь из Кальмара, просил разрешения назвать свою фирму «Карлсон на крыше», лесовладелец из Ямтланда желал узнать, не заинтересует ли писательницу, известную своей любовью к природе, пара гектаров хвойного леса, а какой-то мужчина, отбывавший срок за убийство жены, спрашивал, не захочет ли Астрид Линдгрен стать его биографом.

75 тысяч писем – известная писательница получала их до самой смерти в январе 2002 года, а теперь они хранятся в архиве Астрид Линдгрен в Национальной библиотеке Швеции в Стокгольме. Многие послания были личными. Когда речь шла о матери Пеппи Длинныйчулок и Эмиля из Лённеберги, граница между частным и общим как-то стиралась. Пожилую Астрид Линдгрен считали «клока гумма» – мудрой старицей – и духовной наставницей всей Скандинавии, ей можно было открыть сердце, у нее можно было спросить совета в трудный час. Среди корреспондентов, например, была одна женщина, просившая «Астрид» выступить посредником в разрешении щекотливого

спора с соседями; другая спрашивала, как ей поступать со своей надоедливой старой матерью. Третья четырнадцать лет осаждала обеспеченную детскую писательницу своими жалобами – семьдесят два письма, и в каждом детальная просьба о денежной помощи: на покупку очков, ремонт автомобиля, оплату работы слесаря, погашение игровых долгов и так далее. Некий зарубежный корреспондент, австриец, давно мечтавший о новом доме, спрашивал, не подарит ли ему «мама Пеппи» внушительную сумму денег в долларах для покупки «виллы „Курица“» его мечты. Отец семейства из Дании сорок лет писал Линдгрен на Рождество подробные отчеты о своей семейной жизни и присылал детское печево. А немолодой и влюбленный житель стокгольмского предместья Хессельбю вел настоящую почтовую осаду. Претендент на руку и сердце вдовы Линдгрен отказался от своих намерений, лишь когда в дело вмешалось ее издательство, пригрозив настойчивому ухажеру полицией.

Письма поклонников составляют бóльшую часть архива Линдгрен. Они свидетельствуют об огромном и непреходящем значении ее творчества – и книг, и фильмов, и телесериалов. С выхода в 1940-х эпохальных книг о Пеппи поток писем лишь увеличивался, а после 1960 года стал даже несколько тяготить прилежного писателя и трудолюбивого редактора: свои книги Линдгрен писала по утрам и в отпуске, после обеда всегда находилась в издательстве, вечерами вычитывала работы других авторов. Однако в 1970-е, после ее выхода на пенсию, почтовая река на Далагатан, 46, превратилась в лавину, и в начале 1980-х, чтобы упорядочить обширную переписку с почитателями, Линдгрен пришлось нанять секретаря. Причиной тому послужили три события: выход книги «Братья Львиное Сердце» (1973), так называемое «дело Помперипоссы» (1976), когда Астрид Линдгрен восстала против шведской налоговой политики, и вручение Премии мира немецких книготорговцев (1978), где, выступая с благодарственной речью, в самый разгар эпохи разоружения пацифистка Линдгрен заявила, что борьба за мир во всем мире начинается в детской комнате. С воспитания будущих поколений.

Когда в середине 1980-х Астрид Линдгрен стала слепнуть и для чтения колоссального количества ежедневной корреспонденции ей понадобилась помощь, к ее услугам оказалась не только личный секретарь Черстин Квинт, но и дочь Карин Нюман (слева). (Фотография: Эрвин Нью / Saltkråkan AB)

Карин Нюман, дочь Астрид и Стуре Линдгрен, родившаяся в Стокгольме в мае 1934 года, полвека наблюдала, как растет культ личности и творчества ее матери. Нюман рассказывает, что мужчины и женщины всех возрастов не только писали, но и звонили Астрид Линдгрен и стучались в ее дверь на Далагатан. Часто просто ради того, чтобы пожать руку любимому писателю, поблагодарить за радость и утешение, обретенные в мире ее фантазии. Карин Нюман рассказывает, что среди обращавшихся к Астрид было много зарубежной молодежи, ребята писали ей и просили о помощи:

«Ей писали несчастливые немецкие дети и подростки, мечтавшие переехать в ту Швецию, о которой прочитали в ее книгах о Бюллербю или острове Сальткрока. Астрид это было тяжело, она стремилась заботиться о нуждающихся, а тут толком ничего не могла поделать».

Как часто бывает, за этими отчаянными письмами скрывался распад семьи, отсутствие заботы, слишком большая эмоциональная дистанция между родителями и детьми. Например, одна немецкая девушка-подросток в 1974 году написала Астрид письмо с просьбой о помощи. Вдохновленная книгами Линдгрен, она выучила шведский и рассказала о своем

отце, тиранившем семью и даже поселившем дома любовницу.

Астрид не смогла это забыть, даже помянула в письме другому подростку, шведскому, полагая, что тому полезно будет услышать о проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются его ровесники в другой стране. Шестидесятишестилетняя Астрид Линдгрен писала:

> «…похоже, во всем немецком государстве ей не к кому обратиться. Ей не хочется жить, она не знает, чего хочет, она хватается то за одно, то за другое и очень быстро от всего устает <…> У девочки явные психические проблемы, но я не в состоянии как следует в них разобраться и в любом случае не могу ей помочь. <…> Господи, как же много в мире горя».

Всего в архиве хранится от 30 до 35 тысяч писем от детей и подростков из пятидесяти стран. В одних Астрид спрашивают, будет ли у той или иной ее книги продолжение, в других интересуются, как создавалась какая-нибудь книга, просят «тетю Астрид» помочь продвинуться в очереди на прослушивание в театре или кастинг в кино. Мечта сняться в новой экранизации книги Астрид Линдгрен стала темой одного необычного письма, упавшего в почтовую щель в двери дома на Далагатан весной 1971 года. Автор письма – двенадцатилетняя Сара Юнгкранц из городка в провинции Смоланд. Экспрессивное послание, написанное разными почерками и усеянное восклицательными знаками, начиналось со слов: «Хочешь сделать меня СЧАСТЛИВОЙ?»

С этого вопроса началась долгая переписка между пожилой знаменитой писательницей, вступающей в осень своей карьеры, и неприкаянной, вдумчивой шведской девочкой-подростком, не понимающей, как ей жить, и во многих отношениях чувствующей себя лишней. В начале переписки, опубликованной в книге «Я храню твои письма под матрасом», Астрид Линдгрен явно хочет помочь двенадцатилетней Саре Юнгкранц, но прежде шестидесятитрехлетней писательнице надо познакомиться с темпераментной девочкой поближе. А первое ее письмо не понравилось Астрид. В нем была отнюдь не смиренная просьба провести Сару на кастинг, грубая критика детей-актеров, игравших в последнем фильме о Пеппи, и резкое осуждение иллюстраций Бьёрна Берга к новой книге про Эмиля из Лённеберги. Заниженной самооценкой девочка, кажется, не страдала, хотя именно о ней в глубине души и хотела рассказать.

Два подростка с разницей в пятьдесят лет. В Саре Юнгкранц Астрид Линдгрен видит что-то от себя в юности – неловкой девочки из Виммербю начала 1920-х. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

А потому ответное письмо Астрид Линдгрен было коротким и прохладным. В каком-то смысле даже назидательным. От него у

девочки так горели уши, что она спустила письмо в туалет. Автор ее любимых книг напомнила ей, сколь опасна зависть, а затем спросила, догадывается ли Сара, почему у нее так мало друзей, почему она так часто остается одна, почему ей одиноко?

Именно тема «одиночества» – понятия в скандинавской культуре настолько табуированного и негативно окрашенного, что его даже трудно называть, хотя всем нам знакомо это чувство, все мы оставались одни, хотя и по-разному, – красной нитью проходила через переписку одинокого подростка и одинокой писательницы. В 1970-е Астрид Линдгрен могла оглянуться на свою жизнь, в которой она – ребенок, девушка, мать-одиночка, жена, вдова и художник – много думала о том, каково человеку, когда он предоставлен себе, оставлен в обществе себя самого. Временами она боялась одиночества, иногда несказанно по нему тосковала. И часто открыто отвечала на вопросы об одиночестве в частной жизни, что удивительно для человека, который, следуя девизу своего смоландского рода «Мы не выносим сор из избы», тщательно оберегал личные границы. Пример тому – ее интервью 1950-х шведской газете. На вопрос о том, как Астрид Линдгрен справляется с внезапной потерей мужа в 1952-м, она ответила:

> «Прежде всего я хочу быть с моими детьми. Затем – с моими друзьями. А еще я хочу быть с собой. Целиком и полностью. Человек мало и ненадежно защищен от ударов судьбы, если не научился оставаться один. Это едва ли не самое главное в жизни».

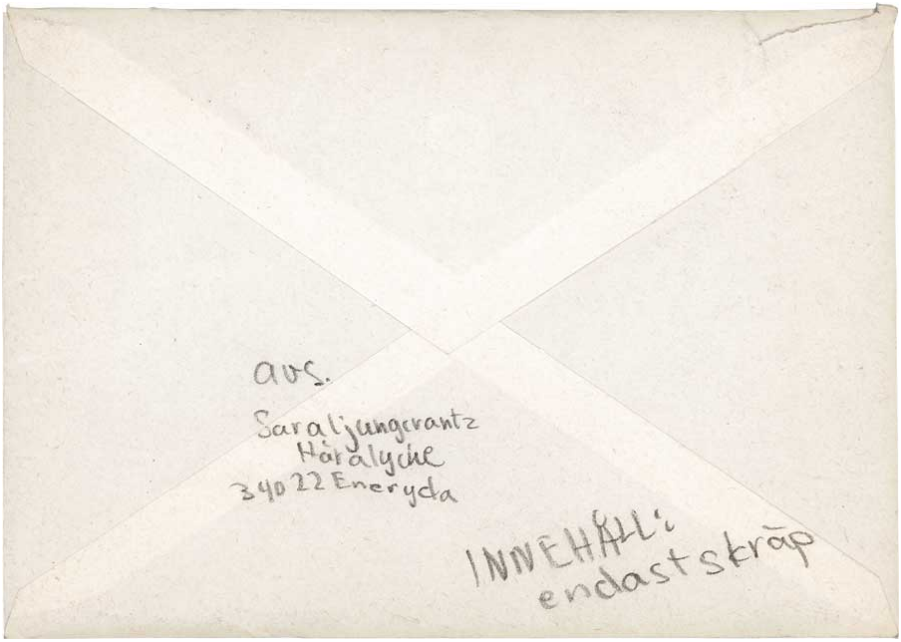
Убежденность Астрид Линдгрен в том, что человек в любом возрасте должен уметь оставаться один, стала лейтмотивом ее писем Саре, ее осторожных советов – посланий девочке, которой так трудно было общаться с родственниками, товарищами, учителями и психологами, но которую не устраивало и собственное общество. Прочитав первые четыре-пять Сариных писем, стареющая писательница распознала в этом подростковом восприятии себя как «одинокой, забытой и всем на тебя насрать» что-то свойственное ей самой и приподняла завесу над историей своей непростой юности:

> «О, как бы я хотела, чтобы ты стала счастливой, чтобы тебе не приходилось проливать столько слез. Но хорошо, что ты можешь чувствовать, и беспокоиться о других, и предаваться грустным размышлениям, потому я и считаю тебя родственной душой. Самое, думаю, трудное время в жизни человека – это ранняя юность и старость. Я помню, что моя юность была безумно

меланхолична и трудна».

Сара хранила все письма Астрид под матрасом. Длинные письма, в которых писательница никогда не говорила с девочкой свысока, всегда с сочувствием относилась к проблемам и конфликтам, омрачавшим Сарину жизнь, и одновременно описывала неловкого подростка, каким была сама, когда ее еще звали Астрид Эриксон. Умного, глубоко меланхоличного, бунтующего, томящегося, переживающего кризис идентичности подростка из провинциального городка 1920-х. Она как бы заново и постепенно проживала собственную юность. Воспоминания с силой нахлынули весной 1972 года, когда Сара в чрезвычайно драматичном письме рассказала о своем коротком пребывании в детской психиатрической лечебнице, куда ее поместили из-за панических приступов и неоднократных стычек с семьей. Никогда еще Сара не чувствовала себя такой «страшной, глупой, придурковатой и ленивой». Астрид Линдгрен ответила сразу же. И начала свое сочувственное письмо с нежных слов: «Сара, моя Сара», которые, как название романа «Мио, мой Мио!», можно адресовать каждому человеческому детенышу, который в буквальном и переносном смысле одиноко сидит в пустом парке на лавочке:

> «„Страшная, глупая, придурковатая, ленивая“, – пишешь ты о себе. О том, что ты не глупая и не придурковатая, я точно знаю из твоих писем, а насчет остального сказать ничего не могу. Но когда тебе тринадцать, ты всегда кажешься себе некрасивым, – я в твоем возрасте была уверена, что страшнее меня на свете нет и никто никогда в меня не влюбится. Однако со временем оказалось, что все не так плохо».



Письма Сары и конверты с надписями вроде «Содержание: одни помои» отражали низкую самооценку девочки. Астрид Линдгрен это инстинктивно понимала, и 12 июня 1975 г. написала своей юной подруге: «Все мы хотим любви, это верно, и, думаю, большинство девочек ужасно сомневаются, что могут быть любимыми». (Фотография: Национальная библиотека / Saltkråkan)

Переписка достигла кульминации с выходом в 1973–1974 годах «Братьев Львиное Сердце». Астрид была ужасно занята. Не только в связи с интервью и чтениями в Швеции и за рубежом, но и потому, что потеряла нескольких близких. Прежде всего – старшего брата, почти ровесника, Гуннара. В юности он был ее ближайшим доверенным другом-мужчиной; ему в письмах, зачастую полных черного юмора, она могла поверить тайны неукротимого девичьего сердца.

И именно в 1974 году, когда она скорбела по безвременно ушедшему Гуннару, все на свете, казалось, решили обсуждать с писательницей ее книгу «Братья Львиное Сердце».

Двадцатилетняя Кати – главная героиня и рассказчик в трех книгах Астрид Линдгрен: «Кати в Америке», «Кати в Италии» и «Кати в Париже», которые в 1950–1953 гг. вышли в Швеции, а несколькими годами спустя и в Дании. (Фотография: Йенс Андерсен)

И Сара. Ей был выслан экземпляр с посвящением, она накинулась на книгу, а затем прочитала «глупую», как она в утешение написала Астрид, рецензию в газете «Дагенс нюхетер». Как может кому-то не нравиться такая безумно интересная и одновременно теплая, утешительная книга? На это у Астрид Линдгрен ответа не было. Зато ей было что сказать о другом – о том, что зимой 1973/74 года теперь уже пятнадцатилетняя девочка влюбилась в своего учителя. Жизнь и любовь постепенно так перепутались в сознании Сары, что в декабре 1973 года она вложила в письмо Астрид листок бумаги, на котором попыталась себя проанализировать:

> «Я долго думала, в чем причина того, что я не жила по-настоящему. В своих размышлениях я дошла до того, что в этом виноваты фальшь и утрата собственного „я“. А я ведь так хотела быть собой. Но кем я была? К тому же я, по-моему, не знаю никого, кто был бы самим собой».

Астрид Линдгрен так очаровало письмо Сары, что в новогодний вечер – время, когда она обычно избегала всякого

общества и наслаждалась одиночеством, делая ежегодные записи об ушедшем годе, под музыку Бетховена и Моцарта, с хорошей книгой в руках, – писательница села отвечать. За пишущей машинкой в последние часы уходящего года она предавалась размышлениям, которые завели ее в прошлое, в юные годы в городке Виммербю: «Вот ты пишешь о себе, а я, кажется, узнаю в этом многое из того, что занимало меня в твои годы». И отдельно Астрид Линдгрен комментирует философское начало анализа Сары, где девочка пишет о нежелании человека проявить свое истинное «я»:

> «Нет, как же ты все-таки права! Целиком и полностью никто не открывается, хотя бы изо всех сил и хотел это сделать. Но все мы заперты в своем одиночестве. Все люди одиноки, хотя многих окружают столь многие, что своего одиночества они не понимают или не замечают. До одного прекрасного дня… Но ты влюблена, и это чудесное состояние».

Описание влюбленности в учителя в саморазоблачающем рождественском послании Сары тронуло Астрид Линдгрен. Линдгрен тщательно избегала нравоучений и предостережений. Вместо этого она написала (и повторила в нескольких последующих письмах), что любовь – лучшее лекарство от страха и неуверенности: «Влюбленность, хотя бы и „несчастная“, обостряет вкус к жизни, тут и сомнений быть не может».

Сара Юнгкранц и Астрид Линдгрен никогда не встречались и ближе друг к другу, чем в письмах 1972–1974 годов, они не стали. Исключение – письмо, написанное в 1976 году. В нем теперь уже семнадцатилетняя Сара рассказывала о том, что нашла для себя, перечитывая трилогию Астрид 1950–1953 годов о юной Кати с улицы Каптенсгатан. Книги о девушке, побывавшей в США, Италии и Париже, вызвали в Саре «охоту к перемене мест» и вкус к жизни, но еще ей хотелось знать, не послужила ли сама восемнадцати-девятнадцатилетняя писательница прообразом главной героини: «Неужели в юности Вы чувствовали себя как Кати?»

Любопытный вопрос заставил шестидесятивосьмилетнюю Астрид Линдгрен вспомнить о том, что́, разбирая бумаги, она нашла среди пожелтевших листков и писем непростого 1926 года – года, когда ей пришлось покинуть отчий дом:

> «Я нашла клочок бумаги, вложенный в письмо… мне было примерно столько же лет, сколько тебе, когда я это написала: Life is not so rotten as it seems[1]. Но, как и ты, я

думала, что жизнь паршива. Так что, может, книги о Кати немного „вральные“ (как говорила Сара. – *Ред*.), если относиться к ним как к рассказу о том, что значит быть по-настоящему молодой. Но Кати же успела немного созреть, она не настолько юна. В свои 19–20 лет я постоянно хотела расстаться с жизнью и жила с одной девушкой, которая хотела этого еще больше. <…> Но позже мало-помалу начала приспосабливаться, и жизнь стала довольно приятной. А теперь, в моем нынешнем преклонном возрасте, я считаю, что радоваться довольно трудно, учитывая, что мир таков, каков он есть, и то, что я более не молода, служит мне утешением. Боже, как это бодрит. Внезапно обнаружила я. Прости! <…> Пока, Сара. Life is not so rotten as it seems».

А-ля гарсон

От пятнадцати до двадцати пяти успеваешь прожить примерно четыре разные жизни», – заметила Астрид Линдгрен в немецкой телепрограмме 1960-х об этапах жизни женщины. Излучая естественное обаяние, благодаря которому в конце 1940-х превратилась в звезду шведского радио, она рассказала о том, как это захватывающе – всего за десять лет побывать четырьмя разными женщинами:

> «Давайте начнем с первой: какой я была в пятнадцать лет? Я прекрасно понимала, что взрослая, и мне это не нравилось».

28 августа 1924 г. Анне-Марие исполняется 17 лет, и ее лучшие подруги Соня, Мэрта, Грета и Астрид (справа), нарядившись молодыми людьми, окружают прелестную Мадикен. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

И вот неуверенная, временами несчастная, одинокая пятнадцатилетняя девочка, которая находила утешение и смысл в мире книг, в шестнадцать-семнадцать лет превратилась в прогрессивную, современную девушку-экстраверта:

> «За очень короткое время я изменилась до неузнаваемости, в один день превратившись в настоящую „jazz girl“: мое превращение совпало с джазовым прорывом золотых двадцатых. Я коротко постриглась – к ужасу моих родителей-крестьян, державшихся общепринятого».

В 1924 году Астрид Линдгрен (урожденную Эриксон), которой еще не было семнадцати, захватил молодежный бунт, добравшийся до Виммербю. В городке имелись кинотеатр, театр, миссионерский книжный магазин и коллектив народного танца «Смоланнингарне», но юной любительнице танцев хотелось двигаться под современную музыку. Летом танцевали на уличных танцплощадках, зимой – в гостинице «Стадсхотеллет»: по субботам там проходило «суаре с танцами». Как правило, в начале вечера давали небольшой концерт, где юноши и девушки чинно и благородно сидели на разных рядах, а с девяти вечера до часу ночи были танцы под новейшие шлягеры «в суперкрасочном окружении при магическом освещении», как рекламировали, заманивая посетителей, «Стадсхотеллет» на первой полосе газеты «Виммербю тиднинг» в 1924–1925 годах.

Юная Астрид из пасторской усадьбы Нэс, придав лицу «правильное» модное выражение, становится похожей на самоуверенную эмансипированную женщину в стиле Эдит Сёдергран. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В то время лучшая подруга Астрид Анне-Марие Ингстрём, по прозвищу Мадикен (в замужестве Фрис), еще ходила в длинных женственных платьях, которые одновременно скрывали и

подчеркивали начавшие округляться формы. У красавицы, выросшей на белой вилле директора банка Фриса в буржуазном квартале Прэстгордсалле, были длинные темные волосы, которые она с удовольствием демонстрировала на фотографиях, запечатлевших пышный расцвет традиционной чувственной женственности. Астрид же, напротив, начала носить «мужскую» одежду. В ее гардероб прокрались длинные брюки, пиджак и галстук; шляпа или кепка нахлобучивались на коротко стриженную голову, в которой, как позже в одном интервью призналась Астрид, ощущалась нехватка приземленных, здравых мыслей, царила неразбериха, а разрозненные цитаты из Ницше, Диккенса, Шопенгауэра, Достоевского и Эдит Сёдергран уживались с кинематографическим образом Греты Гарбо и современных *femme fatale*:

> «В Виммербю было около трех с половиной тысяч жителей, я первая в городе коротко постриглась. Бывало, люди на улице подходили, просили меня снять шляпу, показать стриженую голову. Примерно в то же время французский писатель Виктор Маргерит издал свою „La Garçonne“ („Холостячку“), скандальный роман, получивший мировую известность. Думаю, девушки всего мира пытались походить на Ля Гарсон – я, по крайней мере, пыталась».

Роман Виктора Маргерита стал культовым для многих юных женщин, мечтавших о восстании против устаревшего гендерного стереотипа и викторианской благопристойности. В 1920-е в мире было продано более миллиона экземпляров «Холостячки». Моника Лербье, главная героиня романа, – бельмо в глазу буржуазии. Она коротко, под мальчика, остригла длинные волосы, надела пиджак и галстук, курит и пьет на людях (что позволено лишь мужчинам), самозабвенно танцует и рожает ребенка вне брака. Эта самоуверенная женщина, добившаяся всего самостоятельно, семье предпочитает свободу и хочет быть полноправной хозяйкой своей жизни.

Образ «холостячки» мгновенно стал глобальным феноменом моды, шокируя мужчин своей андрогинностью. Внезапно крупные города всего мира наводнили коротко стриженные женщины, одетые в мужской костюм или бесформенное платье и шляпу-колокол. Этот двуполый гардероб посылал недвусмысленный сигнал окружающим. Современная молодая женщина не желала походить на своих мать и бабушку. Она отказывалась от корсета и длинных тяжелых платьев в пользу более функциональной одежды, не стесняющей свободу движения. В сочетании с

прической а-ля гарсон эта одежда приближала женщин к представителям противоположного пола, с которыми они, как никогда раньше, пытались соревноваться.

Любопытная, начитанная, культурная молодая женщина, Астрид Эриксон смотрела на большой мир через призму газет, журналов, книг, кино и музыки и знала о суматохе, поднявшейся вокруг новой женской моды за пределами Смоланда. Некоторые авторы-мужчины в скандинавских газетах и журналах почитали своим долгом отговаривать женщин от короткой стрижки. «Фокстрот», как еще называли стрижку а-ля гарсон, награждали едва ли не расистскими эпитетами: «стрижка под апача», «готтентотские волосы», и за этими пугающими определениями скрывался страх перед новой гендерной ролью женщины. Возможно, в будущем мужчина утратит свою значимость? Не совсем так. Большинство юных женщин, вдохновленных «Холостячкой», мечтали о безопасности и семье, муже и детях. Новым во всем этом было желание работать, быть товарищем мужчине и, главное, хозяйкой своему телу, своей сексуальности.

Насколько Астрид Эриксон с ее мальчиковой внешностью и стоявшими за новой модой взглядами на жизнь подходила эта роль, видно по фотографиям с семнадцатилетия Анне-Марие в августе 1924-го. На фотографиях четыре «молодых человека» – Соня, Мэрта, Грета и Астрид – окружают женственную именинницу. Конечно, это была шутка. Четыре подруги составили две композиции, на которых предстали соперниками, стоящими вокруг красавицы на коленях. По сравнению с тремя другими «поклонниками», в Астрид Эриксон чувствуется какая-то независимость и самодостаточность. Она не играет роль, она остается собой. «Пацанкой». Той Астрид, которой безразлично, с кем играть, с мальчиками или девочками, и которая, страдая от неуверенности, все же хотела быть только девочкой. Вот что она рассказала газете «Гётеборгспостен» 22 мая 1983 года: «Может, оттого, что дома, в Нэсе, мы не придавали этому значения, и мальчики, и девочки играли друг с другом одинаково бурно».

Самуэль Август и Ханна Эриксон с детьми. Слева направо: Ингегерд (на коленях у отца, р. 1916), Астрид (р. 1907), Стина (р. 1911) и Гуннар (держит мать за руку, р. 1906). (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

То же «мальчиковое» обаяние бросается в глаза и на других фотографиях Астрид Линдгрен 1920-х – начала 1930-х годов. На них стройная женщина лет двадцати – двадцати пяти в длинных брюках, к которым теперь добавились жилет и бабочка. Эта женщина демонстративно курит, поза ее вызывающа, а улыбка на некоторых фотографиях высокомерна и лукава. Эта молодая женщина в мужском костюме неприкосновенна и самостоятельна – иллюстрация к сильным, полным самоосознания стихам ее любимой поэтессы Эдит Сёдергран «Современная девственница», о девственнице нового времени:

Я не женщина. Я – средний род.
Я – ребенок, паж и быстрое решение,
Я – смеющаяся полоска багряного солнца…
Я – сеть для прожорливой рыбы,
Я – чаша всеобщей женской чести,
Я – шаг к случайности и разврату,
Я – прыжок к свободе и самости…

Из того же теста сделаны юные, по-мужски активные девушки из книг Астрид Линдгрен «Бритт-Мари изливает душу» (1944),

«Черстин и я» (1945) и в особенности из серии о свободолюбивой Кати. В первой книге трилогии двадцатилетняя сирота-рассказчица едет в Америку. Там, в «благословенной» стране, она невольно сравнивает себя и свой пол с Колумбом и поколениями мужчин-завоевателей, и ее охватывает гнев. Потребность быть в оппозиции и, если нужно, громко протестовать неотделима от женской природы Кати:

> «– О да, мужчины – дико неуемное, авантюрное и прекрасное племя! Почему мы, женщины, никогда не открываем новых частей света?!
>
> – Вообще говоря, плохо быть всего-навсего женщиной»[2].

Что скажет мама?

То, что бунт Астрид Эриксон в 1924 году привлек такое внимание в Виммербю, отчасти объяснялось статусом ее родителей, отнюдь не рядовых крестьян. Арендатор приходских земель и церковный староста Самуэль Август Эриксон (1887–1969) был уважаемым фермером, прекрасно разбирался в животноводстве и земледелии. Он знал толк в людях и много лет занимал разные общественные посты, как и его прилежная умница-жена Ханна Эриксон (1879–1961). Она блестяще управлялась с большим хозяйством в Нэсе, где, кроме них с мужем, жили четверо детей и прислуга, помогавшая в поле и на хуторе. Кроме того, Ханна состояла в городском попечительском обществе, заботившемся о бедных, детях и болящих. Ее птичий двор был знаменит и в городе, и во всей округе: куры Ханны регулярно занимали первые места на рынках и выставках домашних животных. Глубоко набожная Ханна строго следила за нравственностью в собственном доме: все четверо детей посещали воскресную школу и – непременно – церковь.

Постригшись под героиню Виктора Маргерита, Астрид позвонила на хутор Нэс, надеясь поговорить с Самуэлем Августом, который наверняка отнесся бы к поступку дочери снисходительнее, чем мать, хотя вряд ли с бóльшим пониманием. Отец выслушал и мрачно заметил, что Астрид стоит подождать с возвращением домой. Но та стояла на своем: в демонстрации и был смысл бунта. По той же причине спустя какое-то время она стала распространять свои бунтарские настроения в семье: на семейном празднике согласилась постричь юную родственницу. Об этом происшествии пожилая Линдгрен рассказывает в

интервью «Голос Астрид» – а еще о том, как бабушка Ловиса дала обеим девушкам понять, что вообще-то ей нравится короткая стрижка Астрид.

Но прием, оказанный ей в родном доме, Астрид Линдгрен запомнила навсегда. Она вошла в кухню, села на стул. Наступила мертвая тишина. «Никто не произнес ни звука, они молча ходили вокруг меня». Как отреагировала тогда Ханна, что она сказала, неизвестно, но, без сомнения, позже, наедине с Астрид, мать выразила свое мнение недвусмысленно. Бунтарские сцены и безудержные самоманифестации были в семье Эриксон редки, и если вдруг кто-то из четырех детей забывался, их ругала или наказывала именно мать. Умение поддерживать дисциплину не относилось к числу педагогических талантов Самуэля Августа. Вот что рассказывала Астрид Линдгрен:

> «Помню, как однажды восстала против матери. Я была совсем крохой, лет трех-четырех, и вот в один прекрасный день сочла, что мама глупая, и решила уйти из дома – в уборную. Вряд ли я там долго просидела, но, вернувшись в дом, обнаружила, что брату и сестрам раздали леденцы. Мне это показалось такой несправедливостью, что в ярости я пнула маму. Меня отвели в столовую и хорошенько наподдали».

Виммербю, август 1909 г. Самуэль Август, Ханна и двое старших детей, Астрид и Гуннар, в гостях у родственников. Как и

на многих других более поздних фотографиях, Астрид Линдгрен обнимает отец. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Таким было детство Астрид, Гуннара, Стины и Ингегерд в Нэсе. Никто из них не сомневался в материнской любви, но если Самуэль Август не скупился на объятия, то Ханна была очень сдержанной. Так что именно перед Ханной приходилось держать ответ юным Эриксонам, когда длинными летними вечерами, танцуя в парке под гармонику среди флуоресцирующих берез или мечтая на лавочке у водонапорной башни, они забывали о времени. Со всех ног бежали они домой по Прэстгордсалле и, осторожно отворяя дверь, больше всего беспокоились о том, что скажет мама.

«Нас воспитывала она – не помню, чтобы Самуэль Август когда-нибудь вмешивался» – так в 1970-е годы писала Астрид Линдгрен в чудесном, полном нежности эссе о родителях «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта». В эссе рассказывается и о богатой душевной жизни матери, о том, что Ханна, как и Самуэль Август, владела даром слова и этот дар передался всем их детям. В интервью «Афтонбладет» 4 июня 1967 года Астрид Линдгрен призналась:

> «Когда было время, мама сочиняла стихи. Она записывала их в поэтическую тетрадь. Из них двоих мама была самой умной, и она была сильнее отца. Отец очень, очень любил детей».

И Самуэль Август, и Ханна предъявляли требования, не подлежавшие обсуждению: дети должны помогать по хозяйству, на дворе и в поле. Круглый год, часто перед уходом в школу в Виммербю и даже в самый день конфирмации, дети прекрасно успевали собрать свеклу, помыться и переодеться. Параллель с этим неустанным сотрудничеством детей и взрослых и с основной педагогической мыслью о том, что труд облагораживает, мы находим в книге «Черстин и я» о близнецах Черстин и Барбру. Читатель знакомится с родителями девочек, чьи отношения во многом напоминают взаимную привязанность и солидарность, царившие в отношениях Ханны и Самуэля Августа. Прилежная, всюду поспевающая умница-мать из книги, вышедшей осенью 1945 года одновременно с первой книгой о Пеппи Длинныйчулок, – этакий семейный полководец, обладающий деловой хваткой и зорким глазом. Отец, напротив, непрактичный мечтатель, чья сила – в обожании жены и детей. Сам он так говорит о своем отношении к дочкам-близняшкам: «Я из тех несчастных родителей, что бьют своих детей исключительно для

самозащиты».

В начале книги этот мягкий человек в окружении трех сильных женщин как раз вышел в отставку в чине майора и уговорил жену и детей покончить с жизнью в большом городе и обосноваться в родовой усадьбе Лильхамра. Усадьба много лет простояла без хозяина и теперь нуждается в заботливых руках… мягко говоря. Затея оборачивается каторжным трудом для всех членов семьи; снова и снова мать вынуждена напоминать своим «пацанкам», что труд не только объединяет людей, но и закаляет характер. Квинтэссенция этой практичной философии – два тезиса, заученные Астрид еще в детстве, в Нэсе, в 1910–1920-е годы: «Откажись от малого, чтобы достичь большего» и «Лишь тот, кто умеет работать и любить работу, способен стать счастливым».

Представление о необходимости терпеть лишения и работать до изнеможения Астрид Эриксон пронесла через всю взрослую жизнь. Ее дочь Карин Нюман рассказывает, что в 1930-е и во время войны мать ухитрялась извлечь максимум из скромных доходов семьи, в частности, потому, что работала «за двоих». В том же темпе Линдгрен продолжала трудиться многие годы после войны, да и большую часть жизни, на свой особый лад, без надрыва:

> «Мама умела работать неутомимо, без напряжения и лишней суеты, и легко переключалась: отвечала на письма, работала и занималась домашними делами – стелила постель, убирала со стола после завтрака, мыла посуду после ужина. Все это автоматически, как чистка зубов, все быстро и эффективно».

Урок немецкого в реальной школе в Виммербю около 1920 г. На доске за спиной адъюнкта Тенгстрёма – надпись «Zungeübungen»[Упражнения на отработку произношения ***(нем.)***].

Справа с краю стоит и машет рукой девочка. Это не Пеппи Длинныйчулок, а Астрид Эриксон, одна из самых способных и старательных учениц класса, в том числе и на уроках немецкого. (Фотография: Архив коммуны Виммербю)

Для Астрид Линдгрен умение отказывать себе и много трудиться было настолько очевидной добродетелью, что своим детям она никогда не пыталась преподнести это в форме нравоучения. Зато, вспоминает Карин Нюман, рассказывала, что черпает силы в одном увещевании, которое слышала от Ханны всякий раз, когда ребята уставали от полевых работ и рвались в школу:

> «„Главное – не останавливайтесь, продолжайте, старайтесь“, – говорила Ханна, когда ее дети занимались нудной работой вроде прореживания свеклы или вязания снопов после косьбы. И взрослой, сталкиваясь с трудной задачей, Астрид бессознательно повторяла те движения, что делала ребенком, перевязывая сноп, – как будто настраивалась, брала разбег перед препятствием».

Девочка с ручкой

В мае 1923 года школьная жизнь для пятнадцатилетней Астрид Эриксон закончилась, о чем она, впрочем, не сожалела. И хотя девочка хорошо успевала в школе, а заключительное экзаменационное сочинение по шведскому языку писала на высоконравственную тему «Значение монастырей в Средневековье», она часто ощущала себя так же «по-мальчишески», как одна из сестер в книге «Черстин и я»:

> «По всему телу пробегали мурашки, хотелось закричать, бешено замахать руками. Я лучше себя чувствовала, когда двигалась и была занята».

Хулиганкой она не была, но ощущала в теле какое-то беспокойство. Это видно на старой фотографии ее класса: все дети сидят чинно-благородно, уставившись на фотографа, – все, кроме Астрид Эриксон, которая стоит и машет рукой. Маленькая, стройная, гибкая, еще не стриженная, с косичками. Так ее вспоминала Грета Фальстедт, девочка постарше из родного города писательницы, в газете «Виммербю тиднинг» в связи с юбилеем Астрид Линдгрен в 1997 году: «Она уже тогда была живчиком. От нее словно искры летели». Все оценки Астрид за письменные выпускные экзамены по окончании реальной школы в 1923 году были хорошими. Из всех сочинений – по шведскому, немецкому и английскому языкам – лучшим было шведское. Рассказывая о трудолюбивых монахинях прошлого, пятнадцатилетняя школьница обнаруживала богатое воображение и чувство юмора:

> «Много времени монахини тратили и на рукоделие. Они искусно вышивали престольные покровы, вязали кружева, шили одежду и еще много чего умели. Такие эти монахини были искусницы, что, если б им разрешили выходить замуж (чего не случилось), приданое поразило бы всех своей роскошью».

Мы не знаем, какие споры об обеспечении и будущем старшей дочери велись в родительской спальне в 1923–1924 годах, о чем тихо переговаривались Ханна и Самуэль Август, лежа в кроватях, прежде чем помолиться и задуть свечу. В автобиографических описаниях райской жизни в Нэсе Линдгрен очень мало говорит о том, что думали и делали ее родители, когда дети, с их точки зрения, поступали неправильно.

Так, мы не знаем, одобрила ли Ханна решение своей пятнадцати-шестнадцатилетней дочери поступить, когда представилась возможность, журналистом-практикантом в

«Виммербю тиднинг». А что об этом думал Самуэль Август? Может, он заранее обо всем договорился с главным редактором газеты? Ханна наверняка беспокоилась и сопротивлялась. Женщина-журналист в то время была в диковинку, пресса оставалась миром мужчин, ее не коснулся демократический прорыв в области защиты прав женщин в Швеции около 1920 года. И все же нельзя исключить, что Ханна хотя бы в глубине души поддержала желание дочери развивать писательский дар и обрести себя в мире слов. Желание, которое когда-то лелеяла сама Ханна. В воспоминаниях о Самуэле Августе из Севедсторпа и Ханне из Хульта Астрид Линдгрен рассказывает, что в молодости еще незамужняя мать мечтала развить и реализовать свои способности к чтению и письму:

> «Она была одаренной девочкой, судя по сплошным „отлично“ в школьном аттестате, по всем предметам без исключения. Когда-то она лелеяла надежду стать учительницей, но ее мать была против. Чувствовала ли она, что, выходя замуж, от чего-то бесповоротно отказывается?»

Возможно, Ханна и беспокоилась, и гордилась работой умницы-дочки в ведущей газете города. Как уже говорилось, женщина, особенно молодая, крайне редко получала возможность писать для газеты и как-то влиять на поток новостей. Со времени так называемого «Движения современного прорыва» 1870-х в Скандинавии появлялись женщины-журналисты, но их было немного, и в Швеции 1920-х мало что менялось, хотя роман Элин Вагнер «Ручка» (1910) привлек интерес к этой новой для женщин сфере умственного труда. Находчивая и воинственная Барбру, главная героиня романа, была не просто современной женщиной, которая самостоятельно себя обеспечивала, – она была новым типом энергичной женщины, формирующей общественное мнение. Этот новый тип женщины назвали «ручкой», благодаря ей на повестку дня была вынесена дискуссия об избирательном праве для женщин и цели жизни женщины вне дома. В «Ручке» и другом своем, дебютном, романе – «Мужчины и другие несчастья» (1908) – Элин Вагнер предсказала исход молодых женщин, подобных Астрид Эриксон, из деревни в город. Вагнер писала:

> «Но подождите, пока самостоятельные женщины в полную силу примутся создавать свои дома по всему Стокгольму. Тогда возникнет множество малых центров силы, и мир удивится тому, на что мы способны».

В Швеции 1920-х журналистам не обязательно было получать высшее образование. Обучение проходило в самих редакциях: принято было считать, что человек или родился для этой работы, или нет. Как в случае с Астрид Эриксон, на работу «волонтером» (так в то время называли журналиста-практиканта) принимали, если у претендента был талант (и хорошие связи). Обучение, таким образом, было индивидуально, в разных газетах проходило по-разному, а значит, испытательный срок мог колебаться от двух месяцев до двух лет.

Четыре товарища по играм из Нэса, вооруженные лопаткой, совком и тележкой. Слева направо: Гуннар, Астрид, дочь скотника Эдит, которая читала вслух Гуннару и Астрид незабываемые сказки, и внучка пастора из соседнего дома. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Тем, что Астрид Эриксон в столь юном возрасте устроилась на работу в «Виммербю тиднинг», она была обязана главному редактору и владельцу газеты Райнхольду Блумбергу (1877–1947). За несколько лет до этого он имел случай убедиться в выдающихся литературных способностях девочки. Астрид училась в школе с детьми Блумберга, и однажды, в августе или сентябре 1921 года, в кабинет главного редактора на Сторгатан пришел адъюнкт Тенгстрём, преподававший в школе шведский, немецкий и английский. Учитель хотел продемонстрировать Блумбергу необыкновенное сочинение, написанное тринадцатилетней Астрид Эриксон. Разве не стоит напечатать это в газете? Сочинение начиналось так:

> «Дивное августовское утро. Солнце только встало, и астры на клумбе посреди двора приподняли отяжелевшие от росы головки. Как тихо повсюду на хуторе. И ни души. Нет, постойте: вот, увлеченно переговариваясь, идут две девчушки».

Главный редактор Блумберг не был журналистом или писателем, но прекрасно видел разницу между плохим и хорошим рассказчиком. Очень важная способность в те времена, когда газетная индустрия менялась и вместо тенденциозных старомодных газет появлялись современные информационные издания, адресованные всей семье. Продажи теперь зависели не только от рекламных объявлений, некрологов, дебатов и морализаторства. Читатели будущего хотели информации и развлечений. И предприниматель Блумберг это понял.

«На нашем хуторе» – так называлось сочинение Астрид Эриксон – напечатали в «Виммербю тиднинг» 7 сентября 1921 года. Текст, который читателю рекомендовали как «…пробу пера юного дарования, обладающего необыкновенным чувством стиля», сочетал, по большому счету, все, что можно требовать от современной развлекательной журналистики: обозначение места действия в первом предложении, изображение людей, которых легко представить и запомнить, бездну энергии и чувство языка. К тому же автор говорил о чем-то знакомом. О том, с чем взрослые читатели обоих полов и всех возрастов могли себя идентифицировать, о чем они тосковали. О том, что позже станет одной из центральных тем в творчестве Астрид Линдгрен: о беззаботных детских играх.

В 1920 году почти все игры деревенских детей проходили на свежем воздухе, и в них присутствовала тесная связь между человеком, животными и природой. Собственное детство Астрид Эриксон – когда младшие Эриксоны не участвовали в полевых работах – было заполнено играми, Астрид часто повторяла, что они играли до потери пульса. Вот что она писала в небольшом очерке-воспоминании из книги «Три сестры и брат рассказывают свою историю»:

> «Игры, как много они для нас значили! Каким было бы мое детство без игр! Да и вообще, что за детство без игр?»

В школьном сочинении, напечатанном «Виммербю тиднинг» в 1921 году, рассказывалось о жизни, полной активных игр, и эта жизнь для тринадцатилетнего автора заканчивалась. Перед читателем представали две девочки в разгар подготовки пышных

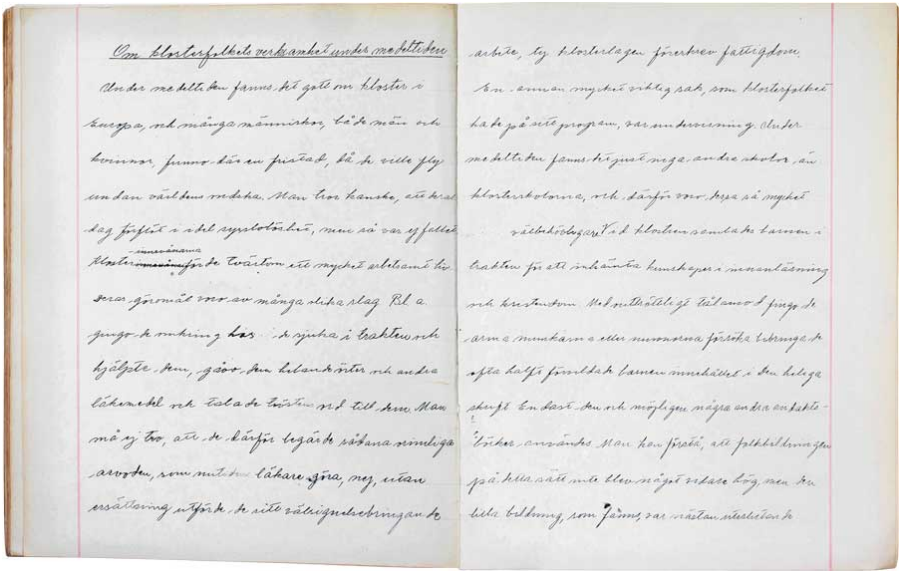
похорон дохлой крысы. Очень серьезно и уважительно длиннохвостого зверька заворачивали в красивый белый носовой платок и аккуратно укладывали в могилку. И вот настал момент, когда зверьку предстояло отправиться на Небеса:

> «Малыши стояли серьезные и молчаливые. Майя ради приличия даже выдавила слезинку. И солнце улыбнулось, и астры, шепчась, сблизили головки. А может, это подул ветер».

После похорон крысы не устраивали поминок, не пили кофе в жилом доме – нет, кучка ребятишек в сумерках затеяла новую игру. Правда, на этот раз договориться никак не удавалось. Потихонечку всеми овладела усталость и вялость, и в итоге дети разошлись. Однако в конце автор ставит не точку, а восклицательный знак, потому что завтра будет новый день, а значит – новые игры: «Спокойной ночи, хулиганы!»

Физика для журналистов

Редактор Блумберг не забыл ни сочинения, ни автора. Может быть, ему показывали и другие пробы пера юной Астрид Эриксон. Так время от времени поступали его старшие дети, когда учитель Тенгстрём зачитывал в классе ее работы. Доныне неизвестные и неопубликованные школьные тетради говорят о масштабе ее таланта. Пять разных сочинений 1921 года по шведскому языку, помимо «На нашем хуторе» и выпускного сочинения 1923 года о жизни монастырей, написаны молодым, но уже искусным рассказчиком, который прекрасно владеет всей палитрой языковых средств, жанров и стилей, находящейся в его распоряжении, и стремится избегать однообразия.



В начале мая 1923 г. пятнадцатилетняя Астрид Эриксон написала выпускное сочинение в реальной школе о деятельности монастырей, в котором хвалила монахов и монахинь прошлого за способность «доносить до детей, часто совершенно сбитых с толку, содержание Священного Писания». (Фотография: Региональный архив Вадстены)

«Мы, остальные, писали так обыкновенно, – замечает 90-летняя Грета Рундквист в «Виммербю тиднинг» 11 ноября 1997 года. – Уже в школе сочинения Астрид были необычными, их часто зачитывали учителя, видевшие талант». Рассказ об одинокой прогулке из Виммербю до Крёна, о рождественском вечере в Нэсе, байки о местном путешественнике в Америку или отчет о любопытном опыте на уроке физики – любой ее текст был живым и интересным. Потрясающий пример – сочинение «Электрический эксперимент», написанное в декабре 1921 года. Четырнадцатилетнюю Астрид попросили написать доклад по физике, и она решила взяться за дело как настоящий журналист. «Газетный» репортаж, сдобренный прямой речью, может вызвать интерес даже у самого далекого от физики читателя:

> «– Итак, мы проведем опыт, – сказала фрёкен Х. и принесла шесть колбочек с металлическими стержнями. – Что это, как вы думаете? – спросила она.
>
> Наступила глубокая тишина.
>
> – Это электроскоп. И сейчас я вам расскажу, из чего он состоит. Это стеклянная колба с эбонитовой пробкой.

Через пробку в колбу идет металлический стержень. На верхушке стержня находится матовый шарик из станиоля, а на конце его – две золотые пластинки. Сегодня мы будем работать с электроскопом, – закончила Х. свое вступление.

Затем мы разделились на группы, каждая группа получила электроскоп и эбонитовую палочку.

– А зачем нам эбонитовые стержни? – закричали мы.

– Чтобы зарядить электроскоп, – ответила фрёкен.

– А как с ней обращаться?

– Сейчас расскажу, если мне позволено будет слово вставить, – вы столько болтаете, что это едва возможно. Итак, вы уже знаете, что предмет можно наэлектризовать, если его потереть. Сейчас вы потрете свои эбонитовые стержни шерстяной тряпочкой. Затем подведете к станиолевому шарику на электроскопе, прижмете палец к шарику, уберете палец, а затем уберете эбонитовый стержень. Видите, золотые пластиночки, которые до этого были рядом, разошлись. Как же так получилось?

– Я знаю! – закричала одна девочка. – Есть два типа электрического заряда, положительный и отрицательный. Золотые пластинки зарядили одним и тем же типом заряда, а потому они отталкиваются. Одноименно заряженные частицы отталкиваются, а разноименные – притягиваются друг к другу.

– Совершенно верно, – сказала фрёкен Х.».

Более года спустя, летом 1923-го, сдав экзамен в реальной школе, Астрид Эриксон поступила практиканткой в «Виммербю тиднинг». Месячная зарплата в шестьдесят крон была тогда обычной в Швеции платой стажерам – за эти деньги они не только писали некрологи, небольшие заметки и рецензии, но и сидели на телефоне, вели журналы, вычитывали корректуру и бегали в город по поручениям.

Первым, с кем Астрид начала всерьез переписываться, был ее старший брат Гуннар. В 1922–1926 гг. он обучался сельскому хозяйству в Сконе. В те годы брат и сестра часто друг другу писали, у них был собственный иронично-высокопарный жаргон, часто Астрид сопровождала свои письма иллюстрациями.

На этом рисунке – один особенно красивый партнер Астрид по танцам летом 1925 года. Комментарий к рисунку следующий: «Я удостоилась чести танцевать с исключительным красавцем – финансовым атташе, он танцевал божественно!» (Фотография: Йенс Андерсен)

«Виммербю тиднинг» выходила два раза в неделю – восемь

полос в формате таблоида, сдобренных рекламой и официальными сообщениями. Газета публиковала разрозненные новости – отечественные и зарубежные – на самые разные темы, от международной политики и природных катастроф до историй об очередной незамужней шведке, предположительно задушившей или утопившей своего новорожденного ребенка. В развлекательных разделах печатали статьи о спорте, моде и домашнем хозяйстве, кроссворды и популярную рубрику «Там и сям», содержавшую короткие и захватывающие истории о преступлениях, несчастных случаях и странных событиях, происшедших на шведской земле. Эти любопытные истории из реальной жизни наверняка привлекали одаренную богатым воображением усердную практикантку, когда той представлялся случай испытать свои силы. В рубрике «Там и сям» можно было прочитать сообщение о пожилом мужчине из Хультсфреда, который весной 1925 года должен был произнести речь над свежевырытой могилой своего друга, но внезапно сам упал замертво, или не менее сенсационную историю о похоронах в Мульсерюде, где женщина, не разговаривавшая двадцать два года, вдруг обрела дар речи на отпевании своей матери.

В розницу «Виммербю тиднинг» стоила десять эре, а за годовую подписку надо было выложить четыре кроны. Ежедневный тираж был стабильным, составлял примерно 5000 экземпляров, и хотя Райнхольд Блумберг и не обладал монополией на городские новости, конкурирующее издание «Нюа постен» было вполовину меньше и не могло себе позволить ни такого количества объявлений и информационно-развлекательного материала, ни такого числа сотрудников и информаторов в пригородах Виммербю.

Что именно успела юная Эриксон написать для газеты за два с лишним года, пока работала в «Виммербюской сплетнице», как называла газету в письмах к старшему брату Гуннару, учившемуся в Сельскохозяйственной школе в Сконе, сказать трудно, поскольку почти все статьи выходили без подписи. Но в рекомендации Райнхольда Блумберга, которую тот дал Астрид в августе 1926 года, когда той пришлось уйти из газеты, написано, что девушка была способной, бдительной, в высшей степени прилежной ученицей и за два года успела подготовить разнообразные материалы. Из письма следует, что Астрид Эриксон выполняла всевозможную работу в редакции, в том числе секретарскую, и буквально рвалась в бой. Всегда «в хорошем настроении и с похвальным усердием», подчеркивал главный редактор.

О том, как сильно юная Астрид Эриксон мечтала о

журналистском будущем, брату Гуннару, который тоже хотел быть журналистом, но, как единственный сын фермера, изучал сельское хозяйство, стало известно из ее письма от 18 марта 1925 года. Ликующая, счастливая сестра сообщала, что скоро поедет в Стокгольм обучаться рисованию (хотя до сих пор не преодолела трудностей с написанием слова *croquis*[3]). Блумберг, устроивший Астрид в новую столичную школу живописи своего брата, полагал, что будущему журналисту это умение тоже может пригодиться.

> «У меня большая новость. 1 апреля еду в Стокгольм, в школу живописи Хенрика Блумберга. На два месяца. Наверняка ты думаешь, что лучше бы туда послали тебя. Так думаю и я. Работа в газете, без сомнения, подойдет тебе больше. Но знаешь, я канючила, канючила, пока своего не добилась. Надеюсь, будет интересно. Жаль только, что весной, когда ты приедешь к родителям, меня не будет. Еду, чтобы научиться делать эти эскизы, *crocis*, или как они там называются. Говорят, это на пользу моей карьере. Но, скорее всего, не в „Виммербю тиднинг“».

Странницы

Какие из безымянных статей, заметок и эскизов, напечатанных в «Виммербю тиднинг», прошли через прилежные руки журналистки-практикантки в период с весны 1924-го до лета 1926 года, сказать трудно. Но в отношении двух статей сомневаться не приходится: об авторстве мы знаем со слов самой Линдгрен. Это были довольно крупные работы из тех, что Блумберг в своем рекомендательном письме в августе 1926 года называет «рассказами» и приводит как свидетельство выдающихся способностей Астрид Эриксон. Одна статья, напечатанная 15 октября 1924 года, посвящена открытию новой ветки железной дороги между Виммербю и Юдрефорсом. На открытии присутствовали все железнодорожные шишки, бургомистры, члены приходских советов и большая часть смоландских журналистов. Всего шестьдесят человек, одни мужчины, – многие перечислены в начале репортажа, занимающего четыре колонки. После скучнейшего до зевоты списка в целую колонку (на котором, вероятно, настоял главный редактор) шестнадцатилетний репортер наконец развернулся и проявил себя как отличный рассказчик. Настроение резко поднимается,

внезапно раздается стук колес, в отдалении показывается дым, и вот…

Пять бодрых пешеходов в ряд (и шестой, который фотографирует) держат курс на запад. Им предстоит долгий, 300-километровый путь к озеру Веттерн, через Муталу и Линчёпинг, а затем обратно в Виммербю. (Фотография: Частный архив / Saltkrakån)

«…наконец он подошел. На локомотиве – флаги и гирлянды. Через пару минут поезд отправился дальше. Бодро развевались тринадцать флагов. Как мы знаем, американские поезда трогаются с такой чудовищной скоростью, что дни и ночи мелькают, как черные и белые полосы. Но не таков наш поезд. Он тронулся с пыхтением, с самой что ни на есть подходящей скоростью, чтобы пассажиры насладились картинами восхитительной природы Смоланда. Время от времени мы подходили к маленькой станции с красным вокзалом. На платформе махали люди, длинные пути украшены гирляндами. И конечно, повсюду реяли шведские флаги».

С другим свидетельством журналистского таланта Астрид Эриксон читатели газеты смогли познакомиться летом 1925 года. «Бродяги (в поисках работы)» – так называется потешный феминистический фельетон в трех частях, в котором автор следит за утомительным летним странствием шести девушек из Виммербю по Смоланду и Восточному Готланду. По доброй журналистской традиции, в начале фельетона, напечатанного в «Виммербю тиднинг» 11 июля 1925 года, автор описывает исходные условия:

> «Перед вами путевая заметка. И заметка, без сомнения, наижалчайшая, но мы просим вас о снисходительности – ради нашей юности. Ведь это продукт творчества шести юных дам, ранним утром пешком покинувших Виммербю. Наша задача – познакомить широкую общественность с впечатлениями, полученными в этом странствии, и всевозможными происшествиями. Так пусть же это случится! Начать, наверное, лучше с начала. А началось все на площади, когда часы на колокольне едва пробили девять. За спинами у нас были рюкзаки, на ногах – крепкие башмаки. И мы зашагали по пыльной дороге, торжественно окрестив себя рыцарями шоссе».

Событие это обратило на себя внимание, о нем в Виммербю говорили. Шесть гордых дочерей города, две из которых были выпускницами гимназии, июльским утром собрались на площади Сторторгет, все в одинаковых походных платьях с короткими рукавами, с одинаковыми вырезами, на шее – бойскаутский платок, на голове – шляпа-клош или академическая шапочка, за плечами – рюкзак с пледом, на ногах – крепкие башмаки. Об этих юных девушках – Эльвире, Анне-Марие, Астрид, Грете, Соне и Мэрте, – знакомых друг с другом с первого класса, «Виммербю тиднинг» в 1997 году рассказала Грета Рундквист:

> «Компания из пяти, шести, семи девушек – почти все время мы проводили вместе, пока работа и учеба нас не разлучили. Но ни одна из нас не стала медсестрой, о чем в 1920-е годы мечтали все».

Четыре из них еще год назад изображали мужчин на фотографиях с семнадцатилетия Анне-Марие, и в 1925 году для некоторых все еще не составляло труда копировать противоположный пол. На сей раз они представляли странствующих подмастерьев, вышедших на большую дорогу. И они прошли 300 км, по 10–30 км в день. Бóльшую часть – пешком, но, если была возможность, не пренебрегали и поездами, автомобилями, водным транспортом и гужевым, ехали на возах с сеном и среди молочных бидонов. Маршрут из Виммербю шел в сторону Траноса[4] и Гренны, потом вдоль восточного берега озера Веттерн, через таинственную лесистую гору Омберг и дальше, по плоским равнинам, окружающим замок Вадстена и монастырь Святой Биргитты. Затем следовали шлюзы и водный путь в Муталу[5], далее к большому городу Линчёпингу и, наконец, прямо на юг, к конечному пункту.

Рыцари пыльных дорог дают отдых ногам на Гёта-канале между шлюзами Муталы и Берга на борту замечательного «Палласа», полного шведских, а еще больше немецких туристов. По вечерам они поют гимны, танцуют, и один разгоряченный немец (писала корреспондентка «Виммербю тиднинг») выпил за «мое, твое здоровье и здоровье всех прекрасных дам!». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Многокилометровый пеший переход требовал выносливости, товарищеского духа и крепкой обуви. В большом письме Гуннару от 26 июля 1925 года, выдержанном в обычном для их переписки торжественно-шутливом тоне, Астрид разделила множество повстречавшихся в пути трудностей на три основные категории:

> «Ты, верно, читал наши заметочки о походе в „Виммербюской сплетнице“. В таком случае бóльшая часть истории тебе известна. Помимо этого, спешу сообщить следующее. Во-первых, мы отлично справились с нашей прогулкой, невзирая на все насмешки при отбытии. Во-вторых, никаких стоящих упоминания мозолей мы не намяли, за исключением разве что маленьких в самый первый день, вследствие чего я приобрела в кредит в Траносе пару новых удобных ботинок. В-третьих, мы практически не пользовались

машинами и другим транспортом. Так что не вздумай говорить, будто мы не умеем ходить пешком!»

Великолепная ирония не отказала журналистке и при описании небольших «проколов» в смелом предприятии шести мужественных девиц. Путевые заметки следовало читать как юмористический вклад молодого поколения в дискуссию о гендерных ролях, еще не добравшуюся до Виммербю. С юмором корреспондент газеты сознавался, что даже у молодых и сильных поборниц женского равноправия на ногах могут вскочить волдыри; даже они могут стать жертвами обезвоживания и не ответить отказом на предложение подвезти. Вообще-то, путешественницам почти каждый день удавалось поймать машину – кто же устоит перед веселыми и умными попутчицами?

> «Мы прошагали 10 километров под палящим солнцем, у нас уже начались галлюцинации, и тут показался автомобиль. На лицах тут же, как по команде, нарисовалось неподдельное отчаяние, руки бессильно повисли вдоль тела, ноги стали заплетаться, из шести глоток раздалась мольба о помощи: „Подвезите нас, пожалуйста!“ И каков результат! Подвезли аж до Стора-Обю. Лучшее шоссе Швеции! Ура!..»

300-километровое путешествие развивалось по собственному сценарию, и читатели Виммербю могли лишь гадать, что ждет их в следующей заметке, где будут ночевать девушки: в имениях, гостиницах, ночлежках или стогах сена. Уже на втором этапе, когда путешественницы дошли до городка Гренна, недалеко от острова Висингсё[6], и, по идее, должны были улечься в сумерках, лелея свои мозоли, в городе мятных леденцов призывно заиграла танцевальная музыка. И когда семнадцатилетняя корреспондентка звонила в редакцию и диктовала текст летнего фельетона, она кое о чем умалчивала. Ведь матери шести девушек читали его столь же внимательно, как и печатавшиеся в газете статьи о торговле белыми рабынями. А потому полностью историю о шести странницах из Смоланда, блиставших на городском празднике, прочитал только Гуннар в письме от 26 июля 1925 года:

> «Сначала в Гренне было весело. Мы отправились в поместье Вретахольм неподалеку от города – у Эльны была подруга, у которой была подруга, которая была замужем за их управляющим, и эта подруга Эльны была в гостях у своей подруги. Ты понял? Случилось, что в

Гренне был праздник, и мы, конечно, туда отправились, чтобы внести живую струю. Как ты знаешь из газеты, мы прокрались на праздник тайком, это было совсем не сложно. Они там не танцевали, а инсценировали песни. Сначала мы не хотели участвовать, но все так просили… И вот женская половина Гренны взбесилась из-за того, что мы завладели вниманием наипрекраснейших представителей его мужской половины. Ах, как трудно быть человеком, и брак – вовсе не перемирие».

Растрепанные волосы Эллен Кей

Через два дня, переночевав в руинах замка Альвастра, девушки решили пройти оставшийся километр пути до извилистой холмистой дороги, ведущей на окутанную преданиями виллу писательницы Эллен Кей. «Странд» – так называлась вилла – был расположен на крутых склонах озера Веттерн. Может быть, семидесятипятилетняя писательница, автор знаменитой книги «Век дитяти», сейчас дома и пригласит их зайти? Когда девушки подошли к большому дому, хозяйка внезапно появилась на балконе и крикнула: «Что вам нужно, девочки?»

Гостевая книга Эллен Кей была испещрена тысячами подписей. В 1910-е годы «Странд» служил штаб-квартирой целого ряда культурных женских сообществ, и с годами писательница все сильнее тяготилась незваными гостями. То, что она позволила девушкам посетить свой необычный сад, разбитый на плато у озера и пестревший дикими шведскими цветами и экзотическими растениями, было настоящей удачей. Террасы пересекали извилистые дорожки с названиями вроде «Тропа Руссо», в конце дорожек стояли ульи фантастических форм, а на озере Веттерн была круглая пристань с античными колоннами и крышей, изображавшей сицилийский храм солнца. Во время этого сказочного визита большая собака Кей внезапно укусила одну из девушек. На помощь примчалась экономка фрёкен Бломстерберг, а наша корреспондентка, разумеется, не преминула рассказать о происшествии:

«Выбежал ужасный сенбернар и вцепился в одну из наших двенадцати ног (владелица ноги теперь гордо рассказывает, что ее укусила собака Эллен Кей). Доброе сердце Эллен Кей раскрылось, и в утешение и вознаграждение нам позволили осмотреть дом изнутри.

Торжественный момент! Трудно найти дом прекраснее».

Шесть пар глаз с трудом верили увиденному: повсюду светлые дружелюбные цвета, простая красивая мебель, почти во всех комнатах книги, и везде, куда падал глаз, удивительные разновеликие детали архитектуры и интерьера. Например, под потолком на всех четырех стенах холла красовались изречения, среди прочих – шведского философа и поэта эпохи Просвещения Томаса Торильда: «Этот день и есть жизнь». Едва ли нашелся бы лучший эпиграф к этому насыщенному утру и незабываемой встрече со «Страндом», Эллен Кей и ее собакой. Слова на стене Астрид запомнила навсегда, но умолчала о них в путевой заметке – как и о щекотливом моменте, когда знаменитая писательница неожиданно попросила помочь ей застегнуть нижнюю юбку.

Эллен Кей в своем саду в «Странде» у озера Веттерн. Кей была одним из наиболее влиятельных интеллектуалов Швеции, известных далеко за пределами родины, во многом благодаря своей смелой книге «Век дитяти». (Фотография: «Бонниер» / Новостное агентство «ТТ»)

Если верить биографии Маргареты Стрёмстедт, через пятьдесят лет Астрид Линдгрен все еще ясно помнила этот эпизод, но совершенно иначе оценивала встречу с Эллен Кей – гораздо критичнее, чем в 1925 году. Неожиданно выяснилось, что девушек встретила не писательница, а ее страшная собака, а сама Эллен Кей показалась подругам ужасной злюкой, когда, стоя на

балконе в нижнем белье и с растрепанными волосами, сердито на них кричала. Вот что пишет Маргарета Стрёмстедт:

> «„Что вам нужно, девочки?“ – закричала она пронзительно и раздраженно. Девушки смущенно объяснили, что хотели бы увидеть „Странд“, но Эллен Кей даже виду не подала, что хочет их впустить. Внезапно дверь отворилась, из дома выбежала большая собака и укусила одну девушку за ногу. Поднялась кутерьма, экономка впустила странниц в переднюю, чтобы перевязать пострадавшей ногу. К ним сошла Эллен Кей – как была, полуодетая, одной рукой придерживая нижнюю юбку. Внезапно она повернулась к Астрид и строго приказала: „Застегни мне юбку!“ Удивленная и смущенная Астрид сделала, как было велено».

Правда о визите в «Странд», очевидно, находится где-то посередине между эйфорией 1925 года и последующей рационализацией в биографии 1977-го. В последней семидесятилетняя Линдгрен явно не скрывает предубеждения против Эллен Кей, которого в семнадцать лет не питала. Как бы то ни было, отправляясь в Омберг и Боргхамн, путницы получили по розе в дорожку, а на фотографии из сада Эллен Кей даже ее собака выглядит общительной и дружелюбной, прилежно позируя у ног девушек.

После выхода «Века дитяти» в 1900 году имя Эллен Кей стало гораздо весомее и известнее за рубежом, чем в Швеции. В этой эпохальной книге восемь глав – например, «Право ребенка выбирать родителей», «Душегубство в школе»; это странная смесь откровений, мечтаний и размышлений о воспитании детей будущего и абсолютной необходимости любви между родителями и детьми. Кей считала, что в будущем совместная жизнь людей кардинально изменится к лучшему. В новом столетии, больше, чем в любую из прежних эпох, внимание человечества будет сфокусировано на самом главном его ресурсе – детях.

Прохладный отзыв пожилой Астрид Линдгрен об Эллен Кей был вполне в духе господствовавшего в 1970-е годы в шведском женском движении скепсиса и недоверия к идеям писательницы. Эллен Кей не годилась в ролевые модели, ее взгляды казались устаревшими, реакционными, чрезмерно эзотерическими и противоречивыми. Кей, например, говорила о праве женщин на образование, работу, экономическое самоопределение и право голоса и одновременно настаивала на том, что основной общественный вклад женщины – семья и роль матери, и матерью она должна оставаться как можно дольше.

Оставим в стороне вопрос о том, насколько права была Астрид. Величественной и символической видится теперь встреча старой писательницы-гуманистки и юной любопытной журналистки-практикантки, через два десятилетия написавшей революционную детскую книгу. Эта книга положила начало творчеству, в котором отчасти развивались взгляды, изложенные в «Веке дитяти», например, вера в творческое начало в человеке, мысли о свободном воспитании и особенно осуждение физических наказаний. Вот что об этом писала сама Кей: «На бесчисленные тонкие процессы в душевной жизни ребенка, смутные и сложные, на его трепетные, хрупкие чувства эти грубые нападения действуют разрушительно, приводят в замешательство и не оказывают никакого духовно-воспитательного воздействия».

Эллен Кей умерла 25 апреля 1926 года, через год после визита шести путешественниц. В этой связи в «Виммербю тиднинг» были опубликованы целых две статьи о смерти и похоронах писательницы с ее фотографиями – оба материала занимали центральное место на последней полосе. О том, кто написал эти статьи, история, как всегда, умалчивает, но складывалось впечатление, что жанр некролога был для автора в новинку. Зато обнаруживалось близкое знакомство с домом и садом писательницы. Кажется, будто автор пытается воскресить «Странд» в памяти:

> «Эта прекрасная дорога через памятную равнину у озера Веттерн, ведущая через горный хребет, откуда она [Эллен Кей] так часто обозревала чудесный пейзаж, окружающий ее прекрасный дом».

Более масштабной литературно-исторической оценки вклада и значения известной шведской писательницы читатели «Виммербю тиднинг» не удостоились. Ни названия книг, ни даты в статьях не упоминаются, зато они пестрят живописными определениями, похожими на те, что попадались в летнем фельетоне годичной давности, завершившемся легким подтруниванием, а для автора – и пророчеством:

> «Дорогой мой Виммербю, не так уж плохо сюда возвращаться, но боже упаси остаться здесь навсегда».

Таинство размножения

Многообещающая, казалось бы, карьера журналиста резко закончилась в августе 1926 года, когда стало невозможно скрывать, что практикантка «Виммербю тиднинг» находится в положении. Еще немного, и в городе начнут шептаться, а благородные дамы, завидев Астрид Эриксон на улице, станут задирать нос. Так уж оно тогда было, объясняет одна пожилая смоландка в книге «Бунтовщица из Виммербю» и рассказывает о выборе, имевшемся у молодой женщины из провинции, если ее угораздило забеременеть без мужа или помолвки: «Беги и рожай или останься и опозорь семью».

Отцом ребенка не были ни бывший одноклассник, ни молодой крестьянин, ни командировочный, о нет. Отцом был владелец и главный редактор «Виммербю тиднинг», без малого пятидесятилетний Райнхольд Блумберг, женатый во второй раз после смерти в 1919 году первой жены, оставившей ему семерых детей, в основном ровесников Астрид Эриксон.

Агротехник по образованию, Блумберг несколько лет был владельцем и управляющим крупным хозяйством на Готланде, но после большого пожара в 1912 году покончил с крестьянской жизнью, перевез семью в Смоланд, деньги вложил в столярное предприятие, фабрику в Сёдра-Ви, а затем передумал и в 1913 году приобрел газету и типографию «Виммербю тиднинг». В том же году он купил недвижимость на Сторгатан, 30, и обосновался там с беременной женой Эльвирой и шестью детьми. А спустя несколько лет здесь же расположилась редакция газеты.

В 1920-е газета продолжала процветать, а вместе с ней и Райнхольд Блумберг, инвестировавший в недвижимость, землю, цементный завод и большие участки леса под вырубку. Однако газета оставалась его основным предприятием. В маленьком провинциальном сообществе, подобном Виммербю, главный редактор совмещал несколько весьма доходных должностей – и весьма успешно. Он был членом Клуба публицистов и издателей прессы Смоланда, вел активную политическую жизнь, неоднократно избирался в городской совет и заботился о том, чтобы его газета получала прибыль, печатая решения городского правления и многочисленные объявления от растущего числа предпринимателей торгового городка.

Райнхольд Блумберг (1877–1947), владелец и редактор «Виммербю тиднинг» с 1913 по 1939 г. и отец первого ребенка Астрид Линдгрен. (Фотография: Частный архив)

И вот этот предприимчивый и влиятельный мужчина в 1925 году влюбился в семнадцатилетнюю практикантку и начал красиво за ней ухаживать. Астрид о таком до сих пор только в книжках читала. Девушка не отвергла поклонника и вступила с ним в любовную связь, которая по понятным причинам сохранялась в тайне, и, по оценке Карин Нюман, длилась более полугода, до беременности Астрид в марте 1926-го. За ней,

которой было так трудно влюбиться или влюбить в себя, ухаживали по всем правилам искусства обольщения! Сама она скорее была поражена таким необыкновенным интересом к ее «душе и телу», как писал ей Райнхольд, нежели влюблена. Но было в этих отношениях нечто неизведанное, опасное и тем привлекательное, рассказывала Астрид Линдгрен в 1993 году в обстоятельном телевизионном интервью, напечатанном в книге «Стина Дабровски встречается с семью женщинами»:

> «Девушки такие дуры. Никто до тех пор в меня всерьез не влюблялся, он был первым. И мне это, конечно, казалось увлекательным».

А еще это нарушало все табу. Не только из-за совершенной неопытности и наивности Астрид Эриксон в сексуальной области, но и потому, что Райнхольд Блумберг был женатым мужчиной в процессе развода. К тому же главный редактор «Виммербю тиднинг» и уважаемые арендаторы Эриксоны были не просто знакомы, но и неоднократно работали вместе. Как, например, в 1924 году, когда Райнхольд Блумберг и Ханна и Самуэль Август Эриксон занимались подготовкой Дня сельского хозяйства и весь город три дня стоял на ушах. И на следующий год Блумберг к пятидесятилетию Самуэля Августа опубликовал в своей газете лестную статью: «Случается, господин Эриксон заглядывает в нашу уважаемую редакцию и представляется „крестьянином из пасторской усадьбы“, и поистине как крестьянин он заслуживает всяческого уважения: к чему он ни прикоснется, все удается, все приносит радость и пользу. Его хозяйство образцово, а как скотоводу ему нет равных».

Заметки к биографии

Точные обстоятельства романа Астрид с ее начальником, который на тот момент уже не проживал с женой Оливией Блумберг, неизвестны. Писем за наиболее драматичный год в жизни Астрид Линдгрен (в марте она забеременела, в сентябре переехала в Стокгольм, в декабре родила малыша Лассе в Копенгагене) сохранилось немного. Широкая общественность при жизни Астрид Линдгрен так и не узнала имени отца ребенка, хотя семья, кое-кто из многочисленной родни Райнхольда Блумберга и жители Виммербю были осведомлены прекрасно. Астрид хотела сохранить тайну как можно дольше. Прежде всего ради Лассе.

> «Я знала, чего хочу и чего не хочу. Ребенка я хотела,

> его отца – нет». Так кратко она сформулировала свою мысль в одной из длинных заметок, в 1976–1977 годах написанных для Маргареты Стрёмстедт, которая много лет трудилась над биографией писательницы, брала у нее интервью и сопровождала в поездках по Смоланду, малой родине Астрид. Одна из этих заметок сейчас хранится в стенографической записи в архиве Астрид Линдгрен (блокнот № 343) и местами напоминает попытку писательницы вложить свои слова в уста биографа. Другая – маленький автобиографический рассказ, законченная и переписанная набело глава без названия – начинается словами: «Когда Астрид было восемнадцать, произошло событие, кардинально изменившее ее жизнь. Сама она рассказывает об этом так: дело в том, что я забеременела…»

Собственная, полная и точная интерпретация Астрид Линдгрен событий 1926 года никогда не публиковалась, но была основательно пересказана и процитирована Стрёмстедт в биографии «Великая сказочница. Жизнь Астрид Линдгрен», опубликованной в 1977 году к семидесятилетию писательницы. Заметки Линдгрен легли в основу сенсационного рассказа Стрёмстедт о беременности Астрид Эриксон, рождении Лассе и первом годе его жизни в приемной семье в Копенгагене. Обо всем этом широкой публике не было известно. Напротив, портреты и интервью писательницы на протяжении тридцати лет создавали впечатление, будто девушка приехала в Стокгольм учиться, там через несколько лет встретила Стуре Линдгрена, за которого вышла замуж, после чего и родила двоих детей, Лассе и Карин.

Правда же была в другом, и именно правду Маргарета Стрёмстедт после неоднократных бесед с Линдгрен считала необходимым рассказать в первой в мире биографии писательницы. Сама героиня не хотела предавать огласке историю появления Лассе на свет, но Стрёмстедт настояла на своем. Как она объясняла в интервью «Берлингске тиденде» 26 декабря 2006 года, их разногласия переросли в устойчивый конфликт:

> «Как-то мы вместе с редактором вели важные переговоры в издательстве „Рабен и Шёгрен“ и пришли к согласию, что об этой главе своей жизни Астрид напишет сама. О беде, „потрясшей Виммербю более, нежели решение Густава Вазы уничтожить привилегии городов“[7], как сформулировала Астрид, скрывая за этими легкомысленными словами боль, на которую, мне

кажется, стоило по меньшей мере намекнуть в биографии. Хотя бы в качестве реплики к ее творчеству, где полно растущих без отцов мальчишек».

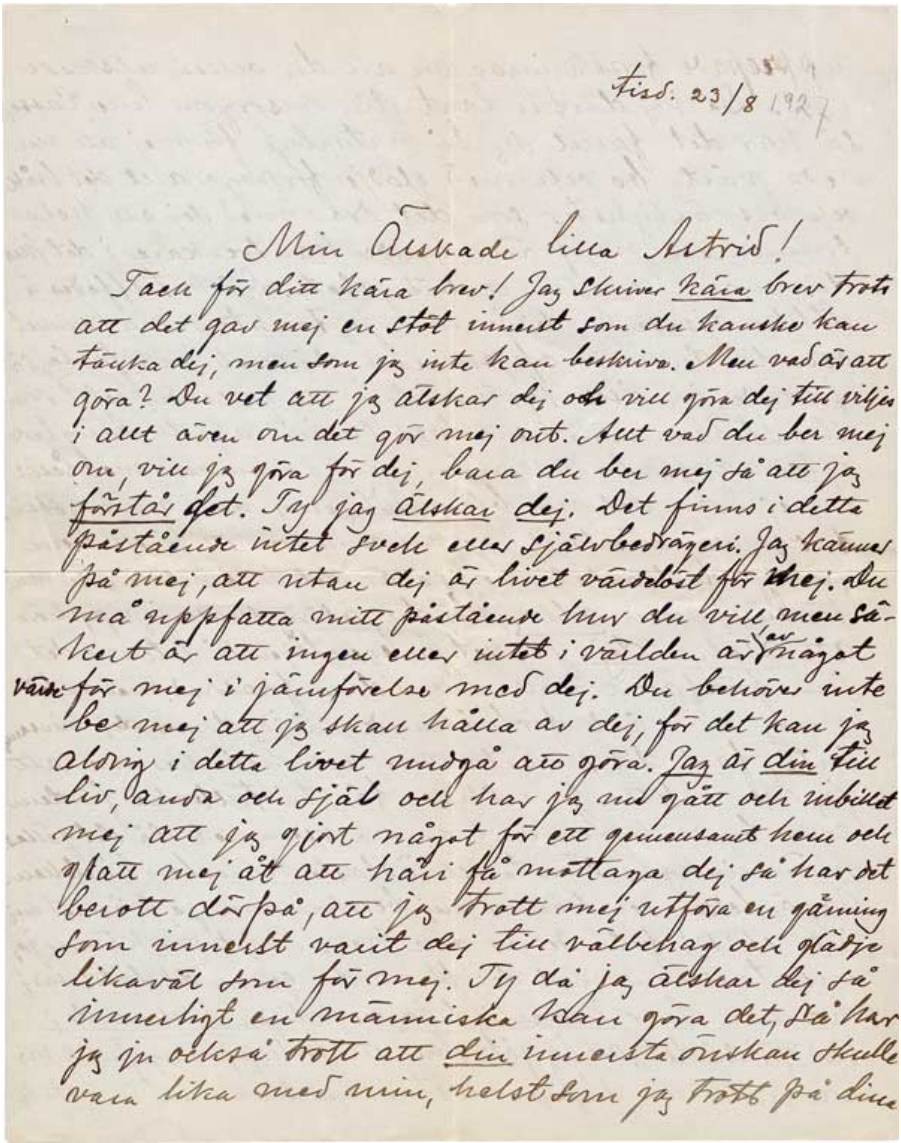
Таким образом, Линдгрен согласилась отмотать время назад, к тому моменту, когда жизнь ее радикально поменялась. Однако она по-прежнему утаивала правду. В истории о нежелательной беременности мать Лассе представала «жертвой неосторожности», а личность отца оставалась сокрытой во мраке. Речь шла об оплошности, и не более: «Я знала, чего хочу и чего не хочу. Ребенка я хотела, его отца – нет…»

Однако все было не так просто. Из переписки Эриксон и Блумберга в 1927–1929 годах, а также из писем, которые три года ежемесячно приходили от приемной семьи Лассе в Копенгагене, становится ясно, что Астрид была в гораздо большем замешательстве из-за отношений с Райнхольдом, чем признавала позже. Блумберг, со своей стороны, был все так же влюблен и в 1927 году оплатил их совместную поездку к малышу, в том числе номер в копенгагенской гостинице и выходные в Линчёпинге. Лишь в марте 1928-го Астрид окончательно определилась и отказалась от отношений с отцом Лассе, сообщив, что их пути отныне расходятся навсегда. Уже летом 1927 года, когда завершился бракоразводный процесс и Блумберг сразу же принялся за ремонт и смену обстановки в доме на Сторгатан, Астрид сделала совсем не тонкий намек. Во время поездки в Стокгольм, где полный надежд Блумберг показывал Астрид проектные рисунки их нового дома, где должны были жить она, он и их многочисленное потомство, Астрид не дала отцу своего ребенка внятного ответа. Она попросила о передышке, намекнув, что на раздумья ей понадобится от полугода до года. Тут до пятидесятилетнего Блумберга начало доходить, что сражение проиграно. Но он неутомимо продолжал слать томные, полные штампов любовные письма своему «любимому, любимому очаровательному ангелочку», надеясь, что во время этой передышки Астрид «…в чудесных снах будет чувствовать близость своего нареченного». Так он писал ей 23 августа 1927 года.

С самого начала отношений Райнхольд хотел безраздельно владеть Астрид, что ей категорически не нравилось. После ее переезда в Стокгольм в сентябре 1926 года он упрекал ее в том, что она пошла учиться на секретаря, не посоветовавшись с ним. Для Райнхольда это означало, что в будущем Астрид ему места нет. Он был недоволен и тем, что она слишком часто ходит в

театр и кино, и как-то в 1927 году не разрешил ей пойти на танцы. Давал он волю ревности и из-за ее близких отношений с семьей:

> «Я так мало знаю о том, что произошло между тобой и твоими родителями в связи с нашими отношениями… больно и обидно даже в этом уступать тем, чье место должно быть во втором ряду, когда речь идет о самом большом и благородном чувстве, возможном между людьми, – о любви».



Fisk. 23/8 1927

Min Älskade lilla Astrid!

Tack för ditt kära brev! Jag skriver kära brev trots att det gav mej en stöt innerst som du kanske kan tänka dej, men som jag inte kan beskriva. Men vad är att göra? Du vet att jag älskar dej och vill göra dej till viljes i allt även om det gör mej ont. Allt vad du ber mej om, vill jag göra för dej, bara du ber mej så att jag förstår det. Ty jag älskar dej. Det finns i detta påstående intet svek eller självbedrägeri. Jag kämmes på mej, att utan dej är livet värdelöst för mej. Du må uppfatta mitt påstående hur du vill men sanningen är att ingen eller intet i världen är något värde för mej i jämförelse med dej. Du behöver inte be mej att jag skall hålla av dej, för det kan jag aldrig i detta livet mödgå att göra. Jag är din till liv, ande och själ och har jag mitt yttersta och innerligt mej att jag gjort något för ett gemensamt hem och gjort mej ät att hämta på mottaga dej så har det berott därpå, att jag trott mej utföra en gärning som innerligt vänt dej till välbehag och glädje likaväl som för mej. Ty då jag älskar dej så innerligt en människa kan göra det, så har jag ju också trott att din innersta önskan skulle vara lika med min, helst som jag trott på din

«Моя любимая малышка Астрид» – так начинает Райнхольд

Блумберг восторженное письмо к Астрид Эриксон в августе 1927 года. (Фотография: Йенс Андерсен)

В целом Райнхольд Блумберг создал некую систему контроля за лояльностью своей любимой. Астрид этому инстинктивно противилась, когда они виделись в Линчёпинге и Стокгольме и три-четыре раза ездили к сыну в 1927–1928 годах. Намеренно поверхностные письма Астрид разочаровывали требовательного романтика из Виммербю, составившего план их совместного будущего и не терпевшего помех:

> «Ты так мало о себе пишешь. Неужели не понятно, что я хочу знать о тебе много, много больше?»

Что Астрид нашла в Райнхольде, кроме того, что он был ее первым мужчиной и отцом будущего ребенка, спрашивали себя не только ее мать Ханна, но и сама Линдгрен в старости. В заметках, которые пожилая писательница составила для Маргареты Стрёмстредт в 1976–1977 годах, она не делает тайны из того, что первое время наслаждалась ролью соблазнительницы. С Райнхольдом она впервые почувствовала ту особую женскую власть над мужчиной, о которой говорилось в книгах:

> «Иногда Ханна огорченно и с неприкрытым удивлением спрашивала: „Как ты могла?“ Ей казалось, если мне непременно надо было забеременеть, можно было, по крайней мере, найти кого-нибудь другого. И, честно говоря, я тоже так думала. Ни себе, ни Ханне я не могла ответить на вопрос „как ты могла?“. Но когда это юные, неопытные, наивные дурочки могли на него ответить? Как там в этом рассказе Сигурда о легкомысленной Лене? Я читала о ней в ранней юности. Совсем не красавица, уверял писатель, она „все же пользовалась спросом на рынке желания“. Я читала и думала с какой-то завистью: „Ах, быть бы хоть как она!“ Ну и мне это удалось. Правда, такого результата я не предвидела».

За этой цитатой скрывалось не только осознание своих поступков и чувство вины, но и накопившаяся обида на более опытного мужчину, прекрасно понимавшего, какому риску он сам и особенно его юная возлюбленная подвергаются, не пользуясь контрацепцией. Этот мужчина также прекрасно знал о позоре, который ждет молодую женщину, родившую ребенка вне брака, в Швеции 1920-х годов. Астрид, рассказывает Карин Нюман,

чересчур полагалась на заверения своего начальника, что, если-де сделать так-то и так-то, ничего не случится. И добавляет, что выросшая в деревне среди коров и лошадей юная Астрид, как и ее брат и сестры, разумеется, знала о таинстве размножения. Но как защититься от бесконечного воспроизведения – вот это было для нее большой загадкой.

Контрацепция и пуританизм

В наше просвещенное время может показаться странным, что такая талантливая, начитанная девушка ничего не знала о контрацепции. Позже, с горечью оглядываясь на давнюю любовную связь, она сердито выговаривала пожилому Райнхольду Блумбергу в письме от 22 февраля 1943 года: «Я не имела ни малейшего понятия о средствах контрацепции, а потому не могла понять меру чудовищной безответственности твоего отношения ко мне».

Объяснение подобному невежеству следует искать в пуританизме, который в 1920-е годы все еще господствовал в государственной политике в отношении секса: тут Швеция сильно отставала от своих соседей. Согласно шведскому законодательству, средства контрацепции разрешалось продавать, но рекламировать презервативы и пессарии было запрещено. А виной всему был доклад, произнесенный в 1910 году перед фабричными женщинами в стокгольмском Народном доме лидером социалистов Хинке Бергегреном, который призывал к использованию контрацептивов: «Лучше любовь без детей, чем дети без любви». Буржуазная общественность кипела от негодования. За свою революционно-просветительскую деятельность Бергегрен угодил в тюрьму, и тут же с молниеносной скоростью был принят просуществовавший до 1930-х годов закон, согласно которому в Швеции запрещалась любая реклама или публичное упоминание средств контрацепции, которые, конечно, любой мог купить при условии, что располагал информацией об их существовании.

Сторгатан, 30, Виммербю. Здесь живет главный редактор Блумберг с семьей и находится редакция его газеты в 1920-е гг. За углом – типография, где каждую среду и субботу печатается газета. Когда отец работает, сидя в редакторском кресле, в оживленном доме многодетной семьи беготня и шум становятся смертным грехом. (Фотография: Региональный музей Восточного Готланда)

Вот почему лишь немногие шведки – особенно в провинции – понимали, как избежать нежелательной беременности. Эти обстоятельства освещает журналист Эстер Бленда Нордстрём в своей документальной книге «Девушка среди девушек» (1914). Читатель знакомится с журналисткой из большого города, которая месяц изображала служанку на хуторе в Сёдерманланде и рассказывает о том, как работницам фермы приходится трудиться по шестнадцать-семнадцать часов в день за мизерную плату и какие проблемы создают им сексуальные потребности мужчин. Как и многие ее ровесницы, юная Астрид проглотила книгу залпом, а в начале лета 1925 года узнала из «Виммербю тиднинг», что это произведение будет поставлено на открытой сцене и отправится в турне по Смоланду.

Были в те годы и другие первопроходцы, боровшиеся за права женщин, в их числе – родившаяся в Норвегии Элисе Оттесен-Йенсен, которую также называли Оттар. Она ездила по Швеции, пропагандируя гигиену секса и осуждая лицемерный закон о

контрацепции. В чемодане Оттар привозила образцы пессариев, плакаты с инструкциями, брошюры и свой памфлет 1926 года «Нежеланные дети. Обращение к женщинам». Ее пропаганда свободной, лишенной страха сексуальной жизни женщины продолжалась и в 1930-е, когда женское движение стало неотъемлемой частью социал-демократического движения в Швеции, а призыв Оттар надолго пережил ее саму: «Я мечтаю о том дне, когда все рожденные дети будут желанными, все мужчины и женщины – равными, а сексуальность станет выражением сердечности, нежности и наслаждения».

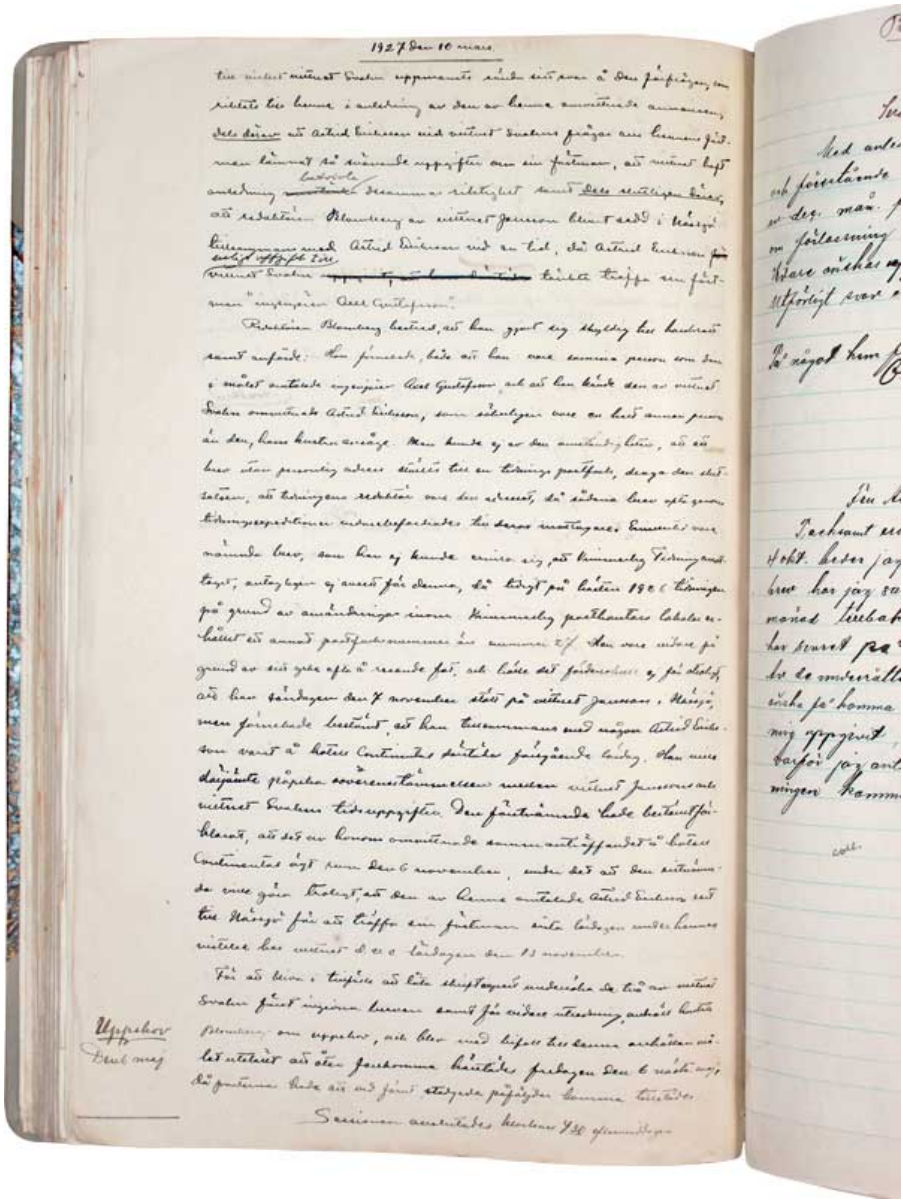
Когда в 1913 г. Райнхольд Блумберг купил «Виммербю тиднинг», у него не было опыта работы редактором и журналистом и он ровным счетом ничего не знал об издательском деле. Зато был выдающимся предпринимателем. На момент своей смерти в 1947 г. Блумберг был, по меркам нашего времени, мультимиллионером. Но наследников у него осталось много: прежде всего вдова от третьего брака, затем десять из тринадцати детей, оставшихся в живых. Среди них и Ларс Линдгрен, урожденный Блумберг. (Фотография: Частный архив)

Астрид Линдгрен заплатила высокую цену за роман с Блумбергом. Она лишилась работы и перспективы в дальнейшем найти место в газете покрупнее, чем «Виммербю тиднинг». А осенью 1926 года, когда беременность стало трудно скрывать,

Астрид пришлось покинуть родной дом и город и отправиться в Стокгольм, где весной 1925 года она два месяца посещала школу живописи Хенрика Блумберга. Спустя пятьдесят лет в заметках для Маргареты Стрёмстедт Астрид Линдгрен описывала расставание с Виммербю как радостное бегство:

> «Никогда еще о такой ерунде столько не сплетничали, во всяком случае в Виммербю. Быть объектом сплетен – все равно что сидеть в яме со змеями, и я решила покинуть эту яму как можно скорее. И что бы там кто ни думал, из дома меня, как в старые добрые времена, не прогнали. Отнюдь нет! Я сама себя выгнала. Ничто меня не могло удержать».

В старости Астрид рассказывала также, что сняла комнату в пансионате, поступила на курсы стенографии и машинописи и однажды случайно прочитала о некой столичной женщине-адвокате, помогающей незамужним беременным женщинам в сложных обстоятельствах. Астрид нашла ее, и адвокат помогла девушке в ноябре 1926 года уехать в Копенгаген и родить в Королевском госпитале – единственном в Скандинавии, где имена родителей ребенка можно было сохранить в тайне и откуда информация не поступала в Отдел регистрации населения или другие государственные органы.



Аккуратным почерком велись протоколы в переплетенных в кожу журналах заседаний окружного суда Севеде за 1926–1927 гг.; они содержат драматичную и запутанную историю беременности Астрид Линдгрен и ее отношений с бывшим шефом и сейчас хранятся в Региональном архиве Вадстены. (Фотография: Региональный архив Вадстены)

Вся эта таинственность объяснялась в биографии Стрёмстедт 1977 года тем, что восемнадцатилетняя Астрид не желала

продолжать отношения с Блумбергом. А в одной из заметок для биографии шестидесятидевятилетняя Линдгрен добавляла: «Тогда это имело для меня большое значение». Слова эти ни на йоту не приближали Стрёмстедт к пониманию ситуации и в биографию не вошли. Однако туда вошла информация о том, как удивлялась стокгольмский адвокат, узнав, что молодая женщина осталась со своей проблемой совершенно одна. Много раз она спрашивала, почему Астрид так одинока:

> «„Неужели вам совсем не с кем поговорить?“ – „Нет“, – отвечала я как можно невиннее. Она же не знала, что на самом деле „мы не выносим сор из избы“!»

До такой степени одинока осенью 1926 года Астрид Эриксон все же не была. Несмотря на позор, навлеченный дочерью на семью, родители ей помогали чем могли, и помощь она принимала. А вот о том, что в последние месяцы беременности, до самых родов в Дании, Астрид постоянно общалась с отцом своего ребенка, она в заметках для Стрёмстедт не упомянула. С отъезда в Стокгольм в конце августа Астрид и Райнхольд искали так называемый «дом разрешения» – частный родильный дом, где Астрид неприметно родила бы, а затем на неопределенное время передала бы ребенка приемной матери в Швеции. Хотя Блумберг и рассчитывал на скорую женитьбу, с этим приходилось подождать, и беременность Астрид, как и предстоящие роды, держали в строжайшем секрете из-за бракоразводного процесса. Райнхольд Блумберг не проживал с супругой, но формально все еще был женат на фру Оливии, и та не позволила бы ему легко – и, главное, дешево – отделаться.

Поначалу, переехав в Стокгольм, Астрид рассчитывала найти частную клинику неподалеку от столицы, но вскоре они с Райнхольдом передумали и решили подыскать родильный дом в каком-нибудь провинциальном городе, где девушку никто не знает. В самый последний момент выбор пал на совершенно другое место и другую страну.

Скандалы

Многочисленные действия этой драмы зашифрованы между строк объемных детальных протоколов бракоразводного процесса Райнхольда и Оливии Блумберг в судебном архиве округа Севеде за 1926–1927 годы. Процесс проходил в ратуше Виммербю и протоколировался в большие, переплетенные в кожу журналы судебных заседаний, которые в наши дни хранятся в

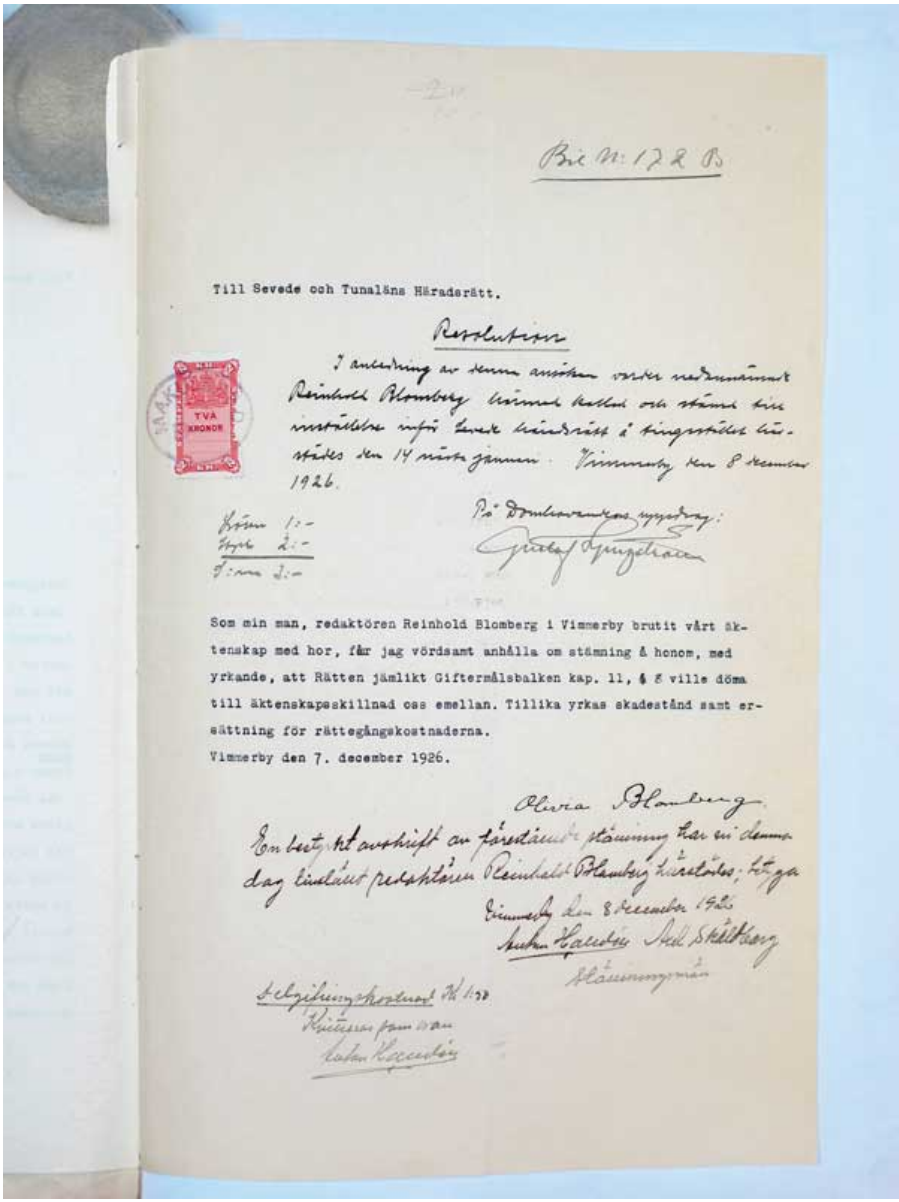
Региональном архиве Вадстены. Причиной судебного разбирательства стало несогласие супругов относительно права мужа распоряжаться состоянием жены. Вот как красноречивая Оливия Блумберг описывала ситуацию в суде:

> «Мой муж испытывает болезненное желание завладеть тем, что причитается мне. Во всем, да, даже в самой малости муж преследует меня из-за скромного моего личного состояния».

Конфликт между супругами возник в начале 1922-го, через два года после заключения брака (для Блумберга – второго по счету) и появления дочки, умершей вскоре после рождения. Отношения ухудшались, супруги стали скандалить – с громкими спорами, криками и хлопаньем дверями. Ситуация обострилась, и Блумберг решил объявить свою непредсказуемую, как он собирался доказать, жену недееспособной, после чего она потребовала раздельного проживания. Причиной тому, наряду с его попытками добраться до ее денег, послужили его романы с юными иностранками, работавшими в доме – как работала когда-то сама Оливия, прежде чем в 1920 году стала фру Блумберг.

Судя по записям судебных заседаний, главный редактор «Виммербю тиднинг» ничего не слышал о новоприобретенных правах шведских женщин, правда в общественной жизни Швеции первой половины 1920-х годов и вообще трудно обнаружить хоть намек на существование этих прав. Зато Блумберг много знал о деньгах, возможностях инвестирования и пристально следил за потенциальными притоками капитала, которые могли послужить развитию его предприятия. В отличие от фру Оливии, сердце главного редактора не лежало к накоплениям, надежным ценным бумагам и складированию серебра в сундуке. Как заметил один свидетель в суде, «он страдал от тяги к бизнес-спекуляциям».

На всем протяжении затянувшегося бракоразводного процесса главный редактор «Виммербю тиднинг» кажется удивительно немногословным, иной раз даже робким. Протоколы, куда аккуратно заносились разнообразные ходы и контрходы сторон, создают впечатление, будто он проигрывал жене в плане не только тактики, но и риторики. Порой господину Блумбергу было трудно парировать выпады госпожи Блумберг и сдерживать наступление на новых фронтах, которые та постоянно ухитрялась открывать, пользуясь действенной поддержкой своего брата, способного адвоката из Тингсрюда (южный Смоланд).


Bil N: 122 B

Till Sevede och Tunaläns Häradsrätt.

Resolution

I anledning av denna anmälan varder redaktören Reinhold Blomberg kvarmed kallad och stämd till inställelse inför denne häradsrätt å tingsstället Lövstads den 14 nästa januari. Vimmerby den 8 december 1926.

TVÅ KRONOR

Kron 1:-
Hyll 2:-
Diurn 2:-

På Domhavandens uppdrag:
Gustaf Ljungkvist

Som min man, redaktören Reinhold Blomberg i Vimmerby brutit vårt äktenskap med hor, får jag vördsamt anhålla om stämning å honom, med yrkande, att Rätten jämlikt Giftermålsbalken kap. 11, § 5 ville döma till äktenskapsskillnad oss emellan. Tillika yrkas skadestånd samt ersättning för rättegångskostnaderna.
Vimmerby den 7. december 1926.

Olivia Blomberg.

En lagenligt utskrift av förestående stämning har i denna dag tillkänt redaktören Reinhold Blomberg i Vimmerby; intygas

Vimmerby den 8 December 1926.
Anton Karlsson Axel Ståhlberg
Stämningsman

Delgivningskostnad 2 kr 50 öre
Kvittens som ovan
Anton Karlsson

В начале декабря 1926 г. Райнхольду Блумбергу приходит новая судебная повестка от Оливии Блумберг. Содержание трудно истолковать двояко: «Поскольку мой муж, редактор Райнхольд Блумберг из Виммербю, погрешил против нашего брака блудом, настоящим я вызываю его в суд…» (Фотография: Региональный архив Вадстены)

Наиболее убедительной контратакой Блумберга в этом многоэтапном процессе, длившемся с 1924 по 1927 год, был

намек на феминистский заговор, якобы стоявший за судебным преследованием. Казалось, сам гендерный состав свидетелей Оливии Блумберг, призванных подтвердить, что она всегда «работала на благо семьи», доказывал его правоту и вместе с тем обнаруживал, что на кону не просто честь одной женщины, но права всех женщин в Швеции настоящего и будущего. Эта теория, по мнению Блумберга, по крайней мере объясняла сходство между некоторыми свидетелями Оливии и возбужденными женщинами, которых он встретил у дверей собственного дома в день, когда обнаружил, что кто-то изрезал хранившуюся на чердаке зимнюю одежду.

Вот такое змеиное гнездо предстало перед судом в Виммербю в сентябре 1926 года, и Блумберг был практически уверен в скорой развязке. После двух лет раздельного проживания суд разведет их, разрешив финансовые разногласия, и измученные супруги покинут ратушу уже бывшими мужем и женой. Весной Блумберг занимался сбором необходимых документов, среди прочего – от священника. Весенние хлопоты были связаны с беременностью Астрид, о которой в городе теперь знала каждая собака. Если наружу выплывет информация о том, от кого этот ребенок, Оливия получит изобличающие супруга доказательства, что, в худшем случае, может привести к коллапсу финансовой империи Блумберга и помешает его планам в третий раз вступить в брак.

И вот 2 сентября 1926 года, когда суд собрался на заседание в ратуше Виммербю, произошло то, чего Райнхольд Блумберг, быть может, боялся, но никак не ожидал. Слушание перенесли из-за наличия новой важной информации, поступившей к Оливии Блумберг и ее брату-адвокату. Эта информация требовала дополнительного и основательного изучения. Блумберг догадывался, к чему все идет, и опротестовал перенос слушания, однако суд встал на сторону Оливии, и следующее заседание назначили на 28 октября. То есть за пять недель до предполагаемого срока разрешения Астрид.

Через два месяца заседание состоялось, и для Блумберга дело приняло наихудший оборот. Изыскания фру Оливии увенчались успехом, и она официально обвинила мужа в «блуде», то есть супружеской измене. Но поскольку решительных доказательств все еще не хватало, они с братом попросили о дополнительной отсрочке. Блумберг мог протестовать сколько душе угодно – суд снова удовлетворил просьбу Оливии. Не осталось никаких шансов на завершение процесса до рождения ребенка Райнхольда и Астрид в начале декабря 1926 года.

С этого момента Астрид Эриксон – заочно, анонимно и без риска, что ее вызовут свидетелем, поскольку была несовершеннолетней, – играла главную роль в бракоразводном процессе, который журналист Йенс Фельке в газете «Дагенс нюхетер» от 5 декабря 2007 года назвал «смертельными брачными играми, где все участники обречены на проигрыш».

Так ли это? После развода Райнхольд Блумберг по-прежнему жил в Виммербю, остался главным редактором и обеспеченным предпринимателем, в 1928 году женился в третий раз, стал отцом еще четверых детей и написал книжицу о своей родословной, зияющую отсутствием Оливии, Астрид и Лассе на ветвях фамильного древа. Иск Оливии Фрёлунд, ранее – Блумберг, удовлетворили, она получила компенсацию, хоть и символическую. А Астрид Эриксон? В декабре 1926-го она, избежав брака с Блумбергом, родила ребенка «по сговору».

«Сговор» – старинное слово, обозначающее помолвку. В соответствии со шведским законодательством 1920-х, ребенок, рожденный вне брака, но после обручения, которое могло состояться как до, так и после зачатия, получал те же права, что и ребенок, рожденный в браке. Если один из родителей разрывал помолвку, тайную или объявленную, ребенок сохранял право наследовать отцу и носить его фамилию.

Когда Райнхольд и Астрид обручились, мы точно не знаем, но в письме Блумбергу на Пасху 1928 года она намекает на события двухгодичной давности, то есть это могло произойти на Пасху 1926 года. Помолвка – разумеется, тайная – была очень важна для Астрид Эриксон, поскольку защищала ее внебрачного ребенка, что бы в дальнейшем ни произошло между нею и Райнхольдом. Кто рассказал будущей матери о такой возможности, неизвестно. Нельзя исключить, что Ханна и Самуэль Август слышали об этом шведском законе, хотя случившееся с дочерью переживали тяжело. Вот что Астрид Линдгрен поведала Стине Дабровски в 1993 году:

> «Ничего удивительного, что мои родители так сильно расстроились. А какой еще реакции можно ожидать от двух крестьян, выросших с убеждением, что внебрачный ребенок – это большое несчастье. <…> Они мало говорили. Нечего было сказать. В любом случае, я считаю, они были честны и, несмотря ни на что, помогали мне как могли».

А может, сам Блумберг и рассказал Астрид, как важно обручиться и до времени сохранять помолвку в тайне. Все свидетельствует о том, что главный редактор был влюблен в свою практикантку и собирался к ней посвататься, как только разведется с женой. Возможно, он был автором двух напечатанных в «Виммербю тиднинг» летом 1926 года больших статей о «внебрачных детях» с обстоятельным юридическим разбором случая рождения ребенка у обрученных родителей. В протоколы судебных заседаний округа Севеде за 1926–1927 годы занесено, что Астрид Эриксон общалась с Райнхольдом Блумбергом всю осень вплоть до родов 4 декабря 1926 года. И в частности, в сентябре – октябре, когда было решено, что рожать Астрид будет в частной клинике «Готт Хем» в Вэттерснэсе, недалеко от Хускварны и Йёнчёпинга. Копенгагенский Королевский госпиталь тогда еще даже не рассматривался. Эта мысль возникла позже, когда жена Блумберга обвинила его в измене.

Клиника «Готт Хем» активно рекламировалась в сентябрьских номерах «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет» – там, просматривая, как обычно, прессу, главный редактор и увидел объявление, в котором клиентам обещали «тактичность и понимание». Блумберг сразу же отправил в клинику анонимное сообщение, попросив срочно прислать ответ на «а/я 27, Виммербю» – как выяснилось позже, абонентский ящик, арендованный «Виммербю тиднинг». Эти обстоятельства всплыли в марте 1927-го во время судебного расследования запутанных и таинственных событий осени 1926 года. Тогда же Оливия Блумберг наняла графолога, который доказал, что анонимные письма в «Готт Хем», содержавшие характерные неразборчивые сокращения и выражение «юная дама, неприметно» (код того времени для обозначения особых обстоятельств, при которых незамужняя беременная женщина хотела поселиться там, где ее никто не знал, «неприметно», чтобы родить ребенка), написаны рукой Райнхольда Блумберга:

> «Настоящим, в связи с рекламным объявлением, запрашиваю, возможно ли в дек. мес. обеспечить пребывание у вас в обстановке тактичности и понимания юной дамы в положении и возможно ли разрешение в вашей же клинике? Просьба выслать информацию о стоимости и т. п. Буду благодарен за развернутый ответ, адрес: а/я 27, Виммербю. Дом для будущего ребенка пока что не подбираем».

Каким в глубине души представляет свое будущее восемнадцатилетняя Астрид Эриксон осенью 1926 г., нам неведомо. Она обручена с Блумбергом – по понятной причине, тайно, – и ребенок, таким образом, обладает всеми правами законного, включая право на наследование отцовского имущества. Обвиняемый в супружеской неверности Блумберг по-прежнему пишет страстные письма своей юной невесте, а та отвечает заверениями в любви, не понимая толком, что еще ей остается делать. Блумберг же все время чувствует, что в глубине души

Астрид мечтает о будущем с ребенком, где нет места его отцу. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Ответ на запрос Блумберга в сентябре 1926 года пришел очень быстро. Владелец «Готт Хем», медсестра Альва Сван, сообщала, что и в ноябре, и в декабре место у них есть. Тут же от Блумберга последовало еще одно письмо, на сей раз под именем Акселя Густавсона, в котором сообщалось, что «Густавсон» переслал письмо госпожи Сван своей невесте в Стокгольм и та, вероятно, приедет в Вэттерснэс в районе 1 ноября и пробудет там месяц до рождения ребенка. Этим «Аксель Густавсон» давал понять, что прекращает переписку и передает все в руки невесты. Сказано – сделано. Первое из трех писем от Астрид Эриксон, которое в марте 1927 года вклеили в журнал судебных заседаний в доказательство неверности Блумберга, Альва Сван получила 8 октября.

> «Пишу в связи с сообщением, направленным Вами на адрес а/я 27, Виммербю. К Вам обращался мой жених, случайно оказавшийся в В-бю. Я родилась в Виммербю, но уже некоторое время живу в Стокгольме, чтобы окружение, как Вы пишете, ничего не узнало. Планирую приехать к Вам около 1 ноября, но нуждаюсь в более подробной информации. Сможете ли Вы позаботиться о приемной семье для ребенка, по крайней мере, на первое время? Семья должна быть хорошей. И еще. Могут ли роды проходить под наркозом? Есть ли в клинике врачи? Проживают ли у Вас другие дамы, находящиеся в затруднительном положении? Хотела бы получить ответы на свои вопросы, прежде чем решу окончательно. Я посчитала, что роды должны произойти в начале дек., так что к Рождеству можно будет вернуться домой. Я очень молода, мне всего 19, и чрезвычайно ценю помощь и понимание».

У Вас есть швейная машинка?

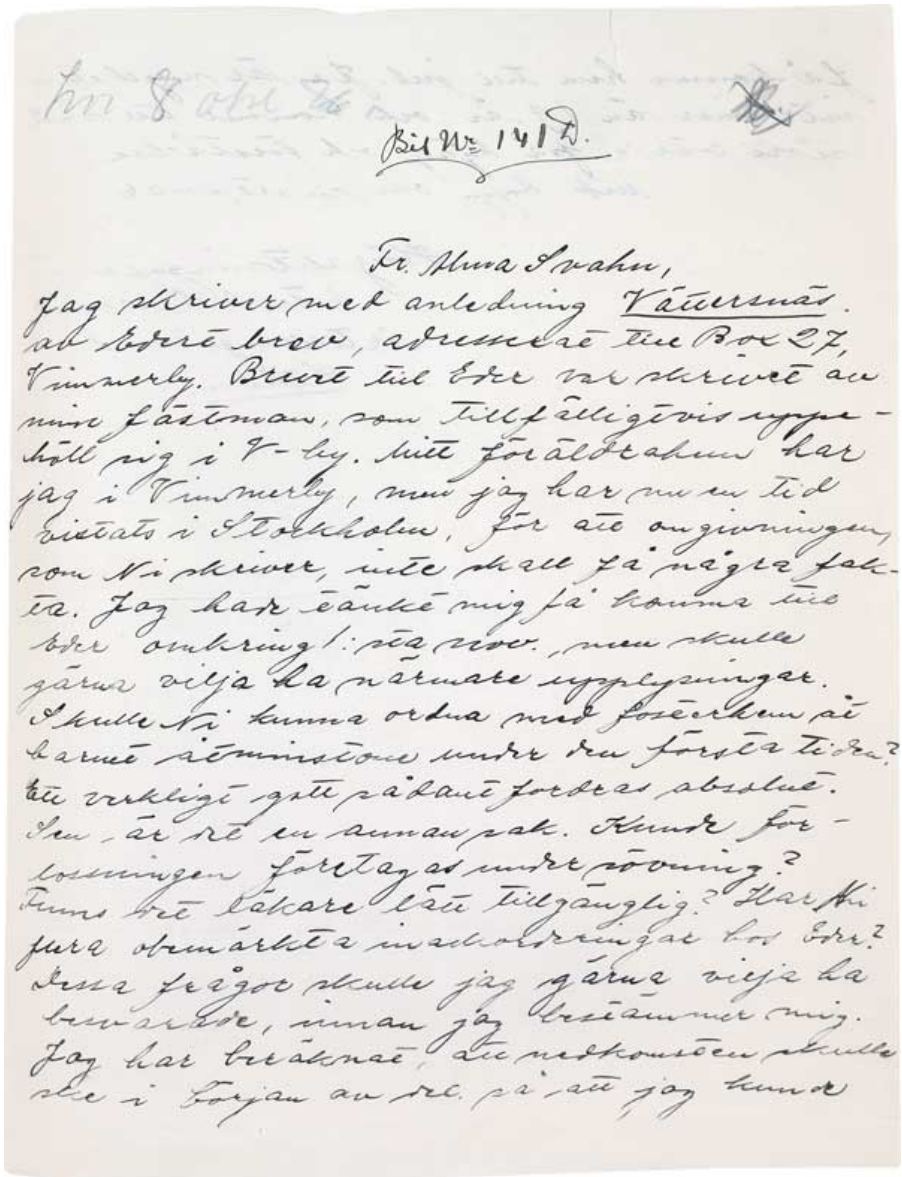
Альва Сван, одна из многих скандинавских женщин с медицинским образованием, заведовавших в 1920-е годы родильными домами, была частью машины по «производству младенцев», как это назвали позже. Частные клиники составляли важное звено в «производстве младенцев», рожденных вне брака. Одних отправляли в детские дома, других забирали приемные

родители, которые могли оказаться любящими и жертвенными, как та женщина в Копенгагене, с которой ребенку Астрид и Райнхольда предстояло провести первые три года жизни, или бесчувственными, как приемные родители Боссе в «Мио, мой Мио!». Частные родильные клиники, детские дома и приемные семьи хорошо зарабатывали на чужом несчастье во времена тотальной безработицы, и далеко не всех детей окружали любовью и заботой. Астрид Эриксон была наслышана о плохом обращении с детьми, а потому задавала конкретный вопрос о том, чем в клинике «Готт Хем» смогут помочь ее ребенку после родов.

Альва Сван ответила телеграммой, в которой сообщала, что обязательно найдет ребенку любящую приемную мать и что наркоз при родах возможен. А потому 10 октября 1926 года Астрид вновь отправила ей письмо – благодарила за ответ и объясняла, что спрашивала о других женщинах в клинике не из страха оказаться в их обществе, а совсем напротив:

> «Когда рядом товарищи по несчастью, от общения с ними становится легче. Как долго упомянутые Вами дамы намерены у Вас оставаться? Прежде чем принять окончательное решение, я должна посоветоваться с родителями и отказаться от другой клиники. Буду крайне признательна, если смогу приехать 1 ноября. Дольше я в Сткг. задерживаться не решаюсь. Но вот что еще: у Вас есть швейная машинка, которой можно воспользоваться? Мне предстоит много шитья. С почтением, Астрид Эриксон».

Ответ пришел незамедлительно. Конечно, у Альвы Сван имелась швейная машинка, и она готова была помочь фрёкен Эриксон с детскими вещами. А потому 19 октября Астрид ответила, что окончательно остановилась на клинике «Готт Хем», приедет 31 октября и пробудет в Вэттерснэсе до родов в начале декабря. 150 крон – плата за проживание – будут как можно скорее уплачены ее женихом. Фрёкен Эриксон также выражала надежду, что фру Сван встретит ее на станции в Йёнчёпинге, поскольку было неясно, можно ли отправить чемодан багажом до Хускварны.



Менее чем за два месяца до родов вопрос о клинике и дальнейшем будущем матери и ребенка остается открытым. Это следует из первого письма Альве Сван, представленного в суде весной 1927 г. и вклеенного в журнал заседаний в качестве доказательства по бракоразводному делу Райнхольда Блумберга. (Фотография: Региональный архив Вадстены)

Путешествие длиною в девять месяцев, похоже, подходило к концу, но ни чемодан, ни Астрид Эриксон на станции Йёнчёпинга 31 октября не появились. Вместо этого Альве Сван пришла

телеграмма: фрёкен Эриксон задерживается. Это фру Сван помнила очень отчетливо, четыре месяца спустя выступая свидетелем в суде города Виммербю. Возникла какая-то помеха.

И помеха серьезная. Как уже говорилось, бракоразводный процесс не закончился 28 октября. Оливия Блумберг, всячески пытавшаяся разоблачить своего неверного мужа, вновь добилась переноса слушаний, на сей раз на 9 декабря, а тем временем собиралась раздобыть решающие доказательства. Предполагаемую мать предполагаемого ребенка нельзя было вызвать свидетелем, но кто-то должен был знать, где этот ребенок родится… Иными словами, ситуация изменилась. Райнхольд и Астрид ни при каких обстоятельствах не могли огласить помолвку до родов, поскольку Блумберг все еще был женат, и «Готт Хем» внезапно перестал им подходить, так как после родов в Швеции в Отдел регистрации населения неизбежно попадала копия свидетельства о рождении ребенка с указанием его фамилии – Блумберг. Теперь роды непременно должны были произойти за пределами досягаемости Оливии Блумберг; пока не закончится судебный процесс и не утихнет возмущение, никто не должен был узнать о ребенке.

Так что Астрид и Райнхольду было о чем поговорить в дни, последовавшие за фатальным заседанием 28 октября. До родов оставалось всего пять недель, все было устроено, обо всем договорено с Альвой Сван. И что теперь? Сначала Астрид решила остаться в Стокгольме и дала телеграмму в клинику, что задержится, а в следующей телеграмме – о чем Альва Сван позже расскажет в суде – известила, что прибудет вечером 3 ноября.

В Стокгольме Астрид использовала образовавшееся свободное время, чтобы составить новый план родов. Впервые за беременность она сама взялась за дело и 30 октября 1926 года посетила адвоката Еву Анден в офисе на Лилла Ваттугатан в районе Гамла Стан. Астрид выложила большую часть карт своего сложного любовного пасьянса – она рассказала не только о собственном печальном положении, но и о тайной помолвке с Райнхольдом и о бракоразводном процессе, который все больше влиял на ситуацию с родами. Казалось, девушка предоставлена самой себе.

Ева Анден была первой женщиной в Адвокатской коллегии Швеции. Она работала с клиентами-женщинами, сотрудничала с феминистским журналом «Тидеварвет» и консультационным бюро, за год до этого основанным редактором этого журнала врачом Адой Нильсон. В 1924 году в пространных статьях в «Тидеварвет» Анден писала о последних поправках в законодательстве, касающихся детей, рожденных «в браке» и «вне

брака». В этих статьях адвокат делала упор на то, как незамужние беременные женщины могут обеспечить будущее своих детей. Анден отмечала, что ни к чему, казалось бы, не обязывающая помолвка предоставляет молодой беременной женщине блестящий шанс обеспечить ребенка, не связывая себя с его отцом на веки вечные.

Словом и делом

После разговора Ева Анден отправила Астрид к Аде Нильсон в медицинский кабинет на Тривальдсгрэнд, 2, тоже в районе Гамла Стан, – пройти медицинское обследование и обсудить возможные осложнения. В тот же вечер на пятом этаже пансионата на Артиллеригатан Астрид села писать оптимистичное письмо Райнхольду. Она напоминала ему, что на конверте он должен указать имя и адрес Самуэля Августа, дабы не рисковать, если письмо попадет в чужие руки:

> «Сегодня была у адвоката, ее зовут Ева Анден. Она отнеслась ко мне невероятно дружелюбно, не взяла денег… Анден считает, что нужно найти хорошую квартиру в Копенгагене и родить там ребенка в одной больнице, не помню название, но у них есть секретный журнал регистрации, где не нужно указывать имен матери и отца… Она очень порядочный человек и полагает, что мать должна заботиться о своем ребенке, насколько это возможно, а потому не предлагает избавляться от него навсегда. Правда, она думает, что мне будет очень тяжело одной в чужой стране, но уж как-нибудь, наверное, справлюсь… Говорит, чтобы я ни при каких обстоятельствах не садилась в поезд, пока не пройду обследование, послала к одному врачу, даме по имени Ада Нильсон. По крайней мере, в моче у меня нет белка, это хорошо. Напиши, что думаешь о моем предложении. В понедельник снова пойду к адвокату. **Укажи на конверте адрес отца!**»

В 1926 году в Швеции одним из немногих мест, где молодая незамужняя женщина, собиравшаяся рожать, могла получить совет и срочную помощь, медицинскую и юридическую, было «Консультационное бюро для родителей „Тидеварвет“», располагавшееся по соседству с редакцией журнала и кабинетом Ады Нильсон. Бюро, откуда открывался вид на Шлюз и Риддарфьорд, Ада Нильсон открыла зимой 1925 года вместе с Евой

Анден, Элин Вагнер и другими женщинами, сотрудничавшими с журналом. Образцом послужили «Консультационные станции» норвежки Катти Анкер Мёллер в Осло и еще раньше основанные в Нью-Йорке и Лондоне «Клиники контроля за рождаемостью», которые также чрезвычайно вдохновили Тита Йенсена, боровшегося за «Добровольное материнство» в Дании. Как написала в «Тидеварвет» Ада Нильсон, их целью была «помощь будущим матерям словом и делом». Формулировку «словом и делом» Астрид Линдгрен пятьдесят лет спустя повторила на страницах биографии Маргареты Стрёмстедт, рассказывая о помощи женщин из «Тидеварвет», встреча с которыми была, возможно, совсем не так случайна, как Астрид пыталась изобразить:

> «Я случайно узнала об адвокате Еве Анден из газеты. Из статьи следовало, что она взяла на себя миссию словом и делом поддерживать женщин, которые нуждаются в помощи».

Ева Анден (1886–1970) – первая в Швеции женщина-адвокат. В 1915 г. основала собственную адвокатскую фирму, боролась за избирательное право для женщин, была активным членом «Союза свободомыслящих женщин» и участвовала в работе редакции журнала «Тидеварвет», для которого писала статьи, затрагивающие юридические аспекты абортов, проституции, брака и наследования. (Фотография: Эрик Хольмен / TT)

Из-за текущего судебного разбирательства по делу Блумберга Астрид порекомендовали анонимно родить в Родильном учреждении в Копенгагене и оставить ребенка в датской столице у приемной матери, пока они с Райнхольдом не смогут забрать его в Швецию. Через Родильное учреждение при Королевском госпитале Ева Анден связалась с толковой и заботливой женщиной, которая жила в районе Брёнсхой в Копенгагене и вместе с сыном-подростком помогала шведским матерям до и после родов. В письме Райнхольду от 30 октября Астрид говорит о своем решении как окончательном:

> «Подумай хорошенько по поводу Дании. Сначала мне эта затея совсем не понравилась, но теперь я смотрю на это иначе. Фру Анден считает, что я поступила легкомысленно, найдя клинику по объявлению. У меня создалось впечатление, будто она не очень доверяет нашей акушерке и считает, что та может проболтаться».

Случилось именно то, чего опасалась Ева Анден. Оливия Блумберг и ее брат-адвокат нашли клинику «Готт Хем» и выудили у Альвы Сван довольно много. Когда 10 марта 1927 года слушания возобновились и стороны впервые за все время пожелали, чтобы процесс проходил за закрытыми дверями, Альва Сван была готова свидетельствовать против Райнхольда Блумберга. И не она одна – обвинение вызвало еще двоих свидетелей, которые в субботу, 6-го, и в воскресенье, 7 ноября, заметили Блумберга и Астрид Эриксон в городе Несшё среди гостей отеля «Континенталь», где пара зарегистрировалась в одном номере.

Альва Сван рассказала о странном поведении Астрид Эриксон, которая внезапно появилась в Вэттерснэсе 3 ноября и дала понять, что планы относительно самих родов изменились. Она не сможет оставаться в клинике после 20 ноября, поскольку они с женихом-инженером, который сейчас разводится, должны пожениться. Поэтому фрёкен Эриксон поедет к нему в Хельсингборг – там, дескать, проживает его семья, там они поженятся, там родится их ребенок. Далее фру Сван рассказала, как фрёкен Эриксон в субботу, 6 ноября, внезапно уехала в Несшё, предположительно на встречу с женихом, который был там проездом, и на следующий день вернулась.

А затем, 10 марта 1927 года, выступили два других свидетеля. Владелец отеля «Континенталь» и один из постояльцев, время от времени бывавший в Виммербю, опознали Райнхольда Блумберга, который провел в отеле выходные в

обществе молодой беременной женщины. Хозяин отеля рассказал, что пара зарегистрировалась под именем «инженера Акселя Густавсона с супругой», а постоялец заметил не только их неуклюжую попытку скрыться в ресторане, но и сверкающее кольцо на пальце женщины.

20 ноября, перед отъездом Астрид Эриксон из Вэттерснэса к жениху в Хельсингборг, Альва Сван, по ее словам, предупредила девушку о тяготах железнодорожного путешествия и предложила паре обвенчаться прямо в клинике. Но фрёкен Эриксон категорически отказалась. В последнюю минуту она обещала позвонить и рассказать, как прошла поездка. Однако миновал месяц, прежде чем Альва Сван получила от Астрид весточку. В телеграмме, направленной в «Готт Хем», говорилось, что Астрид Эриксон родила сына в больнице Хельсингборга.

Где на самом деле бывшая практикантка «Виммербю тиднинг» родила ребенка и как его назвали, ни Альва Сван, ни Оливия Блумберг, ни суд Виммербю не узнали до вынесения решения по делу летом 1927 года. Суд округа Севеде постановил «считать установленным, что Райнхольд Блумберг в начале 1926 года согрешил блудом против брака с Оливией Блумберг».

Суд удовлетворил прошение Оливии Блумберг о разводе, и за причиненные страдания она получила приличную компенсацию – впрочем, лишь пятую часть того, что требовали они с братом-адвокатом. Райнхольду Блумбергу, избежавшему необходимости выплачивать бывшей жене ежемесячное содержание, пришлось выложить кругленькую сумму на покрытие судебных издержек.

Аллея Надежды

21 ноября 1926 года, через неделю после своего дня рождения, девятнадцатилетняя Астрид Эриксон на последнем сроке беременности появилась на Центральном вокзале Копенгагена. Позади лежал длинный путь на поезде через южную Швецию и на пароме через Эресунн. В зале прибытия ее ожидал молодой человек с темными волнистыми волосами и дружелюбными глазками за очками в толстой роговой оправе. Он представился Карлом Стевенсом и сообщил, что отвезет фрёкен Эриксон на Аллею Надежды. Девушке, которую пугает будущее, название должно было показаться оптимистичным.

Они ехали по Нёрреброгаде на желтом столичном трамвае, и Карл рассказывал ей о пробегавшем за окном пейзаже. После поездки по густонаселенному, кишащему людьми, автомобилями, повозками и велосипедами жилому кварталу в центре Копенгагена они внезапно очутились в океане света – показались поля, пологие холмы и крытые соломой крестьянские домики. Очень похоже на Смоланд, если бы не трех– и четырехэтажные здания, торчавшие посреди этой сельской красоты и издалека напоминавшие груды камней на подступах к растущему городу. Трамвай шел к площади Брёнсхой по Беллахойскому холму и дальше по улице Фредерикссуннсвай. На конечной Карл и Астрид вышли и остаток пути до Аллеи Надежды проделали пешком, среди каменных вилл, что жемчужной нитью протянулись за многоэтажными зданиями с витринами магазинов, смотревшими на Фредерикссуннсвай.

Вилла Стевнс на Аллее Надежды, 36, в Брёнсхой, в 5–6 км от центра Копенгагена. Там, на втором этаже, Лассе вместе со своим ровесником Эссе провел первые три года жизни. (Фотография: Частный архив)

Карл остановился у дома номер 35. «Вилла Стевнс» – значилось на фасаде, а в саду, выходившем прямо в открытое поле, виднелись две детские коляски. Как пояснил Карл, одна коляска принадлежала семье с первого этажа, а в другой лежал шведский мальчик Эссе, которого растила мать Карла, занимавшая второй этаж. Обе семьи носили фамилию Стевенс – позже Астрид объяснили, что фамилия происходила от названия полуострова Стевнс к югу от Копенгагена, которое дало имя и роду, и вилле. О вилле этой она впоследствии не забыла и за свою долгую жизнь несколько раз туда наведывалась. В последний раз – в 1996 году – Астрид постучалась в дверь, не зная, кто теперь проживает в доме, представилась удивленным жильцам и попросила разрешения посидеть в комнате второго этажа, где когда-то кормила новорожденного сына. Отсюда было видно яблоню в саду, где Лассе три года играл с Эссе, почти что своим ровесником, и «старшим братом» Карлом.

Марие Стевенс, мать Карла и приемная мать Эссе и Лассе, была из тех копенгагенских женщин 1920-х, что постоянно ухаживали за одним-двумя малышами и давали кров будущим матерям перед родами. Минимальная цена за проживание ребенка на полном пансионе на Вилле Стевнс составляла 60 крон в месяц, и дело того стоило: «тетя Стевенс», как ее называла Астрид, была сведущим и порядочным человеком, и Комитет

награждения приемных матерей в 1923 году премировал ее 50 кронами и дипломом, который теперь хранится в Музее рабочего движения в центре Копенгагена. Комитет награждения был филантропической организацией и занимался улучшением условий жизни детей в приемных семьях Дании с 1861 года. Эта работа предшествовала более системному подходу к защите детей и матерей-одиночек, сложившемуся после Первой мировой войны.

Шестнадцатилетний Карл Стевенс, встретивший Астрид Эриксон на Центральном вокзале, – талантливый пианист. Он не пошел по стопам матери и в 1930-е гг. поступил в Копенгагенский университет, где изучал музыку и немецкий. (Фотография: Частный архив)

В те времена, в периоды кризиса и высокой безработицы, было трудно понять, что движет той или иной приемной матерью: любовь или цинизм. Одно дело – приемные семьи, где грудничков вынужденно кормили бутилированным коровьим молоком, опасным для здоровья малышей, другое – так называемые «поставщики ангелочков», славившиеся по всей Скандинавии тем, что морили младенцев голодом и жаждой, а иногда и просто убивали, чтобы принять новых детей, а с ними и новые финансовые поступления.

Безупречная репутация фру Стевенс была известна по всей Швеции. Если прошедших за многие годы через Виллу Стевнс

«шведских дам» в полном составе выстроить на Дроттнинггатан в Стокгольме, шутливо писал Карл Астрид в 1930 году, очередь стояла бы от Мэстер Самуельсгатан и до пролива Норстрём. До самой смерти фру Стевенс получала множество благодарственных писем в конвертах с шведскими марками. Среди корреспондентов была и Астрид Линдгрен, называвшая фру Стевенс «самой прекрасной женщиной, какую я когда-либо встречала». В 1931 году она отправила приемной матери Лассе поздравление с Рождеством и на смеси шведского и датского, усвоенной за эти годы, рассказывала, что фру Стевенс до сих пор снится Лассе и иногда мальчик хочет, чтобы его «шведская мама» поиграла с ним в «датскую» с Аллеи Надежды в Брёнсхой:

> «Я должна была говорить с ним по-датски, а он рассказывал „маме“, что скоро едет в Нэс, и о других интересных вещах. И конечно, ему хотелось, чтобы мы сели в поезд и поехали к „маме“. „Мама такая хорошая“, – повторяет он. Да, фру Стевенс, он вспоминает Вас как что-то очень хорошее и светлое, он никогда Вас не забудет».

Считая бычьи головы

Почти шестьдесят лет Астрид Линдгрен общалась с Карлом Стевенсом, тем самым мальчиком, который встретил ее на Центральном вокзале в ноябре 1926 года. В тот раз шестнадцатилетний гимназист, мечтавший изучать языки и музыку в университете и со временем ставший учителем гимназии в Хеллерупе, не только сопроводил Астрид в Брёнсхой, но и до самых родов развлекал молодую женщину, которая была ему почти ровесницей: возил осматривать Копенгаген и играл на рояле в гостиной «Революционный этюд» Шопена.

Именно Карл отвез Астрид в Королевский госпиталь на такси, когда начались схватки. Он держал ее за руку и, чтобы отвлечь от боли, придумал считать бронзовые бычьи головы над дверями каждой мясной лавки, которую они проезжали. Три года спустя, 10 января 1930 года, тот же спокойный, надежный Карл отвез трехлетнего Лассе на поезде в Стокгольм, к «маме Лассе», как они с фру Стевенс последовательно и ненавязчиво называли Астрид у себя дома. Бóльшую часть пути Лассе кашлял, вертелся, крутился, толкал Карла в темном купе и говорил на датском, как настоящий маленький копенгагенец. «Подвинься!» – требовал мальчик. Это и многое другое восьмидесятилетняя Астрид

Линдгрен вспоминала в письме к Карлу в декабре 1987 года – она благодарила его за поздравление с днем рождения и передавала привет всем его детям и внукам:

> «У меня в голове не умещается, что ты, Карл, дедушка двух школьников. Я представляю тебя все тем же юным гимназистом, что играл в гостиной на рояле, брал меня на прогулки, показал все окрестности и достопримечательности Копенгагена. Я так уставала во время беременности, что, приходя домой, тут же засыпала и спала как убитая. Ах, все эти воспоминания, бычьи головы, и всякая всячина, и твоя поездка с Лассе, когда он просил тебя подвинуться. Еще помню, как он похлопал тебя по плечу и заявил: „Теперь мы друзья!“»

Рожать ей предстояло в корпусе Королевского госпиталя на Юлианне Марие Вай – его еще называли Родильным учреждением. Со времени своего основания в XVIII веке учреждение предоставляло убежище незамужним роженицам – это было гуманнее, чем «распространенные тайные роды и зачастую последующее умерщвление плода», как было написано в многовековой давности королевском пожаловании. В те годы незамужняя женщина обычно скрывала свою беременность все девять месяцев, а затем рожала втайне, без акушерской помощи. В надежде сохранить постыдную тайну и избегнуть несчастий, которые сопутствовали появлению незаконного ребенка, многие матери удушали дитя сразу после рождения.

В 1920-е годы Родильное учреждение по-прежнему предотвращало подобные трагедии. Здесь можно было родить под присмотром врачей, в безопасных условиях и без огласки, не сообщая ни имени отца, ни своего собственного. Роды регистрировали в картотеке Королевского госпиталя, где каждой «тайной матери» присваивался номер. Как в свидетельстве о крещении Ларса Блумберга, где над пунктирной линией напротив пункта о положении и фамилиях родителей значилось «1516 b». Имя крестной матери в данных обстоятельствах сообщать тоже было не обязательно, но ее звали Марие Стевенс.

Мальчик увидел свет 4 декабря в десять часов утра, и хотя у Астрид несколько дней после родов держалась температура, она довольно быстро вернулась на Аллею Надежды к фру Стевенс, Карлу и Эссе. Вернулась с маленьким Ларсом Блумбергом на руках и не расставалась с ним до 23 декабря, когда уехала в Нэс встречать Рождество. Это решение в 1993 году в интервью Стине Дабровски пожилая Астрид назвала идиотским:

«– Конечно, надо было остаться и кормить ребенка, но я не понимала, насколько это важно. Я сделала это ради них (Ханны и Самуэля Августа. – *Ред.*), чтобы не ставить их в неудобное положение из-за того, что я не приехала, ведь тогда бы все догадались.

– Но все же вроде бы и так понимали, что вы уехали рожать?

– Не знаю, наверное, да. Но по официальной версии, я училась в Стокгольме».

«Тетя Стевенс» с маленьким Карлом и мужем Теодором, умершим в 1921 г. в результате продолжительной болезни. После его смерти Марие Стевенс стала «приемной матерью», у нее сложился особый круг клиентов, состоявший из молодых незамужних матерей из Швеции. (Фотография: Частный архив)

Астрид Линдгрен навсегда запомнила то пьянящее счастье, которое испытала, впервые лежа с малышом Лассе у груди, в одиночестве и покое. То же волшебное настроение в 1952 году Линдгрен передала в трогательной концовке трилогии о Кати: юная героиня в торжественном внутреннем монологе славит чудеса природы и симбиоз матери и ребенка, но понимает, что это – счастье взаймы. Впереди обоих ждет одиночество.

> «Мой сын лежит у меня на руке. У него такие маленькие-премаленькие ручки. Одна из них обхватила мой указательный палец, и я не смею шевельнуться. Возможно, он тогда отпустит мой палец, а это будет невыносимо. Эта крохотная ручка с пятью крохотными пальчиками и пятью крохотными ноготками – неземное, небесное чудо!
>
> Я ведь знала, что у детей есть руки, но, разумеется, не понимала по-настоящему, что у моего ребенка тоже будут такие. Ведь я смотрю на этот маленький розовый лепесток – ручку моего сына – и не перестаю удивляться.
>
> Он лежит с закрытыми глазками, прижавшись носиком к моей груди, его головка покрыта черным пушком, и я слышу его дыхание. Он – чудо! <…>
>
> Недавно он, мой сын, немного поплакал. Его плач напоминает жалкий писк котенка, и я с этим чувством нежности к нему почти не в силах слышать этот плач, так мне больно! Как ты беззащитен, мой маленький котенок, мой птенчик, как мне защитить тебя? Мои руки крепче обвивают тебя. Они ждали тебя, мои руки, они с самого начала были предназначены именно для того, чтобы быть твоим гнездом, мой птенчик!
>
> Ты – мой, я теперь тебе нужна! В этот миг ты абсолютно мой. Но скоро ты начнешь расти. С каждым днем ты будешь все больше отдаляться от меня. Никогда не будешь ты так близок мне, как теперь. Быть может, когда-нибудь я с болью в душе буду вспоминать этот час»[8].

Голод в Стокгольме

В канун Рождества 1926 года Астрид попрощалась со своим ребенком, тетей Стевенс и Карлом. Когда она приедет вновь, никто из них не знал. Ее путь лежал домой, в Нэс, а затем на

север, в Стокгольм. Назад, в спартанскую комнату в пансионате, с убогой стальной койкой, из-за которой помещение «…походило на военный лазарет», как она написала Ханне и Самуэлю Августу. Астрид была из тех молодых женщин-служащих, которые на социальной лестнице стояли немногим выше городского пролетариата. У нее была хотя бы эта стальная кровать, одежда и, как правило, хватало еды, чем она не в последнюю очередь была обязана посылкам из дома: примерно раз в полтора месяца приходила корзина, полная запасов из кладовой Ханны. За эти предметы первой необходимости старшая дочь тут же благодарила в письмах – как правило, не забывая отметить, что корзина скоро опустеет:

> «Какая роскошь – отрезать себе порядочный кусок хлеба, намазать первоклассным виммербюским маслом и положить сверху кусок маминого сыра, а затем все это съесть. Это наслаждение я испытываю каждое утро, пока в корзине еще что-то остается».

В других письмах родителям и брату Гуннару, который обучался у одного фермера в Сконе, Астрид описывала, как каждый вечер, придя домой, они с подругами сидят на краю постели, отрезают колбасу и сыр и просят передать «то одно, то другое. Чудесно, но скоро этому придет конец». Слух о корзинках Ханны быстро распространился среди подруг Астрид: в корзинках ведь была еда, а не простыни, пододеяльники и прочая несъедобная утварь.

> «В конце концов посылка из дома становится условием выживания. Ни о чем другом и думать не можешь, а когда наконец ее получаешь, испытываешь почти детский восторг».

Это слова человека, знакомого с голодом. И с тоской. Многого жизнь уже лишила Астрид Эриксон, но самая большая потеря случилась, когда в канун Рождества она простилась с Лассе и передала его тете Стевенс. Эта сцена хорошо запомнилась приемной матери. Никогда еще Марие Стевенс не встречала женщину, которая, родив в подобных обстоятельствах, так радовалась бы своему ребенку. Спустя многие годы, в 1950-м, когда мальчик вырос и у него самого уже родился сын, старая приемная мать из Копенгагена отправила Астрид письмо, где, между прочим, написала: «Вы полюбили своего малыша с первого мгновения».

Совсем не похожа была девятнадцатилетняя Астрид на довольную и веселую молодую особу, когда переступила порог родного дома в Виммербю на Рождество 1926 года. Пронизывающее счастье и эйфория, пришедшие после благополучных родов, сменились унынием, болью и сожалением, а в последующие годы это состояние перешло в хроническое – об этом она часто писала Анне-Марие Фрис:

> «Я недовольна жизнью… иногда думаю, не схожу ли с ума… мало что знаю, поскольку не пишу никому, кроме родных время от времени».

Одинокая жизнь девятнадцатилетней Астрид Эриксон в большом городе не всегда была тоскливой. В письме брату Гуннару от 26 июля 1927 года она рассказывает о визите Стины и о том, что видели веселые сестры: радиоуправляемые машины в парке развлечений «Грёна Лунд», танцы в «Бланш», кофе в кафе «Сёдерберг», музей «Скансен», Национальный музей и Городскую ратушу. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В январе 1927 года Астрид как ни в чем не бывало продолжила заниматься в училище «Бар-лок» на Хамнгатан, где обучали машинописи, бухгалтерскому учету, счетоводству, стенографии и ведению деловой корреспонденции. В обеденный перерыв она общалась с другими женщинами, а вечера проводила с подругами – ровесницами Сагой, Ингар, Мэртой, Теклой и Гун, однако на фотографиях тех лет Астрид Эриксон чаще всего грустна и несчастна. Вот что она напишет спустя много лет в статье «Посвящение Стокгольму», напечатанной в антологии «Смысл жизни»:

> «Приехав сюда в 19 лет, я плевалась: Стокгольм мне показался отвратительным! Конечно, он был очень красив, утончен и изыскан, на взгляд того, кто, как я, родился в деревне. Но город был мне чужим. Мне здесь было не место. Одиноко бродила я по улицам, с завистью глядя на торопящихся мимо людей, которым, казалось, принадлежит весь этот город».

В старости, оглядываясь на первую главу своей жизни в Стокгольме, Линдгрен называла ее «моя тощая холостяцкая жизнь», и слово «тощая» следует понимать как в физическом смысле, так и в психологическом. В письмах матери и отцу их девятнадцати-двадцатилетняя дочь хорохорилась, но депрессивный настрой 1927–1928 годов сквозит в письмах к Анне-Марие и в известной степени к Гуннару. «Иногда мне до судорог снова хочется стать ребенком, а иногда я благословляю каждый день, приближающий меня к могиле», – писала она старой подруге из Виммербю 6 декабря 1928 года. За две недели до этого Гуннар получил пессимистическое послание от своей обычно смелой и сильной сестры:

> «Я чувствую себя одинокой и бедной – одинокой, быть может, потому, что так и есть, а бедной – потому, что мое движимое имущество состоит из одного датского эре. „Быть может“ я забираю назад. С ужасом думаю о наступающей зиме».

Позже Астрид стала подшучивать над своими мрачными мыслями. Так, в 1929 году, когда жизнь стала налаживаться, поскольку они с подругой Гун нашли новое жилье на Атласгатан, она назвала себя «убывшим кандидатом в самоубийцы». Но пессимизм и меланхолия не разжимали крепких объятий.

В ответ на письмо Анне-Марие в январе 1929 года, в котором

та жаловалась, что возлюбленный кажется ей чужим, Астрид 6 февраля 1929 года ответила, что это и трагично, и естественно, и поделилась собственным мрачным взглядом на любовь и отношения между мужчиной и женщиной: «Другого и быть не может между двумя несчастными, во всяком случае в этом худшем из миров. Это ясно как дважды два. *Es ist eine alte Geschichte doch bleibt sie immer neu*[9] и всякий раз столь же невыносима».

В том же письме Астрид спрашивает, читала ли Анне-Марие книгу французского писателя Эдуарда Эстонье «Одиночество», недавно переведенную на шведский. Если нет, ей стоит прочитать последний рассказ в сборнике – «Господин и госпожа Жофрелен», в нем речь о мужчине, который покончил с собой, потому что за многие годы совместной жизни отчаялся понять, что творится в голове у жены. История взволновала Астрид и воскресила угасающую веру в то, что через любовь мужчина и женщина могут преодолеть одиночество, на которое безнадежно обречен каждый человек по отдельности:

> «Нет, наверное, ни одного существа, рожденного женщиной, которое бы не было одиноко. И тут вдруг появляется какой-то человек и заявляет: „Мы с тобой – родственные души, мы понимаем друг друга“. И в глубине твоей души раздается голос, с досадной ясностью произносящий: „Да, черт подери, да“. То есть твой голос, возможно, выражается несколько приличней. В последнее время меня одолевают люди, которые чувствуют себя ну такими родственными мне душами, ну такими родственными! А я еще более одинока, чем раньше. Во всяком случае, кусочек меня упрямо, невыносимо, ожесточенно одинок – и, вероятно, так всегда и будет».

Тоска, пессимизм и временами возникающие мысли о самоубийстве сильнее всего давали о себе знать, когда длинными воскресными днями Астрид оставалась в большом городе одна. Непрестанные размышления о Лассе с утра пораньше гнали ее на улицу, и все, что в другие дни вытеснялось и тонуло в многочисленных заботах, всплывало из подсознания. Нигилизм и глубокая тоска грызли ее изнутри, как и голод, когда деньги подходили к концу, а корзина из дома давно уже опустела. Часто приходила она на «одинокую» лавочку под кустом у Энгельбретскирке. Всеми покинутая, Астрид находила спасение не в церкви, а в романе Кнута Гамсуна «Голод», в те годы ставшем библией для матери-одиночки, – так она рассказывала

«Экспрессу» в ноябре 1974-го:

> «Все сливалось в единое острое переживание счастья от книги и солидарности с юным Гамсуном и всеми, кто ходил голодным по всем большим городам мира. Как вот, например, я – ну да, ну да, я, конечно, даже близко не голодала, как Гамсун, который, расхаживая по Христиании[10], жевал кусочек дерева. В Стокгольме я просто никогда не бывала по-настоящему сытой. Но и этого хватало, чтобы отождествить себя с безумным юношей из Христиании, и подумать только, что он смог написать такую захватывающую и ужасно забавную книгу о голоде».

В том, как Гамсун описывал борьбу человека с одиночеством, было что-то знакомое и успокаивающее. А зримое описание бедного потрепанного героя прямо-таки подбадривало: его одежда становится все оборванней, самая распоследняя вещица отдана в заклад, и тем не менее среди этой безнадежности он сохраняет достоинство и юмор. Все же Астрид была не одна со своим одиночеством в Стокгольме – был и герой Гамсуна, и еще сотни молодых несчастных секретарш, чья юность пропала из-за нежелательной беременности, и они тоже голодные слонялись по большому городу в поисках смысла жизни. Вот что Астрид написала Анне-Марие 3 октября 1928 года:

> «Да, и точно жизнь – проклятая бессмысленная комедия! Иногда мне кажется, что я заглядываю в пропасть, а иногда утешаю себя тем, что „life is not as rotten as it seems“».

Слепой метод

А по будням разочарованная двадцатилетняя мать без ребенка становилась энергичной, общительной фрёкен Эриксон, которая умела ладить со всеми вокруг. Она печатала слепым методом, не глядя скользила пальцами по клавиатуре, хорошо стенографировала и не боялась переписки на английском и немецком. Все эти умения позже пригодились Астрид Линдгрен – писателю, редактору, а для родных и друзей – прилежному корреспонденту.

На первой работе, куда Астрид поступила в 1927 году, ей полагалось снимать трубку, произносить: «Отдел радио Шведского центра книжной торговли!» – слушать и извиняться.

Ей приходилось принимать жалобы недовольных клиентов, не сумевших настроить свое новое радио – последний писк техники. Во время собеседования на площади Кунгсброплан начальник конторы ясно дал понять, что после бегства предыдущей сотрудницы ему больше не нужны девятнадцатилетние, но Астрид Эриксон сделала то, что всегда умела делать превосходно: продала себя. Включила обаяние, юмор, энергию и убедила работодателя в том, что на нее можно положиться, хотя ей всего девятнадцать.

> «Мне платили 150 крон в месяц. С этого не разжиреешь. И в Копенгаген особенно не разъездишься, а больше всего я стремилась туда. Но иногда с помощью экономии, заемов и закладов удавалось наскрести денег на билет».

Старый паспорт Астрид Эриксон с многочисленными синими и красными печатями датской таможни за 1926–1930 годы рассказывает свою историю – историю скандинавского челнока. Этот документ свидетельствует о том, что мать Ларса Блумберга за три года проделала неближний путь из Стокгольма в Копенгаген и обратно от двенадцати до пятнадцати раз. Часто она выезжала самым дешевым ночным поездом, уходившим в пятницу; билет в оба конца стоил 50 крон, и всю ночь приходилось сидеть. Утром она приезжала на Центральный вокзал Копенгагена, запрыгивала в трамвай до Брёнсхой и входила в калитку Виллы Стевнс еще до полудня. На почти непрерывное общение с Лассе оставались сутки: чтобы в понедельник утром выйти на работу в Стокгольме, Астрид приходилось уезжать из Копенгагена рано вечером в воскресенье. Эти визиты выходного дня были такими насыщенными, делилась Астрид Линдгрен в 1976–1977 годах в заметках для Маргареты Стрёмстедт, «что Лассе потом целую неделю спал сутками напролет».

Двадцать четыре или двадцать пять часов общения сначала каждый второй, а затем каждый третий-пятый месяц в течение трех лет – вроде бы не много, но в океане тоски эти единичные поездки были драгоценными каплями. В те годы Астрид не могла быть для Лассе настоящей матерью, но благодаря поездкам в Копенгаген, в том числе длительным, на Пасху и в летний отпуск, у мальчика складывался образ «мамы» – процесс, который тетя Стевенс и Карл старались стимулировать и по доброте своей рассказывали маме Лассе в ежемесячных письмах о физическом и психическом развитии Лассе. В длинных отчетах с Аллеи Надежды 1927–1930 годов, которые Астрид хранила дома на

улице Далагатан всю свою жизнь, подробно описывалось состояние здоровья Лассе, его речевое и моторное развитие, ежедневные активные игры с Эссе. Астрид смаковала мельчайшие детали из жизни сына и тут же пересказывала в письмах, например к Гуннару, который 26 июля 1927 года получил следующее сообщение о жизни на Аллее Надежды с цитатой на шведско-датском языке:

> «Тетя Стевенс пишет, что Лассе „ужасно юморной“, он так смешно формулирует: „Хм, так-так“, – говорит он, а еще „чрезвычайно важно“. Все это он узнает из рассказов Карла о школе и вплетает в свою речь в подходящий момент».

За первые три года в Стокгольме, где Астрид не могла видеться с Лассе и сталкивалась с другими молодыми женщинами, разлученными с детьми, у нее сформировался критический взгляд на отношения детей и взрослых. Впоследствии это сказалось на ее творчестве. По словам Карин Нюман, одним из тех, кто особенно способствовал прозрению Астрид, была Гун Эриксон, с которой Астрид познакомилась в клинике «Готт Хем» в ноябре 1926 года и теперь делила комнату. Полтора года они прожили вместе, сначала в слишком дорогой комнате на Брагеваген, а затем в квартирке с кухней и ванной в новом доме на Атласгатан. Тут они жили и в 1929 году, когда Астрид получила работу в «К. А. К.», Королевском автоклубе, но вскоре вынуждены были переехать, потому что в том же году Гун потеряла работу.

Бритт, маленькая дочка Гун, после рождения в клинике «Готт Хем» очутилась в детском доме в Смоланде, и чем больше Астрид узнавала об этом детском доме, чем больше слушала неубедительные оправдания Гун, которая к дочери не ездила, тем отчетливее созревало решение. Однажды Астрид сама отправилась в Смоланд навестить девочку Гун, ровесницу Лассе. Положение детей ее шокировало; она увидела, как бесчувственны воспитатели в детских домах. Кулечек конфет, который она привезла девочке, тут же конфисковала директриса и поделила между детьми, оказавшимися поблизости. Одним достался леденец, другим – ничего, многие беспомощно плакали. Наедине с Астрид девочка заплакала, монотонно, несчастливо и бессловесно, – и все сильнее за Астрид цеплялась. Как та потом писала тете Стевенс и много лет спустя рассказывала Маргарете Стрёмстедт, ей казалось, что девочка «хочет сказать: я боюсь тут оставаться, но еще больше боюсь рассказывать, почему боюсь».

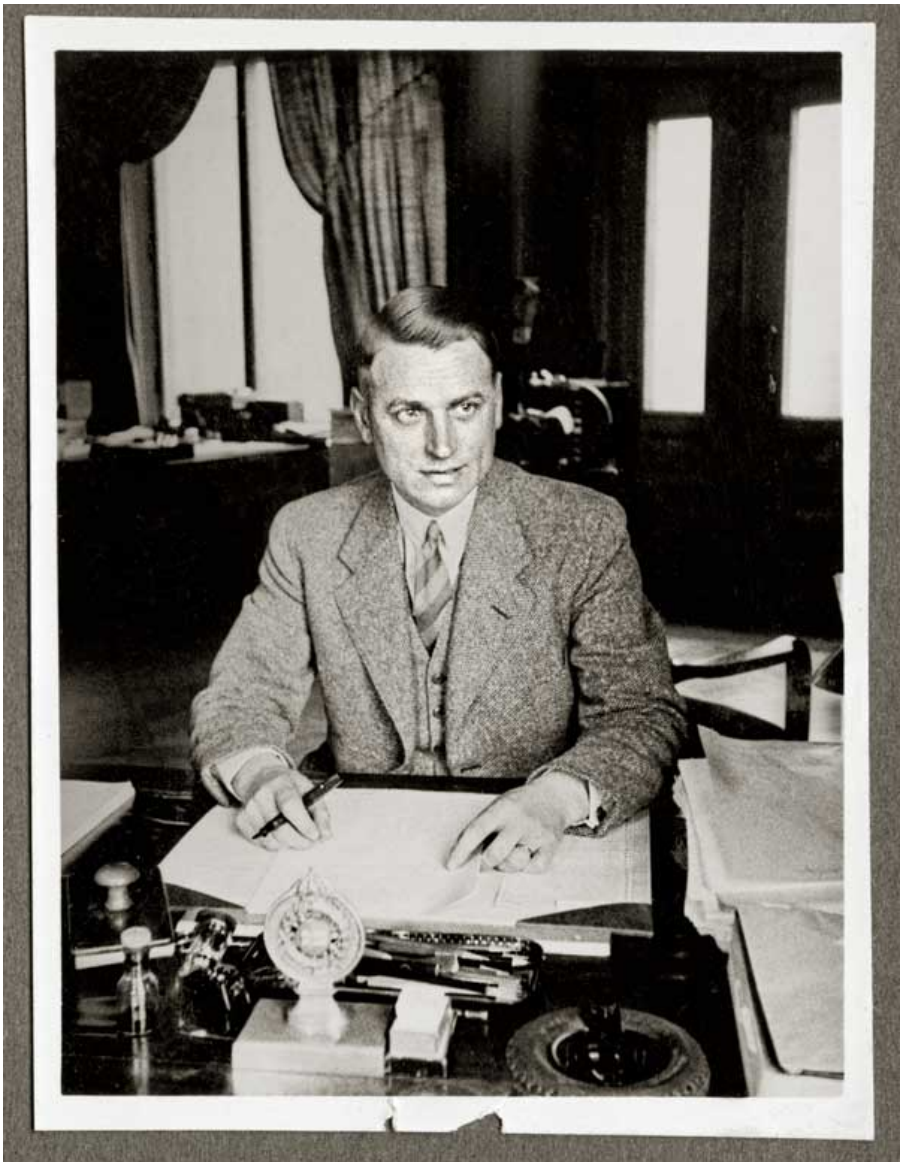
За годы разлуки с Лассе Астрид Эриксон осознала, что

родители должны быть как можно ближе к своим маленьким детям, потому что первые годы – самые важные в жизни человека. В этом Астрид убедилась и в Стокгольме, и на Аллее Надежды в Копенгагене. А она никогда не закрывала глаза на собственные ошибки, если речь шла о Лассе. Напротив. Во многих письмах любящей и вдумчивой матери к семье и друзьям в 1927–1931 годах встречаются краткие описания того, как Лассе вел себя в стрессовых ситуациях, если его насильно изымали из привычной среды и помещали в новую. Без лишних оправданий юная мать описывала эти душераздирающие моменты, когда страх и грусть ребенка становились так заметны. Никто не должен был сомневаться в том, что и Астрид Эриксон нанесла вред ребенку, как бы она ни любила своего мальчика и как бы ни пыталась в меру сил делать для него все, что могла.

Страдания Лассе

Глубоко несчастным предстал Ларс Блумберг перед Астрид в конце 1929 года, когда ей спешно пришлось выехать в Копенгаген, потому что тетю Стевенс положили в больницу из-за острых проблем с сердцем и она не могла заботиться о ребенке. Однако 1929 год принес Астрид и много радостей: новое жилье, постоянная работа, повышение зарплаты и заведующий канцелярией «К. А. К.», который на собрании отметил, что фрёкен Эриксон ждет «блестящее будущее» (так Астрид написала родителям).

Начальник канцелярии и фрёкен Эриксон стали встречаться и в нерабочее время. Начало отношений было не таким уж безоблачным – отчасти из-за Лассе, отчасти потому, что Стуре Линдгрен собирался уйти от жены и детей. Про себя и в письмах Анне-Марие Астрид размышляла, не получится ли у них с Лассе и Стуре создать в Стокгольме семью. 27 ноября 1929 года, на именины Астрид (Эмиль), добрый и любящий литературу Стуре подарил ей собрание чувственных стихов Эдит Сёдергран.



Зимой 1928/29 г. заведующему канцелярией «К. А. К.» Стуре Линдгрену приглянулась молодая Астрид Эриксон. Он на девять лет старше ее, женат, имеет дочь, но разводится. В ноябре 1929 г. Стуре переезжает в квартирку на Вулканусгатан, 12, весной 1931 г., после свадьбы с Астрид, они переедут в квартиру побольше в мансарде того же дома. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В том же году на Пасху Астрид ездила в Копенгаген повидаться с Лассе. Отношения с Райнхольдом Блумбергом после

ожесточенных столкновений весной 1928 года, когда Астрид раз и навсегда отказалась возвращаться в Виммербю новой женой главного редактора и матерью его семерых детей, вновь стали терпимыми, тон между ними – более или менее доброжелательным.

Из двух длинных писем, присланных тетей Стевенс «мамочке Лассе» 28 марта и 2 июня 1928 года, становится ясно, что спустя год после рождения сына Астрид еще задумывалась о браке с Блумбергом, но ни при каких обстоятельствах не хотела жить в Виммербю или становиться матерью многочисленному потомству Райнхольда. В письме от 2 июня фру Стевенс удивляется решению матери-одиночки:

> «Вчера пришли письмо и деньги от папы Лассе, так грустно, так плохо для всех вас, что это конец, как мне хотелось, чтобы ради малыша Лассе вы все соединились. И Вам придется трудно, нет, я верю, что Вы исходите из того, что лучше для Лассе. Но папа Лассе уже не молод, а удар такого рода поражает прямо в сердце, и мне кажется, он так любил Вас с мальчиком. Конечно, быть матерью семейства в Виммербю – задача не из простых, какие силы нужны, и все же я удивляюсь Вашему отказу. Многие девушки предпочли бы брак с обеспечением, чтобы после уж развестись».

После разрыва весной 1928 года Блумберг угрожал наполовину сократить платежи фру Стевенс, а 1 июля забрать Лассе в Виммербю. Но датская приемная мать не считала, что папа Лассе может так поступить без согласия мамы Лассе. Вместе с тем она знала, что у Астрид нет денег, и, желая успокоить встревоженную мать, предложила год заботиться о Лассе бесплатно, если отношения между родителями обострятся еще сильнее. Однако Блумберг, который порой бывал весьма резким, за осень 1928 года овладел собой и уже в ноябре снова женился. «На немке», – возмущенно писала фру Стевенс; немка эта подарила главному редактору еще четверых детей, помимо восьми уже имевшихся.

Райнхольд Блумберг с детьми в гостиной на Сторгатан в 1927 г. Фотография из хроники главного редактора «Воспоминания о семье Блумберг-Скарин» (1931), где ни словом не упомянуты ни Оливия Фрёлунд, ни Астрид Эриксон, ни Лассе. (Фотография: Йенс Андерсен)

В 1929 году отношения более или менее наладились. Пасхальную поездку Астрид к сыну, которому исполнилось два с половиной года и которого она не видела почти шесть месяцев, оплатил Блумберг, а в своем письме на Пасху, когда Астрид гостила у Лассе на Аллее Надежды, Райнхольд просил прощения за свое прошлогоднее поведение. В порыве сентиментальности он вспоминал старые добрые, счастливые времена, когда они с мамой Лассе подумывали стать мужем и женой. Астрид ответила ему в понедельник, за день до того, как уехала от сына, который все это время проговорил с ней по-датски. В ответном письме с вкраплениями датских словечек она благодарила Райнхольда за поездку, делилась смешными историями об их чудесном умном мальчике, а под конец просила не думать о прошедшем, а жить настоящим:

> «Ты говоришь, Пасха – время размышлений. Не надо, перестань. От этого только больнее. Не ищи ушедшего, думай о настоящем. <…> Тебе правда не нужно передо мной извиняться. Не твоя и не моя ошибка, что наши

дороги разошлись <…> Ах, идет снег, какая-то чудесная грусть и нежность вокруг. У тебя над кроватью раньше висела картина с осенним пейзажем. То же настроение, что и в той картине, ощущается сегодня повсюду».

Прощаться с Лассе всегда было больно, но в этот раз – особенно. Так казалось Астрид. Лассе придавал смысл ее жизни, в Стокгольме так этого не хватало. Раздувшись от гордости, маленький мальчик важно шагал по улицам Копенгагена, держа Астрид за руку. Внезапно он заявил: «Вот идут мама и Лассе!» А когда она крепко-крепко обняла малыша и, смеясь, пригрозила проглотить, он спокойно посмотрел на нее и спросил: «Тебе не стыдно?»

Летом 1929 года и Астрид, и Райнхольд – по отдельности – приезжали в Копенгаген повидать Лассе. Блумберг был один день проездом, его встреча с ребенком вышла очень эмоциональной. После фру Стевенс написала Астрид о визите папы Лассе. Он спросил об Астрид, как делал всегда в своих письмах с ежемесячным гонораром Марие Стевенс, и на сей раз необычайно радовался мальчику, рассказывала тетя Стевенс: «„Как ты похож на маму“, – произнес он, посадил малыша на колени и заплакал. Так его было жалко».

Сама Астрид поехала в Копенгаген в июле 1929 года; погода была прекрасной, и большую часть времени они с сыном провели в саду на Вилле Стевнс, где подросший Лассе кувыркался, лазил по деревьям и забирался на крышу туалета. Никогда раньше он столько не болтал. Он говорил чудны́е вещи по-датски. Раз сказал, что Астрид пять лет, в другой – крикнул проходящему мимо семнадцатилетнему молочнику: «Привет жене и детям!» Этим фактом гордая мать поделилась в письме к Стуре – и из того же письма он с беспокойством узнал, что Астрид положили в Королевский госпиталь из-за подозрения на дифтерию:

> «А я должна была вечером уехать домой. Но когда вернусь, все же побуду в Нэсе недельку. Уже три года не ездила летом в Нэс. Ведь можно? Бедная мама наверняка испугается до смерти. <…> Не рискую посылать тебе воздушный поцелуй, а то заразишься дифтерией, вместо этого посылаю целую кучу приветов».

Дифтерии у Астрид не нашли, но боли в горле и в груди не проходили, причиной оказалась увеличенная щитовидка, и в декабре 1929 года ей удалили зоб. Пока Астрид восстанавливалась в Нэсе на рождественских каникулах, с Аллеи

Надежды прилетело тревожное письмо. Тетю Стевенс положили в больницу из-за сердца, и Карлу пришлось спешно размещать Лассе и Эссе в другой приемной семье. Новость была неприятной. 28 декабря Астрид поехала в Копенгаген к Марие Стевенс, которую выписали, но предупредили, что ей пока не хватит ни здоровья, ни сил заниматься приемными детьми.

Лето 1929 г. Двухлетний Лассе играет в лошадку в огороде семьи Стевенс по другую сторону Фредерикссуннсвай, неподалеку от Аллеи Надежды. (Фотография: Частный архив /

Saltkråkan)

Тетя Стевенс уже все узнала о новой приемной семье из Хусума и считала, что Лассе надо как можно скорее оттуда забрать и переправить в другое место, пока они не решат, что делать дальше. Сможет ли мальчик жить у мамы в Стокгольме или у ее родителей в Виммербю? Или останется у Марие Стевенс, когда та поправится? Вот такие варианты фру Стевенс описала в письме Астрид, которое закончила словами:

> «Но, милая дорогая мамочка, если я вскоре умру, что вряд ли, заберите малыша домой, когда сможете за ним присматривать, не оставляйте его в Дании в одиночестве, иначе я подумаю, что прожила свою жизнь напрасно».

В феврале 1929 г. в письме Анне-Марие Фрис Астрид рассказывает о своих отношениях со Стуре: «Заведующий канцелярией, женат, 30 лет, обнаружил, какая я на самом деле обаятельная, взять хотя бы мои сумасбродства, которые – если вовремя не остановиться – могут закончиться серьезными осложнениями, возможно даже, стоить мне работы. Снова eine alte Geschichte [Зд.: старая как мир легенда (нем.)], которую, включив мозги, можно было предвидеть. Ах, хочу быть ангелочком, средь ангелов стоять!» (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Фру Стевенс была в высшей степени жива, когда Астрид появилась у нее 28 декабря, и вместе они поехали в Хусум за Лассе. Трехлетний малыш при виде приемной матери счастливо улыбнулся. Астрид смотрела, как он теребит фру Стевенс, – ему поскорее хотелось домой, на Аллею Надежды. Проведя там всего пару часов, они отправились к сестре фру Стевенс, которая держала пансионат для пожилых одиноких людей на улице Х. С. Орстеда. Там маме и сыночку, конечно же, найдется место для ночлега.

Это была «худшая ночь в моей жизни», писала Астрид Линдгрен в 1976–1977 годах в автобиографических заметках для Маргареты Стрёмстедт. Сестра фру Стевенс совсем не обрадовалась матери с ребенком, но пустила их на ночлег, поскольку одна из престарелых обитательниц пансионата как раз уехала. Настроение было мрачным, Лассе инстинктивно понимал, что райской жизни на Аллее Надежды приходит конец.

> «Когда мы туда приехали и Лассе понял, что его ожидания не сбылись и не сбудутся, он лег на живот поперек стула и беззвучно заплакал. Совсем беззвучно, словно понимал, что толку не будет, что взрослые все равно поступят с ним, как сочтут нужным! Этот плач не стихает во мне до сих пор и, должно быть, никогда не стихнет. Может, из-за этих слез я всегда так яростно принимаю сторону ребенка и выхожу из себя, когда индюки-бюрократы распоряжаются судьбами детей, думая, что ребенку легко приспособиться! Совсем не легко, хоть так и может казаться. Дети просто уступают силе».

Много лет спустя Астрид Линдгрен снова вспомнила о той тяжелой ночи – в письме Карлу Стевенсу от 22 февраля 1978 года. В большой, темной, чужой квартире на четвертом этаже в центре Копенгагена ей казалось, что жизнь Лассе достигла дна. А вместе с ней и ее жизнь. Кроватей не хватало, для мальчика сдвинули два кресла в гостиной уехавшей жилицы, и, увидев свое спальное место, он сказал по-датски: «Это не кровать, это же два стула!» Для матери постелили в спальне окнами на улицу.

> «Я лежала без сна и в отчаянии размышляла, что мне делать с Лассе, и понимала, что забрать его в Стокгольм необходимо, хотя и некуда. Увидев меня наутро, Лассе изумленно произнес: „Ой, это же мама!“ Наверняка он был уверен, что я смоталась».

Лежа и раздумывая о будущем, она слышала грохот трамваев на улице Х. С. Эрстеда. Время шло, стало казаться, что это грохочет в голове. Все больше трамваев, все быстрее они едут. До утра Астрид не сомкнула глаз и приняла решение: будь что будет, но Лассе поедет домой, в Швецию. Даже если им придется тесно в комнате на площади Святого Эрика, 5, куда она переехала с Атласгатан, где раньше жила с Гун. Астрид еще не знала, сможет ли уговорить хозяйку фру Блумберг, которая днем обычно сидела дома, присмотреть за Лассе, пока его мать на работе. 4 января 1930 года Астрид спешно отправила Стуре письмо, где назвала дни, проведенные в Дании, «прогулкой в ад» и вкратце описала ему ситуацию:

> «Буду в Стокгольме во вторник утром первым поездом, ты знаешь. Встреть меня! Если вдруг не успею, подожди следующего, девятичасового. Лассе приедет в Стокгольм через два дня. В мои ближайшие планы, хорошо продуманные, вдаваться сейчас не решаюсь; очень прошу, сходи в „Барневарн“[11], спроси, какая сумма в месяц считается приемлемой за трехлетнего ребенка. И пожалуйста, сразу напиши мне дружелюбное письмо, которое я получу в понедельник по адресу: улица Эрстеда, 7, этаж 3, Кройер. Так скучаю по дому, по тебе, по утешению».

Домой, в Швецию

10 января 1930 года Карл Стевенс и Лассе сели в поезд до Стокгольма. Перед этим фру Стевенс написала Астрид, что Карл, скорее всего, задержится на денек-другой, посмотрит столицу Швеции и, может быть, съездит в Упсалу к еще одной шведской маме, когда-то жившей на Аллее Надежды с ребеночком. Она рассказала, какие вещи упаковала Лассе с собой, и закончила свое письмо словами: «Нежно обнимаю Вас и малыша Лассе, удачи, может, когда-нибудь свидимся, и спасибо за то время, что я провела с ним. Крестная Лассе».

Длинная поездка прошла хорошо, хотя Лассе ужасно кашлял и всю дорогу пытался столкнуть «старшего брата» с полки. В Стокгольме Карл, интересовавшийся искусством, покупал книги Стриндберга, ходил по музеям и любовался архитектурой района Атлас, где жил один в маленькой квартирке. Он с удовольствием общался с Астрид и «досточтимым господином Линдгреном» и сразу по прибытии домой поблагодарил маму Лассе за два

чудесных стокгольмских дня. Они больше не виделись, Карл и Астрид, но писали друг другу до самой его смерти в 1988 году, часто вспоминая старые добрые времена. Как в письме Астрид, отосланном в феврале 1978 года, где она рассказывает о трудностях, с которыми столкнулась, после того как Карл привез Лассе в Стокгольм:

> «У Лассе был коклюш, дело невеселое. Я стояла под дверью, прислушивалась и уловила, как он бормочет: „Маме, Эссе и Карлу пора спать“. Представляешь, я это пишу и снова плачу!»

Страшен был не коклюш, а то, что Астрид внезапно осталась одна с ребенком на руках. В Копенгагене всегда была под рукой толковая опытная «мама», а теперь ответственность безраздельно лежала на Астрид. И все же она многому научилась в короткие поездки на Аллею Надежды и к тому же полагалась на интуицию и здравый смысл. Так, как это рекомендовалось в предисловии к книге шведского педиатра Артура Фюрстенберга «Курс ухода за детьми», которая стояла у Астрид на полке:

> «Мой совет юным матерям вкратце следующий: вовремя изучи науку ухода за детьми на практике и в теории, думай, что делаешь, относись критично к тому, что говорят подруги и родственники, как бы стары или опытны они ни были. Это твой ребенок, и только ты отвечаешь за исполнение своего долга!»

Мать и сын в Васа-парке, апрель 1930 г. За ними квартал на площади Святого Эрика, где Астрид и Лассе уже четвертый месяц делят комнатку в доме № 5. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Иногда проще сказать, чем сделать. Астрид все время сомневалась. У тети Стевенс, например, Лассе и Эссе всегда спали в теплом белье, а значит, так должно быть и в Стокгольме. И первое время молодая мать практически не спала ночами, готовая решительно подоткнуть перину и сообщить сонному ребенку, если тот, горячий и вспотевший, проснется и попытается скинуть душное одеяло: «Надо укрыться, а то простудишься!» Как-то утром, когда Астрид умывалась в одной рубашке, Лассе задумчиво на нее посмотрел и вдруг заявил: «Простужаться можно только маме?»

В марте 1930 года стало ясно, что так дальше жить нельзя. Лассе все кашлял, Астрид практически глаз не смыкала по ночам, а утром шла на работу. Спасение пришло из Смоланда: Ханна и Самуэль Август по наущению сестер Астрид предложили забрать Лассе в Нэс – пусть живет сколько нужно. В апреле Астрид взяла отпуск и отправилась с Лассе в Виммербю: мальчик уже в четвертый раз за свою короткую жизнь должен был переехать и приспособиться к новой семье. На этот раз без трений тоже не

обошлось. Вот что рассказывала Астрид Линдгрен Маргарете Стрёмстедт в 1976–1977 годах:

> «В мае 1930 года в Нэс приехал датскоговорящий внучек. Ханна встречала нас у калитки, когда она потянулась обнять Лассе, он в панике прижался ко мне и сказал: „Не уходи!“ Явно боялся, что его снова бросят».

Поосторожничав пару дней, Лассе успокоился и стал уверенней, а 21 апреля Астрид с оптимизмом написала Стуре:

> «Лассе хорошо, когда он гуляет на свободе. Весь дом ради него стоит на ушах, да и весь хутор, если на то пошло, и все борются за его внимание».

В Нэсе мать и сын провели вместе несколько чудесных недель, Лассе побывал там, где прошло мамино детство, играл в детские игры Астрид, Гуннара, Стины и Ингегерд. Мать показала ему вяз в саду, где дядя Гуннар однажды подложил куриное яйцо в гнездо совы, а совы вскоре высидели цыпленка, которого дядя Гуннар продал бабушке Ханне. Астрид научила Лассе делать норы и ходы в сене, познакомила со всеми животными – с маленькими и милыми и с большими и угрожающими: жеребцами, быками, свиньей, которую Лассе тут же окрестил мишкой. Мать и сын много гуляли, залезали на кучи камней, лежали в траве, разглядывали облака, пока не засыпали, а потом просыпались, разбуженные насекомыми или дождем. В письме Стуре от 29 апреля 1930 года Астрид объясняет, почему ребенок так быстро акклиматизируется в деревне:

> «Жестоко держать детей в городах, даже в маленьких городках. Ребенок должен расти среди кур, поросят и полевых цветов. Воздух здесь напоен весенней свежестью, особенно по вечерам. Тот же синий весенний воздух, что в ранней юности пробудил во мне тоску по „чудесному“».

Двор, поля и луга, животные и люди в Нэсе вскоре полюбились четырехлетнему Лассе, до сих пор знавшему лишь тесноту большого города, скопление людей в маленьких дворах, в маленьких комнатах. В Смоланде же он мог носиться сколько душе угодно. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В дождливые дни Лассе осваивал старинные «комнатные» игры: восхитительные шумные салочки с беготней по трем-четырем комнатам (осаленному кричали: «Ты – во́да!»), «Выше ноги от земли», когда надо было карабкаться по мебели, не

касаясь пола.

Мать и сын провели вместе несколько насыщенных недель. И все-таки как мало было нужно, отмечала Астрид, чтобы в Лассе снова проснулся страх, что его бросят, и он вновь заскучал по тете Стевенс. Однажды они собирались на день рождения кого-то из родственников, и мальчик посмотрел на Астрид большими испуганными глазами: «Я там навсегда останусь?» А в другой раз, когда они сидели за раздвижным столом на кухне, в дверь внезапно постучали. Вошла тетка, одна из сестер отца, сложением и внешностью напоминавшая копенгагенскую «маму» Лассе. «Это же мама!» – закричал Лассе и засобирался «домой». Астрид пошла за ним, едва сдерживая рыдания, и только у тетки в доме Лассе обнаружил: что-то не сходится, – и тут уж Астрид стояла наготове, раскрыв материнские объятия:

> «Я спросила, хочет ли он пойти со мной домой, в Нэс. Он хотел. Но на аллее остановился, и бедняжку вырвало!»

Обо всем этом Астрид рассказала в длинном письме Карлу Стевенсу в феврале 1978 года. Она приводила и другие примеры поведения ребенка, который боится потерять родителя или внезапно вынужден привыкать к новому. Относительно Лассе Астрид заключала: «Прошло очень много времени, прежде чем Лассе почувствовал себя в относительной безопасности». Линдгрен была очень благодарна матери Карла за отношение к ребенку, за то, как много она значила для малыша в первые три года его жизни:

> «Поистине не ее вина, что Лассе пришлось так трудно. Она была для него настоящей матерью, и я, сколько живу, буду благодарить ее за то, что она для него сделала».

В письме Карлу упоминалось, что в годы после отъезда Лассе с Аллеи Надежды фру Стевенс, вероятно, скучала по нему не меньше, чем он по ней. Так оно и было, это Карл Стевенс мог засвидетельствовать. В их семье говорили, что на долю Марие выпало много утрат. Она не только тосковала по дочери, умершей в год, и супругу, которого потеряла в 1921-м, но и по многим приемным детям, к которым так сильно привязывалась и которых одного за другим забирали их матери или будущие усыновители. Один ребенок задержался на Вилле Стевнс на многие годы. Эссе, неразлучный товарищ Лассе по играм, прожил в Копенгагене до восемнадцати лет и долго верил, что фру Стевенс его настоящая

мать, а Карл – настоящий старший брат.

Письмо матери Эссе

Настоящее имя Эссе было Йон Эрик, и он, как и Лассе, увидел свет в Родильном учреждении, поскольку его мать – молодая незамужняя учительница из Норрланда – уехала в Копенгаген рожать анонимно. Происходила эта женщина из очень религиозной семьи – принеси она домой внебрачного ребенка, ее не поняли бы и не приняли. Поэтому летом 1931 года она и написала письмо Астрид, которая теперь носила фамилию Линдгрен и жила со Стуре и Лассе в двухкомнатной квартире с кухней и ванной на Вулканусгатан в районе Атлас. Зная, что Астрид теперь живет в хороших условиях, мать Эссе, которая встречала маму Лассе на Аллее Надежды, спрашивала, не захотят ли Астрид с мужем усыновить Эссе.

Предложение вежливо, но решительно отклонили в письме на шесть страниц 26 августа 1931 года. Это письмо Марие Стевенс с разрешения матери Эссе прочитала, скопировала и сохранила, поскольку сочла, что ничего разумнее и прекраснее о природе детей и манере взрослых с ними обращаться ей читать еще не доводилось.

Письмо Астрид было длинным и проникновенным; она пыталась достучаться до матери Эссе, чтобы та почувствовала ответственность за ребенка, что бы ни думали и ни делали члены ее семьи и жители городка. Двадцатитрехлетняя мама Лассе делилась своим отчаянием, рассказывала об угрызениях совести и о том, что в свое время увидела, общаясь с другими молодыми, более или менее несчастными матерями, живущими в разлуке со своими детьми. В этом письме она обнаруживала способность, которую фру Стевенс считала уникальной: рассматривала проблему с точки зрения ребенка.

> «Полагаю, Вы едва ли на самом деле представляете, какое напряжение испытывает маленький ребенок, когда его вот так, с корнями, выдергивают и пересаживают в другую почву. И я этого не знала, пока не забрала Лассе домой. Со стороны кажется, будто пересадка прошла безболезненно, ребенок, по-видимому, живо приспосабливается к новым условиям, но время от времени случаются небольшие происшествия, которые свидетельствуют о безграничном страхе и неуверенности».

Астрид не советовала матери Эссе слишком часто перевозить сына, потому что это, по ее словам, «нанесет ему пожизненную травму». Женщине следовало набраться смелости и забрать Эссе домой, в родной город, и показывать его всем с гордостью. Здесь Астрид рассказала историю своей долгой битвы в Виммербю на двух фронтах: в стенах города, где росло негодование и множились сплетни, и в Нэсе, где Ханне и Самуэлю Августу потребовалось несколько лет, чтобы принять положение вещей – и малыша Лассе:

> «Я выросла в чрезвычайно уважаемом доме. Мои родители очень религиозны. Никогда ни единого пятнышка не было на репутации нашего семейства – более того, всего нашего рода. Я до сих пор помню, как еще до рождения Лассе мама возмущалась, если у молодой женщины рождался так называемый внебрачный ребенок. И тут это случается со мной. Я думала, моих родителей это убьет. И тем не менее я забрала Лассе домой. Сначала в Стокгольм, а потом родители разрешили привезти его к ним. Но как только разрешение было получено, я отправилась с ним в Виммербю».

Получается, первые пару лет мальчику в Нэсе были не рады. Это объясняет, почему Астрид в письмах Ханне и Самуэлю Августу в 1927–1929 годах никогда не упоминала о своих поездках в Копенгаген, ничего не рассказывала о здоровье и развитии внука, никогда не вкладывала в конверты фотографии Лассе и Эссе на фоне Виллы Стевнс, которые Карл Стевенс посылал маме Лассе в Стокгольм, а папе – в Виммербю. «По сговору» родился ребенок или нет, в 1927–1929 годах Ларс Блумберг в переписке Астрид с родителями был табу. Однако в 1930 году все изменилось, Нэс на год с лишним стал для Лассе новым домом, и Ханна и Самуэль Август отнеслись к ребенку как к родному.

Отношения между маленьким ребенком, родившимся «по сговору», и его бабушкой и дедушкой, которым в 1926–1929 гг. так трудно было примириться с новым статусом старшей дочери, становятся очень теплыми, когда весной 1930 г. Лассе переезжает в Нэс, где живет до осени 1931 г. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

И таким же бесконечным освобождением, рассказывала Астрид в письме матери Эссе, стала встреча с жителями Виммербю, когда мать с сыном появились в городе, держась за руки. И среди прочих – с Райнхольдом Блумбергом, который, как было сказано, снова женился и обзавелся кучей детей. Астрид получила настоящее удовольствие, когда в первый день в городе заходила в магазины, глядя прямо в лицо лицемерию и нетерпимости, а Лассе громко называл ее мамой. Никто в городке не забыл развода главного редактора и внезапного исчезновения Астрид Эриксон в 1926 году:

> «Видели бы Вы, как они таращились, когда я показалась на улице с Лассе. Не прячась, мы ходили по городу, куда мне было нужно, и он громко и отчетливо называл меня мамой, так что не было никакого сомнения в том, кто это такой. Поверьте, все эти взгляды и перешептывания меня ни чуточки не трогали. Мы были очень в себе уверены, и Лассе, и я. И вскоре народ перестал нас разглядывать и шептаться, постепенно меня

стали встречать даже с неким подобием уважения. Потому что, видите ли, лучший способ заставить людей замолчать – показать им, что они правы в своих подозрениях. <…> Запомните мои слова: не стыдно иметь ребенка. Ребенок – это счастье, это честь, и в глубине души это прекрасно осознают все люди на свете».

Конечно, женщине, которая только что вышла замуж и стала домохозяйкой в современной стокгольмской квартире, было просто написать эти слова, и тем не менее они исходили из самого сердца. Как отнеслась мать Эссе к письму, неизвестно, но мальчик так и не поехал в Норрланд. Однако, по словам Карин Нюман, он прожил у приемной матери на Аллее Надежды до восемнадцатилетия, а после переехал в Швецию, где, кстати, возобновил отношения с Лассе и семьей Линдгрен.

4 апреля 1931 г., вскоре после того, как уладилось дело с разводом Стуре, Астрид Эриксон и Стуре Линдгрен сочетались браком в Нэсе. 9 марта 1931 г. он вложил в конверт с письмом Астрид маленькую заметку из газеты «Сюдсвенска дагбладет» – о «свадебном подарке», который, по словам Стуре, сделал им окружной королевский суд Сконе. Подарок заключался в том, что Стуре не надо было платить 30 крон в месяц на содержание

бывшей жены, как она того требовала. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Шестнадцать месяцев провел Лассе у бабушки с дедушкой в Смоланде, и, если верить Астрид и тому, что впоследствии рассказывал сам Ларс Линдгрен, ему в этом «Бюллербю» было так же хорошо, как его матери. В тесном и безопасном кругу большой семьи, с братьями, сестрами, мамами, папами, бабушками, дедушками и работниками. Часто бабушка и дедушка, тетя Стина, тетя Ингегерд или дядя Гуннар водили Лассе в Виммербю, и там его иногда встречал отец, который до сих пор узнавал в малыше черты девушки, в которую некогда был влюблен. Они общались, Астрид и Райнхольд, и даже писали друг другу дружеские письма в 1930–1931 годах. Она поддразнивала его тем, что у него теперь рождались одни мальчики. Об этом она написала и тете Стевенс в поздравительном письме к Рождеству 16 декабря 1931 года:

> «У отца Лассе в Виммербю снова родился мальчик; я, кажется, еще не рассказывала. Я написала (мы все еще иногда переписываемся, с ведома наших супругов), что для разнообразия ему следует обзавестись и девочками. Лассе дружит с новым папой, даже больше, чем я могла надеяться. Он обожает моего мужа, а тот, кажется, немного гордится Лассе и считает его отличным парнем».

В таком оптимистичном настроении Астрид Линдгрен и встретила новое десятилетие, наступившее для нее после свадьбы со Стуре. Церемония состоялась 4 апреля 1931 года, но не в церкви Виммербю, а в доме Ханны и Самуэля Августа в Нэсе: приходской священник был их ближайшим соседом. Не было ни большой свадьбы, ни большой фотографии, но фигурки счастливых жениха и невесты со свадебного торта Астрид хранила всю жизнь в ящике письменного стола. Когда через пару дней после свадьбы она объяснила Лассе, что у него два папы – один в Виммербю, один в Стокгольме, и добавила, что оба они лучшие папы на свете и очень его любят, Лассе поднял на мать глаза и произнес по-шведски: «У меня три папы. Карл тоже мой папа».

Ваши дети – не дети вам

На пятом этаже на Вулканусгатан, 12, контролировать хозяйственные расходы пытались с помощью «Практической кассовой книги домохозяйки» – коричневых тетрадок с обложками, оформленными в стиле функционализма, и старомодной надписью: «Семь правил для тех, кто не знаком с бережливостью». В тетрадях хватало места не только для цифр и колонок с расходами, но и для других документов. Беспорядочные карандашные рисунки, сделанные детской рукой, и дневниковые заметки, оставленные взрослой женщиной, соседствовали с мужественными попытками вести расчеты.

Молодой неопытной домохозяйке было чем заняться и было на что потратить деньги. В графе «прочее» за 1931–1932 годы значится, например: починка туфель (1,35), заточка ножей (1,75), пылесос (20,00), парусник для Лассе (1,35), собрание сочинений Й. П. Якобсена (10,00), шкатулка для рукоделия (4,50), билеты на «Хижину дяди Тома» (2,35) и «Глупости» (8,50), что бы это ни было. А между страницами необыкновенно увлекательной кассовой книги семьи Линдгрен лежала вырезка из «Дагенс нюхетер»:

> «Ваши дети – не дети вам. Они сыны и дочери тоски Жизни по самой себе. Они приходят благодаря вам, но не от вас, и, хотя они с вами, они не принадлежат вам. Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли, Ибо у них есть свои мысли. Вы можете дать пристанище их телам, но не их душам, Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня, где вы не можете побывать даже в мечтах. Вы можете стремиться походить на них, но не старайтесь сделать их похожими на себя, Ибо жизнь не идет вспять и не задерживается на вчерашнем дне»[12].

Пророческие строки из книги ливанского поэта Халиля Джебрана «Пророк», опубликованной на шведском языке в 1933 году, заставили Астрид схватиться за ножницы. Как она была с ним согласна. Дети даны нам взаймы, а потому каждый божий день надо дарить им всю любовь и уважение. Пытаясь быть хорошей матерью, она стала записывать свои наблюдения за Лассе. Записи на последних страницах кассовой книги появлялись, когда сын вел себя необычно, говорил что-нибудь забавное или задавал один из тех вопросов, которые частенько вели к обмену репликами в стиле фильмов братьев Маркс:[13]

Ларс. Бабушка – твоя мама?
Мама. Да!
Ларс. А ты – моя мама?
Мама. Да!
Ларс. Скажи, бабушка – мой сыночек?

Осенью 1931 г. после полутора лет в Нэсе Лассе переезжает на Вулканусгатан к Астрид и Стуре. Ему снова приходится

привыкать к новому окружению, новой семье, новым товарищам по играм. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Из Нэса четырехлетний мальчик переехал к маме и новому папе. Он поселился в собственной комнате окнами во двор, а Стуре и Астрид спали в гостиной с окнами на Вулканусгатан. Брак с начальником канцелярии означал увольнение из «К. А. К.», но Лассе требовал столько заботы и внимания, что Астрид это было только на руку.

В начале сентября 1931 года Ханна и Самуэль Август отвезли Лассе в Стокгольм. Они рассказывали страшные истории о втором лете Лассе в Смоланде. Сначала мальчик упал с высокой груженой телеги и получил серьезное сотрясение мозга, затем его сбила машина. Ханна могла порассказать истории и повеселее: внук был таким остроумным, что все в Нэсе соглашались с тем, что мальчик пошел в маму.

Как-то раз он долго сидел в туалете. «Выходи, Лассе!» – крикнула Ханна, на что ребенок ответил: «Ну, бабушка, я же какал, а ты мне процесс прервала!»

Да, Лассе вырос за лето, в интеллектуальном смысле тоже, и, по мнению Астрид, практически уже не был ребенком. Он и говорил совсем как взрослый – отчасти поэтому Астрид и начала вести дневник на пустых страницах «Практической кассовой книги домохозяйки». Ее записи были настоящими жемчужинами, но все же значительно короче историй, много лет спустя записанных некой Альмой Свенсон в некие синие тетради для сочинений на хуторе Катхульт близ селения Лённеберга. Такие вот сцены из детства, легко стирающиеся из памяти, где-то в своей «кассовой книге» Астрид назвала «Ларсианой». И вот как она начала:

> «По себе знаю, как здорово было бы знать чуть больше о своем детстве. Вот из-за этого-то я и записываю по памяти некоторые забавные выходки Лассе».

Одной только осенью 1931 года у Астрид было предостаточно поводов хвататься за ручку и бумагу, но не все внушали оптимизм. Первый поход Лассе в детский сад оказался, например, неудачным. Он, конечно, вышил мухомор на картоне, но не выказал ни малейшего желания сидеть рядом с другими детьми и учить стишок. Бурная реакция не заставила себя ждать по приходе домой, и Астрид считала это хорошим знаком:

> «Вчера Лассе захотел одеваться в одиночестве. Когда я зашла посмотреть, как идут дела, он сказал: „Как

> хорошо быть одному!“ Раньше он уже говорил мне, что ему нравится, когда мы сидим в его комнате и включена одна только розовая лампа, но „все-таки еще лучше быть одному с включенной лампой“. Я радуюсь его потребности оставаться в одиночестве. Он растет».

Между записями Астрид, в которых говорится обо всем – от умываний и визитов к стоматологу до речи, моторики, привычек и мечтаний, – могли проходить недели и месяцы. Когда Лассе вырастет, узнала Астрид, он построит вечный двигатель. Или они завоюют Северный полюс. «Мама, у нас с тобой будет столько интересных приключений. Хоть бы только времени хватило!»

А как насчет денег? Записи расходов, к сожалению, говорили на своем доходчивом языке, и в 1930-е годы Линдгренам приходилось экономить, хотя бережливость и не входила в число достоинств Стуре Линдгрена. Его еще не скоро назначат директором Независимой ассоциации автомобилистов Швеции («Motormännens Riksförbund», или просто «М»), а зарплаты начальника канцелярии не хватало, тем более после рождения Карин в 1934 году. Пришлось Астрид взять надомную работу и подрабатывать в офисе на заменах, пока за детьми приглядывала няня. Особенно хорошо платили в ежегоднике «Автомобильные маршруты» «К. А. К.» и «Атласе автомобильных дорог». Несколько раз Астрид была секретарем на гонках популярного «Гран-при Клуба автомобилистов». 20 июня 1933 года журнал «Свенск мотортиднинг» опубликовал довольно большую статью Астрид Линдгрен «В отпуск на автомобиле». Это был отрывок из «Автомобильных маршрутов» «К. А. К.», в котором описывались три альтернативных маршрута поездки по Скандинавии. Статья была веселой, живой и образной:

> «Ну что, господин автовладелец, наконец-то у вас появилось свободное время и вы хотите посмотреть родную страну? За две недели отпуска надо успеть как можно больше. Позволите предложить вам небольшую приятную 10–11-дневную прогулку на автомобиле по Швеции и Норвегии? Итак, сначала мы отправимся в „К. А. К.“ и обзаведемся пропуском для машины».

8 августа 1933 г. Астрид Линдгрен работает секретарем на «Гран-при – лето» – автогонках на круговую дистанцию 30 км, которые «К. А. К.» ежегодно проводит недалеко от Норра Врам в провинции Сконе. В соревнованиях участвуют лучшие гонщики и автомобильные марки Европы – «Мазерати», «Форд» и «Мерседес», – но именно итальянский маркиз Антонио Бривио на своем «альфа-ромео» выиграл гонку со средней скоростью 125 км/ч. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В позитивном репортаже читателю предлагают отправиться из Стокгольма в Даларну, далее на северо-запад в Тронхейм, затем на юг в Осло и наконец вернуться в шведскую столицу через Вермланд. Автор предусмотрел, что бóльшая часть измученных автомобилистов промчится мимо дома Густава Фрёдинга[14] в Карлстаде, хотя, как говорится, «поспешишь – людей насмешишь»:

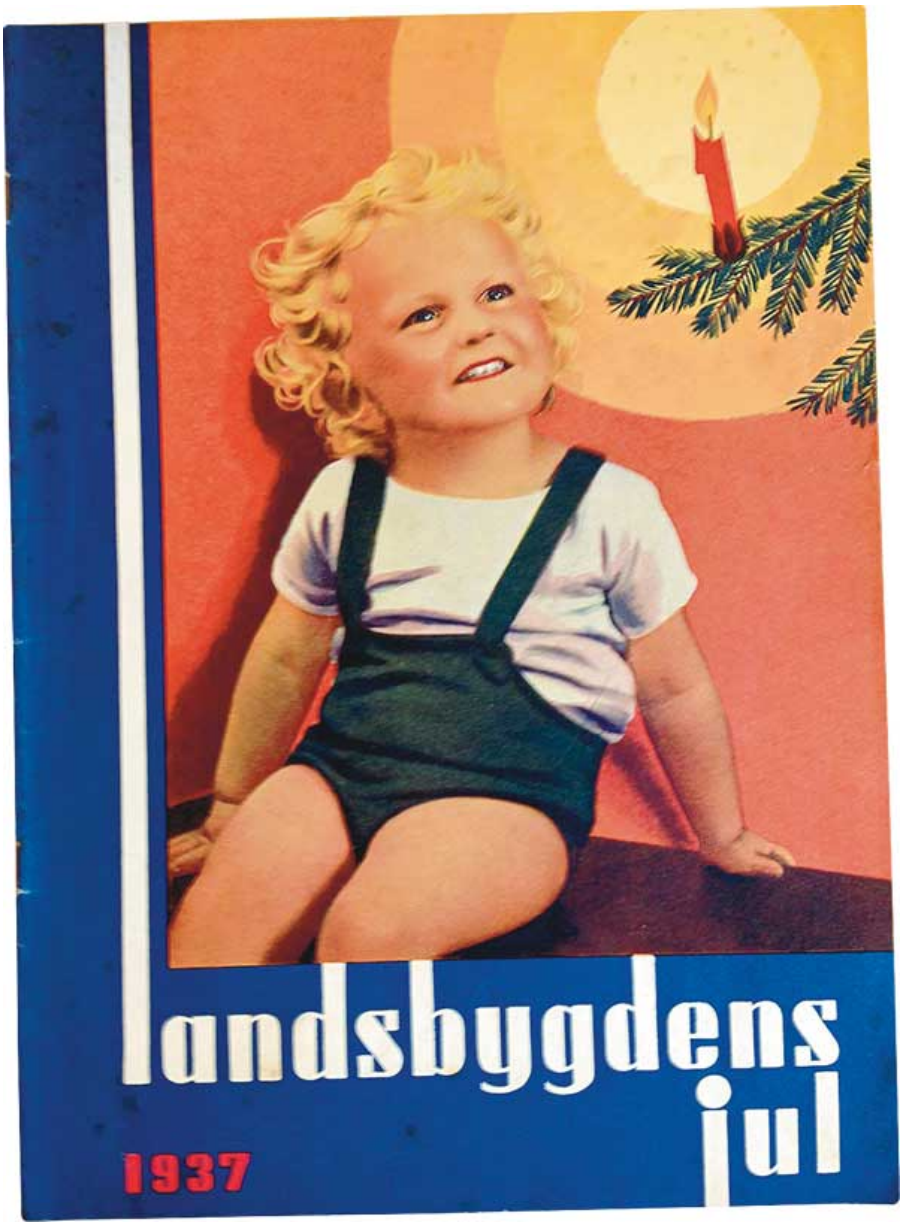
> «Если вы, подобно мне, любите бедного несовременного старика Фрёдинга, по пути мы сможем взглянуть на дом, где он родился. Но если вы – приверженец асфальтной лирики, машинной культуры, волшебства скорости и прочей ультрасовременности, мне лишь остается бросить „черт“ в Кристинехамне, „Хелло, беби“ в Эребру, а сказать „Отдохните у этого источника“ уже не успею, потому что мы с вами доехали до Вестероса».

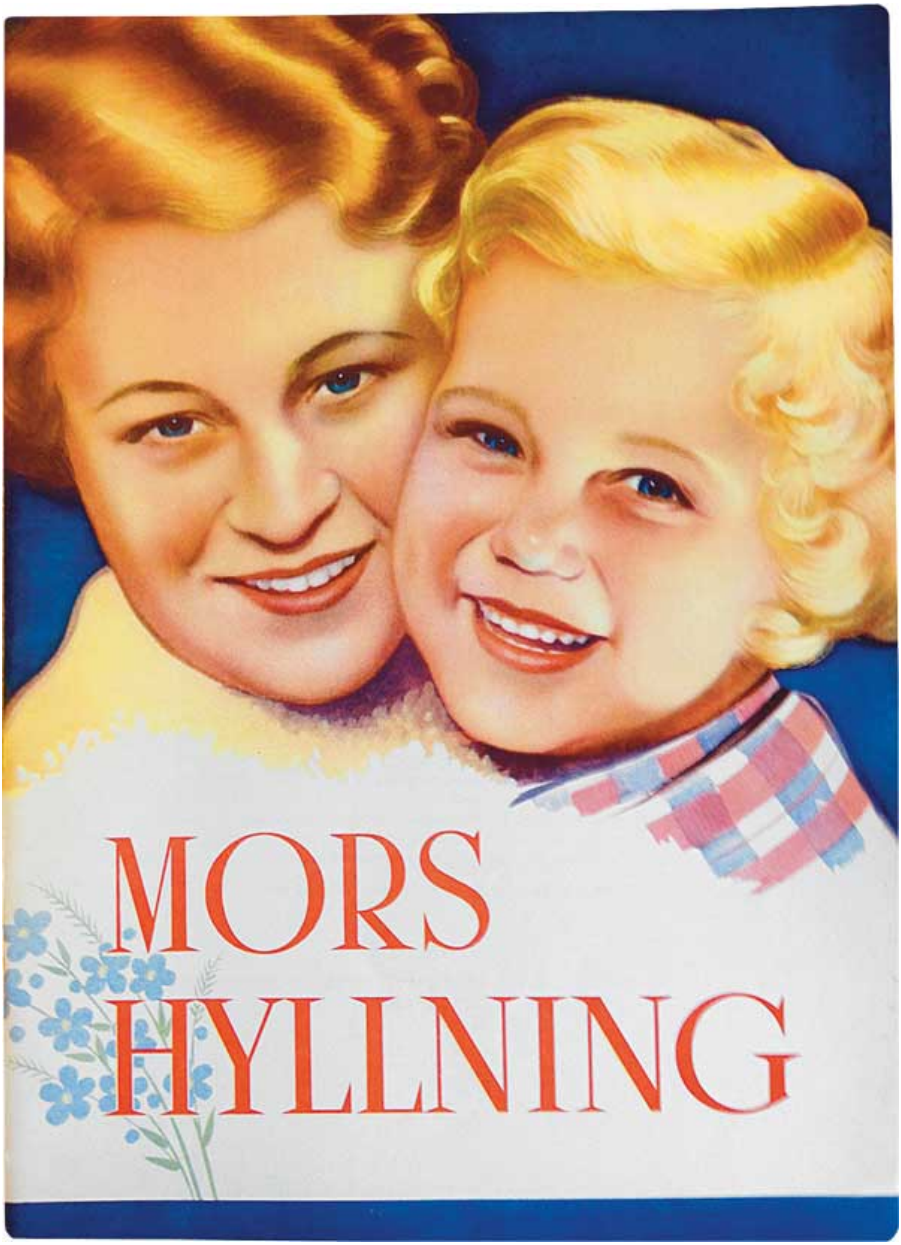
Футуристический Рождественский Дед

В 1933 году имя Астрид Линдгрен появилось в печати – в газете «Стокгольм тиднинген» и журнале «Ландсбюгденс юль». Политически активный брат Астрид, Гуннар, через Крестьянский молодежный союз Швеции водил знакомство с редактором нового рождественского журнала и замолвил словечко за младшую сестренку, которая нуждалась в деньгах и хотела писать о чем-нибудь еще, кроме автомобилей и шведских дорог. И вот, в один прекрасный день в почтовую щель упало письмо от редактора Данберга, который заказывал у «известной писательницы Астрид Линдгрен» рассказ за вознаграждение в 35 крон. Вина за значительное преувеличение лежала на шутнике Гуннаре, но Астрид эта лестная формулировка напомнила об адъюнкте Тенгстрёме, который много лет назад так распространялся о «виммербюской Сельме Лагерлёф», что Астрид Эриксон пообещала себе никогда не становиться писателем. Слово она держала много лет, и из автобиографического представления 1955 года, хранящегося среди ее бумаг в Национальной библиотеке Швеции, мы узнаем, что фактически она гордилась тем, что протянула так долго:

> «Пока дети были маленькими, я сидела дома, хлопотала по хозяйству, играла с ними и рассказывала им очень много сказок. Однажды в ситуации крайней нужды я записала пару дурацких сказок, которые

продала одному журналу, но в целом не нарушала своего обещания не становиться писателем».





Астрид Линдгрен не сделала состояния, публикуясь в «Ландсбюгденс юль» и «Морс хюльнинг», ежегодно выходивших на Рождество и в последнее воскресенье мая, на День матери. (Фотография: Йенс Андерсен)

Неожиданное предложение пришлось на десятилетие журнального бума. Пройдет совсем немного времени, и ведущим средством массовой информации станет радио, которое объединит большую шведскую семью, но пока еще существовал

обширный рынок сбыта произведений более или менее тривиальной литературы, которые читали вслух на праздниках и во время мероприятий, имеющих коммерческое значение, – например, на День матери в мае. На литературу, в особенности детскую, печатавшуюся в изданиях, подобных «Ландсбюгденс юль», с литературного Парнаса взирали свысока, хотя многие крупные шведские писатели публиковали там свои произведения и в начале, и в конце литературной карьеры. Критик детской литературы Ева фон Цвайберг назвала истории, каждый год появлявшиеся в этих тетрадях, «сказками на случай», подчеркнув, что в таком количестве тривиальных литературных продуктов теряются достойные произведения шведской литературы для детей:

> «Счастье, что в каждом поколении имеются сказочники, обладающие собственным голосом, – их с удовольствием слушаешь и не забываешь на фоне чудовищного сказочного производства – приметы нашего времени. Детей окунают в потоки журналов, воскресных приложений и дешевых рождественских тетрадей, пухнущих от наскоро записанных историй о троллях и принцессах».

Резкая критика была увековечена в справочнике «Ребенок и книги» и, возможно, объясняет, почему позже Астрид Линдгрен забраковала сказки и истории из «Ландсбюгденс юль» – а затем и из журнала «Морс хюльнинг» («Посвящение матери»), – назвав их «грехом молодости» и «дурацкими сказками». Она явно не гордилась этими произведениями, и поэтому со временем в исследованиях творчества Астрид Линдгрен стало догмой рассматривать порядка пятнадцати ее коротких прозаических текстов для детей в качестве курьезов, демонстрирующих разного рода художественные недостатки, которые автор преодолела к выходу в 1945 году «Пеппи Длинныйчулок». В том же году Ева фон Цвайберг совместно с коллегой, критиком Гретой Болин, и опубликовала свою работу «Ребенок и книги», в которой отмечала качественную, представляющую художественную ценность литературу для детей разных возрастов и клеймила писателей, поставивших сказочное производство на поток:

> «Писать сказки такого рода, должно быть, так же просто, как и стряпать любовные сочинения для журналов, но гораздо безответственнее, если учесть, что предназначены они для детей, хотя, вероятно, их создают с безобидным намерением просто развлечь

ребенка. Ведь детский ум податливее взрослого».

В наши дни, когда представление о ранних литературных опытах Астрид Линдгрен можно составить и сидя в архиве Астрид Линдгрен в Национальной библиотеке, и читая антологию «Чудесное радио Рождественского Деда» («Jultomtens underbara bildradio»), стоит детальней взглянуть на длинный затакт к ее творчеству. Конечно, эти пятнадцать сказок и историй пестрят клише, и, конечно, порой они столь же полны морализаторства, сколь и поносимые Цвайберг и Болин «сказки на случай», появившиеся в период между мировыми войнами. Но есть среди них и незамеченные жемчужины прозы – «Жених для Майи» (*Maja får en fästman*, 1937), «Подарок ко Дню матери» (*Också en Mordagsgåva*, 1940) и «Искатель» (*Sakletare*, 1941). Три текста, скорее рассказы, нежели сказки, и не совсем детские, ясно свидетельствуют о том, что в конце 1930-х Астрид Линдгрен развивалась как писатель и уже в это время стремительно формировался тот особый угол зрения, тот голос, благодаря которому она вошла в историю детской литературы наряду с такими классиками, как Ханс Кристиан Андерсен, Льюис Кэрролл, Джеймс Мэтью Барри и Эльза Бесков, в свое время тоже пытавшимися отобразить природу ребенка и встать на защиту его прав.

Конечно, в художественных текстах молодой Астрид Линдгрен 1930-х – начала 1940-х годов мы встречаемся с неуверенным, несмелым писателем, который еще только ищет свой стиль, свою манеру, но, с другой стороны, не боится ставить перед собой высокие и нетривиальные цели. Взять, например, дебютный рассказ «Чудесное радио Рождественского Деда», напечатанный в рождественском приложении газеты «Стокгольм тиднинген» в 1933 году, а в 1938-м переизданный в «Ландсбюгденс юль».

В рассказе читатель встречается с похожим на Лассе семилетним мальчиком, любопытным и отважным Ларсом из Бакгордена. Однажды он осмелился залезть в пещеру, а там, в совершенно обычном кресле, с наушниками на голове, сидел самый легендарный патриархальный персонаж на свете. Рождественский Дед лета 1933-го от Рождества Христова, онлайн, как мы сказали бы сегодня, перед высокотехнологичным радиоприемником с экраном, связанным с камерами наблюдения в домах всех шведских семей с детьми. «Понимаешь, – говорит Дед Ларсу, – ниссе[15] тоже должны идти в ногу со временем».

В Швеции и вправду наступили новые времена, и за

пределами пещеры и мастерских Рождественского Деда. В кильватере краха на Уолл-стрит 1929 года Северную Европу поразила безработица и всеобъемлющий кризис в сельском хозяйстве и промышленности. И все же в Швеции – во всяком случае, среди более молодой части населения – проклевывались ростки надежды. Одни считают, что причиной оптимизма стала большая стокгольмская выставка 1930 года, где с помощью архитектурного функционализма визуализировалось новое время и новые мысли, новые здания в крупных городах, развитие автомобилизма, радио и звукового кино. Другие объясняют веру в светлое будущее приходом в 1932 году к власти социал-демократов. Мечту о Швеции – Народном доме нарисовал Пер Альбин Хансон, когда за четыре года до этого рассуждал о всеобщем благосостоянии, о том, что «в хорошем доме» нет «ни любимчика, ни пасынка, ни привилегированных, ни угнетаемых». Переход от бедности к обществу всеобщего благосостояния – феномену, который теперь неотделим от понятия «шведскость», – начался в 1930-е годы и охватил всю страну.

Стокгольм, 1933 г., счастливая семья. В письме к шурину Гуннару перед его свадьбой с Гуллан в 1931 г. Стуре замечает: «Испытываю неукротимую потребность сказать тебе, что брак – чудесный дар, который природа изливает на двух людей, созданных друг для друга, – и не только во время медового месяца». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Некоторые проницательные и наделенные воображением

читатели рождественской истории в приложении к «Стокгольм тиднинген» за 1933 год, возможно, сочли, что футуристический Рождественский Дед символизирует новую шведскую власть, партию, которая год назад, благодаря обещаниям перераспределить общественные блага и предоставить гражданам равные права и возможности, образовала правительство. Неужели анонимный автор веселой рождественской сказки и правда нарядил в большую бороду и наушники премьер-министра социал-демократов Пера Альбина Хансона? Пожалуй, это чересчур вольное толкование литературного дебюта Астрид Линдгрен, пришедшегося на 17 декабря 1933 года, хотя старый добрый Санта-Клаус в ее исполнении весьма «продвинут», а то, что Рождественский Дед может следить за каждым гражданином с малых лет и выступать в роли стража нравственности, заставляет задуматься:

> «Поскольку Калле уже давно плохо себя ведет, он не получит рождественских подарков».

Морализаторство

В творчестве Астрид Линдгрен совершенно отсутствовало то, что она сама называла морализаторством и историями для воскресной школы. Но первые пару лет автору рассказов для «Ландсбюгденс юль», по-видимому, было трудно освободиться от старомодного нравоучительного тона, от фигуры ментора-повествователя: она с этим выросла, в ее смоландском детстве такие сказители водились и на хуторе, и среди родни. Дома, в квартире на Вулканусгатан, рассказывая истории Лассе и Карин, она редко прибегала к проповедям. А начать рассказывать историю могла когда угодно и где угодно, вспоминает Карин Нюман:

> «Мама никогда специально не садилась рассказывать. История всегда из чего-то рождалась. Единственное исключение – перед сном, когда она *должна* была развлекать Лассе или меня чтением или рассказами. Она или сама что-то придумывала, или пересказывала, что знала».

В семье Линдгрен не было недостатка в ниссе и троллях – волшебных существах, приходивших из смоландских тайников памяти Астрид, из скандинавских народных сказок, из книжек с картинками Эльзы Бесков и Йона Бауэра, стоящих на полках, к

которым прилежно обращались дети, Астрид и Стуре в 1930-е годы. По словам Карин Нюман, ее отец однажды отправился за новым костюмом, а вернулся с иллюстрированным датским двухтомником сказок Андерсена, который они читали и перечитывали. Андерсен всю жизнь простоял на полках Астрид Линдгрен рядом с другими любимыми в семье классиками:

> «Конечно же, мы читали иллюстрированные книжки Эльзы Бесков, наверняка прочитали все, а прежде всего Андерсена – мама читала и пересказывала нам его сказки, особенно „Маленького Клауса и Большого Клауса“, но я лучше всего помню „Огниво“. И конечно, у нас были „Винни-Пух“, „Доктор Дулиттл“, „Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями“, Марк Твен, шведские народные сказки, „Тысяча и одна ночь“, сатирические сказки Факира Фальстафа, и журнал „Среди ниссе и троллей“ мы получали регулярно. Рассказы Астрид всегда возникали экспромтом, под влиянием момента. Если она и преследовала какую-то дидактическую цель, это прошло мимо меня».

Устные рассказы Астрид никогда не были поучениями, а ее идеалы воспитания – застывшими формулами. Педагогику Линдгрен нельзя назвать ни старомодной, ни современной, утверждает Карин Нюман; она – продукт здравого смысла, с которым воспитывали саму Астрид и двух ее сестер и брата в Нэсе:

> «Воспитание мое наверняка было самым обычным. Папа совершенно в это дело не вмешивался, я ведь была „послушной девочкой“, а если меня надо было поругать, этим занималась Астрид. Скорее всего, ее идеал воспитания в то время соответствовал родительской модели: абсолютный авторитет старших, но без ненужного вмешательства в жизнь ребенка и без муштры. От меня требовалось делать книксен перед взрослыми, молиться по вечерам и, по сути дела, беспрекословно слушаться родителей. Но при этом меня так неумеренно хвалили, что в пять лет я сама научилась писать и сочиняла маленькие истории и прочее в этом роде».

Позволяя себе морализировать в разговоре с детьми, Астрид чувствовала, что они видят фальшь насквозь. С литературной точки зрения это означало, что дидактические пассажи в детских

сказках и историях не просто избыточны, но свидетельствуют о недооценке способности детей самостоятельно мыслить. Этот опыт стал краеугольным камнем творчества Астрид Линдгрен. Влияние Лассе и Карин на формирование взглядов Астрид прослеживается в ее многочисленных наблюдениях за детьми. Записи об этих наблюдениях сохранились в «кассовой книге», дневниках и письмах друзьям и знакомым. По прошествии многих лет Линдгрен иногда вспоминала отдельные моменты, когда Лассе или Карин понимали, что мама читает мораль. Так, в середине 1950-х годов Астрид рассказала в интервью одной шведской газете о записочках с пожеланиями, которые всегда писала Лассе и Карин, когда те были детьми, чтобы они знали, чего хочет мама:

> «Как-то раз, когда дети были маленькими, я закончила записочку кротким пожеланием иметь „двух послушных ребятишек“. На что мой сын совершенно справедливо заметил: „Где мы тут вчетвером-то поместимся?“ Так что я это пожелание вычеркнула».

Другое такое происшествие, записанное Астрид на последних страницах «кассовой книги», случилось на Рождество 1930 года – первое Рождество Лассе в Швеции, – в Нэсе. Как всегда, на столе у Эриксонов стояло блюдо под названием лютефиск, и, как всегда, Астрид при виде студнеобразной рыбы едва не вывернуло, но сын явно не разделял ее чувства:

> «Он поел рыбы, чего я никогда не могла заставить себя сделать. Я похвалила его и прибавила, что Рождественский Дед наверняка скажет, что он молодец. Лассе ответил: „Хм, а что он скажет тебе?“»

Эти спонтанные обезоруживающие замечания привели к тому, что поучительный тон, характерный для первых литературных текстов Астрид Линдгрен, потихоньку сошел на нет. Эти тексты были довольно прямолинейными, – например, из «Приключений Юхана в канун Рождества» (*Johans äventyr på julafton*, 1933) ребята узнавали, что уже в детстве можно самому себе выкопать яму, если никого не слушаться и дурно относиться к людям. А в проповедях в стиле «Филиокус» (*Filiokus*[16], 1934) и «Пумперникель и его братья» (*Pumpernickel och hans bröder*, 1935) рассказывалось о том, что бывает с непослушными и ленивыми детьми. Но в 1936 году в творческой кухне Астрид Линдгрен произошли изменения. Она написала две истории для «Ландсбюгденс юль» – «Большой крысиный бал» (*Den stora*

råttbalen) и «Рождественский вечер на хуторе Лилльторпет» *(Julafton i Lilltorpet)* – разноплановые произведения, которые обращаются к читателю на двух разных уровнях.

Гордые бабушка с дедушкой, Рождество и Новый год 1934 г., Нэс. На коленях у бабушки Ханны сидит Карин, Лассе – в середине, а Гунвор, дочь Гуннара и Гуллан, – на руках у дедушки. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

События в «Большом крысином балу» разворачиваются осенью, когда мыши и крысы переезжают в дом и могут устроить бесконечный праздник. История эта – аллегорическое сатирическое изображение социальных механизмов, которые вскрываются во время торжеств, и потому сказка предназначалась скорее взрослым, чем детям. Это сказывается и на выборе слов – «крысиное сообщество», «бабенки», «шарман» и «станционное общество». А вот «Рождественский вечер на хуторе Лилльторпет» был адресован и юным читателям журнала. Чрезвычайно грустная сказка повествует о смерти, которая приходит на бедный крестьянский двор вместо Рождественского Деда. В доме умирает одинокая мать шестерых детей, доктор не может добраться сюда из-за вьюги. Десятилетний Свен, в отчаянии отправившийся за помощью, вынужден отступить перед силами природы и теперь в слезах, замерзший и голодный, сидит в Лилльторпете с четырьмя младшими братьями и сестрами, а старшая, Анна-Мэрта, дежурит у смертного одра матери:

«Она сидит на стуле у изголовья – скорбное лицо, синее платье давно мало. Указательным пальцем девочка задумчиво водит по резьбе на деревянном остове кровати и ждет. В комнате холодно, топят здесь редко. Анне-Мэрте зябко. В последний раз мама Катарина открывает глаза. Она смотрит на дочь и ощупью тянет к ней руки. Из последних сил она произносит: „Анна-Мэрта… я умираю… позаботься о малышах“. Анна-Мэрта молча кивает. Внезапно наступает мертвая тишина».

В этом сентиментально-реалистическом рассказе повествователь нажал на все клавиши. Впервые в ряду ранних историй Астрид Линдгрен появляется рассказчик, который, будучи взрослым и взирая на все сверху, в то же время заинтересованно склоняется к ребенку, солидарен с ним, а порой предстает не только сочувствующим, но и посвященным: «Анна-Мэрта узнала эту тишину: такая же наступила, когда умер отец». История не сдобрена моралью, в ней не ищут виноватых. Читатель должен не угрызаться, а сострадать ребенку, который слишком рано и слишком быстро становится взрослым, – ребенку, на котором сосредоточено внимание рассказчика до самой последней точки:

«Наступает вечер. Все спят, кроме Анны-Мэрты, которой со многим еще надо управиться. В конце концов она заканчивает дела и забирается на лавку к младшему брату. И тут он выходит, комок, что весь день стоял в горле. Анна-Мэрта плачет, сдавленно и тихо, чтобы не разбудить детей. Ей всего тринадцать. И может быть, она героиня. Но сама этого не понимает. За окном все так же идет снег».

Сколько стоит жених

Через год, в рассказе «Жених для Майи», напечатанном в «Ландсбюгденс юль» в 1937 году, Астрид Линдгрен целиком сливается с главным героем и смотрит на мир глазами пятилетнего ребенка. Его зовут Яркер, и он, как и двое старшеньких, считает их служанку Майю еще одной, самой чудесной на свете мамой: она не только умеет готовить и ухаживать за детьми, но и рассказывает им сказки, делится теплом и близостью, которых дети недополучают от родной матери. Ту больше занимает положение замужней дамы и роль, которую она играет в обществе, и однажды, когда самые знатные

дамы города судачат у нее в гостях за кофе и выпечкой, Яркер слышит, как они говорят: Майя так некрасива, что у нее никогда не будет жениха.

Яркеру хорошо знакомо слово «некрасивый», но все в его теле и уме возмущается, потому что Майя для него – самая красивая. Другое слово, которое без конца повторяют утонченные дамы, – «жених» – Яркеру неизвестно. Из их беседы мальчик заключает, что должен найти Майе жениха. Чего бы это ни стоило. И он опустошает копилку и идет к местному бакалейщику, новому человеку в городе, а по дороге думает: «Сколько же он может стоить, жених этот? Ну уж за пять эре, наверное, можно стоящего купить». Молодой бакалейщик с интересом выслушивает Яркера, который, зажав пять эре в кулачке, излагает свое дело, и внимание взрослого человека радует Яркера. Он к этому не привык: «Он все еще не смеется, – удовлетворенно подумал Яркер. – Взрослые часто вначале серьезны, а потом неожиданно начинают над тобой смеяться».

Бакалейщик как бы между прочим спрашивает, зачем Яркеру понадобился жених. Для кого? Мальчик не может не облегчить душу: этот взрослый вызывает доверие. Бакалейщик слушает еще внимательней и говорит, что Яркер запросто может купить жениха за пять эре, но сам его до дому не дотащит. Для этого понадобится взрослый мужчина, и потому добрый бакалейщик предлагает заглянуть к мальчику вечером.

> «– Но я спать буду, – возразил Яркер.
>
> – По-другому не получится. Я раньше уйти не могу, понимаешь?
>
> – Тогда договорились, – решил Яркер. И пошел домой, очень собой довольный. Дело решенное, у Майи будет жених, точно как у других девушек».

Карин родилась в 0:50 в ночь на 21 мая 1934 г. и весила 4730 г. Накануне родов Астрид страдала от простуды, усталости и «тяжести в животе», как она пишет в своих записях о родах. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Прелестный рассказ 1937 года, в котором сталкиваются, но в итоге сближаются и встречаются такие разные миры

представлений ребенка и взрослого, – первая иллюстрация к тому, как Линдгрен понимала душу ребенка и умела истолковать реальность, пользуясь его логикой. Ее мастерство росло. С 1939 года некоторые рассказы печатали в журнале «Морс хюльнинг», выходившем каждый год ко Дню матери. Сказки и басни с их ниссе, троллями и говорящими животными вынуждены были потесниться, уступив место более реалистичным современным рассказам, бравшим исток в повседневной жизни детей конца 1930-х и знакомстве писателя с тем, что волновало современных детей.

Эти старания буквально соответствовали программе новой детской литературы, изложенной в 1939 году Альвой Мюрдаль в предисловии к шведскому изданию классического произведения Люси Спрэг Митчелл «Здесь и сейчас. Современная книга сказок» *(Here and Now Story Book)* – сборника экспериментальных сказок для детей и от лица детей двух – семи лет. Книгу Мюрдаль привезла из Америки в 1920-е годы. Шведский политик, занимавшаяся вопросами семьи и в 1930-е писавшая книги о воспитании, игрушках, о процветании детей и взрослых в большом городе, в этом предисловии отмечала, что современным рассказчикам, обращаясь к детям, следует настраиваться не только на одну волну с ребенком, но и на волну современного города, где эти дети все чаще рождаются. Действие в произведениях нового времени должно разворачиваться в знакомой ребенку действительности и вливаться в поток его жизни:

> «Детская литература меняется. Мы начинаем искать „правильные“ сказки, то есть пригодные для реальных детей. Владычество взрослых ослабевает. <…> В наше время рассказчик прежде всего должен включить в волшебный мир ребенка городскую среду и современную трудовую жизнь».

Новаторство произведений тридцатилетней Астрид Линдгрен, написанных для «Ландсбюгденс юль» и «Морс хюльнинг» в 1937–1942 годах, не только в том, что она писала о конкретных узнаваемых детях в конкретных узнаваемых обстоятельствах, но и в манере письма: она не обращалась к ребенку свысока, как было принято раньше, а смотрела на мир его глазами. Она пыталась чувствовать и мыслить как ребенок и таким образом обнажала потребности, мотивы и намерения, которые определяли мысли и поступки детей.

Можно задать себе вопрос, до какой степени Астрид Линдгрен черпала вдохновение в науке о детской психологии, в предвоенное время сделавшей гигантский скачок и породившей целый ряд теорий и методов, представленных в публикациях, которые в большом количестве переводились и обсуждались в Швеции тридцатых годов. Исследователи и участники дискуссий, среди которых были Александр Сазерленд Нилл, Альфред Адлер и Бертран Рассел, приезжали в Швецию с докладами, давали интервью и упоминались в прессе, в особенности культурно-радикальной. Нет сомнений в том, что Астрид следила за многочисленными дебатами о воспитании, читая «Дагенс нюхетер», которую выписывали в семье Линдгрен. Поэтому немного странно, что в библиотеке писателя, насчитывающей четыре тысячи томов, мы находим крайне мало сочинений о детской психологии и педагогике, опубликованных на шведском языке в 1930–1940 годах. Согласно спискам архива Национальной библиотеки, среди книг Астрид не было сочинений А. С. Нилла, Бертрана Рассела, Пиаже, Монтессори, Бюлера, Хетцер, Дьюи, Адлера, Фрёбеля, Фрейда или хотя бы Альвы Мюрдаль, напечатанных в этот период. Единственные два произведения – «Обычные проблемы обычных детей» (1932) Д. А. Тома и «Психологический уход за ребенком» Джона Б. Уотсона, где на первой странице красуется провокационное посвящение: «Первой матери, которая растит счастливого ребенка».

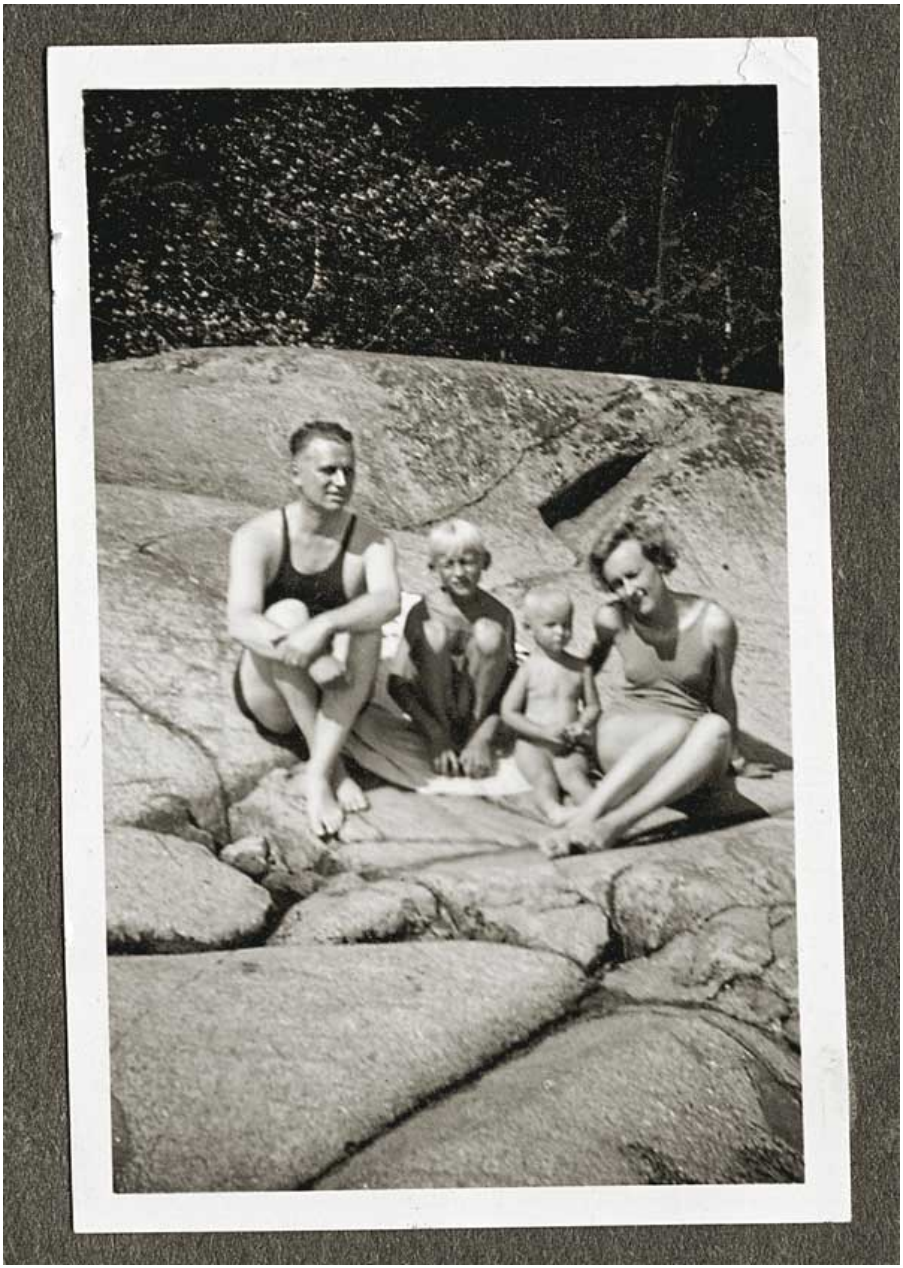
Оба автора принадлежали к основанной Уотсоном в 1913 году психологической школе бихевиоризма. «Изм» достиг Европы в двадцатые годы, когда книги Уотсона были переведены на ряд европейских языков и издавались, в частности, по всей Скандинавии. Как направление в психологии бихевиоризм отрицал существование всех психических феноменов, которые нельзя наблюдать снаружи; Уотсон, который, таким образом, находился в оппозиции к фрейдистской школе, подчеркивал, что психология должна заниматься исключительно доступным для наблюдения поведением человека, его физическими реакциями, движениями и действиями.

Доступная, близкая к действительности психология Уотсона в межвоенные годы приобрела много приверженцев среди родителей, которым хотелось разобраться в поведении своих малышей. Книги Уотсона пользовались популярностью, поскольку профессор был искусным продавцом, знакомым с психологией масс, и понимал, что хорошо продаются именно провокационные идеи:

> «Ни у кого пока нет достаточных знаний о воспитании детей. Нам было бы полезно на двадцать лет прекратить рожать, а затем, когда научимся выполнять эту работу с достаточным мастерством и точностью, начать с нуля. Способность быть матерью или отцом основана не на инстинктах, но на знании».

Научными фактами, на которые намекал Уотсон, были его знаменитые и со временем приобретшие сомнительную репутацию бихевиористские лабораторные исследования инстинктивных реакций младенцев на огонь, крысу, кролика и собаку, а также на грохот тяжелых ударных инструментов за спиной. Опыты должны были доказать, что страх, например, не передается по наследству, а усваивается через воздействие среды. Знание вовсе не очевидное в 1920-е годы, когда детская психология находилась только накануне научного прорыва.

Есть причины полагать, что двадцатичетырех-двадцатипятилетняя Астрид Линдгрен, мать маленького мальчика, которого многократно отрывали от его тоненьких корешков, легко заразилась желанием узнать о причинах страха как явления. Что вызывало у ребенка панический страх и как родителю научить ребенка владеть своими чувствами? А Уотсон настаивал, что этому можно научиться, как чтению, письму, игре в кубики.



Семья Линдгрен на пляже на мысе Нордкап. Нордкап – местное название больших пологих скал на северо-восточной оконечности острова Фурусунд в Балтийском море. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Знакомство с бихевиористской теорией Уотсона в начале 1930-х годов, однако, не переменило отношения Астрид Линдгрен к воспитанию Лассе, а позже и Карин. «Психологический уход за

ребенком» был, очевидно, прочитан по диагонали, с интересом, а также здоровым скепсисом. Молодая мать извлекла из книги то, что можно было использовать, – прежде всего совет внимательно наблюдать за поведением ребенка с самого рождения – и оставила без внимания менее ценные мысли автора. И не в последнюю очередь – предостережение профессора против чрезмерных объятий и поцелуев, якобы ведущих к хронической сентиментальности:

> «Никогда не ласкайте детей, не целуйте их, не сажайте на колени. Если необходимо, поцелуйте в лоб на ночь».

В этом отношении Астрид Линдгрен была совершенно чужда бихевиоризма. На многих семейных фотографиях 1930-х и 1940-х годов перед нами мать, которая совершенно не скрывает любви к двум своим детям и в любой момент готова расцеловать их и приласкать. Карин Нюман вспоминает:

> «Мама нас много обнимала. Она все время говорила, что любит нас, часто на смоландском диалекте. У нее было выражение, наверняка цитата, не знаю, откуда она его взяла: „Иди ко мне, я выдавлю из тебя весь почечный жир“ – это значит, очень крепко обниму. И она часто так говорила!»

Моя дорогая малышка

Совету профессора Уотсона наблюдать и подмечать, как «организуется» жизнь ребенка, Астрид, в общем-то, следовала много лет. Об этом свидетельствуют письма к Райнхольду, Анне-Марие, Гуннару и Стуре. Такое внимание к развитию детей сохранялось у нее и в тридцатые и сороковые годы. Не только в «кассовой книге», но и в дневниках и письмах, теперь адресованных преимущественно Стине, Ингегерд и невестке Гуллан, вышедшей замуж за Гуннара в 1931 году. Новоявленная хуторянка получила поздравительное письмо от Астрид, выдержанное в том же озорном, ироничном тоне, которого всю жизнь придерживались брат и сестры:

> «Дорогая малышка Гуллан! Мои сердечные поздравления! Говорят, что золовка с невесткой не ладят, но я надеюсь, что мы своей жизнью опровергнем эту теорию. Я пока так мало тебя знаю, невесточка, но

надеюсь, что ты не против поближе познакомиться, когда я приеду домой на Рождество. Чересчур много „надеюсь“ получается, когда пишешь такое вот письмо, но я все же надеюсь, что Гуннар тебя не бьет до крови, и не бузит, и вообще не ведет себя как грубая скотина. А поскольку он мой любимый братик, ты обязана сделать его счастливым. Хотя, конечно, вы и так будете счастливы, обойдетесь без моих просьб. Мой муж присоединяется к поздравлениям. Итак, до встречи! Преданная тебе Астрид».

Гуллан и Астрид не только вышли замуж в один год; в конце мая – начале июня 1934 года они почти одновременно родили, и обе – девочек, Карин и Гунвор, которые со временем стали такими же хорошими, близкими подругами, какими были их матери до самой смерти Гуллан в 1984 году. В некрологе, который Астрид по этому случаю отправила в «Виммербю тиднинг», она подчеркивала, что Гуллан всегда себя уважала, но держалась скромно и притом полвека оставалась источником силы для всей семьи. Узы между двумя женщинами всегда были очень крепкими, рассказывает Карин Нюман:

«В старости, когда обе овдовели, они очень много разговаривали по телефону – даже рассказывали друг другу, что будут готовить на ужин. Гуллан безоговорочно доверяла родным – думаю, и Астрид рассказывала ей о своей личной жизни больше, чем другим. Они, кажется, не так уж много говорили о событиях – в основном о людях. Астрид была очень привязана к Гуллан и скучала по ней, когда та умерла».

В конце мая 1934 года, примерно когда у Гуллан родился ребенок, Астрид начала вести своего рода судовой журнал первого года развития Карин, чтобы дочь прочитала его, когда вырастет. Отрывок Астрид послала Гуллан вместе с новогодними поздравлениями: «Думаю, тебе стоит вести такие ежедневные записи о своем ребенке, если ты этого еще не делаешь, – хорошая штука». Журнал Астрид сам собой появился на свет в мае 1934 года:

«20 мая. Проснулась в два часа ночи с симптомами. В шесть утра поехали в родильное отделение. Весь день ужасные схватки. Жуткие муки с 7 вечера.

21 мая. Родила мою малышку без десяти час ночи. 4730 граммов.

22 мая. Карин похожа на Стуре.

23. Пришло молоко. Карин мила и тиха. У Ларса наконец вылез передний зуб.

24. У Ларса температура, увы, увы, увы. Домой бы. У Карин были колики, она кричала как одержимая, я поплакала от усталости.

25. У меня немного поднялась температура. Карин мила и тиха. Ларс поправился.

27. Карин проорала весь День матери.

28. Карин тиха и мила. Температура поднялась.

29. Пошел дождь, и днем я плакала. Высокая температура. Беспокоюсь о Карин.

30. Отчаяние. Молоко пропадает, Карин стали докармливать коровьим. Она кричит как одержимая.

31. Трудный май закончился. Последний день чуть полегче. Карин поспокойнее, у меня опускается температура.

2 июня. Карин кричала.

3 июня. Днем плакала. Карин не прибавляет в весе. Ее надо кормить каждые три часа.

4. Разрешили встать в первый раз.

5. Карин кричит, ее рвет.

6. У Гуннара и Гуллан родилась девочка. Карин кричит и кричит. Ее рвет».

Летняя жизнь в Нэсе в середине 1930-х гг. Сверху вниз по центру: Стине, Гуннар, Астрид (в белой шляпе), ползающая Карин, Самуэль Август с Гунвор на руках, внизу – Ингегерд. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

После родов в стокгольмской больнице «Сёдра», 21 мая, Астрид отправила невестке в Смоланд письмо. У Гуллан это были первые роды, она наверняка нуждалась в словах ободрения от того, кто второй раз в жизни заподозрил, что умрет:

> «Дорогая Гуллан, не бойся. С тобой точно все будет хорошо. Если ты, как и я, воображаешь, что умрешь, могу утешить тебя: так думают почти все, но так легко мы не отделаемся».

Гуллан родила 5 июня 1934 года и выжила, и в последующие месяцы невестка и золовка продолжали писать друг другу письма, в основном о весе девочек, кормлении, всяких овощных пюре, подгузниках, прикормах и разных лекарствах от рахита. В своем «судовом журнальчике» Астрид тщательно описывала развитие Карин. В феврале 1935 года девочке исполнилось восемь месяцев, и она, к счастью, была уже способна на большее, нежели крики и срыгивание:

> «2. Утром Карин сказала „мама-папа“. Съела первое яйцо.
>
> 3. У Карин болел живот. Кричала и не засыпала.
>
> 4. Карин проползла большое расстояние задом наперед. (И мир еще стоит?)».

Под столом, за которым сидят взрослые

Наблюдения за собственными детьми и племянниками, их товарищами по играм и случайными детьми на улице или в Васапарке в конце тридцатых годов повлияли на творчество Астрид Линдгрен, на формирование ее повествовательного стиля. Это заметно уже по рассказам «Рождественский вечер на хуторе Лилльторпет» и «Жених для Майи» в 1936–1937 годах и становится очевидным в «Подарке ко Дню матери» и «Искателе», опубликованных в «Морс хюльнинг» в 1940–1941 годах. Благодаря двум этим рассказам Линдгрен нашла свою писательскую нишу: под столом, за которым сидят взрослые, в обществе дошкольников.

В «Подарке ко Дню матери» две сестры хотят подарить своей маме на День матери новорожденного котенка, но вынуждены ждать, пока кошка родит, а затем искать, где она спрятала котят. Никаких авторских ремарок – читатель следит за двумя обычными детьми и событиями, которые могли бы произойти в любой день и в любом месте в Швеции 1930-х. История начинается с «личного пространства», где можно побыть одному. Оно было нужно четырехлетнему Лассе, когда он захотел остаться один осенью 1931 года после неудачного посещения детского сада. Похожее личное пространство с помощью разного старья организовала как-то в 1937 году трехлетняя Карин под кухонным столом в доме на Вулканусгатан. В какой-то момент Астрид заглянула под стол и сказала: «Нет, не нравится мне это!» Помолчав, Карин ответила: «Мама, мне тоже не нравится! Это глупо! Но, может, глупость сидит у меня в животе!»

В «Подарке ко Дню матери» Малышка и ее старшая сестра Анна-Стина создали такую пещеру одиночества под большим раскладным столом на кухне, длинными краями скатерти счастливо отгороженные от взрослых, занятых в своем взрослом мире. Только кошка Юла была допущена к сестрам, которые по-своему смотрели на мир снаружи:

> «Там были мамины ноги в черных шлепанцах – они были так заняты; и ноги служанки Майи, которые словно пританцовывали, и папины в больших сапогах, и иногда ноги старого дедушки, осторожно ковыляющие по полу в войлочных туфлях. Разговоры и смех взрослых не мешали шепоту под столом. Там была своя жизнь».

Через год, в 1941-м, Астрид Линдгрен еще глубже погрузилась в волшебный мир детских представлений в рассказе «Искатель», где она пишет о сокровищах впечатлений и опыта, которые четырехлетний малыш может собрать за полдня, проведенные в вольных играх. После иллюстративно-описательного зачина, где Кайса сидит на красной скамеечке на кухне, а мама стоит у кухонного стола и месит тесто, фокус направляется на отношения матери и дочери, в которых детский полет фантазии не тормозится и не управляется взрослым. Сцена у кухонного стола – эскиз тесных и уважительных отношений между ребенком и взрослым, на которых так много выстраивает – и которые ищет – в своем творчестве Астрид Линдгрен. Кайса рассказывает матери, что скоро отправится на поиски сокровищ. Мама слушает, осторожно и участливо расспрашивает о больших планах, которые строит четырехлетний ребенок, и Кайса так благодарна матери за интерес и доверие, что, не сходя с места, посвящает ей одну из будущих важных находок. А найдет она, ни много ни мало, алмаз:

> «– …Мне самой нужен только маленький самородок, – сказала Кайса. – Или, может, алмаз.
>
> – Да, может, и алмаз, – ответила мать и поставила последний противень с булочками в духовку.
>
> Кайса разгладила на животе красный передничек и, ступая пухленькими ножками, направилась к двери.
>
> – Пока, я пошла, тра-ля-ля, пам-пам-пам!
>
> – Пока, моя милая, – ответила мама, – далеко не уходи.
>
> – Не буду, – сказала Кайса и обернулась в дверях. – Всего на тысячу километров».

Лассе и Карин у фотографа в конце 1930-х. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

После прощания с матерью четырехлетнюю искательницу увлекает сила воображения. Эта история показывает, что суть игры – в щедрости, что игра никогда не бывает рациональной или целесообразной и что главное в ней – желание. Ребенок все время действует самостоятельно, независимо, без вмешательства из взрослого мира. Сначала Кайса кормит кур, затем находит

мертвую птичку с желтым клювом и красивыми темно-синими крыльями, потом ракушку, откуда доносятся чудесные звуки, и в конце – старую воронку для переливания кофе, с помощью которой можно искать золотую пыль. Каждая вещь в полете фантазии порождает новую игру в игре и одновременно намечает новое направление движения. От лестницы к курятнику, затем к старой ели, к куче камней, к прудику, через изгородь, в лес, к мусорной куче и на большую гравийную дорогу, где растут красивые цветы, которые можно рвать… но тут наступает усталость, и Кайса понимает, что заблудилась. Однако вскоре раздается грохот, на дороге появляется Андерсон из Лёвхульта на своей повозке с молоком и задает один из тех взрослых вопросов, которые так удивляют детей:

«– Не может быть! Неужели это Кайса?

– А кто же еще, – отвечает Кайса и тянет к нему руки. – Помогите мне, я хочу домой, к маме».

Парковые мамочки

Педагогические взгляды Линдгрен, которые повлияли на ее рассказы для «Ландсбюгденс юль» и «Морс хюльнинг» конца 1930-х и начала 1940-х – в том числе и рассказ 1942 года «Монс идет в школу» *(Måns börjar i skolan)* о том, как травят друг друга дети, написанный за тридцать лет до того, как понятие «травля» зазвучало в скандинавских учительских, – были сотканы из знаний разного рода. Отчасти из опыта собственного детства и из всего того, что Астрид прочитала и услышала, но также из того, чему она научилась в тридцатые, ежедневно общаясь с детьми и их родителями.

И тут важную роль сыграли Васа-парк и «парковые мамочки», как Астрид называла своих ровесниц, в первую очередь Алли Вириден и Эльсу Гулландер, с которыми познакомилась в 1934–1935 годах, когда все они сидели с колясками на лавочках у детской площадки. Первая встреча с Алли Вириден никак не предвещала дружбы, рассказывала пожилая Астрид Линдгрен. Дочка Алли, которую нарекли Маргаретой, но называли исключительно Матте, казалась необыкновенно развитой, и Астрид однажды спросила, сколько ребенку лет. Мать ответила так сдержанно, что Астрид пообещала себе никогда больше с ней не заговаривать. Однако через пару дней они все же разговорились и после гуляли по парку с колясками, болтая о детях, семье и обществе.

Прогулки по парку с годами превратились в традицию и продолжались – без колясок – почти шестьдесят лет. Дочери давно выросли и сами родили детей, но Алли и Астрид, жившие по соседству с ухоженным парком, где росли подстриженные деревья и старые густые кустарники, по-прежнему назначали друг другу встречи в Васа-парке, где гуляли новые поколения детей и родителей. У этих прогулок была своя устоявшаяся хореография, рассказывает Карин Нюман. Астрид шла пешком с Далагатан в восточную часть парка, а Алли – с запада, от площади Святого Эрика и района Атлас; встречались они всегда в центре, где между старыми липами в форме канделябров и детской площадкой пересекались широкие гравийные дорожки.

Мать и дочь готовы к прогулке по Васа-парку вместе с другими мамочками района. Через двадцать лет Астрид написала родителям в Смоланд: «Через минуту ко мне придут обедать мои

парковые мамочки, Алли, Эльса Гулландер и Карин Бене, а потом мы пойдем в театр на „Дон Жуана“». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Для Астрид Линдгрен Васа-парк был своего рода психологической лабораторией, где она на прогулках, или сидя на лавке, или глядя из окон квартиры наблюдала за поведением людей, типажами, детскими играми и манерой родителей обращаться с сыновьями и дочерьми. И с первых прогулок в 1930–1931 годах Астрид поражало и возмущало то, что она видела. Вот что она рассказывала Маргарете Стрёмстедт в 1976–1977 годах:

> «Это случилось, когда Лассе был маленьким. Я гуляла с ним по Васа-парку и тут вдруг осознала, как же детьми все время помыкают, как их попирают взрослые. Я обнаружила, что к детям редко прислушиваются, что их „воспитывают“ бранью, да еще и побоями. Мне было обидно за детей и стало еще обиднее, когда мои дети пошли в школу и я столкнулась с новыми требованиями и с авторитетами».

Прогрессивный взгляд на воспитание, который Астрид Линдгрен всегда отстаивала как писатель и общественный деятель и который прослеживается в ее литературном творчестве конца тридцатых, резко обозначился 7 декабря 1939 года. В газете «Дагенс нюхетер», в самом низу 13-й полосы, между большими объявлениями с рекламой дамских чулок, аспирина и вермута, жалась статья под названием «Молодежный бунт» за подписью «A. L. / L IV».

Лето 1938 г., клан Эриксонов на лестнице дома в Нэсе. Вокруг родителей, слева направо, стоят Ингвар, Ингегерд, Стина и (за ней) ее муж Ханс Хергин, Астрид, Гуллан (с маленькой Барбру на руках) и Гуннар. На нижней ступеньке «фамильной» лестницы – Карин, Лассе и Гунвор. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Статья была написана как бы от лица молодого бунтаря и выросла из школьного доклада тринадцатилетнего Ларса Линдгрена, с которым ему помогала Астрид. Она так вдохновилась темой – «Об искусстве быть ребенком», – что написала продолжение и отправила материал в «Дагенс нюхетер». В редакции статью основательно переработали. Текст сократили, заострили и опубликовали под более провокационным заголовком – «Молодежный бунт». К первому абзацу добавили предложение («Это слова революционера»), «Гекльберри Финна» заменили на писателя Эдгара Т. Лоуренса, который больше подходил возрастной категории автора. Неизвестно, принимала ли Астрид Линдгрен участие в правке, но в книге Уллы Лундквист «Дитя века», где статья напечатана в первоначальном виде, информации об этом нет. Однако и в окончательной версии было что почитать:

«Молодежный бунт

„Нелегко быть ребенком“, – недавно прочитал я в газете и страшно удивился: правду ведь не каждый день

в газете прочитаешь. Это слова революционера.

Да, ребенком быть нелегко! Трудно, очень трудно. А что это значит – быть ребенком? А это значит, что надо ложиться спать, вставать, одеваться, есть, чистить зубы и сморкаться, когда это удобно взрослым, а не тебе. Это значит, что нужно есть зерновой хлеб, когда хочется французскую булочку, что нужно, не моргнув глазом, мчаться к молочнику, как раз когда ты собрался почитать Эдгара Т. Лоуренса. А еще это значит, что нужно, не жалуясь, выслушивать самые личные замечания от любого взрослого – о своей внешности, здоровье, одежде и перспективах.

Я часто задумывался, что будет, если начать так же обращаться со взрослыми.

У взрослых есть скучнейшая тяга к сравнениям. Они с удовольствием говорят о собственном детстве. Насколько я заметил, за всю историю человечества еще никогда не было таких талантливых и воспитанных детей, как в то время, когда росли мама с папой. <…> A. L. / L IV».

Здесь мать под личиной юного гимназиста, не признающего авторитетов, говорит от имени всех угнетаемых детей и подростков. За искусно сконструированной подписью скрывается: Астрид Линдгрен (A. L.), ученик Латинского (классического) направления (L) четвертого класса гимназии (IV). И хотя именно «Дагенс нюхетер», заострив и усилив акценты, придала революционный оттенок посланию фиктивного автора, сатирическое разоблачение двойной морали и злоупотребления родительской властью свидетельствовало о том, что Астрид подошла к распутью и перед ней встал выбор: продолжить писать редко издаваемые публицистические и развлекательные статьи или сделать ставку на свой литературный талант.

Обезьянье искусство Астрид

Астрид Линдгрен была нетипичной матерью: она не только могла написать доклад вместе с сыном, если тому нужно было выступить в школе, но и любила играть, разделяла интересы детей и не боялась обнаруживать своего внутреннего ребенка. Об этом говорили и Лассе, и Карин, когда стали старше. Игры были самые разные: от уютных развлечений дома на Вулканусгатан, где они рисовали и рассказывали истории, до активных уличных игр

– каруселей, качелей, лазанья, бега, прыжков, лыж и коньков в Васа-парке или Дворцовом парке «Карлберг» поблизости.

Астрид умела играть, ведь она знала: главное, что требуется от взрослых, – не мешать детям. Лассе и Карин не диктовали, когда им играть и во что. Вот слова Астрид из интервью журналу «Веко-шурнален» весной 1949 года: «Оставьте детей в покое, но будьте в пределах досягаемости на случай, если понадобитесь». Так она и поступала, отмечает Карин Нюман:

> «По-моему, никогда такого не было, чтобы Астрид нам сказала: „А теперь давайте поиграем“. Или чтобы я ее об этом попросила. Но я помню, что мне всегда хотелось побыть с ней, что наше общение было наполненным и никогда не скучным».

О том, что такое для нее родительский авторитет, Астрид Линдгрен рассказывает в беседе на радио 30 декабря 1978 года. Создательница Пеппи подчеркивает, что «каждому ребенку нужны ограничения», и тут же раскрывает суть своего педагогического опыта общения с Лассе и Карин: «Я играла на их стороне против себя». Именно эту двойную позицию – одновременно родительскую и детскую – она заняла в бунтарской статье в «Дагенс нюхетер» в 1939 году, и эта редкая способность осталась с ней навсегда.

Свой высокоразвитый игровой ген стройная гибкая Астрид Линдгрен активировала с легкостью. Ее внутренний ребенок всегда был готов к игре, если только она не писала, довольствуясь игрой в мире воображения. В 1977 году на праздновании дня рождения радиостанции в Мутале Астрид, на радость фотографам, как белка запрыгнула на одну из таких привлекательных радиомачт. В другой раз семидесятилетняя писательница залезла на сосну вместе с подругой, такой же любительницей поиграть и столь же привычной к вниманию прессы Эльсой Олениус, на десять лет ее старше. Оттуда они громко оповестили фотографов на земле, что Закон Моисея не запрещает старушкам лазить по деревьям. В еще более преклонном возрасте, когда физическое состояние уже не позволяло ей карабкаться по радиомачтам и соснам, она написала о своей «обезьяньей» жизни статью, опубликованную в бюллетене Общества Астрид Линдгрен в сентябре 2013 года:

> «Я считаю – точно как Дарвин, – что человек произошел от обезьяны. По крайней мере, я. А иначе почему все детство и раннюю юность я так упорно лазила по деревьям, крышам и прочим опасным местам?

> Например, в школьном гимнастическом зале – да-да, поскольку вдоль всего зала на высоте шести метров тянулись странные трубы. Там я и лазила – и, несмотря ни на что, осталась жива. Одноклассницы следили за мной со смесью страха и восхищения. <…> Да, я вполне уверена, что происхожу от обезьяны. Правда, теперь не особенно это ощущаю».

Однако она ощущала это, когда была молода, и часто думала и действовала как ребенок, рискуя получить выговор от взрослых. Например, от кондуктора в трамвае, куда Астрид в тридцатые годы – вот уж плохой пример для подражания – запрыгнула на ходу, потеряв туфлю, и вынуждена была сойти на следующей остановке и скакать за потерянной обувью на одной ноге.

Эльса Олениус и Астрид Линдгрен: две пожилые «обезьянки» на вершине дерева в конце 1970-х гг. (Фотография: Беппе Арвидсон)

Отцы и матери других детей редко бывали настолько спонтанны и ребячливы, и, конечно, дети это замечали. Одного

такого ребенка, навсегда запомнившего маму Лассе и Карин, звали Йоран Стэкиг – десять лет он был верным товарищем по играм и лучшим другом Лассе. Йорану особенно запомнились студеные воскресные дни в зимнем Васа-парке, когда Астрид, после многочасовых стоических попыток мальчиков не упасть на льду и не замерзнуть, купила маленьким конькобежцам еды и обжигающих напитков. Узнав о смерти Лассе в 1986 году, уже взрослый Йоран, живущий в США, тут же отправил «тете Линдгрен» письмо, где вспоминал их с Лассе веселую мальчишескую жизнь в 1930-е. Йоран заметил, что в Швеции наверняка много Астрид, но лишь одна тетя Линдгрен:

> «Ты научила меня и Лассе кататься на коньках. Не знаю, где ты достала такие коньки для Лассе, не остроконечные, а красиво скругленные, как поросячий хвостик. Ты снова и снова возила нас по катку. Купила нам горячие слойки, они так чудесно пахли».

Много незабываемых часов провел он с Лассе и его мамой, которая так любила играть. Однажды, когда Йоран был у них в гостях на пятом этаже в доме на Вулканусгатан, мать и сын натянули шерстяные одеяла между двумя стульями и на эти стулья сели. В комнату вошел Йоран. С дружелюбными улыбками они спросили, не хочет ли Йоран сесть в середине. Мальчик решил, что Лассе с мамой сидят на лавочке, без опасений сел между ними – и под взрывы смеха провалился.

Территория игр Лассе и Йорана простиралась по всему району Атлас, от «гор» Васа-парка до «диких вод» бухты Барнхусвикен. А еще они ежедневно вместе ходили в школу имени Адольфа Фредерика, а позже, в гимназические годы, – в *Norra Latin*, мужскую гимназию в Нормальме, хотя мать Лассе в конце каждого учебного года боялась, что этот год будет последним. Мечтателю Лассе трудно было сосредоточиваться в школе, он плохо делал уроки. Тем больше радовалась Астрид, когда мальчики встречались после долгих летних каникул. Она сразу же ставила мальчиков спиной к спине, чтобы посмотреть, кто больше вырос. Так было и в августе 1939 года, а еще до летних каникул, 22 мая, мать Лассе и Карин взяла «кассовую книгу» и написала длинную заметку о детях, которые на самом деле даются нам взаймы:

> «Мой малыш Ларс уже почти совсем не малыш. Он ходит во второй класс реальной гимназии и через пару дней его окончит. Этой весной они с Йораном стали скаутами, у Ларса теперь есть спальный мешок. В школе

дела получше, чем в первый год, и мы очень надеемся, что он перейдет в следующий класс. Он мой любимый сынок, хотя я, верно, и ругаю его, и помыкаю им довольно, когда они с Карин расшалятся. Вчера, в день рождения Карин, вся семья отправилась на „гору“ (Дворцовый парк «Карлберг». – *Ред.*), где я не была с незапамятных времен. А мы с Ларсом так часто ходили туда с Йораном. Иногда я замечаю, как быстро идет время, как быстро растут мои дети, и мне страшно, что я не сумею извлечь из их детства всего, что хотела бы, – не научу их, чему должна, не успею поучаствовать в их жизни, как следовало бы».

Матери всех стран, соединяйтесь!

Весной 1941 года немецкая военная машина развернулась в сторону Советского Союза, и тогда же на свет появилась одна из самых поразительных детских фигур в мировой литературе. Случилось это в стране, находившейся в стороне от войны, но окруженной либо оккупированными Германией, либо воюющими против России государствами. В такое вот непростое время Пеппи Длинныйчулок и обрела свое странное имя в череде устных рассказов матери, до того напряженно следившей за политической ситуацией в мире, что можно было подумать, будто она собралась на фронт.

О том, что корни Пеппи – в ужасах Второй мировой войны, в отвращении Астрид Линдгрен к насилию, демагогии, тоталитарным идеологиям, свидетельствует автобиографическое произведение, состоящее из вырезок, вклеек и записей, которые Астрид делала два десятилетия. Вначале она называла его «военным дневником», но в 1945 году оно переросло в дневник послевоенный и дневник холодной войны, растянулось почти на три тысячи страниц, или девятнадцать тетрадей. В 1961 году была вклеена последняя газетная вырезка, поставлена последняя точка. В том же году умерла Ханна, мать Астрид, и родилась ее первая внучка. Женская линия рода Эриксон-Линдгрен продолжилась. Будущее не обещало ничего хорошего и по-прежнему нуждалось в сильных женщинах. Мировая история словно пошла по кругу, заметила пятидесятидвухлетняя Астрид Линдгрен 1 января 1960 года:

> «Равновесие между Востоком и Западом сохраняется. Недавно нас потрясла антисемитская акция неонацистов в Германии: была осквернена синагога в Кёльне и прочее».

«Военный дневник» Астрид Линдгрен, больше похожий на коллаж из пожелтевших газетных вырезок с рукописными заметками о последних новостях большой политики и семейных событиях 1940-х и 1950-х годов, – уникальный автобиографический документ. С самого начала дневник был попыткой запечатлеть войну и те длинные тени, что она отбросила на жизнь обычной семьи. Вот что говорила Астрид Маргарете Стрёмстедт: «Я начала писать эти дневники, чтобы упорядочить воспоминания и нарисовать общую картину происходящего в мире и как она на нас влияла». Она приступила

1 сентября 1939 года, накануне Дня ребенка в Стокгольме:

> «Ах, сегодня началась война. Никому не верится. Вчера днем мы с Эльсой Гулландер сидели в Васа-парке, дети бегали, играли, а мы весело ругали Гитлера и соглашались друг с другом, что войны все же не будет, – и вот сегодня! Рано утром немцы бомбили несколько польских городов и вторглись в Польшу с разных сторон. Я, сколько могла, не делала запасы, но сегодня купила какао, чая, мыла и кое-чего еще. Все вокруг погрузилось в ужасную тоску. По радио целый день передают новости. Многих военнообязанных призвали. Объявлен запрет на пользование частными автомобилями. Господи, помоги нашей бедной, обезумевшей планете!»

Для Астрид Линдгрен, как и для миллионов других людей, Вторая мировая война стала поворотным моментом, изменившим ее взгляд на мир, жизнь и человека. Это она сама уже в старости утверждала в одном интервью, где также признавалась, что возмущение и злость на Гитлера, Сталина, Муссолини, нацизм, коммунизм и фашизм были ее «первым проявлением интереса к политике».

В «военном дневнике» очень заметно желание Астрид разобраться в причинах войны, влиянии войны на людей и делать что-то, протестовать, кричать. В то же время описания семейных торжеств, дней рождения и отпусков полны гармонии и покоя. Почти сюрреалистический пример раздвоения реальности, в которой жили многие шведы, – запись, сделанная летом 1941 года, когда семья Линдгрен отдыхала в фурусундских[17] шхерах. Стуре ходил на веслах в семейном ялике, Астрид купалась, искала первые ягоды и лисички. В это время у них гостила Гунвор, двоюродная сестра Карин. Все дышало идиллией, а по вечерам – под далекий грохот финско-русских схваток в Аландском море – Астрид читала привезенные с собой исторические книги, желая понять, что происходит с миром. 28 июня она записала в дневнике:

> «А здесь нужно вклеить речь Гитлера в связи с началом войны, но это позже. Сижу на кровати после беспокойной ночи, проведенной в борьбе с комарами под отдаленный гром орудий, смотрю на море, скрытое легкой дождевой дымкой… Национал-социализм и большевизм напоминают двух огромных ящеров, сражающихся друг с другом. Отвратительно принимать сторону одного из ящеров, но сейчас невозможно не

желать, чтобы Советский Союз как следует получил за все, что заграбастал во время этой войны, и за все, что сделал с Финляндией. Англия и Америка вынуждены держать сторону большевиков, и это, верно, еще труднее, и „the man in the street“[18] трудно это понять. Королева Нидерландов Вильгельмина сказала по радио, что готова поддержать Россию, однако по-прежнему против принципов большевизма. Самые многочисленные за всю мировую историю войска стоят друг против друга на Восточном фронте. Жутко и думать. Не Армагеддон ли нас ждет? Читаю тут, на Фурусунде, всемирную историю – чтение это наводит жуткое уныние: война, война, война и страдания человечества. И их ничто и никогда не учит, они лишь продолжают заливать землю кровью, пóтом и слезами».

Стопка из 19 дневников, которые Астрид Линдгрен писала и

клеила 20 лет и которые в 1939–1945 гг. сформировались как собрание газетных вырезок, дополненное копиями перлюстрированных писем, продуктовых карточек, нелегальных листовок и прочим. Все вместе обрамлено и объединено записями. (Фотография: Рикард Эстай)

В «Откровении святого Иоанна Богослова» Армагеддон – место, где произойдет последняя битва между Богом и Сатаной. В «военном дневнике» Астрид Линдгрен то и дело встречаются упоминания скорого конца света в религиозном контексте – например, 30 ноября 1939 года, когда войска Сталина напали на Финляндию: «Или, Или! Лама савахфани» («Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»), и 9 февраля 1940-го, когда мир получил первые доказательства существования варварских сил, что прятались за фасадом коммунизма и нацизма:

> «Что за мир, что за жизнь! Читать газеты – неутешительное занятие. Облавы с бомбами и пулеметами на женщин и детей в Финляндии, моря, полные мин и подлодок, моряки из нейтральных стран погибают или, в лучшем случае, в последнюю секунду спасаются на жалких плотах после многодневных страданий, трагедия поляков разыгрывается за закрытым занавесом (никто не должен знать, что там происходит, но кое-что просачивается в газеты), особые отделения в трамваях для „немецких господ“, полякам нельзя показываться на улице после восьми вечера и прочее и прочее в том же духе. Немцы говорят о „жестком, но справедливом обращении“ с поляками – но ясно, что́ за этим стоит. К какой ненависти это ведет! Мир в конце концов так переполнится ненавистью, что мы все в ней задохнемся. Думаю, Божий гнев поразил мир. К тому же зима такая лютая, какой никто и не помнит. <…> Я между тем купила шубу – хотя Рагнарёк наверняка настанет раньше, чем я ее сношу».

Грязная работа

Война так сильно действовала на Астрид Линдгрен, потому что она гораздо лучше большинства шведов представляла себе военные ужасы. В 1940 году ее взяли аналитиком в шведскую разведку – спасибо криминологу Харри Сёдерману: Астрид в тридцатые годы работала у него в Институте судебной

экспертизы, а после начала войны Сёдерман участвовал в создании национальной системы перлюстрации в Швеции. Астрид выполняла секретную работу в отделе перлюстрации писем почтовой службы Стокгольма, то есть до капитуляции Германии в мае 1945 года прочла тысячи писем за рубеж и из-за рубежа и была прекрасно информирована о том, что война делает с людскими душами и человеческими отношениями. Через неделю после вступления Астрид в должность, в сентябре 1940 года, в «военном дневнике» появилась запись:

> «15-го числа сего месяца начала свою секретную „службу“ – настолько секретную, что даже не решаюсь о ней здесь писать. Прослужила неделю. И теперь мне совершенно ясно, что в Европе сейчас нет ни одной страны, столь далекой от войны, как наша, невзирая на значительный рост цен, карточки и увеличение безработицы. У нас здесь, по мнению иностранцев, более чем прекрасно».

В почтовом отделении Службы общей безопасности с помощью шпионских штучек – электроприборов, пипеток, пароизлучателей, ультрафиолетовых ламп, химикалий и острых стальных инструментов – круглосуточно проверялись почтовые отправления. По предварительным подсчетам, 50 миллионов почтовых отправлений между шведскими гражданами и их родственниками, знакомыми и деловыми партнерами за границей в 1939–1945 годах были вскрыты и тайно прочитаны несколькими тысячами аналитиков, сидевших в полусотне тайных почтовых цензурных учреждений от Кируны до Карлсхамна.

«Моя грязная работа» – так называла Астрид Линдгрен секретную должность, на которую брали только тренированных читателей и в высшей степени благонадежных граждан. Вся эта невидимая армия читателей – безработных выпускников вузов, учителей, делопроизводителей, студентов и служащих нейтральной шведской армии – при вступлении в должность давала подписку, что не раскроет никому информацию о том, какая «почтовая» работа занимает их денно и нощно. Астрид Линдгрен сдержала обещание – почти. Всего несколько слов просочилось в ее письма семье, но в «военном дневнике» она могла облегчить душу, рассказывая о многочисленных невыносимых тайнах. Время от времени ей удавалось снять копию с какого-нибудь особенно захватывающего письма и вклеить в дневник, а иногда она просто записывала то, что запомнилось, как, например, 27 марта 1941 года:

«Сегодня мне досталось безумно печальное письмо одного еврея, документ эпохи. Он недавно приехал в Швецию и в письме своему собрату в Финляндии рассказывает о депортации евреев из Вены. В день человек по тысяче насильно переправляли в Польшу в наижутчайших условиях. По почте тебе приходит своего рода рекомендация, после чего ты должен отправиться в путь с чрезвычайно скромной суммой денег и небольшим багажом. Условия непосредственно перед поездкой, во время поездки и по прибытии в Польшу были такими, что пишущий не пожелал их касаться. Среди несчастных был его собственный брат. Гитлер явно намеревается превратить Польшу в одно большое гетто, где бедные евреи умрут от голода и грязи. У них, например, нет возможности помыться. Бедные люди! Что же Бог Израилев не вмешается? Как может Гитлер думать, что так позволено обращаться с ближними?»

Астрид Линдгрен написала некролог на смерть Невилла Чемберлена 9 ноября 1940 г. В нем она называет бывшего премьер-министра «старым добрым джентльменом с зонтиком», в итоге – воплощением демократической несостоятельности: «Что бы ни говорили, он был прекрасным пожилым человеком, и я рада, что

ему удалось ускользнуть с этой шумной планеты. Может, у Бога есть для него на небесах хорошее местечко – „блаженны кроткие“, – где он сможет мирно сидеть под своим зонтиком». (Фотография: Андреа Дэвис Кронлунд, КБ)

На стол аналитику попадали и мрачные письма с Балтики, где говорилось о страхе перед солдатами Сталина, и страстные любовные письма шведских женщин и немецких мужчин, носивших теперь униформу. Все вместе – мимолетная картина дня сегодняшнего и бессмысленности жизни, и аналитики почтовой службы чувствовали себя посвященными, которые все знали, но ничего не могли сделать. И надо было жить дальше, с нечистой совестью. Вот что написала Астрид Линдгрен в октябре 1940 года:

> «Кстати, странно читать письма людей, рассказывающих, как дети и женщины, которых они знали лично, погибли при бомбардировках. Когда об этом пишут газеты, как-то не верится, но когда из письма узнаешь, что „оба ребенка Жака умерли во время оккупации Люксембурга“ или что-то подобное, это внезапно становится ужасающей действительностью. Бедное человечество; читая их письма, я ужасаюсь, сколько же болезней и нужды, скорби, безработицы, нищеты и отчаяния на этой жалкой планете. Но у семьи Линдгрен все хорошо! Сегодня мы с моими сытыми детьми ходили в кино на „Молодого Тома Эдисона“. Мы живем в нашем теплом уютном доме; вчера на ужин ели омара и паштет, сегодня – говяжий язык с красной капустой; крутые яйца и гусиную печень на обед (это Стуре свихнулся). Но такое обжорство мы, конечно, можем себе позволить только по субботам и воскресеньям, и даже тогда меня мучает совесть при мысли о французах с их двумястами граммами масла в месяц».

В дневнике Астрид также пытается понять, чем живут шведы. Аналитик на Главпочтамте за неделю успевал прочитать по диагонали сотни писем. Все равно что подслушивать под дверью, у стены или сточной трубы, – выходит, Астрид знала, что волнует представителей всех социальных слоев, как они относятся к дефициту, к военной помощи Финляндии, помощи евреям и к предоставлению государством железнодорожного транспорта немецким войскам в Северной Швеции. Знала о нравственных дилеммах, которые отягощали совесть шведов: многие

сомневались в оправданности нейтралитета. На чьей стороне будет Швеция, спрашивает себя Астрид 9 февраля 1941 года, если локальная война в Финляндии внезапно станет частью большой войны и шведам придется выбирать?

> «„Немцы в Стокгольме все меньше важничают“, – прочитала я в одном вчерашнем письме. И правда, я думаю, они подрастеряли свою спесь. А мы, наверное, стали поувереннее – спасибо нашей суперснащенной армии, которая хоть, верно, и уступает армиям великих держав, но все же кое-что значит на чаше весов. „И англы, и фрицы ищут расположения Швеции“ – это из другого письма. Да, лишь бы нас оставили в покое! Аминь!»

Малая история

Описание радостей и скорбей семьи Линдгрен, то есть малая история, важно не меньше, чем записи, которые касаются истории великой. Вначале речь шла преимущественно о радостях и, невзирая ни на что, вполне преодолимых трудностях, связанных с введением карточек на продовольствие. Иногда самые банальные описания событий семейной жизни гротескно перемешивались с жуткими свидетельствами очевидцев из газетных вырезок и чужих писем. Как осенью 1941 года, когда семья Линдгрен переехала в четырехкомнатную квартиру на Далагатан, где Астрид жила до самой своей смерти. Радость была особенно острой на фоне общей подавленности и множества новых хлопот на домашнем фронте – самые предусмотрительные давно обработали большие партии яиц силикатом натрия, чтобы не испортились. 1 октября 1941 года Астрид записала:

> «Things have happened[19] с тех пор, как я в последний раз бралась за перо. 17 сентября ужасная катастрофа поразила шведский флот в Хорсфьордене. В результате пока не выясненных обстоятельств взорвался и затонул эсминец „Гётеборг“, утянув за собой на дно эсминцы „Клас Хорн“ и „Клас Уггла“. Несчастные члены экипажа пытались спастись, когда по поверхности воды растеклась горящая нефть. Погибло 33 человека (к счастью, большинство моряков находились в увольнении). Из писем следует, что картина была ужасающая. Повсюду руки, ноги и оторванные головы, спасатели ходили с палками, снимая клочья мяса и

кишки с ветвей деревьев. <…> Новости с домашнего фронта: теперь еще и яиц не хватает. Радуюсь, что покрасила 20 кг, поскольку дают всего семь штук на человека в месяц. Вечерние газеты пишут, что финны взяли Петрозаводск, Мурманская железная дорога перекрыта. Но, скорее всего, в России зимой ничего решающего не произойдет. А мы, несмотря на войну и дороговизну, переехали с Вулканусгатан, 12, на Далагатан, 46. Нарадоваться не могу на нашу красивую квартиру, хотя не оставляет мысль о том, что нам незаслуженно хорошо, когда у стольких людей нет даже крыши над головой. Во время переезда потерялся мой ежедневник за 1940 год. У нас большая красивая гостиная, у детей свои комнаты, а у нас – спальня. Купили много новой мебели, устроили все очень славно; надеюсь, не разбомбят впоследствии».

В «военном дневнике» Астрид продолжает записывать свои наблюдения о жизни Лассе и Карин. Большие события и мелочи – особенно мелочи: как развиваются дети, их школьная жизнь, их болезни. А еще – какие и от кого дети получили подарки на дни рождения и Рождество. Мать Лассе и Карин как будто заставляла себя сосредоточиться на близком, чтобы ее не захватило далекое, и две эти темы – мировая история и история ее семьи – постоянно чередовались в ее дневнике. Из последней постепенно выросла третья тема – тема самой Астрид: ее страх за будущее Планеты, ее мечты и желания, растущее беспокойство за Стуре и их брак. До 1944 года, описывая свою семейную жизнь, Астрид Линдгрен держалась более или менее в тени, блюдя смоландскую благопристойность. Даже в дневнике надо было следить за языком.

До 1944 года темперамент и небезразличие Астрид проявлялись в том, как она оценивала события войны и действия ее участников. Словно упражняясь в изучении психологии власти, она раз за разом пыталась проникнуть за железные маски Гитлера, Сталина и Муссолини. Эти земные воплощения зла, с которым всем нам рано или поздно приходится сталкиваться, Астрид позже вывела в своем творчестве под сказочными именами Като, Тенгиль и Катла.

Год 1941-й. Жизнь шведской семьи – благодаря зарплате папы, заведующего канцелярией, а в ближайшем будущем директора, «грязной работе» матери, постоянному продуктовому снабжению из Смоланда и железному нейтралитету Швеции – почти вызывающе хороша. Астрид часто с благодарностью пишет об этом в «военном дневнике». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Вырезки и заметки из дневника писательницы, интересующейся сущностью зла, местами превращаются в акцию протеста бунтующего женского сердца, от имени всех матерей. Этот материнский вопль о мире звучит и в одном рассказе того времени, который следует читать, памятуя о семи тысячах финских детей, попавших в шведские семьи во время Финской войны. Эта масштабная гуманитарная акция в марте 1940 года докатилась и до дверей квартиры Линдгренов на Вулканусгатан. В один прекрасный день на пороге их дома появился брат Астрид Гуннар, у которого было много знакомых в Финляндии. С ним пришел маленький мальчик, ночью прибывший самолетом из Турку. Вид несчастного, напуганного, едва не плачущего ребенка, которого Гуннар привел внезапно, чтобы потом так же внезапно забрать, вдохновил Астрид написать историю о «Йорме и Лисбет», напечатанную в «Чудесном радио Рождественского Деда». Эта история – и для детей, и для взрослых, в ней сформулировано недвусмысленное политическое послание:

«Она думает о неизвестной матери в Финляндии, которая вынуждена отправить своего ребенка в чужую страну. Она думает обо всех матерях планеты. Когда еще участь матери была так тяжела? И разве не об этом вопиет человечество – о любви, материнской любви? „Матери всех стран, – думает она, – соединяйтесь! Шлите свою любовь по всей планете, чтобы дети ее не погибли“».

Рождение Пеппи

Феномен «Пеппи Длинныйчулок» возник весной 1941 года, но само имя было упомянуто на страницах «военного дневника» только через три года, 20 марта 1944-го:

«На домашнем фронте: у Карин – корь, очень тяжелая, ей еще не разрешили вставать. Я пока что вовсю развлекаюсь с Пеппи Длинныйчулок».

В следующий раз об этой Пеппи мы услышим только через две недели, и тут уж в постели оказалась сама Астрид. В сильный снегопад она вывихнула ногу, упав на ледяной дорожке в Васапарке. Было так больно, что она не смогла сама встать, – двое мужчин отнесли ее домой на Далагатан и подняли на второй этаж. В тот же вечер врач осмотрел ее и сообщил, что перелома нет, но есть сильный вывих лодыжки и ногу следует четыре недели держать в покое. 4 апреля 1944 года, спустя два дня после того, как Астрид и Стуре до поздней ночи танцевали на чьем-то сорокалетии, она записала в дневнике:

«Сегодня исполняется тринадцать лет с тех пор, как мы поженились. Прекрасная невеста, однако, лежит в кровати, и занятие это довольно однообразное. Наслаждаюсь, когда по утрам мне подают чай и бутерброды с копченой лососиной, стелют постель и всё прибирают, но ненавижу вечера, когда на ногу накладывают горячий компресс и она чешется и чешется, Стуре спит, а я уснуть не могу. Читаю Сомерсета Моэма, «Бремя страстей человеческих», и пишу Пеппи Длинныйчулок. В Финляндии, похоже, миром и не пахнет. По радио сейчас детская программа, так что больше писать не могу».

«Военный дневник», новогодняя ночь 1939–1940 г.: «Когда наступает новый год, мы смотрим в будущее с трепетом. Должна ли Швеция держаться в стороне или вмешаться? Много добровольцев отправляется в Финляндию. Если мы вмешаемся, немцы и англичане будут воевать в Сконе. Так говорят». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Но днем, когда Стуре был на работе, а Лассе и Карин в

школе, Астрид радовалась неожиданным каникулам. Она не выпускала из рук «Дагенс нюхетер» и следила за постоянным потоком новостей о гетто в Варшаве. Еще она читала книгу польского писателя Тадеуша Новацкого «Страна без Квислинга», где он описал реальную жизнь в Польше во время немецкой оккупации. В дневнике Линдгрен замечает: теперь точно известно, что большинство людей в варшавском гетто умерли не от голода. «По-моему, немцы совершенно не собираются опровергать обвинения в уничтожении евреев». Вот в те дни Астрид и решила написать книгу историй о Пеппи Длинныйчулок ко дню рождения Карин, которой 10 марта 1944 года исполнялось десять лет. Карин сама обожала делать маленькие книжки и, как и мать, подумывала стать писателем.

Свои устные рассказы о Пеппи в апреле 1944 года Астрид не записывала, не печатала на машинке, а стенографировала по методу Мелина. Стенографии она обучилась в стокгольмском институте «Бар-лок» в 1926–1927 годах и с тех пор практиковала, работая в разных фирмах и предприятиях, в канцеляриях, у адвокатов и доцентов. С помощью стенографических знаков, часто приспособленных под нужды конкретного стенографа, можно было на лету схватывать мысли и молниеносно записывать цепочки предложений. К тому же единственные инструменты, нужные стенографу, – ручка и блокнот, а значит, можно при желании писать и лежа. Практичность этого метода и его удобство для записи всего, что было в голове и требовало выхода, вскоре стали столь очевидны писателю-любителю на постельном режиме, что она стенографировала черновики новых книг до конца своей творческой жизни. Часто лежа в постели. На День Люсии в 1947 году (а писательница тогда уже заполнила своими детскими книжками первые семь или восемь блокнотов для стенографии, и система Мелина стала привычной рутиной в ее творческой работе) Астрид записала в дневнике: «А теперь лягу и попишу немного Пеппи III». И когда журналист из «Стокгольм тиднинген» в апреле 1952 года спросил, есть ли у Астрид Линдгрен любимый костюм, она, смеясь, ответила:

> «Если есть, то пижама. Вся Швеция уже знает: я так ленива, что пишу, лежа в постели».

Об использовании стенографии при написании книг Астрид Линдгрен сказала следующее: «Я многократно переписываю, рву страницы, выкидываю, пишу снова, пока не добиваюсь того, что мне нужно». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В описи бумаг Астрид Линдгрен, хранящихся в Национальной библиотеке в Стокгольме, содержится очень немного рукописей, написанных по старинке, от руки, на отдельных листах бумаги, с массой зачеркиваний и исправлений. Зато множество аккуратных чистовиков, напечатанных на машинке почти без исправлений. Еще в архиве хранятся стенографические блокноты (660 штук) с черновиками книг за пятьдесят лет, которые никто, кроме опытного профессионального стенографа, прочитать никогда не сможет. Да и ему будет трудно разобрать крючки и закорючки: клерк Линдгрен освоила их безупречно, а писатель Линдгрен за

ними скрывалась с первой же рукописи о Пеппи, созданной в апреле 1944 года и не полностью идентичной книге «Пеппи Длинныйчулок», увидевшей свет в 1945 году. Лишь в 2007-м первоначальная версия была издана под названием «Первая редакция „Пеппи“».

Карин Нюман прекрасно помнит, что одиннадцать глав этой книги, подаренных ей мамой на день рождения, были записаны в один из стенографических пружинных блокнотов, которые всегда имелись дома. В то время, уже на Далагатан, у Астрид еще не появилось свое рабочее пространство. В соседней с гостиной комнате с видом на Васа-парк, где она позже будет перепечатывать черновики и отвечать на тысячи писем от поклонников, в 1944 году обитал Лассе. А потому Астрид сидела в большой гостиной окнами на Далагатан, у обеденного стола, рядом с книжным шкафом. Стучала старая машинка «Халда»; со временем ее сменила более удобная модель «Фацит», но электрической машинкой Астрид никогда не пользовалась. По воспоминаниям Карин, сначала мать всегда прокладывала копирку между двумя листами бумаги, затем вставляла их в каретку, и тут уж дело шло споро:

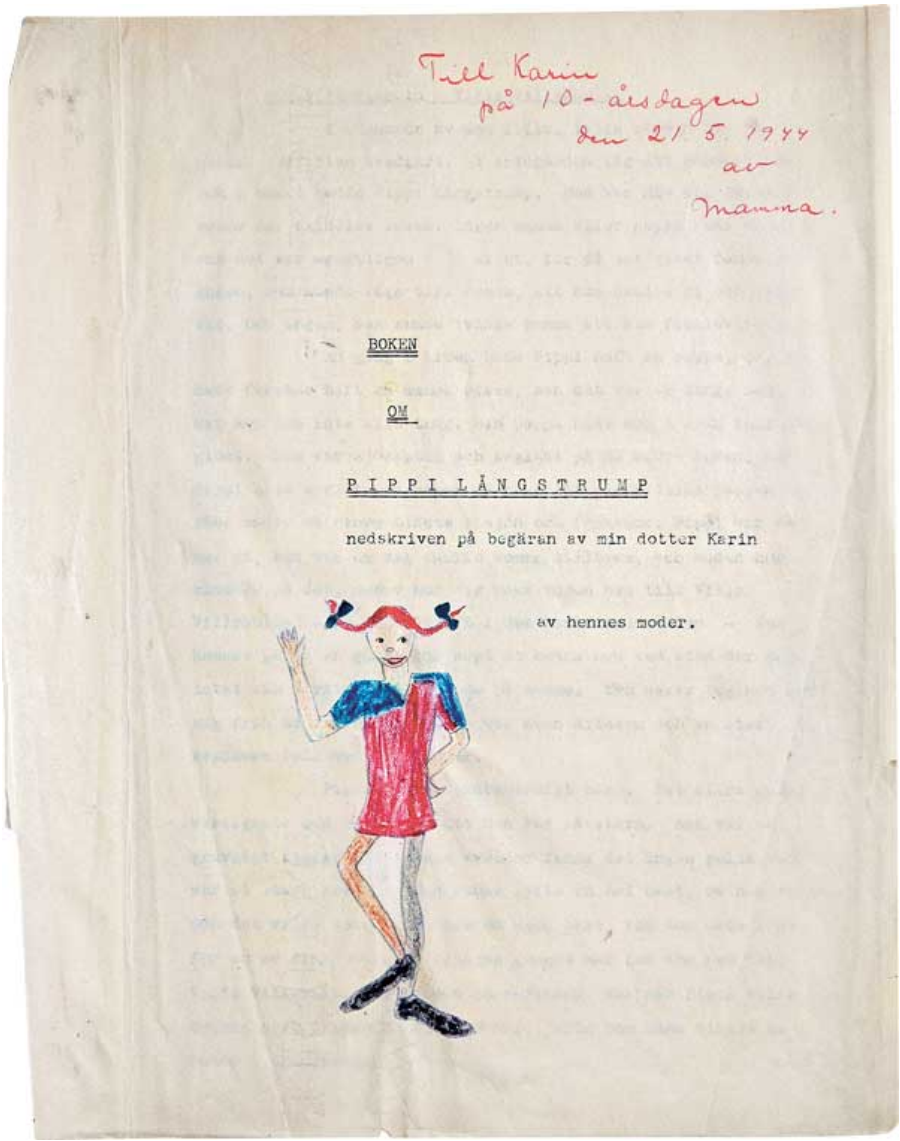
> «Перепечатывание набело занимало всего несколько часов – она печатала профессионально, а окончательные исправления вносились еще на стадии стенографирования».

Творец, делец и клерк

Перепечатка рукописи литературного произведения, известного в наши дни под названием «Первая редакция „Пеппи“», завершилась в конце апреля 1944 года. В работе над этой книгой раскрылись три таланта Астрид Линдгрен: таланты творца, дельца и клерка. Дело в том, что во время болезни ей пришло в голову отправить копию будущего подарка Карин в издательство «Бонниер». Что и было сделано 27 апреля, а через несколько недель самодельная книга в формате А4 с нарисованным на первой странице портретом худой длинноногой Пеппи Длинныйчулок была подарена дочери. 21 мая 1944 года Астрид, как обычно, перечислила в «военном дневнике» подарки и поздравления, полученные дочерью, но сначала в тревоге написала о том, что «нейтральная» Швеция, похоже, вступила в торговые отношения с Адольфом Гитлером:

> «Сегодня Карин исполнилось десять лет, ее пятый

день рождения за эту войну <…> у нас в стране, слава Богу, мир, хотя весной ждали проблем. Союзники были очень недовольны и по-прежнему, наверно, недовольны из-за нашего экспорта шарикоподшипников в Германию. <…> Что до дня рождения Карин, он прошел как обычно. Она получила в подарок трехтомную „Книгу для чтения“ для школьников, книжку про Пелле Халелёса и рукопись „Пеппи Длинныйчулок“ в красивом черном скоросшивателе. А еще синий купальный костюм, белые матерчатые туфли на деревянной подошве, ткань на блузку, книги от Вириден и Гулландер и деньги от моих родителей и от свекрови».


Till Karin
på 10-årsdagen
den 21 5 1944
av
Mamma.

BOKEN

OM

PIPPI LÅNGSTRUMP

nedskriven på begäran av min dotter Karin

av hennes moder.

Рукопись «Первая редакция „Пеппи“», весна 1944 г. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В мае 1944 года Пеппи Длинныйчулок протаптывала дорожку в мир, а семье Линдгрен сильная девочка давно полюбилась. Рассказы о Пеппи пользовались успехом не только у Карин, но и у ее подруг Матте и Эльсы-Лены и смоландских кузин Гунвор, Барбру и Эйвор, которые обожали слушать рассказы тети Астрид, когда семьи Линдгрен, Эриксон и Линдстрём встречались в Стокгольме, Нэсе или на Фурусунде. Но, по словам Карин Нюман, начало было положено дома, у кровати дочери:

> «Мама начала рассказывать о Пеппи зимой 1941 года. Я болела, что-то вроде воспаления легких, долго не вставала: тогда детям ни при каких обстоятельствах не разрешалось вылезать из постели при малейшей температуре и еще несколько дней после того, как она проходила. Так что я скучала и требовала особых развлечений. Хотела, чтобы мне читали или рассказывали что-нибудь – желательно импровизации».

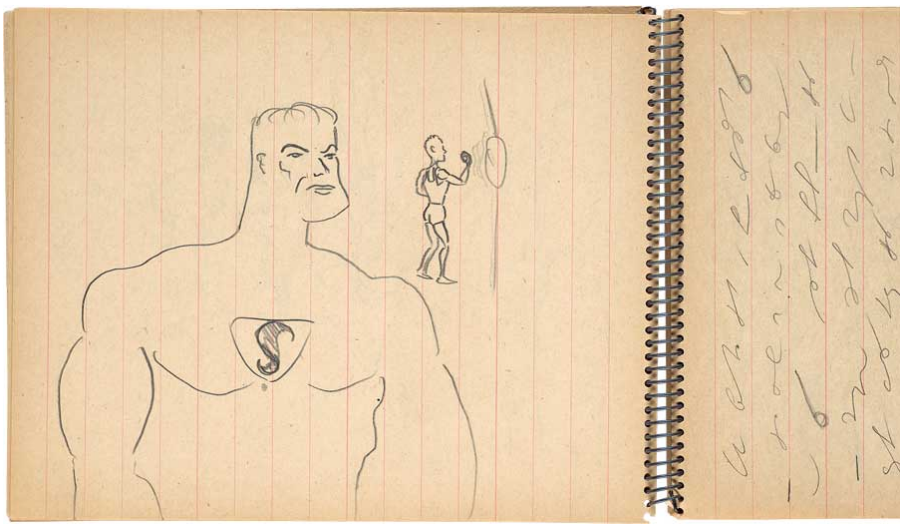
Юных слушателей с самого начала завораживала неудержимая сила Пеппи. Жутко и в то же время бесконечно сладко было узнавать про девочку, которая смеет скакать со скамейки на скамейку в церкви, во всеуслышание называя кафедру скворечником, пишет Карин Нюман в предисловии к «Первой редакции „Пеппи“». Карин рассказывает об одной из первых историй о Пеппи, так и не записанной. Гунвор Рунстрём в бюллетене Общества Астрид Линдгрен за 2011 год вспоминает, как тетя Астрид принялась рассказывать о «благочестивой» Пеппи Длинныйчулок юной аудитории Виммербю, среди которой были не только сама Гунвор и Карин, но и восемь или десять детей из трех крестьянских семей, живших в старом красном доме семьи Эриксон в Нэсе:

> «Помню, как я испугалась, что придет дедушка, церковный староста Самуэль Август, и всё услышит. Астрид очень живописно рассказывала, как Пеппи была на церковной службе в церкви Виммербю. Она прыгала по скамьям, а увидев кафедру, изумилась: „Что это за смешная такая птица в скворечнике?“ Первая Пеппи, вообще-то, говорила на смоландском диалекте, и – ах, как же нам было смешно! Но и немножко страшно, что кто-то отваживается смеяться над самим пастором прихода Виммербю!»

Корни «Первой редакции „Пеппи“»

Не раз говорилось, что Пеппи Длинныйчулок никогда не стала бы той Пеппи, которую мы знаем, если бы не новые психологические и педагогические теории, звучавшие во время разгоревшейся в тридцатые годы дискуссии о воспитании. Все это, конечно, так, но источник вдохновения, породившего фигуру Пеппи, не только в «воспитании свободой» Александра Нилла или теории Бертрана Рассела о воле детей к власти. Оно берет начало как в классических сказках, мифах и легендах, так и в

популярной довоенной культуре. В таких произведениях мировой литературы, как «Чужое дитя» Э. Т. А. Гофмана, «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Папочка-длинные-ноги» Джин Вебстер и «Энн из Зеленых Мезонинов» Люси Мод Монтгомери, и одновременно – в кино и комиксах тридцатых с их сверхъестественно сильными персонажами, вроде Тарзана и Супермена.



Похоже, что старый стенографический блокнот с текстом «Пеппи» когда-то лежал на обеденном столе, за которым собиралась творческая семья Линдгрен. На оборотных сторонах страничек с историями о самой сильной девочке в мире красуются угрюмый Супермен и арифметические примеры, эскизы модных дамских платьев и туфель и набросок к цветному изображению Пеппи с обложки книги, подаренной Астрид на день рождения Карин. (Фотография: Национальная библиотека Швеции)

Американский Супермен проник в Швецию в начале 1940-х, сначала как «Титан с Криптона», чтобы позже получить известность под именем «Человека из стали». Суперсильный пацифист всплывает в стенографической записи «Первой редакции „Пеппи“» в апреле 1944 года. На карандашном рисунке, в котором Карин Нюман признает руку матери, на страницах черновика, испещренного загадочными стенографическими значками, за которыми скрываются первые истории о самой сильной девочке на свете, красуется жутковатое изображение чрезвычайно мускулистого героя комиксов. Что он там делает? Мы не знаем. Но по поводу «Человека из стали» как возможного

источника вдохновения Астрид Линдгрен в интервью «Свенска дагбладет» 24 декабря 1967 года сказала следующее:

> «Пеппи – внезапное озарение, экспромт. Хотя, конечно, она с самого начала была маленьким Суперменом – сильная, богатая и независимая».

Какими бы ни были источники внешности, силы, характера и поведения Пеппи Длинныйчулок, породило этот персонаж само время – недоброе, очерствляющее. «Первая редакция „Пеппи“», ныне мирно обитающая в Национальной библиотеке, забальзамированная стенографией, не была пальчиковой куклой психолого-педагогических течений – скорее, веселым пацифистом, чьим ответом на жестокость и грубость войны были доброта, щедрость и хорошее настроение. Когда кто-то агрессивно, с угрозами вторгается в жизнь Пеппи – полицейские ли, маленькие драчуны, социальные службы, воры или директор цирка со своим силачом, – она инстинктивно воспринимает это как приглашение поиграть, потанцевать или побороться понарошку.

То, что Пеппи противится любому насилию, становится ясно уже во второй главе «Первой редакции „Пеппи“». Злой мальчик Уве (в издании 1945 года – Бенгт) несколько раз насмехается над Пеппи, и всякий раз миролюбивая девочка широко и дружелюбно улыбается и ничего не отвечает. Язык тела красноречив: в Пеппи нет ни страха, ни предубеждения. А когда Уве, раздраженный таким спокойствием, дергает девочку за косички, она снова лишь дружелюбно улыбается и легонько толкает Уве указательным пальцем правой руки – так, что агрессор падает, отброшенный невидимой силой. В глазах мальчика загорается огонь войны, и тут следует заметить, что Астрид, описывая такое разное поведение Уве и Пеппи во время последующего столкновения, превратила нужду в добродетель. Слепая мужская сила, так часто действовавшая в мире в первой половине 1940-х, противопоставляется мягкой неагрессивной силе Пеппи:

> «– Что ты о себе возомнила, деревенщина! – закричал он и кинулся на Пеппи с кулаками. Тут-то Пеппи взялась за Уве. Она схватила его и высоко подбросила. Но Пеппи была хорошей девочкой, не хотела вредить маленьким злым мальчикам, поэтому, когда он падал, она подхватила его, чтобы не ударился, и снова подбросила. <…> Когда Уве упал в последний раз, Пеппи слегка ему наподдала, так что мальчик приземлился в канаву. А она все так же дружелюбно

улыбалась…»

Астрид, Лассе и Карин с другими членами семьи Эриксон встречают новый, 1943 год в Нэсе. На улице высокие сугробы, лед на Стонгон выдержит всех любителей покататься на коньках. И, как и в прошлые годы, Самуэль Август и Ханна подарили своим четырем внукам по 1000 крон. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Итак, плод авторской фантазии, Пеппи Длинныйчулок родилась в самый сложный для западных союзников период Второй мировой войны, весной 1941 года. Германия готовилась к вторжению в Англию и Советский Союз и осуществляла свой план уничтожения европейских евреев. Вырезки и комментарии в дневниках Астрид за 1941–1943 годы указывают на то, что на «Пеппи» повлияли не столько события войны, сколько люди, виновные во всем этом безумии. Как уже говорилось, записи Астрид местами перерастают в психологический анализ личностей Гитлера, Сталина и Муссолини: автор, размышляя о характерных чертах отдельных людей с деспотическими наклонностями, проникает в самые мрачные уголки души человека, где живут инстинкты: воля к власти, жажда уничтожения и террора. Как в случае с Бенгтом и его бандой из

«Пеппи Длинныйчулок» 1945 года, когда они окружили Вилле и выпустили на него силы мрака:

> «– Бей ее, ребята! – закричал самый большой и сильный из мальчишек. – Чтобы на нашу улицу больше носа не казала»[20].

И, подобно маленькой Вилле, которая боится больших сильных ребят, в 1940-е годы Астрид Линдгрен боялась больших сильных вояк. Иосифа Сталина она сначала боялась больше, чем Адольфа Гитлера. Вот что записано в «военном дневнике» 18 июня 1940 года:

> «Хуже всего, что уже едва смеешь желать Германии поражения, поскольку русские вновь зашевелились. В последние дни они под разными предлогами оккупировали Эстонию, Латвию и Литву. А слабая Германия для нас, скандинавов, означает только одно: к нам придут русские. По мне, так лучше до конца жизни говорить „хайль Гитлер“, чем быть под русскими. Ничего страшнее себе и представить нельзя. <…> Господи, не дай русским до нас добраться!»

Но когда взгляды нацистов с их концепцией «жизненного пространства» обратились на восток, а шведы всерьез стали опасаться, что их страна превратится в плацдарм для столкновения двух величайших тиранов мира, выросли страх и интерес Астрид Линдгрен к личности и психологии Гитлера. Она начала называть его «Адольфом», как называла Муссолини «Муссе», но Сталин всегда оставался Сталиным. В дневнике появлялось все больше газетных вырезок о Гитлере: Линдгрен хотелось понять, как одному человеку удалось совратить целый народ. 10 мая 1940 года, когда немецкие войска пересекли границу с Голландией и Бельгией, Астрид записала в дневнике, что Германия больше всего походит на «злое чудовище, которое периодически выскакивает из пещеры, чтобы наброситься на новую жертву. Что-то, видно, не так с народом, который через двадцать лет вновь обратил против себя практически все человечество». А в продолжение большой, на несколько разворотов, вырезки с фотографией Гитлера и изложением его победной речи перед немецким Рейхстагом 19 июля 1940 года она прибегает к библейской картине:

> «Владыка мира (зверь из Откровения), когда-то – маленький, никому не известный немецкий

ремесленник, возрождает, а также (по моему мнению и мнению многих других) разрушает и портит свой народ. Как он закончит? Настанет ли день, когда можно будет сказать: Sic transit gloria mundi? (Так проходит земная слава. – *Ред.*)»

Страх, ненависть и удивление настолько переполняли Астрид Линдгрен, что одна из ее историй о самой сильной девочке на свете, в 1945 году вошедшая в первую книгу о Пеппи, напоминает пародию на самого сильного мужчину на свете. «Пеппи идет в цирк» – так называлась эта история в «Первой редакции „Пеппи“» – не была прямой карикатурой, как фильм Чарли Чаплина «Диктатор» (1940), но рассказ о разодетом вспыльчивом директоришке цирка, хозяине источника страшной силы, почти столь же комичен.

Силач Адольф

Грохочущий марш, нечеловеческая сила, униформисты, директор цирка с хлыстом, говорящий с немецким акцентом, внимательная публика – вот главные составляющие сатиры Астрид Линдгрен на Гитлера. Напряжение создается с помощью столкновений директора, стоящего на манеже, и Пеппи, сидящей в зрительном зале. Сначала директор предстает перед нами энергичным, уверенным в себе хозяином собственного особого мира. Он отличается от своих вассалов, одетых в униформу или сценический костюм, тем, что носит фрак, то есть аристократическую одежду. А еще у него есть хлыст – символ неограниченной власти. Несколько раз читателю сообщают, что директор «щелкает» хлыстом, гоняя по манежу звериную силу, которой он повелевает. И публика тоже у него в руках – во всяком случае, вначале.

Пеппи нарушает этот диктаторский порядок, когда прыгает на спину лошади, скачущей на манеже, и крайне неэлегантно и неженственно хватается за прекрасную мисс Карменситу, которая обычно балансирует на лошадином крупе в одиночестве. Публика тут же принимает все это за клоунаду, а директор приходит в бешенство, но пока еще владеет собой. Он приказывает униформистам остановить лошадь и убрать Пеппи, которая вместе с цирковой публикой и читателями впервые узнает об истинной холерической натуре директора.

«– Противный девчонка, убиральс вон, пока не произошель несчастье! – процедил сквозь зубы директор.

– Уже произошло, – сказала Пеппи. – Я сама видела, как лошадь кое-что сделала в опилки».

От навоза, о котором так мирно упоминает Пеппи из первой рукописи, в редакции 1945 года цирковую главу очистили. Однако фразу «цедит сквозь зубы» Линдгрен решила сохранить, показывая нам, что важный господин – в действительности недалекое и вспыльчивое ничтожество. И все становится только хуже, когда канатоходка мисс Эльвира, дочь директора, пытается вернуть в мир отца покой и порядок. Пеппи вновь нарушает баланс сил, прыгая на канат к мисс Эльвире, чтобы после чудесной игры в салки покачаться на нем, как на качелях, а потом радостно приземляется на спину директору, которому после такой насмешки приходится ретироваться, чтобы «выпить воды и причесаться».

Почему такое внимание волосам? Может, потому, что те, кто видел киножурналы о фюрере, не могли не заметить суетность этого человека и особенно его заботу о прическе. Обращаясь к народу, диктатор непрерывно поправлял свой напомаженный косой пробор и длинную челку на лбу.

Вернувшись на манеж, к публике, которую теперь предстояло отвоевать, свежепричесанный директор разыгрывает последнюю, самую сильную карту, объявляя на ломаном немецком:

> «Мой уважаемый дам и господа! Сейчас вы увидеть великое чудо природы, самый сильный челофек на свьете! Силач Адольф, которого еще никто не побеждаль. Принимайте Силач Адольф, дам и господа!»

На пародирование нацизма и его идола в главе о Пеппи и директоре цирка с его силачом Астрид Линдгрен, возможно, намекала в сопроводительном письме к рукописи «Пеппи», 27 апреля 1944 года отправленном в издательство «Бонниер». Там ничего не говорилось о «Силаче Адольфе», зато звучало слово «übermensch»[21]. Вот что она писала:

> «С почтением направляю Вам рукопись детской книги, надеясь, что в самом ближайшем будущем вы мне ее вернете. Пеппи Длинныйчулок, как Вы узнаете, если найдете время ознакомиться с рукописью, – маленький *übermensch* в детском обличье, среди самых обыкновенных людей. Благодаря своей сверхъестественной физической силе и другим обстоятельствам она совершенно не зависит от взрослых и живет как ей вздумается. В столкновениях со

взрослыми за ней остается последнее слово. У Бертрана Рассела („О воспитании, особенно в раннем возрасте“, страница 85) я прочитала, что наиболее выдающаяся инстинктивная черта в детстве – желание стать взрослым или, быть может, позже, воля к власти, и что фантазии нормального ребенка включают эту волю к власти. Не знаю, прав ли Бертран Рассел, но я склонна считать, что да, если судить по той почти что ненормальной популярности, которой уже несколько лет пользуется Пеппи Длинныйчулок среди моих собственных детей и их друзей…»

Большое издательство ждет от начинающего писателя скромности. Возможно, уже поэтому то, как Астрид Линдгрен подавала себя и свое произведение, привлекло внимание издательства «Боннier», и 30 апреля рукопись приняли, но читали дольше обычного. Возможно, кого-то в издательстве покоробило, что неизвестная писательница называет героиню детской книги таким взрослым и скомпрометированным словом – «übermensch». Тем более в начале лета 1944-го, когда до всего мира наконец дошло, какой ужасающий генеральный план скрывается за нацистскими понятиями «Endlösung», «Lebensraum» и «Blut und Boden»[22]. Сопроводительное письмо, в конце которого Астрид выразила надежду на то, что издательство не поднимет на ноги организацию по защите детей, со временем стало интересным историко-литературным документом, поскольку в нем сама Астрид Линдгрен свидетельствует о том, что при создании «Пеппи» не обошлось без философии и психологии.

Понятие «übermensch» было центральным в философии Фридриха Ницше – происходит оно из книги «Так говорил Заратустра» (1885), но в 1930-е приглянулось национал-социалистам. Результатом стало искажение идеи Ницше о сверхчеловеке, которое Астрид Линдгрен, быть может, и пародирует в главе о цирке, и через состязание между директором, возомнившим себя сверхчеловеком, и настоящим сверхчеловеком, то есть Пеппи Длинныйчулок, приводит к изначальному ницшеанскому пониманию сверхчеловека как непокорного, действующего под воздействием импульса существа, которое не желает быть ни господином, ни рабом, но верен собственным ценностям и, прежде всего, ставит свою силу на службу добра.

Бомба на домашнем фронте

Лето 1944-го принесло семье Линдгрен одни горести. Судьба рукописи «Пеппи» пока что была неизвестна, а на семейном отдыхе в мокром холодном Фурусунде Астрид поджидала бомба. Однажды вечером в начале июля Стуре вышел на балкон и рассказал жене, что влюблен в другую женщину, и давно. Для Астрид это стало шоком, несколько недель она пребывала в отчаянии, не в силах ничего делать. 19 июля она попыталась записать в дневник:

> «Реки крови, изувеченные люди, убожество и отчаяние повсюду. И я не могу об этом думать. Меня волнуют только собственные проблемы. Я всегда пишу о последних новостях. А сейчас могу написать только одно: основы моего существования подорваны, я брошена, я замерзаю. Попробую дождаться лучших времен, но подумать только, а вдруг они не настанут! Несмотря ни на что, попытаюсь заставить себя написать о том, что происходит в мире. Русские сильно продвинулись, они уже на Балтике, которую немцы, похоже, собираются сдать. Русские стоят у границы Восточной Пруссии. В Нормандии все развивается не так быстро, но тоже есть движение. Представители финского правительства встречались с Риббентропом и еще прочнее скрепили союз с Германией. По этой причине США наконец разорвали дипломатические отношения с Финляндией. Больше ничего не помню. Я ужасно мучаюсь, так болит сердце – где взять силы ехать в город и делать вид, будто все идет по-прежнему?»

Чтение и литература – совместная радость супругов Линдгрен. Пара выписывает «Дагенс нюхетер», а на полках дома на Далагатан и на Фурусунде стоят современные и классические художественные произведения, научная литература, сказки, поэзия, юмористические сочинения в стиле шведа Факира Фальстафа и датчанина Сторма П. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Своим благополучием брак Стуре и Астрид был обязан взаимному уважению и общим интересам супругов. Так, во всяком случае, считала Астрид, для которой буржуазная стабильность и социальная защищенность после нескольких лет одинокой, несчастной и бедной жизни матери-одиночки в разлуке с ребенком стояли на первом месте, когда в 1928 году она стала встречаться с заведующим канцелярией «К. А. К.» и подписывала свои письма Стуре словами «твоя стенографисточка». И вот муж хочет развестись. А ведь всего два месяца назад она писала

родителям: «Дорогие мама и папа! Завтра у нас со Стуре тринадцатилетний юбилей, только подумайте. И ни одного худого слова!»

Ни одного худого слова не прозвучало и теперь. Только злополучное сообщение о том, что муж влюбился в другую и, как Астрид поняла позже, давно располагает ключами от квартиры, где встречается с любовницей. Если раньше мрачные размышления Астрид на страницах дневника не касались ее лично, а вращались вокруг войны и семейной жизни в целом, то сейчас ее волновало одно: неверность Стуре и возможный распад семьи. Ирония судьбы: Астрид как раз закончила писать книгу, которую собиралась отправить на конкурс книг для девочек. В книге этой выведена одна чрезвычайно счастливая, благополучная шведская семья. «О, блаженство из блаженств, когда семья собирается у камина в гостиной!» – восклицает шестнадцатилетняя героиня книги в письме своей подруге. Глянцевая картинка, которая разлетелась на мелкие кусочки в собственной жизни писательницы. Что станет с Астрид, Лассе и Карин после развода, в мирное время, когда служба в Отделе перлюстрации закончится и Астрид потеряет постоянное место работы? В квартире на Далагатан она ни при каких обстоятельствах жить не сможет, а мечты о писательской жизни, которые ее все больше занимали, так и останутся мечтами, если она окажется одна с двумя детьми.

В начале августа 1944 года Линдгрен вернулась в Стокгольм одна. Дети и домработница Линнеа остались за городом, где был Стуре – неизвестно, и Астрид вынула свой дневник и попыталась упорядочить последние события мировой политики. Но память и внимание ее подводили. Она не могла писать о «большом», война внезапно стала тенью где-то на заднем плане, весь передний план заполнила личная трагедия:

> «Одна с отчаянной горечью в сердце на Далагатан, Карин на Солё, Лассе в Нэсе, Линнеа в отпуске, Стуре? Многое случилось, но я не в состоянии об этом писать. Даже такая примечательная вещь, как покушение на Гитлера, меня не интересует. А сегодня в газетах пишут, что финское правительство Рюти – Линкомиеса ушло в отставку. Ну да, верно, Рюти был президентом. А теперь вместо него Маннергейм. Новое правительство, конечно, попытается заключить мир с Россией. „Турция порывает с Германией“, – написано в вечерних листках. Так что все может рухнуть в любой момент. Как рухнуло у меня».

Одно душное воскресенье конца августа 1944 года Астрид с

детьми провели в музее «Скансен» с зятем Ингваром, мужем Ингегерд, который находился в Стокгольме проездом, однако Астрид была как в тумане. Незадолго до этого она написала короткое письмо в «Бонниер» – спросила о судьбе своей рукописи, отправленной четыре месяца назад. Письмо было робким, совсем не похожим на апрельское. 21 сентября пришел наконец ожидаемый ответ от издательства. Сотрудник «Бонниер» извинялся за то, что Астрид заставили так долго ждать – рукопись прошла через множество рук, – и объяснял отказ тем, что план издания детских книг уже составлен на два года вперед. За этим неубедительным объяснением, как оказалось позже, скрывались резкие разногласия между как минимум одним консультантом, редакцией детской литературы и полномочным издателем Герардом Бонниером, который в итоге нес ответственность за издание. Как отец маленьких детей, он считал, что «Пеппи Длинныйчулок» – слишком передовая книга. В этом сам Бонниер много лет спустя признался литературоведу и писателю Улле Лундквист на званом ужине, а она, в свою очередь, поделилась его рассказом в своем послесловии к «Первой редакции „Пеппи“» в 2007 году.

«Военный дневник», 30 октября 1944 г.: «Я все реже пишу в этом дневнике. Мне, слава Богу, о стольком приходится думать, и я так нервничала всю осень, что не могла писать. А сейчас, похоже, худшее позади, но еще нет уверенности в счастливом разрешении». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

И среди всех этих неприятностей внезапно зажегся огонек надежды, который со временем разгорится в костер. Библиотекарь Эльса Олениус позвонила Астрид от имени издательства «Рабен и Шёгрен» и сообщила, что рукопись госпожи Линдгрен под рабочим названием «Бритт Хагстрём, 15 лет» выиграла вторую премию в 1200 крон на конкурсе книг для девочек и издательство намеревается издать книгу еще до Рождества. Через два дня Астрид Линдгрен стояла перед госпожой Олениус в филиале Городской библиотеки Стокгольма на улице Хорнсгатан в районе Сёдермальме, где та руководила отделом детской и юношеской литературы, а также управляла детским театром филиала на площади Медборгарплатсен. Об этой первой встрече Эльса Олениус вспоминает в биографии Маргареты Стрёмстедт в 1977 году:

> «С самой первой встречи между мной и Астрид возникла какая-то связь. Я видела, что она чем-то сильно расстроена. На мой вопрос она внезапно откровенно призналась, в чем дело. Помню, что, придя домой вечером, я рассказала о ней мужу».

Даже после выхода книги «Бритт-Мари изливает душу» – или, в датской версии, «Бритт-Мари находит себя» – в ноябре 1944 года и появления первых положительных рецензий в газетах Астрид не испытывала ни радости, ни гордости. Хотя основания имелись. Два ведущих критика в области шведской литературы для детей и юношества – Ева фон Цвайберг из «Дагенс нюхетер» и Грета Болин из «Свенска дагбладет» – книгу похвалили. Болин назвала ее «веселой, полной искрометного юмора и живой иронии, временами откровенно умной», а следом, через неделю, и Цвайберг отметила, что в книге есть «и юмор, и сердце».

На сей раз в свой день рождения в ноябре 1944 года Астрид не оставила записи в дневнике. Не было и восторженных отзывов о традиционной рождественской коробке из Виммербю, всегда так чаемой в это военное время, – с мясом, маслом, яйцами, колбасой, птицей и яблоками. А семья Линдгрен? Семью разметало:

> «В это темное ноябрьское воскресенье я сижу у камина в гостиной и пишу, Лассе (время 15:30) просыпается, Карин сидит у себя, печатает на машинке (нет, вот она пришла!). Стуре нет дома, понятное дело.

> Мы с Карин утром гуляли на Королевском кладбище Хага. В остальном, в мире дело обстоит примерно так: ужасная нищета среди гражданских в Северной Норвегии, эвакуированных немцами из-за наступления русских. В Голландии, очевидно, тоже ужасная нужда, а где ее нет, этой нужды? Она повсюду, я думаю».

Короткие дневниковые заметки декабря 1944-го свидетельствуют о том, как Астрид беспокоилась о ближайшем будущем. Сможет ли она изображать счастливую, довольную мать и жену перед детьми и пожилой свекровью в рождественский вечер? Конечно сможет. И после праздничного вечера в кругу семьи, в ожидании Нового года она вновь вспомнила о дневнике. Настало время традиционного подведения итогов года прошедшего. Астрид пролистала дневник, прочитала свои записи, схватилась за ручку и попыталась понять, что для нее скрывается за словом и понятием «счастье»:

> «Рождество 1944: „Странно, но это, должно быть, самые счастливые годы в моей жизни; никому, наверное, не позволено быть счастливым так долго. Полагаю, что грядут испытания“. Вот что я написала на прошлое Рождество. Не подозревая, насколько права. Испытания пришли, но не скажу, что я несчастна. Полгода ужасных мучений выпали на мою долю во второй половине 1944 года, потрясены самые основы моего существования. Я в отчаянии, подавлена, разочарована, часто грущу – но не скажу, что несчастна. Моя жизнь наполнена, несмотря ни на что. А ведь это Рождество должно было стать кошмаром – 23 декабря я и правда, пока резала, роняла соленые слезы в салат с сельдью, но тогда я ужасно устала, так что это не считается. Кстати, если „счастлива“ означает „у меня все нормально“, то, наверное, я по-прежнему „счастлива“. Но счастье к этому не сводится. Одно я, во всяком случае, усвоила: счастье приходит изнутри, а не от других».

Стуре опомнился в начале нового года, пока Астрид три недели сидела на больничном из-за «невроза и бессонницы», как это называли врачи. Предположительно тогда же она начала писать книгу о девочках-близнецах Барбру и Черстин и продолжала работу над ней в феврале и марте. 23 марта 1945 года, после генеральной весенней уборки, когда в доме в лучших смоландских традициях мыли полы и окна, натирали паркет, сметали пыль с книжных полок и выбивали ковры, Астрид снова

взялась за дневник. Требовалось вклеить накопившиеся вырезки о падении Германии – в том числе несколько статей о Гитлере, который по неведомым причинам не пожелал сдаться, хотя его поражение, как и поражение Германии, было полным. Возможно, он стыдился приговора истории, писала Астрид – и внезапно перескакивала с военной истории на личные дела:

> «Что касается семьи Линдгрен, можно сказать следующее: „Home is the sailor, home from the sea, / and the hunter home from the hill“[23]. Дома все чисто и красиво, иногда я радуюсь, иногда грущу. Радуюсь, в основном когда пишу. Второго дня получила предложение от издательства „Гебер“».

Стуре попросил прощения, и Астрид выставила ему ультиматум, который он принял: «Here he lies where he longed to be»[24] – так ведь звучит вторая строчка четверостишия из стихотворения Роберта Льюиса Стивенсона «Завещание», которое Астрид процитировала в дневнике. Многое встало на свои места, но не все. В длинном пасхальном письме от 28 марта Ханне и Самуэлю Августу, ничего не знавшим о кризисе в отношениях дочери с мужем, Астрид словно просит родителей отнестись с пониманием к тому, что теперь будет тратить больше времени на писательскую работу. Она упоминает о рецензии на «Бритт-Мари изливает душу» и сообщает об их со Стуре планах на пасхальные каникулы, которые Лассе и Карин проведут в Виммербю.

Himmler har ordnat Hitlers testamente

STB. Himmler uppges i dagarna ha låtit propagandaledaren Naumann författa en dramatisk skildring av Hitlers sista ögonblick på Berlins barrikader.

Skildringen innehåller också Hitlers sista ord, hans politiska testamente till det tyska folket. Denna skildring kommer enligt samma källa att spela en mycket stor roll vid skapandet av den planerade Hitlerlegenden.

Etern var på lördagskvällen fylld av de mest motsägande rykten om Hitlers öde. Det uppgavs sålunda i olika radiosändare att han skjutits tillsammans med Goebbels redan för två dagar sedan, att Himmler höll honom inspärrad i en bunker i Berlin, att han flytt från Berlin och i hemlighet anlänt till Obersalzberg samt att han skulle vara så deprimerad av den senaste tidens katastrofer att han var fullständigt omtöcknad.

Lögn eller sanning?

— Privat till Dagens Nyheter —

SAN FRANCISCO, söndag morgon.

UP. Från den brittiska delegationen i San Francisco meddelas att Himmler förklarat sig beredd att till de allierade utlämna Hitlers döda kropp.

RIKSKANSLER HITLER, SOM LIGGER DÖENDE

Астрид стремилась разобраться в потоках слухов в прессе весной 1945 г. «Ложь или правда?» – спрашивает она, читая развороты с красочными историями о смерти Муссолини и Гитлера. (Фото: Андреа Дэвис Кронлунд, КБ)

Гуллан и Гуннар, которые были в курсе семейных проблем Астрид, пригласили детей в Нэс, чтобы супруги побыли в Стокгольме вдвоем. В письме родителям Астрид упоминала, что Стуре хочет на Пасху «повеселиться». Это означало развлечения и ночную жизнь, которые так любил Стуре, в том числе в связи с работой. Астрид предпочитала сидеть дома, отдыхать, читать, работать над книгой о близнецах, которой интересовались несколько издательств. Еще она писала о последней хвалебной рецензии на ее дебютную книгу – рецензент замечал, что, если бы у талантливой писательницы и обремененной заботами матери семейства появилось больше времени, она многого смогла бы достичь. То, что в письме родителям Линдгрен называет этот в высшей степени поощрительный отзыв «довольно странным», объясняется, возможно, желанием сделать то, к чему эта рецензия подталкивала и о чем Астрид, скорее всего, мечтала, но на что всерьез никогда не решалась: выйти из роли жены и матери и попробовать себя в другом качестве, чтобы в центре были не Стуре, Лассе и Карин, а она сама:

«Второго дня мне прислали экземпляр одной шведской школьной газеты с рецензией на „Бритт-Мари“. Довольно странная рецензия, начинается со слов: „То, что замужняя женщина, мать подросших детей, служащая, написала книгу, – это большая смелость. А если она еще и получила вторую премию на конкурсе книг для девочек, это вызывает большое восхищение. Астрид Линдгрен – именно такая женщина“. И заканчивается так: „Можно только искренне надеяться, что эта хорошая веселая книга получит продолжение и что писательница в следующем томе подарит нам много радостных моментов“. (Так что я благодарна, что Гуллан заберет детей на Пасху, – значит, будет больше „радостных моментов“)».

Нельзя отрицать, что Астрид иногда тяготила роль матери и воспитательницы. В письме Стине в феврале 1944 года, за пару месяцев до того, как Стуре заявил, что хочет развестись, Астрид назвала себя «добродетельной матерью, которая сидит дома и общается только со своими детьми». Неверность Стуре, желание развода и последующая полугодовая борьба за брак и за то, чтобы мир десятилетней Карин не был разрушен, заставили Астрид иначе взглянуть на свою жизнь. Как бы ни развивались их со Стуре отношения, ей во что бы то ни стало надо оставаться собой и помнить то, что она записала в дневнике на Рождество:

«Счастье приходит изнутри, а не от других».

Революция в детской

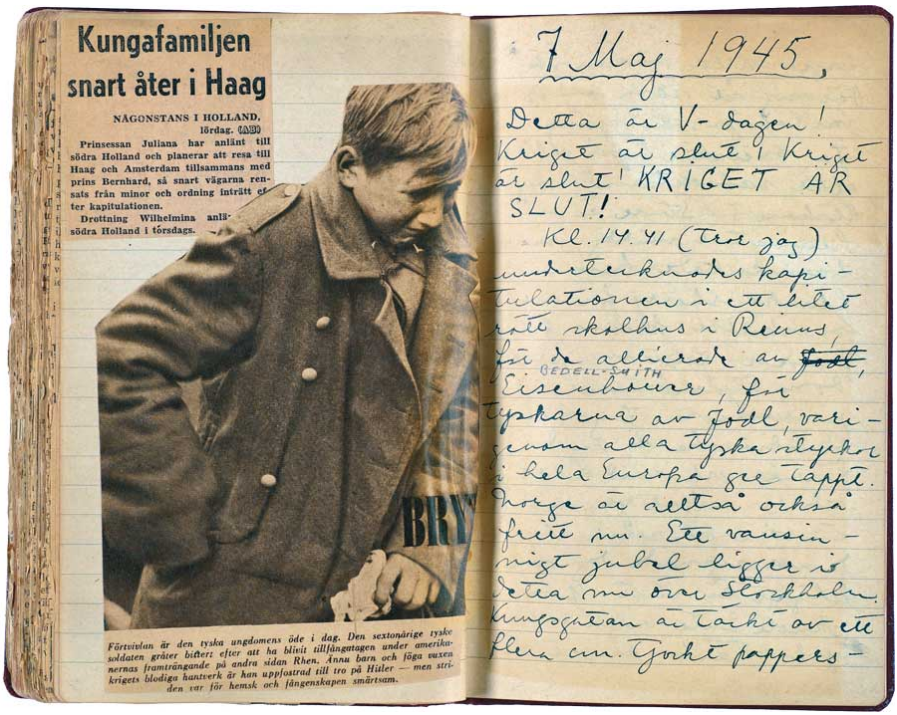
5 мая 1945 года тридцатисемилетняя Астрид Линдгрен, как всегда, отправила свое ежемесячное письмо в Нэс. Обычно она писала Ханне и Самуэлю Августу или Гуннару и Гуллан, хотя зачастую письма читались всеми домашними. На сей раз Астрид рассуждала о писательстве. Внезапно она стала нарасхват. Издательство «Рабен и Шёгрен», в 1944 году напечатавшее «Бритт-Мари изливает душу», переживало не лучшие времена, однако недавно подверглось реорганизации и консолидации. Так, по крайней мере, Астрид сообщил по телефону директор Ханс Рабен, упомянув, что они ждут от нее новой детской книги. Но Астрид сомневалась. Небольшое издательство печатало все подряд, от букваря до диссертации о мигренях, среди изданий были биография датского священника и писателя Кая Мунка и книга «Я был узником Квислинга», «Словарь шведских писателей» и пара детских книг. Подходит ли такое место Астрид? Она подумывала перейти в более солидное издательство «Гебер» – они тоже закидывали удочки – и делилась своими сомнениями:

> «Посмотрю, как пойдет. Может, лучше держаться более стабильного издательства, если мне, конечно, удастся состряпать еще один шедевр».

Астрид в итоге отдала предпочтение издательству «Рабен и Шёгрен», потому что умница Ханс Рабен предложил ей нечто экстраординарное: сотрудничество с дальновидным и широко мыслящим редактором, таким же увлеченным и энергичным, как и сама Линдгрен. С Эльсой Олениус, детским библиотекарем, членом жюри, присудившего вторую премию «Бритт-Мари». Фру Олениус сотрудничала с издательством на Окстургсгатан – была генератором идей и выполняла различные редакционные задания по совместительству с основной работой в библиотеке на Хорнсгатан. О том, как в 1944 году она помогла дебютантке с первой в ее жизни настоящей рукописью, Астрид Линдгрен через много лет написала в юбилейном издании «Рабен и Шёгрен»:

> «Она щедро уделила нам с рукописью два часа своего времени. <…> Эльса считала, что Бритт-Мари не может вот так, с бухты-барахты, излить душу неизвестной подруге по переписке. Необходима была вводная глава. Таким образом можно привлечь многих юных читателей, которые не слишком любят

эпистолярный жанр. Не хочу ли я, спросила Эльса, пойти домой и написать эту главу? Я так и сделала. И поторопилась вернуться уже на следующий день – слишком быстро, как показалось Эльсе. Но главу-завлекалочку она одобрила. А затем, на прощание, мы прошлись в мазурке по передней – уже закадычные друзья».


Kungafamiljen snart åter i Haag

NÄGONSTANS I HOLLAND, lördag. (AB)

Prinsessan Juliana har anlänt till södra Holland och planerar att resa till Haag och Amsterdam tillsammans med prins Bernhard, så snart vägarna rensats från minor och ordning inträtt efter kapitulationen.

Drottning Wilhelmina anlände till södra Holland i torsdags.

Förtvivlan är den tyska ungdomens öde i dag. Den sextonårige tyske soldaten gråter bittert efter att ha blivit tillfångatagen under amerikanernas framträngande på andra sidan Rhen. Ännu barn och för tidigt vuxen, krigets blodiga hantverk är han uppfostrad till tro på Hitler — men striden var för hemsk och fångenskapen smärtsam.

7 Maj 1945.

Detta är V-dagen! Kriget är slut! Kriget är slut! KRIGET ÄR SLUT!

Kl. 14.41 (tre sig) undertecknades kapitulationen i ett litet rött skolhus i Reims, för de allierade av Eisenhower, för tyskarna av Jodl, varigenom alla tyska styrkor i hela Europa gav tappt. Norge är alltså också fritt nu. Ett vansinnigt jubel bryter ut här om dagen. Kungsgatan är tätt av ett flera cm. Tjockt papperskon-

(Фотография: Андреа Дэвис Кронлунд, КБ)

Астрид так доверяла Олениус, что, отказав «Геберу» ради «Рабен и Шёгрен», показала ей рукопись, которую годом раньше отвергло издательство «Бонниер». Не прочитает ли фру Олениус истории о самой сильной девочке на свете?

Конечно да. Олениус, как уже говорилось, преподавала драму и руководила маленьким детским театром в филиале библиотеки на Медборгарплатсен – и она первой увидела потенциал рукописи и литературную силу фигуры Пеппи. В эйфории майских дней 1945 года, пока Европа ликовала после шести лет войны, а Астрид, Стуре, Лассе и Карин присоединились к сине-желтой[25] толпе в центре Стокгольма, Эльса Олениус работала над рукописью «Первой редакции „Пеппи“». Она сочла книгу потрясающей, но настаивала на некоторых изменениях. Лошадиные какашки на манеже и горшок с мочой, который

швыряли в зевак на пожаре, казались ей слишком сильными средствами воздействия.

Кунгсгатан, 7 мая 1945 г. В этот день Астрид записывает в своем «военном дневнике» (см. предыдущую фотографию): «…все немецкие силы по всей Европе сдались. То есть Норвегия теперь свободна. Безумное ликование охватило Стокгольм. Кунгсгатан вся усыпана бумагой, люди совершенно спятили от радости». (Фотография: «Бонниер» / ТТ)

Позитивной оценкой Эльсы Олениус Астрид тут же поделилась с близкими в Стокгольме и Смоланде. Все в Нэсе прочитали о реакции редактора. Но тут проснулась неуверенность: а что скажут о Пеппи менее прогрессивные читатели? Писатель сомневалась больше редактора:

> «Два дня назад я отдала свою книгу фру Олениус, и вот она в восторге позвонила. Конечно, я обрадовалась,

ведь я так ждала ее ответа: если фру Олениус понравится книга, книгу не зарубят. Она пригласила меня на этой неделе на обед, чтобы отдать рукопись, и я отнесу ее в издательство „Рабен и Шёгрен“, – похоже, они встали на ноги».

Сорокавосьмилетняя Олениус была не только детским библиотекарем, преподавателем драмы, консультантом и редактором, но и критиком детской и юношеской литературы на шведском радио. Она не просто пришла в восторг от Пеппи Длинныйчулок – ей не терпелось помочь рождению книги и персонажа, какого мир еще не знал. Олениус была так решительно настроена, что в мае 1945 года предложила Линдгрен отослать рукопись на следующий конкурс детской книги издательства «Рабен и Шёгрен», где выступала одним из четырех судей. Но сначала надо было внести кое-какую правку. Астрид прислушалась к предложениям Олениус, взялась за работу и отредактировала рукопись. 2 июня 1945 года она записала в дневнике:

> «Как же здорово быть „писателем“. Сейчас переделываю „Пеппи Длинныйчулок“, если из непослушной девчонки вообще что-то может получиться».

Когда в августе – сентябре настала пора выбирать победителя издательского конкурса книг для детей шести – десяти лет, Олениус изо всех сил боролась за анархистку Пеппи, которая теперь стала немного цивилизованней. Ее восторг, правда, разделял только автор бестселлеров о «Приключениях Бесхвостика Пелле» Йоста Кнутсон. В жюри, помимо них, сидели учительница Герда Шамбер и директор Рабен, так что голосование затянулось. В письме Ханне и Самуэлю Августу от 8 сентября Астрид передает слова фру Олениус о том, что Пеппи совершенно точно напечатают и издадут, но книга вряд ли выиграет конкурс:

> «И все равно я очень рада. Во вторник с ней встречаюсь, тогда, может, узнаю больше».

Однако Эльса Олениус добилась своего. Судя по всему, ей удалось уговорить Ханса Рабена, и 14 сентября 1945 года «Свенска дагбладет» сообщила о вручении премии за лучшую детскую книгу издательства «Рабен и Шёгрен»:

> «Жюри признало рукопись „Пеппи Длинныйчулок“ произведением высокого уровня и отметило в ней целый ряд достоинств, свойственных хорошей детской книге: оригинальность, увлекательность и совершенно обезоруживающий юмор».

Перед выходом книги, после двух месяцев интенсивной работы, включавшей создание иллюстраций, печать, переплет и дистрибуцию, именно Эльса Олениус расхвалила «Пеппи Длинныйчулок» в детской программе единственного канала национального шведского радио, одновременно прорекламировав два свежих издания Астрид Линдгрен: книгу для девочек «Черстин и я» и детскую пьесу «Главное – здоровье» (которую, кстати, сама и заказала чуть раньше). Таким образом, издательство теперь могло цитировать позитивный отклик собственного сотрудника о книге, которую этот сотрудник редактировал и выдвинул на премию.

Во многих газетных анонсах рождественских продаж под изображением «Пеппи» стояла подпись: «Эльса Олениус: „Прямое попадание“».

Линдгрен ценила неутомимую и неоценимую маркетинговую работу редактора на этой ранней стадии жизни Пеппи Длинныйчулок.

В письме в Нэс от 8 ноября 1945 года взволнованная писательница сообщала о новостях:

> «„Пеппи“ я еще не видела, но книжка вот-вот выйдет. 17 ноября Эльса Олениус беседует с кем-то на радио, передача называется „Пеппи Длинныйчулок и другие“. Они сделают обзор книг, как в прошлом году. Эльса Олениус сказала мне, что расскажет о „Пеппи“ и о „Черстин и я“, а еще о любительской пьеске, которую издает „Линдфорс“ („Главное – здоровье“. – *Ред*.). Так что она делает все, чтобы добыть мне честь и славу».

Непотизм или взаимопомощь

Что это было – непотизм или взаимопомощь? И то, и другое, и еще кое-что. Итак, Эльса Олениус во многих лицах, играющая разные роли на ниве шведской детской культуры, позаботилась о том, чтобы в начале 1946 года на шведском радио неделю за неделей читали «Пеппи Длинныйчулок». Та же Олениус 6 марта 1946 года – всего через три месяца после выхода книги – в своем

театре в «Медборгархусет» («Общественном доме») в Сёдермальме представила постановку самой популярной детской книжки. Сценарий написала Астрид Линдгрен, поспешно состряпав его из избранных сцен книги. Немного погодя пьеса вышла в виде брошюры в издательстве «Рабен и Шёгрен», дабы юные и полные надежд любители на школьных сценах всей страны могли поставить свою собственную местную «Пеппи».

Эльса Олениус – неутомимый двигатель шведской детской культуры в послевоенное время. В 1984 г., в некрологе на ее смерть, Астрид Линдгрен вспоминает радостный и энергичный голос подруги, ее способность вселить жизнь в любое собрание – и даже в пятьдесят муниципальных зануд, пришедших услышать правду о детском театре и книгах: «Она быстро объяснила им, как важны игры, заставила дурачиться и изображать беззаботные пушинки одуванчиков». (Фотография: Ло Херцман-Эриксон / TT)

Постановка «Пеппи» в «Медборгархусет» произвела фурор. Да такой, что в марте – апреле 1946 года зал не мог вместить всех детей, желающих увидеть Пеппи на сцене, – всех, кто мог предъявить билет, а билетом в детский театр Олениус всегда служил действительный читательский билет в Городскую библиотеку. Для этого и был нужен театр при детской библиотеке – чтобы привить маленьким гражданам вкус к хорошей литературе.

Слухи о сногсшибательной пьесе и талантливых исполнителях распространялись по стране вместе с книгой, и труппа Олениус выехала на гастроли в Гётеборг, Эскилстуну и Норкёппинг. В столице они тоже дали специальные представления, ради которых несколько смущенная труппа переместилась в сам Стокгольмский концертный зал на Хёторьет. На большинстве представлений присутствовала Астрид – она вообще в 1946 году появлялась на многих литературных и библиотечных мероприятиях в столице и за ее пределами. В письме родителям весной 1946 года Линдгрен, среди прочего, рассказывает, что к поклонникам бунтарки Пеппи теперь присоединились и три юные принцессы шведского королевского дома:

> «Представляете, поеду в Муталу на День книги, мучить бедных детей „Пеппи Длинныйчулок“. Похоже, я ужасно знаменита. Объединение книготорговцев проводит книжную выставку в галерее „Модерн“ в „Драматене“[26], там я тоже двадцатого числа буду читать из „Пеппи“. Этот ребенок, похоже, становится всенародным бедствием. А еще новый книжный, „Кунгсбокхандельн“, открывшийся с большим шумом, именно в эти дни снял то ли Концертный зал, то ли гимназию „Боргарскола“, и детский театр Эльсы Олениус будет играть „Пеппи“ там. Приглашены сами принцессы Хага, так что рекламной шумихи предостаточно».

Пеппи Длинныйчулок и ее создательница – повсюду в шведской культурной жизни второй половины 1940-х гг. (Фотография: Бертиль Нильсон)

В первый год после выхода книги и пьесы о Пеппи Длинныйчулок шумихи вокруг нее и впрямь было предостаточно. Насколько она была громкой и всепроникающей, можно судить по одному мероприятию на Дне книги в Авесте 4 декабря 1946 года. В течение суток туда прибыли поездом пять известных шведских писателей со всех концов страны, дабы развлечь детей своими новыми книгами, и Линдгрен участвовала в так называемом «Часе

сказки» для девятисот школьников из Авесты и Гритнеса. Дети два раза заполняли Центральный кинотеатр (включая стоячие места), чтобы услышать отрывок из «Пеппи отправляется в путь». В зале были и репортеры из местной газеты, которые днем позже отрапортовали:

> «Вначале прозвучала музыка в исполнении молодежного оркестра под руководством господина Кёнига, которая создала чудесную атмосферу для дальнейшего действа. Учитель средней школы Хельге Уттербом поприветствовал фру Линдгрен. Писательница прочитала отрывок из „Пеппи Длинныйчулок“, дети слушали затаив дыхание. Приключения Пеппи в стиле Робинзона Крузо, написанные со свойственным госпоже Линдгрен задором, совершенно заворожили мучимых декабрьской простудой ребят, вытеснив мысли обо всех невзгодах. Такое под силу лишь волшебному лекарству».

На самом деле все было не так уж безоблачно. Астрид сама оценила свои чтения в Даларне в письме в Нэс от 7 декабря. Ей было нелегко выступать перед таким количеством кашляющих, беспокойных детей, пришлось сильно напрягать голос – «так, что лицо у меня посинело от натуги».

Вот такая шумиха царила вокруг Пеппи осенью 1946 года. В рекордные сроки Пеппи завоевала и радио, и театр, а Астрид Линдгрен уже готовила несколько новых книг. Возникла цепочка, в которой продукты разных жанров и форм обогащали друг друга. Ханс Рабен не верил своим глазам. Детская книга, которой он поначалу даже не хотел присуждать первую премию на конкурсе, не только спасла издательство от банкротства, но и извергла золотой дождь в его пустую казну.

Тогда, в мае 1945-го, позвонив Линдгрен, чтобы уговорить ее остаться в «Рабен и Шёгрен», Ханс Рабен не сказал ей правды. На самом деле финансовое положение издательства оставалось сложным. В юбилейном издании «92-летняя хроника» Рабен признался, что руководство издательства поступило безответственно, запустив в производство новые книги летом и осенью 1945 года, но их на это сподвигли серьезность ситуации и своего рода юношеское отчаяние:

> «Мы находились в положении игрока, который продолжает ставить деньги в надежде на большой выигрыш, который позволит ему все уладить».

Вплоть до того знаменательного дня в середине сентября 1945 года, когда «Пеппи Длинныйчулок» объявили победителем конкурса, судьба издательства и рукописи первой книги о Пеппи могла сложиться совсем иначе. Финансовый кризис так подкосил просуществовавшее всего три года издательство, у которого на складе было слишком много дорогостоящей продукции, что в августе 1945 года оно попыталось все рукописи, поступившие на конкурс детской книги, продать оптом. Издательству «Бонниер» предложили вслепую купить более двухсот рукописей, однако безрезультатно. А в этой кипе манускриптов лежала не только «Пеппи Длинныйчулок», но и другая книга Линдгрен, под названием «Мы все из Бюллербю», законченная летом 1945-го на Фурусунде. Книге этой Астрид не придавала большого значения и в письме Ханне и Самуэлю Августу охарактеризовала ее как «милую, хотя не слишком хорошо написанную».

Таким образом, не приняв предложение издательства «Рабен и Шёгрен», «Бонниер», даже не подозревая об этом, повторно отказалось от Астрид Линдгрен и Пеппи. То есть от книги, продажи которой еще до конца сороковых достигли 300 тысяч экземпляров в одной только Швеции, – книги, которая превратила «Рабен и Шёгрен» в ведущее шведское издательство детской и юношеской литературы. А всё вездесущая Эльса Олениус. Именно она нашептала Хансу Рабену в 1946 году, что создательница Пеппи еще и прекрасная стенографистка, машинистка, говорит на нескольких языках и именно сейчас нуждается в работе с неполной занятостью. Рабен к Олениус прислушался. В конце концов, благодаря госпоже Линдгрен Рождество 1945 года, которого все в издательстве, включая владельца, ждали с тревогой, стало самым радостным на памяти издателя. 21 тысяча экземпляров книги о Пеппи разошлась всего за две недели. Вот что об этом написал сам Рабен в юбилейном издании 1967 года:

> «Мы все до поздней ночи оставались на складе, пакуя „Пеппи“. Канун Рождества я провел в такси, объезжая книжные магазины Стокгольма. Все шведские дети должны были получить в этом году в подарок „Пеппи“».

Коломба и Коринна

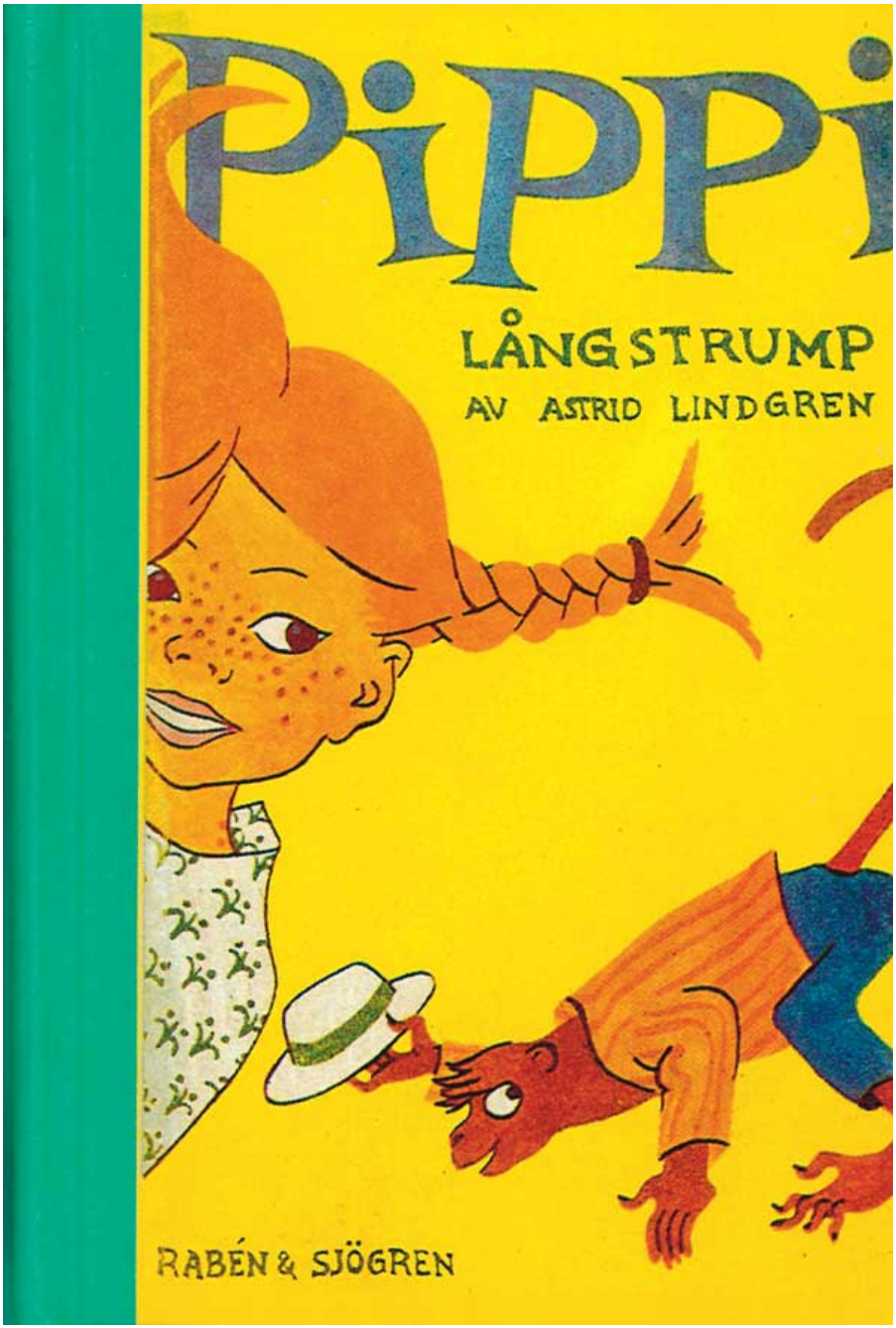
Масштаб помешательства на Пеппи в 1945–1946 годах объясняется не только стараниями Олениус, но и тем, что к Рождеству 1945 года в газетах «Дагенс нюхетер» и «Свенска

дагбладет» появились две первые и самые важные рецензии – Евы фон Цвайберг и Греты Болин. Критики вели в газетах колонки о детской культуре, воспитании и семейной жизни под псевдонимами Коломба (Цвайберг) и Коринна (Болин) и призывали к обновлению шведской детской литературы. Их поддерживала Эльса Олениус, составившая списки книг для первопроходческого труда Цвайберг и Болин «Ребенок и книги», который увидел свет в том же году.

Благодаря своим контактам на радио, в печати, издательской индустрии и библиотеках, эта троица – Цвайберг, Болин и Олениус – в 1940-е годы влияла на литературу для детей и юношества и окололитературную жизнь в Швеции. И Астрид Линдгрен извлекла из этого заслуженную выгоду. Она много раз видела, как им это удается, и не всегда одобряла. Как Астрид написала Ханне и Самуэлю Августу 5 августа 1948 года, иногда их намерения становились очевидными, и это не могло не расстраивать:

> «Вчера мне позвонила Ева фон Цвайберг, рассказала, что „Бонниер“ собирается выпустить новое издание „Незабываемых сказок“ под ее редакцией. Одна сказка ей не очень нравится, и она хочет заменить ее на „Крошку Нильса Карлсона“. Конечно же, эту мысль ей подкинула Эльса Олениус. Да-да».

В 1945 году оба критика приняли «Пеппи Длинныйчулок» как истинную освободительницу. Первые фанфары прозвучали в рецензии Евы фон Цвайберг в «Дагенс нюхетер» от 28 ноября 1945 года: «…Пеппи Длинныйчулок служит предохранительным клапаном для обычных детей в обычном мире, где их свобода, к сожалению, довольно ограниченна». А через неделю за ней последовала публикация Греты Болин в «Свенска дагбладет»: она развивала мысль Цвайберг о том, что фигура Пеппи освободила детей от гнета повседневности и авторитетов. Рассказывая о собственной семье, Болин намекает, что Пеппи вполне может стать таким клапаном и для взрослых: «Эта книга – просто-напросто фейерверк острот и проказ. Наш Йонас (7 лет), послушав несколько отрывков, рыдал от смеха, и взрослому человеку почти так же смешно».



Гениальная обложка «Пеппи Длинныйчулок» Ингрид Ванг Нюман (1945). Через полгода после окончания войны, длившейся шесть проклятых лет, эта обложка призывает к веселью. Этот призыв слышится и поныне. На сегодняшний день в мире продано 56 миллионов книг о Пеппи на 65 языках. (Фотография: Saltkråkan)

Коринна и Коломба хором восхищались смелыми проделками Пеппи и задали тон другим рецензентам в прессе последующих дней, недель и месяцев. Это означало, что критики подняли «Пеппи» на щит и хвалили до самой рождественской распродажи 1945 года, когда шведским семьям с детьми так хотелось забыть о войне и от души посмеяться. Уж чего-чего, а смеха в «Пеппи» было предостаточно. Можно ли представить себе больший контраст с мрачной нацистской силой, шесть проклятых лет пытавшейся опустошить землю? Сама яркая праздничная обложка с Пеппи и господином Нильсоном сулила праздник, а в книге читателя ждали талантливые иллюстрации Ингрид Ванг Нюман (в том числе продолжение иллюстрации с обложки – Пеппи в вызывающей одежде и с прической, которую не укротить даже стальному шлему), так непохожие на фотографии воюющих генералов и солдат в сапогах, наводнявшие прессу последние пять-десять лет.

О подобном успехе Астрид и не мечтала. Со времени отказа «Бонниер» в 1944 году она по большому счету вообще сомневалась в Пеппи. Не слишком ли провокационно выглядит ее сочинение, пришло ли время для самой сильной девочки в мире? Детская реакция была однозначной, а вот взрослые разделились, как жюри «Рабен и Шёгрен». Так, 29 сентября 1945 года писала Астрид в письме в Нэс:

> «С нетерпением жду отзывов на Пеппи, наверняка будут много ругать. В жюри была учительница, ей совсем не понравилась книга, потому что Пеппи „ведет себя так странно“. Это мне доктор Страндберг рассказал, я его вчера встретила в издательстве. Но Страндбергу книжка нравится, он сказал, что Пеппи – помесь Гекльберри Финна и Супермена».

Журналист и автор книг о путешествиях Улле Страндберг, который, как и Олениус, работал на издательство «Рабен и Шёгрен», полагал, что у Астрид нет причин опасаться критики. Пеппи, считал он, для этого слишком хороша, как и Гекльберри Финн и Супермен. И первые полгода после выхода книги его позиция себя оправдывала: средства массовой информации наперебой хвалили супердевочку. Лишь осенью 1946 года стали слышны критические голоса родителей и педагогов.

Первым был авторитетный профессор университета города Лунд шестидесятичетырехлетний Йон Ландквист. Он читал лекции по психологии, педагогике и литературе, был литературным критиком, писателем и переводчиком работ

Зигмунда Фрейда. Будучи последователем Фрейда, Ландквист по определению сомневался в правоте каждого, кто рассматривал волю к власти как основной инстинкт человека. Как, например, Бертран Рассел в книге «О воспитании, особенно в раннем возрасте», на которую ссылалась Линдгрен в сопроводительном письме в издательство «Бонниер» и в интервью газете «Свенска дагбладет» 15 января 1946 года. В этом интервью в связи с вручением одной из ежегодных литературных премий газеты писательница рассказывала о «едва ли не пугающей популярности» своей героини среди знакомых ей детей:

> «Где бы я ни появилась, меня просили: „Расскажите о Пеппи Длинныйчулок“, – закрадывалось подозрение, что эта довольно фантастическая фигура, по-видимому, задевает какую-то больную точку в детской душе. Позже я нашла объяснение у Бертрана Рассела. В своей книге „О воспитании, особенно в раннем возрасте“ он определяет волю к власти как наиболее сильную инстинктивную черту ребенка. Ребенок страдает от собственной слабости по сравнению со старшими и желает стать как они. А потому нормальный ребенок фантазирует, и на его фантазии влияет воля к власти. Так утверждает Рассел. Я не знаю, правда ли это. Знаю только, что всем детям, на которых я опробовала Пеппи, явно нравится слушать о маленькой девочке, совершенно не зависящей от взрослых и всегда делающей только то, чего ей хочется».

Все эти разговоры о воле к власти как основной движущей силе детской натуры были явно не по душе фрейдисту Ландквисту, и профессор раскритиковал «Пеппи» в «Афтонбладет» от 18 августа 1946 года, где он также ругает «Свенска дагбладет» за высокую оценку заурядного писателя. В статье под заголовком «Плохая и премированная» он объявляет Пеппи «сумасшедшей», а Астрид Линдгрен – «лишенной фантазии дилетанткой». Стареющий профессор педагогики прочитал книгу вслух своей дочери, и ни ей, ни ему героиня Астрид Линдгрен ничуть не понравилась. Проказы Пеппи он счел бессмысленными и даже прямо-таки нездоровыми:

> «Они никак не согласуются с ситуацией и с душевной жизнью ребенка. Это бездумно или же нетворчески состряпанный набор проделок. А потому это еще и безвкусно».

Не много в 1940-е гг. было в Швеции писателей, так легко относившихся к современным средствам массовой информации, как Астрид Линдгрен, которая одной из первых в Скандинавии поняла, до чего важно использовать и другие платформы, помимо печати, для популяризации хорошей книги. И в 1950-е, и в 1960-е, задолго до возникновения понятия «новеллизация», она пишет радио– и киносценарии, на основе которых мгновенно создаются

литературные бестселлеры. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Возмущенные голоса

Астрид подумывала возразить, но в итоге решила написать длинные, хорошие письма маме с папой, которые, таким образом, дважды – 23 августа и 1 сентября 1946 года – получили радостные известия о том, что дочь теперь будет работать редактором в издательстве, и о ее новой первой премии на конкурсе детской книги, на сей раз детективной:

> «Завтра начну трудиться в „Рабен и Шёгрен“, – по-моему, я уже писала. Работать буду четыре часа в день, попросила 300 крон в месяц. Еще не заполучила „Афтонбладет“, чтобы показать маме, как со мной обошелся профессор Ландквист. Ответить ему тоже не ответила, может, и не стану. <…> Не все считают „Пеппи Длинныйчулок“ бескультурной, и безвкусной, и нетворческой, и как там еще Ландквист ее назвал.
>
> *P. S. Подумайте только, я снова получила премию! 1500 крон за „Суперсыщика Калле Блюмквиста“».*

Вслед за критикой профессора Ландквиста в прессе зазвучали другие недовольные голоса. И взрослому читателю было чем возмущаться. Наглый ребенок, который за чаем без спроса хватает пирожные. Ребенок, который не слушает учителей, постоянно врет и смеет посягать на полицейских, выставляя их идиотами. Ребенок, который лопает ядовитые мухоморы, играет с огнем и заряженными пистолетами, спит с ногами на подушке, сморкается в одежду и подстрекает других детей безграмотно писать и некрасиво разговаривать. «Книга просто нашпигована нездоровой и неестественной ребячливостью», – пишет читатель «Фолькскольларарнас тиднинг» («Вести средней школы»), а на страницах крупной национальной газеты под псевдонимом «Возмущенный» другой читатель жалуется на «умопомрачительный стиль», которым написаны истории о Пеппи, беспрерывно льющиеся из его радиоприемника:

> «Неужели никто не может остановить эту деморализующую программу? <…> Что говорят наши педагоги? Можно ли найти что-то поучительное и

смешное в подвигах этой Пеппи Длинныйчулок, например, в том эпизоде, где она зашла в магазин женской одежды и оторвала руку у манекена, а когда продавец ее отругал, ответила: „Успокойся“?»

Линдгрен размышляла, не ответить ли критикам, но решила уступить сцену рецензентам «Пеппи отправляется в путь», которая вышла в 1946 году. Многие в своих рецензиях ссылались на письмо Ландквиста или полемизировали с ним. Среди прочих – Эльса Олениус, которая всю осень заменяла в «Дагенс нюхетер» Еву фон Цвайберг, уехавшую в США. Львица Эльса и тут помогла продвижению своей протеже и коллеги, о чьей новой книге знала всё, поскольку в мае Линдгрен прислала ей рукопись – попросила посмотреть и внести правку. Это следует из письма Астрид Ханне и Самуэлю Августу, датированного 25 мая 1946 года.

Как написано в рецензии Олениус в «Дагенс нюхетер» от 26 октября, новая книга о Пеппи гораздо цельнее, нежели первая, а Линдгрен в большинстве глав показала, что овладела своим «особым юмористическим стилем и прекрасно его контролирует». Олениус закончила статью рекламой театральной пьесы – совместной с Линдгрен постановки, – которая на протяжении полугода шла с большим успехом:

> «Небольшая пьеса по мотивам первой книги о Пеппи Длинныйчулок идет в Детском театре Городской библиотеки в „Медборгархусет“. Книга выходит в издательстве „Рабен и Шёгрен“, цена издания – 65 эре. Ее легко поставить, и она нравится детям».

Самую интересную рецензию на «Пеппи отправляется в путь» напечатали в «Афтонтиднинген» 16 ноября 1946 года. Молодой Леннарт Хельсинг, детский писатель с богатой фантазией, создатель речевых игр в рифмы и смешных «чепуховых» стихов, выступив в амплуа критика, подвел итог продолжавшейся год дискуссии. Он раскритиковал новую книгу за любовь к эффектам, а под конец воздал должное Пеппи Длинныйчулок как факелоносцу детской литературы нового времени, в авангарде которой, очевидно, был он сам, а также Туве Янссон и Астрид Линдгрен:

> «Сказки Астрид Линдгрен ничуть не менее сказочны, чем народные, но их действие перенесено в современность. У этих ее современных сказок есть одно преимущество: они предназначены для детей, дети их понимают – чего нельзя сказать о народных сказках. Их

> глубокая жизненная мудрость и символика совершенно отсутствуют в „Пеппи Длинныйчулок“, однако спросите себя, к чему ребенку мудрость старика? Не важнее ли, чтобы ему было позволено (выражаясь современным языком) жить в мире здоровой чувственной реальности? Своими книгами о Пеппи Длинныйчулок Астрид Линдгрен пробила дыру в стене морализаторства, сентиментальности и слащавости, которая десятилетиями окружала шведскую детскую литературу».

Второй год подряд рождественские продажи приносили Астрид Линдгрен финансовый успех, но ей было не по себе от этой внезапно свалившейся на нее славы, и в дневнике между Рождеством и новым, 1946 годом, она констатирует: «Я стала самую чуточку „довольно знаменитой“». Это, мягко говоря, преуменьшение, поскольку она была бесспорным лидером года в номинации «шведская литература для детей» и за двенадцать месяцев издала четыре солидные книги. В целом через два года после дебюта Линдгрен опубликовала две книги о Пеппи, две книги для девочек, две детские пьесы и один детский детектив, которые в совокупности разошлись тиражом 100 тысяч экземпляров. Кроме того, она получила четыре литературные премии, заключила контракт на съемку фильма и продала «Пеппи» в несколько стран. Как бы Астрид ни сомневалась, пришло время стереть кавычки у слов «писатель» и «знаменитый» в ее дневнике.

В первых серьезных интервью с «мамой Пеппи» журналисты обращают внимание на явный контраст между неряхой Пеппи и модной, изысканно одетой писательницей. Журналиста еженедельника «Ви», который в начале лета 1947 года взял у Астрид Линдгрен интервью в связи с предстоящей публикацией в летних выпусках ее новой книги «Мы все из Бюллербю», удивила внешность писательницы: «Ко мне приближалось стройное, грациозное создание в красивой элегантной одежде коричневого и приглушенно-бирюзового цветов, с оживленным блеском в спокойных серых глазах».

Интервьюер хотел знать, в чем секрет ее ошеломительного успеха. Как ей удается так хорошо понимать маленьких читателей?

> «Ну, не знаю, нужны ли тут какие-то фокусы, надо всего лишь хорошо помнить собственное детство… *как* ты чувствовал, думал, разговаривал, когда был

ребенком. Может быть, это и так всем ясно, но, когда твоя работа состоит в ежедневном штудировании рукописей детских книг, начинаешь понимать, насколько важна простота. Долой длинные или запутанные предложения, долой теоретические рассуждения, долой непонятные слова, долой закоснелую морализаторскую указку!»

Впервые мир узнал о методах работы госпожи Линдгрен. Как только у нее появлялась мысль о новой книге, ею как будто завладевала какая-то сила.

> «Лучше всего мне пишется в постели, когда я болею и жду, пока спадет температура, или по вечерам, когда ложусь. Или вне дома. „Суперсыщик Калле Блюмквист“, например, родился в нашей лодке на Фурусунде. И дело идет шустро, так что я едва не со стыдом слушаю про то, как многие корпят над книгами. Мне с самого начала кажется, что книга уже готова, а я ее просто записываю».

Под конец журналист спросил, как фру Линдгрен относится к спорам о воспитании и, в частности, о педагогичности книг о Пеппи Длинныйчулок.

> «Я бы очень хотела, чтобы мы, взрослые, как можно скорее научились уважать детей, всерьез осознали, что „маленькие дети тоже люди“, и несли ответственность за последствия. В этой связи я хотела бы заступиться за так называемое свободное воспитание. Слишком часто люди понимают под „свободным воспитанием“ попустительство. Нахулиганят дети – можно просто покачать головой и пробормотать что-то про безответственных родителей и „свободное воспитание“. Это несправедливо и осложняет и тормозит движение вперед».

Детские психологи на чай

Все эти годы Астрид Линдгрен тщательно избегала связывать себя и Пеппи с какими-либо психологическими школами или направлениями педагогики. Не потому, что недооценивала или боялась соприкоснуться с исследованиями в этих областях. Совсем напротив. За две недели до интервью в летнем номере «Ви» за 1947 год Астрид пригласила на чай двух шведских

детских психологов, а также Анне-Марие Фрис и свою сестру Ингегерд, которая слышала доклад Хоакима и Мирьям Израэль об их знаменитой книге «Злых детей не бывает!». В ней утверждалось, что взрослые не должны стеснять свободу детей, но научиться понимать природу ребенка и его потребности на разных этапах развития. Во время доклада психологи привели «Пеппи Длинныйчулок» как пример «антиавторитарной детской книги», разгружающей психику ребенка.

После доклада Ингегерд обратилась к докладчикам, представилась и спросила, можно ли попросить у них рекомендацию для «Пеппи», в которой Астрид Линдгрен продолжала их мысли. Они согласились, и все закончилось тем, что как-то июньским вечером они пришли к Астрид Линдгрен на чай. Она была так рада этой психолого-педагогической поддержке – рекомендацию можно было использовать и для продаж книги в зарубежные страны, – что вставила объемную цитату из высказывания Хоакима Израэля в майское письмо родителям:

> «От одного детского психолога из института психиатрии „Эрика“ я получила такую рекомендацию: книги о Пеппи „одни из лучших детских книг, выходивших на шведском языке. В отличие от большинства детских книг, они замечательно свободны от моральных назиданий. Их достоинство, по моему мнению, в том, что они играют для детей роль предохранительного клапана, который часто перекрывают осуждением и наказаниями. Дети могут отождествить себя с Пеппи, которой можно делать все то, что они хотели бы, но не могут или же им не разрешают. Таким образом, у них появляется возможность найти социально приемлемый отвод для агрессии против родителей, которая есть в каждом ребенке, а у проблемных детей часто выражается в трудностях адаптации или отклонениях в поведении. А потому я считаю эти книги важными для ментальной гигиены“. Ну, что скажете?! Я, когда писала Пеппи, и понятия не имела, что служу делу ментальной гигиены. Парень, его фамилия Израэль, работает ассистентом во врачебно-педагогическом отделе института „Эрика“, они занимаются проблемными детьми».

Из последующих писем к родителям становится ясно, что разговор за чаем 2 июня 1947 года пошел о воспитании, Пеппи и «Злых детей не бывает!» – книге, которую пара вручила хозяйке с посвящением «Маме Пеппи Длинныйчулок с благодарностью от

авторов».

В письме в Нэс от 19 апреля 1949 г. Астрид рассказывает о своем последнем интервью: «Ингегерд же всегда говорила, что призна́ет мое величие, только когда я попаду в „Хусмодерн“. Скоро ей придется сдаться: в мае и я, и Карин окажемся в вышеупомянутой газете». (Фотография: Стив Нойтебум / «Хусмодерн»)

Карин Нюман вспоминает, что на Астрид книга эта произвела сильное впечатление и дома много о ней говорили. После встречи с психологами в июне 1947-го Линдгрен еще смелее заговорила о воспитании и значении детства, выступая в СМИ. Как, например, в 1947 и 1948 годах, в серии статей о воспитании детей в журнале «Хусмодерн» («Домохозяйка»); в майском номере Астрид повторила сказанное за год до этого в интервью «Ви», еще больше подчеркнув роль взрослых:

> «Свободное воспитание не исключает твердости. А также преданности и уважения к родителям со стороны детей, и – самое главное – оно подразумевает уважение родителей к детям».

Особенно должна была заинтересовать Астрид Линдгрен последняя глава книги Хоакима и Мирьям Израэль, «Воспитание для демократии», где авторы рассматривают вопросы воспитания в общечеловеческом, универсальном отношении:

> «Благодаря разумному воспитанию мы должны создать человека, умеющего защитить демократическое общество, которое, мы надеемся, будет развиваться, – защитить его от возвращения к варварству последних лет».

Позже именно такой цивилизационный подход к воспитанию многократно использовала сама Астрид Линдгрен, наиболее явно – в благодарственной речи 1978 года при получении Премии мира немецких книготорговцев, а впервые – в год, когда познакомилась с супругами Израэль и прочитала их книгу, то есть осенью 1947-го. Тогда Астрид вновь выступила в издании «Ви», на сей раз приняв участие в опросе «На что стоит надеяться в наше время в нашем мире?». Позитивный ответ – может быть, самый оптимистичный из всех, какие когда-либо давала Астрид Линдгрен на этот часто задаваемый вопрос, – звучал так:

> «Для создания мира, пригодного для жизни, нужны более счастливые люди. Возможно, для пессимистического взгляда на будущее имеется много причин, но, по крайней мере, я смотрю на завтрашних людей, на детей и молодежь, которые растут сегодня, с оптимизмом. Они довольные и открытые, и уверенные как-то по-новому, не в пример прежним поколениям. В целом, думаю, они и счастливее прежних. А потому, быть

может, есть надежда, что вырастает более гуманная и щедрая порода, люди, которые дадут друг другу возможность жить. Упрямцы, спорщики, привилегированные и корыстолюбивые – разве не они корень всех зол, больших и малых? В их сморщенных душонках нет места ни щедрости, ни человеколюбию. А если правда, что каждый отдельный индивид – продукт своего детства, думаю, можно смотреть в будущее с известным оптимизмом. Изрядная доля косности исчезнет из мира, когда нынешние дети и подростки начнут разбираться с неурядицами на нашей старой планете».

Датская ниточка

Первые пять лет писательской деятельности Астрид Линдгрен были настоящим фейерверком творческого и коммерческого успеха. Свет увидели три трилогии: «Пеппи Длинныйчулок», «Мы все из Бюллербю» и «Суперсыщик Калле Блюмквист». Если учесть три маленькие пьесы и две книжки с картинками, на которые у Астрид Линдгрен тоже нашлось время, к 1949 году она издала шестнадцать книг. Девять были проданы в Норвегию, Финляндию, Данию, Исландию, Германию и США, и на подходе было много других договоров с разными странами мира.

Большая часть этих зарубежных контактов в 1940-е годы осуществлялась через литературного агента в Дании Йенса Сигсгора. Весной 1946 года он сам обратился к Астрид Линдгрен, когда слухи о самой сильной в мире девочке распространились по ту сторону Эресунна[27]. Сигсгор был психологом по образованию, ректором педагогического колледжа «Фрёбельсеминариет» в Копенгагене, прилежным писателем – автором детских книг, а также владельцем агентства IAC (International Agency of Children's Books, Международного агентства детской книги), которое основал в конце войны. Он не только представлял Астрид Линдгрен за рубежом в 1940-х и начале 1950-х – а надо помнить, что издательская отрасль по всей Европе была совершенно разрушена и все остро нуждались в бумаге, пригодной для печати, – но, сам писатель, был ее вдохновителем и хорошим другом. Об этом свидетельствует почти пятидесятилетняя переписка, хранящаяся в национальных библиотеках Копенгагена и Стокгольма.

К тому моменту, когда они познакомились, у Сигсгора уже вышли несколько любопытных сборников детских стихов и

книжек с картинками, среди прочего – «Пелле один на свете» (1942), принесшая ему международный успех и стоявшая на полке в квартире на Далагатан. В «Пелле один на свете» мы встречаемся с мальчиком, чей внутренний мир чем-то напоминает его современницу Пеппи Длинныйчулок. Мечтая о всемогуществе, Пелле вдруг обнаруживает, что на самом деле остался один-одинешенек, а потому может делать все, что душе угодно. И он ест сладости ведрами, водит трамвай, опустошает банк, садится за руль пожарной машины с включенной сиреной и в одиночестве летает на самолете. Но Пелле также узнает, что мир скучен, если ты совсем один. Безграничная свобода мальчика становится и его тюрьмой.

В духе плодотворного сотрудничества Линдгрен и Сигсгора был и обмен мнениями в связи с советом Сигсгора продать датскому издательству «Гюльдендаль» книгу «Бритт-Мари изливает душу». 26 сентября 1946 года писательница ответила из Стокгольма:

> «Конечно, я с радостью и благодарностью приму предложение „Гюльдендаля“. <…> А каковы шансы продать Пеппи в Америку? Возможно, книга не совсем подходит для американского читателя».

Агент Сигсгор тут же ответил из Копенгагена: «„Пеппи Длинныйчулок“ в прекрасных руках нашего нового представителя в Америке, Луизы Симен Бэктел. Кстати, я только что отослал экземпляр в Южную Африку».

В начале писательской карьеры Астрид Линдгрен часто советовалась с Сигсгором – например, осенью 1947 года, когда получила несколько предложений об экранизации «Пеппи Длинныйчулок». 7 ноября Сигсгор ответил, что продажа прав на экранизацию требует очень внимательного отношения, ведь речь идет о сохранении контроля над своими персонажами:

> «Такой важный вопрос, как экранизация, по моему мнению, не терпит суеты – не надо соглашаться на первое попавшееся предложение. Нет сомнений, что книга станет классикой, а значит, со временем появится и экранизация».

Сигсгору так и не удалось продать Пеппи на американский рынок. Этот скальп добыла Эльса Олениус, побывав в Америке в 1947 году. Датский агент тут же получил письмо:

> «С сожалением вынуждена сообщить, что один мой

> хороший друг, два месяца пробыв в Америке, продал „Пеппи“ „Вайкинг Пресс“. Это Эльса Олениус, она получила грант на исследование детского театра и, выяснив, что в Америке отчаянно не хватает детских пьес, порекомендовала пьесу о Пеппи (маленький сценарий, написанный мной), и – оп! – на горизонте появляется „Вайкинг“ и покупает книгу. <…> Не затруднитесь написать пару строчек, сообщите, не подкосило ли Вас известие о том, что я самостоятельно продала Пеппи».

Сигсгора известие не подкосило и не обозлило – он поздравил Астрид с продажей, а затем добавил пару фраз о сути работы литературного агента с многочисленными скандинавскими детскими писателями в 1940-е и 1950-е, в первую очередь – с Астрид Линдгрен:

> «Я и раньше подчеркивал, что задачи IAC, в первую очередь, не коммерческие. Наша главная цель – распространение хороших детских книг, и поскольку Пеппи – мой любимый ребенок, я радуюсь ее успеху».

Пеппи-психоз

То, что Йенс Сигсгор представлял книги Астрид Линдгрен за рубежом, немного разгружало страшно занятую писательницу и редактора, и она успевала следить за событиями в Швеции. На Астрид Линдгрен был постоянный спрос; и «Бюллербю», и «Суперсыщик Калле Блюмквист» встретили с триумфом, а увлечение Пеппи, похоже, перерастало в хроническую манию, кульминацией которой стал День ребенка в Стокгольме в конце августа 1949 года. Десятки тысяч детей и родителей заполонили большой парк Хумлегорден – все хотели получить свой кусочек волшебства и хоть глазком поглядеть на самого почитаемого ребенка своего времени, обладательницу лошади, обезьяны и собственного дома.

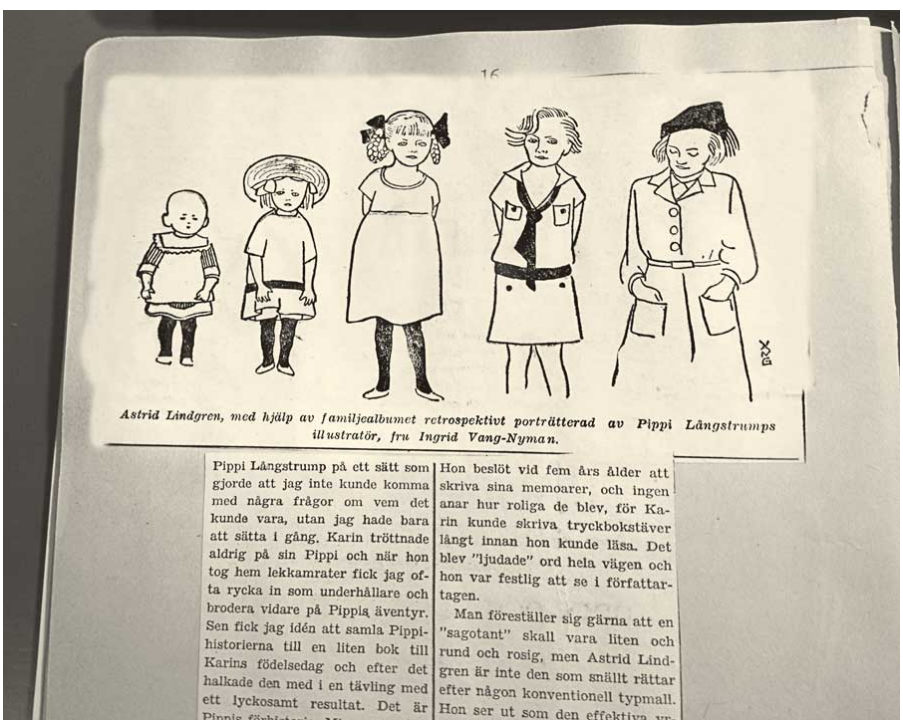
21 августа в парке царила толкотня и суматоха. Дети и родители теснились вокруг центральной сцены «Вилла „Курица“», чтобы прокатиться на лошади Пеппи, поучаствовать в конкурсе на лучший костюм Пеппи или не упустить блестящие золотые монетки, которые, согласно программе, должны были дважды в день «сыпаться с неба». Километровые очереди стояли к детскому паровозику «Пеппи-экспресс», с пыхтением возившему детей по парку. В тот день на нем прокатились сам Карл Густав –

«Маленький принц» Швеции и его старшая сестра Кристина.

Среди многочисленных мероприятий, в августе 1949 г. завлекших публику на День ребенка в парке Хумлегорден, был большой конкурс «Двойник Пеппи», в котором захотели участвовать девочки самого разного возраста и роста. (Фотография: ТТ)

«Пеппи-психоз» – так писала одна из столичных газет на следующий день; провинциальные газеты пестрели еще более драматичными заголовками: «Стокгольмские дети штурмуют Пеппи: давка, слезы и обмороки».

Благодаря умелому «брендированию» мира «Пеппи Длинныйчулок» организаторы Дня ребенка гребли деньги лопатой. Астрид Линдгрен сочинила программу мероприятий под названием «Пеппи Длинныйчулок в Хумлегордене» – рассказ о Пеппи в картинках: накануне Дня помощи детям Пеппи отправляется в столицу, чтобы возвести копию своего дома, но сперва ей нужно очистить старый парк от хулиганов и безобразников. Ингрид Ванг Нюман нарисовала лотерейные билеты, которые прикладывались к программе, и придумала три ярких плаката с Пеппи, которые развесили по всему Стокгольму. Золото текло рекой. И наполняло все больше карманов. Пеппи превратилась в доходное дело.



Astrid Lindgren, med hjälp av familjealbumet retrospektivt porträtterad av Pippi Långstrumps illustratör, fru Ingrid Vang-Nyman.

Pippi Långstrump på ett sätt som gjorde att jag inte kunde komma med några frågor om vem det kunde vara, utan jag hade bara att sätta i gång. Karin tröttnade aldrig på sin Pippi och när hon tog hem lekkamrater fick jag ofta rycka in som underhållare och brodera vidare på Pippis äventyr. Sen fick jag idén att samla Pippihistorierna till en liten bok till Karins födelsedag och efter det halkade den med i en tävling med ett lyckosamt resultat. Det är

Hon beslöt vid fem års ålder att skriva sina memoarer, och ingen anar hur roliga de blev, för Karin kunde skriva tryckbokstäver långt innan hon kunde läsa. Det blev "ljudade" ord hela vägen och hon var festlig att se i författartagen.

Man föreställer sig gärna att en "sagotant" skall vara liten och rund och rosig, men Astrid Lindgren är inte den som snällt rättar efter någon konventionell typmall. Hon ser ut som den effektiva

В связи с интервью «Хёгернс ландсортстиднингар» в 1949 г. Ингрид Ванг Нюман рисует Астрид Линдгрен на разных жизненных этапах, черпая вдохновение в семейном альбоме создательницы Пеппи. (Фотография: Йенс Андерсен)

На Рождество 1948 года в стокгольмском Театре Оскара

состоялась премьера новой большой пьесы о Пеппи по сценарию Астрид Линдгрен. «Веселая пьеса в двух актах и шести сценах, которая наверняка на многие годы останется в рождественской программе», – воодушевленно отозвался о ней директор театра Карл Кинч. Роль Пеппи исполнила взрослая актриса Вивека Серлакиус, балетмейстер Йон Ивар Декнер стал хореографом вставных экзотических танцев на острове Куррекурредут, а Пер-Мартин Хамберг, которого Астрид знала еще с военных времен по службе в почтовой цензуре, а также по радиопрограмме «Двадцать вопросов», сочинил музыку – песни были опубликованы годом позже в сборнике «Пойте вместе с Пеппи Длинныйчулок». В газетном анонсе Астрид Линдгрен дала понять, что начала уставать от шумихи вокруг Пеппи:

> «Дети любят драться, кувыркаться и бросаться тортами, и обо всем этом, я думаю, в книге написано предостаточно. Новая книга о Пеппи? Нет, больше никогда. Хватит трех».

Но самую сильную девочку в мире не так просто было удержать. Да и спрос очень вырос. Росло и число инвесторов, и во главе очереди стоял владелец киностудии и медиамагнат Андерс Сандрев, полагавший, что заключение контракта на обладание правами – как можно скорее и как можно дешевле – простая формальность. Однако успешному сыну уппландского крестьянина, по совместительству – владельцу Театра Оскара, где пьеса о Пеппи на Рождество 1948 года собрала полный зал, предстояло узнать, что дочери смоландских крестьян тоже умеют торговаться. В мае 1949 года Ханна и Самуэль Август получили письмо, раскрывшее им бизнес-таланты их Астрид:

> «Как, быть может, рассказала вам Гуллан, я наконец продала Сандреву права на экранизацию Пеппи. Он начинал как бакалейщик, а теперь стал большой шишкой в кино и театре, повсюду тут известен и сказочно богат. Но желает торговаться. Так что мы выдержали пару битв. В итоге он пригласил меня на воскресный обед в свой чрезвычайно красивый дом, где мы вроде бы должны были обсуждать сценарий с режиссером, однако, кроме нас двоих, никого не было, он просто хотел поторговаться в комфортной обстановке. Затем он отвез меня домой и стоял в дверях еще минимум четверть часа. Но в итоге я получила то, что требовала, – 6000 крон».

Компания «Сандрев Продакшнз» в 1940-е и 1950-е занималась массовым производством шведских фильмов – они выпускали минимум один фильм в месяц, и уже на Рождество 1949 года состоялась премьера «Пеппи». Астрид Линдгрен в написании сценария не участвовала, и авторы перекраивали истории о Пеппи на свой лад – например, чтобы снять в фильме звезд скандинавского шоу-бизнеса. Так, джазовый музыкант Свен Асмуссен исполнил роль необыкновенно музыкального почтальона, играющего на новом инструменте всякий раз, когда показывается на экране с мешком почты. По воспоминаниям Карин Нюман, сидевшей с матерью в первом ряду кинотеатра, Астрид удалось изобразить спокойствие. Однако из письма в Нэс от 21 декабря 1949 года следует, что ей это было нелегко: «Я страшно разочарована фильмом, хотя критики незаслуженно к нему снисходительны».

Одним из критичных рецензентов была Ева фон Цвайберг, которой Астрид отправила длинное письмо на следующий после премьеры день, 10 декабря 1949 года, начав с благодарности за то, что́ госпожа Цвайберг написала в газете, а затем перечислила все то, о чем критик не упомянула:

> «Если бы вчера я могла вернуть деньги, полученные за права, чтобы фильма не было, не сомневалась бы ни минуты. Я сидела и мучилась и, не дождавшись конца, сбежала в страхе, что кто-нибудь спросит мое мнение. А сама думала: что же скажет Ева Цвайберг? <…> Я так благодарна за то, что Вы написали о Пеппи в начале рецензии. Ваши слова служат мне поддержкой, когда я вижу, что́ эти киношники сделали с моим бедным ребенком. <…> Тот фильм, о котором я мечтала, фильм, наполненный теплом, уютом и солнечным светом, – его мы не увидим, но если кое-что вырезать, он, возможно, все-таки будет приемлемым для маленьких некритичных детей».

После этого случая Астрид дала себе слово, что впредь будет еще лучше защищать свои произведения, как и советовал Йенс Сигсгор. Пеппи показала, что воображаемый персонаж, как тень из сказки Андерсена, может вырваться из рук создателя и исчезнуть. С начала 1946 года Пеппи Длинныйчулок появлялась все в новых версиях: иллюстрированная книга, раскраска, театральные и кинопроекты, повести с продолжениями в периодических изданиях, картонная кукла для одевания, пластинки и даже реклама сберегательной кассы и витаминов для детей. Все это с одобрения и нередко с участием Астрид

Линдгрен. Вот что она написала Ханне и Самуэлю Августу 1 февраля 1947 года:

> «На следующей неделе делаю граммофонную запись „Пеппи“ – эпизод с ворами. А потом наверняка будут еще и куклы и пазлы Пеппи».

Звезда в больших туфлях

Пеппи жила собственной жизнью фирменного шведского товара, и у Астрид Линдгрен тоже дел хватало. Ее писательская карьера была молниеносной, а в 1948 году все шведы узнали, как звучит голос «мамы Пеппи»: ее пригласили в самую популярную радиопрограмму страны «Двадцать вопросов», где она стала одним из трех постоянных участников. Концепция программы была словно создана для Линдгрен с ее острым умом, чувством юмора и, не в последнюю очередь, красноречием. Какое-то время, около 1950 года, когда в Швеции существовал один радиоканал и около двух миллионов радиоточек, Астрид Линдгрен была знаменита, как Пеппи Длинныйчулок, ее фотографии с характерной лукавой улыбкой и интервью печатали в газетах рядом с фотографиями и интервью других знаменитостей. И у нее всегда был наготове остроумный ответ. Как в 1949 году, когда она участвовала в опросе одной еженедельной газеты:

> «Без чего вам трудно было бы жить? С чем вам трудно было бы жить?» На первый из этих непростых вопросов Астрид ответила: «Без детей и природы», а на второй – «С туфлями, которые мне малы».

Весной 1949 года представитель «Веко-шурнален» прибыл в дом на Далагатан, дабы помочь популярному голосу обрести плоть и кровь: «Худая как тростинка, со стройными ногами в нейлоновых американских чулках». В том же году в столицу прибыл журналист одной провинциальной газеты, он думал встретить краснощекую сказочницу из Смоланда, однако его ждал сюрприз:

> «Она производит впечатление успешной деловой женщины: довольно высокая, стройная, светловолосая, любит посмеяться. В глаза сразу бросается необыкновенная естественность: она совсем не рисуется. Увлеченная, любопытная, она вникает в такие вещи, на которые знаменитость, казалось бы, должна смотреть

свысока. Она не пытается скромничать и знает, что ее положение единственного значительного детского писателя 1940-х годов совершенно уникально».

Журналист «Веко-шурнален» не сомневался, что жизнь 41-летней писательницы и редактора была бурной. За предшествующие годы, как рассказывалось в публикации, Астрид Линдгрен не только несколько раз объездила Швецию со своими книгами, но и отправлялась в дальние зарубежные поездки: с мужем в отпуск или сопровождая его во время деловых визитов в Англию, Италию, Финляндию и Данию, а также самостоятельно – в США в 1948 году. Подробностей об этом заокеанском путешествии читатели не узнали. История довольно запутанная: путешествие полностью финансировало издательство «Олен и Окерлунд», входившее в издательский дом «Бонниер». Издательство заказало Линдгрен репортаж, и это было очередной попыткой отбить самого продаваемого на тот момент шведского писателя у конкурента.

Астрид сопровождает Стуре во многих поездках за рубеж – в частности, в 1949 г. в Италию. Возвращаясь домой, супруги заехали в Берхтесгаден, посмотреть на «Орлиное гнездо» Гитлера. Семья Астрид в Нэсе получила подробное описание: «Здание, вероятно, казалось еще величественнее, пока было цело. Вид на немецкие и австрийские Альпы волшебный. Теперь здесь только

руины, и никто ничего не делает, – наверное, в том и смысл, чтобы все оставалось в таком виде: рассказать людям, каким бывает конец тиранов». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

«Бонниер» было очень трудно смириться со своим просчетом и с поражением, нанесенным концерну маленьким издательством на грани разорения. В период с 1946-го по 1950 год концерн пытался хитростью переманить Астрид Линдгрен из скромных помещений «Рабен и Шёгрен» в роскошное здание «Бонниер» на Свеавеген. В январе 1946 года, через два месяца после издания первой книги о Пеппи, Астрид отправила письмо в Нэс:

> «Вчера получила предложение от „Олена и Окерлунда“ – спрашивают, не хочу ли я писать сказки или истории для их рождественских журналов. Для меня это своего рода победа: владелец „Олен и Окерлунд“ – издательский дом „Бонниер“, а они в свое время отвергли Пеппи – да-да, хоть и маленькая, но все же победа».

В 1947 году Астрид Линдгрен соблазняли хорошо оплачиваемой должностью в «Олен и Окерлунд», где она отвечала бы за всю малую прозу. Об этом она тоже рассказала в письме родителям в мае 1947 года:

> «…не хочу выходить на полный рабочий день, мне намного больше нравится прятаться в издательстве, а в остальное время писать, так что я отказалась – к их большому удивлению».

Зато ее соблазнила возможность бесплатно съездить в США в 1948 году, пусть и не хотелось на целый месяц расставаться с Лассе, Карин и Стуре. Осенью 1947 года Астрид Линдгрен встретилась с главным редактором журнала «Даменас верд». От имени Альберта Бонниера-младшего она спросила госпожу Линдгрен, не хочет ли та отправиться в Америку и написать для журнала статью о «негритянских детях». Сначала Астрид решила, что ослышалась, – так она потом и написала Ханне и Самуэлю Августу:

> «Не знаю, почему „Даменас верд“ интересуют именно негритянские дети. Меня это слегка ошеломило, так что я пока не ответила. Но мысль о бесплатной поездке в Америку не так уж глупа. Пеппи явно не дает господам Бонниерам покоя, мне делают одно

предложение за другим».

Через полгода, 22 февраля 1948 года, она смогла рассказать папе, маме, Гуннару и Гуллан, что удочку забросил Альберт Бонниер собственной персоной и что рыбка клюнула:

> «Я подписала с „Олен и Окерлунд“ контракт на американскую поездку. Забронировала авиабилет на 14 апреля, обратно – на 12 мая. Альберт Бонниер отправил мне письмо и контракт, он пишет, что заключает контракт „с легким сердцем“ и верит в „наш общий“ успех. А я вот не уверена, но не могу упустить такой шанс, условия очень хорошие».

В итоге Астрид Линдгрен отправилась в США за счет Бонниера и написала – с огромным трудом – оговоренное число репортажей для «Даменас верд». Работой на заказ она не гордилась, из ее письма к родителям от 10 декабря 1948 года ясно, что как редактор она ни за что не приняла бы такие наспех написанные развлекательные статейки «с легким социологическим уклоном», как отозвался о них рецензент, когда статьи были объединены и изданы в виде первой книги о Кати в 1950 году:

> «Я передала *малую* толику моих американских статей Аббе Бонниеру (Альберту Бонниеру. – *Ред.*), и подумайте, он счел их удачными. Сама я считаю их настолько дурацкими, что заболеваю при одном воспоминании о них».

Из-за этой работы Астрид так сильно мучила совесть, что когда в 1950 году Альберт Бонниер позвонил ей – в последний раз – спросить, не хочет ли она поехать в Египет – за счет «Бонниер», разумеется, – она категорически отказалась.

Горячо любимый

Для семьи Линдгрен эти годы были насыщенными и доходными. Не только из-за ошеломительного успеха Астрид, но и оттого, что в «М», где Стуре занимал директорское кресло, после войны дела шли полным ходом. Люди вновь стремились путешествовать, пересекать пространства и границы, и частных автомобилей становилось все больше. В октябре 1948-го, к пятидесятилетию Стуре Линдгрена, в шведских газетах появилось

множество хвалебных статей. Несмотря на войну и кризис, директору удалось превратить шведскую «М» в крупнейшую автомобильную организацию Скандинавии, а ключом к успеху, если верить юбилейным речам, было не только его знание автомобильного дела и особенностей международного туризма, но и обширные деловые связи, красноречие и поразительная память. «У Линдгрена в голове вся „М“», – писала газета «Мотор». Но в специализированном издании ничего не говорилось о том, что у директора в голове была еще и литература; он любил читать и пристально следил за писательской карьерой жены, помогал читать корректуры и подбадривал: «„Пеппи Длинныйчулок“ не книга, а находка».

Астрид благодарила его в посвящениях: «Моему пророку Стуре за неизменный интерес к Пеппи. Целую в лоб, Астрид» и «Стуре (пророку) от обожающей его жены». Так подписаны две первые книги о Пеппи. А вот в сборнике сказок «Крошка Нильс Карлсон», вышедшем в 1949 году, тон чуть серьезнее, а в конце посвящения – восклицательный знак: «Моему горячо любимому Стуре!»

Книга «Крошка Нильс Карлсон» была непохожа на другие произведения Астрид Линдгрен. В ней писательница касалась мрачного, меланхолического в душе человека. Через изображение одиноких детей – Бертиля, Йорана, Гуннара, Гуниллы, Бритты-Кайсы, Лены, Лисе-Лотты, Барбру и Петера – проводится тема разных видов тоски, – до сих пор этот мотив присутствовал в ее творчестве лишь эпизодически. Яснее всего он в трогательном окончании трилогии о Пеппи (1948), когда Томми и Анника собираются спать и сквозь ветви деревьев в темноте внезапно замечают свет на кухне виллы «Курица»:

> «Пеппи сидела у стола, уткнувшись подбородком в скрещенные руки. Сонными глазами следила она за прыгающим пламенем свечи, стоящей перед ней.
>
> – Она… она очень одинока сейчас, – сказала Анника дрогнувшим голосом. – Ой, скорей бы наступило утро, и мы бы пошли к ней. <…>
>
> – Если она поглядит в нашу сторону, мы помашем ей рукой, – добавил Томми.
>
> Но Пеппи глядела сонными глазами на пламя.
>
> Потом она задула свечу».

Эта минорная тональность, посещавшая Астрид и в жизни, была совершенно неизвестна шведской общественности 1940-х. Серьезность и задумчивость тонули в смехе и аплодисментах восторженной публики в радиостудии во время записи «Двадцати

вопросов», их нет в интервью, где с портретов глядела бодрая и довольная детская писательница. За жизнерадостностью и уверенностью сорокалетней Астрид Линдгрен скрывались грусть и страх, о каких никто и не подозревал: она очень боялась за «горячо любимого» Стуре. После пережитого ими кризиса отношений в 1944–1945 годах они сумели снова устроить свою жизнь, но каждодневные заботы сказывались на обоих, особенно на Стуре. Помимо напряженной работы в офисе он был занят поездками, участвовал в конгрессах и банкетах, званых ужинах и деловых встречах, часто в «Странд-отеле» на набережной Нюброкайен, рядом с работой, где ели – и пили – до поздней ночи. Стуре боролся с лишним весом и повышенным давлением; как отмечала Астрид в своем «военном дневнике» в 1946 году: «Иногда меня беспокоит здоровье Стуре, и не без причины, кажется».

Чтобы поправить здоровье, Стуре надо было отказаться от алкоголя. Вот что рассказывает Карин Нюман:

> «Папа слишком много пил; он пытался бросить, но не успел, потому что умер. Он никогда не напивался до бесчувствия, не буянил, не терял работы, но это, вероятно, был лишь вопрос времени».

Внутреннее противоречие в семье Линдгрен – между материальным благополучием и нежеланием Стуре взять себя в руки и упорядочить свою жизнь – плохо действовали на Астрид. Временами так сильно, что, оставаясь одна, она доставала «военный дневник» и размышляла о причинах своей депрессии. 8 марта 1947 года она так близко подобралась к существу проблемы, что посреди длинного абзаца решила застенографировать одно предложение, где писала о страхе за свой брак и за Стуре. Это был смертельный страх – и она не хотела рисковать тем, что Лассе или Карин случайно о нем узнают, если когда-нибудь станут листать дневник. Затем Астрид снова перешла на обычное письмо:

> «У Стуре возникают серьезные проблемы с сердцем, и он совершенно о себе не заботится, это бывает невыносимо. Не нравится мне эта зима. Ненормальная зима, иногда я задумываюсь, а будет ли еще хоть какое-то время года нормальным».

Но настала Пасха, пришла весна, а с ней и время праздновать окончание гимназии, сданные Лассе экзамены, из-за которых его мать всегда волновалась больше его. Этот великий день, 13 мая

1947 года, когда в Мужской гимназии в Нормальме Лассе водрузили на голову академическую шапочку, Астрид увековечила в своем дневнике:

> «Ларс, малыш Ларс… Когда открылись двери и я увидела в заднем ряду моего мальчика с академической шапочкой на голове, во мне что-то дрогнуло».

В 1947 г. Лассе закончил гимназию. Много лет Астрид боролась за то, чтобы сын не запустил учебу, и теперь могла вздохнуть с облегчением. Осенью 1937 г., когда у Лассе начались проблемы в школе, Астрид записала в «кассовой книге»: «Ларс – мечтатель, забывающий о делах, таким он и останется». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Затем праздновали дома. Не хватало Стуре – он был в командировке в Португалии и прислал поздравительную телеграмму. Впрочем, поздравить выпускника на Далагатан собрались все стокгольмские друзья; пришел и Эссе, старый товарищ по играм с Аллеи Надежды. Семья из Виммербю не могла весной бросить хозяйство, но получила подробный письменный отчет о событиях этого дня, посвященного Лассе. Вечером между матерью и дочерью состоялся доверительный и примечательный разговор. Как в свое время маленькая Карин придумала имя Пеппи Длинныйчулок, так и теперь почти тринадцатилетняя дочка Астрид, сидя на кровати, подала матери идею, как нужно завершить историю о Пеппи, Томми и Аннике:

> «Праздник закончился, Карин легла спать, и когда я зашла к ней, чтобы пожелать спокойной ночи, она горько заплакала и сказала: „Я никогда не хочу взрослеть“. Я решила, она считает, что быть взрослой – слишком большая ответственность, нужно работать и всякое такое. „Не хочу, чтобы ты состарилась“, – сказала она и еще сильнее зарыдала. После того как мы поговорили, она заметила: „Когда я говорю с тобой, все не так грустно – ты не умрешь, пока я не вырасту!“ И она снова заплакала, моя милая девочка. Я и сама помню, как все детство боялась, что кто-то в нашей семье умрет, я всегда молилась Богу о том, чтобы мы все умерли в один день».

Птицы скорби и певчие птицы

Если в наши дни вы отправитесь в Виммербю и прогуляетесь по увеселительному парку «Мир Астрид Линдгрен», то окажетесь в атмосфере добра, тепла, безопасности, вас окружат сильные, сумасбродные, радостные персонажи детских книг. Эта картина не лжива, но она и не рассказывает всей правды о творчестве, в котором отсутствие опоры, беда и скорбь присутствуют почти так же явно, как уют, радость жизни и наивный юмор.

В книгах Астрид Линдгрен полно одиноких людей и индивидуалистов. Есть взрослые и очень много детей и подростков. Как Пеппи Длинныйчулок, Крошка Нильс Карлсон, Кайса, Мио, Малыш и Карлсон, Расмус и Рай Оскар, дети с хутора «Южный Луг», Пелле с острова Сальткрока, Эмиль, Сухарик из «Братьев Львиное Сердце», Бирк и Ронья и многие другие. У них нет родителей, их оставили одних, приковали к кровати, заперли или лишили дома. Это единственные дети в семье или дети, у которых есть братья, сестры и родители, но в своих семьях все они лишены близости и поддержки.

Последствия одиночества, как и его причины, совершенно различны, но одно объединяет всех этих детей из книг Астрид Линдгрен: тоска по близкому контакту с другим живым существом. В литературном мире Линдгрен большинству людей удается найти друг друга – в фантазиях или в действительности. Возможно, они даже находят себя, потому что Астрид Линдгрен верит, что человек по природе своей – существо одинокое и силу нужно черпать в признании своего одиночества. В детстве, юности и старости нам всем надо учиться быть одним.

Впервые эта тема, пронизывающая все ее творчество, прозвучала в 1948 году, в окончании трилогии о Пеппи, когда Томми и Анника из окон своего дома видят Пеппи в окне кухни виллы «Курица» и удивляются ее абсолютному одиночеству, наблюдая, как она сидит за столом и смотрит на пламя свечи, а затем задувает ее – и на этом книга заканчивается. Через год в сборнике «Крошка Нильс Карлсон» появились другие одинокие дети, а Астрид Линдгрен, автор восьми романов, вернулась к малой прозе. И одновременно в двух новеллах сборника Линдгрен вновь обратилась к новому для детской литературы стилистическому приему – повествованию от лица ребенка, впервые использованному ею в книге «Мы все из Бюллербю» в 1947 году:

«Меня зовут Лиза. Я девочка, хотя, наверно, это и

так ясно, раз меня зовут Лиза. Мне семь лет, но скоро уже будет восемь, и мама иногда просит меня:

– Лизи, ты уже большая, вытри, пожалуйста, посуду!

А Лассе и Боссе говорят:

– Маленьких играть в индейцев не принимаем!

Так какая же я все-таки, большая или маленькая? По-моему, если одни считают, что я уже большая, а другие – что еще маленькая, значит я в самый раз»[28].

Написать детскую книгу так, словно автору удалось проникнуть в детское сознание, и сделать ребенка единственным рассказчиком – странный поступок и не *comme il faut*. Еще в 1940-е детей предпочитали видеть, но не слышать. В мировой литературе крайне редко встречались дети, которые рассказывали о себе и своем окружении и только о том, что знают сами, как Лиза из «среднего» дома. И главное, так, чтобы их не перебивал голос взрослого. Самый известный прецедент – «Приключения Гекльберри Финна» (1884), но фактически за пятьдесят лет до классического произведения Марка Твена в художественной литературе – литературе романтизма – уже звучал первый намек на «детский голос». Это были «Сказки, рассказанные детям» Андерсена (1835), где слово получили многие мальчики и девочки. Уже в 1826 году тот же Андерсен экспериментировал с революционным подходом в стихотворении «Умирающее дитя», от начала до конца озвученном умирающим ребенком, который скоро должен был один-одинешенек предстать пред Господом. После эпохи романтизма рассказчик-ребенок использовался преимущественно в эпистолярном жанре, природа ребенка, как и его голос, находила выражение лишь в пределах рамочного повествования, которое в целом велось от лица взрослого рассказчика. Как в произведении Лауры Фитингхофф «Дети из Фростмофьеллет» (1907) – о полном приключений бегстве семи сирот от голода, – которое считается первым реалистическим детским романом в Швеции.

А потому книга «Мы все из Бюллербю» стала эпохальной, хотя в 1947 году никто из шведских критиков не обратил особого внимания на маленькое сенсационное местоимение в начале книги: «Я». Лиза раскрывает нам мир ребенка, живой и естественный. Через своего малолетнего рассказчика взрослый писатель еще глубже проникает в природу ребенка, выражает его радость, любопытство, печаль и одиночество. Это мы и наблюдаем в творчестве Астрид Линдгрен около 1950 года: детское «я» быстро распространилось дальше, на еще одну книгу о Бюллербю, написанную в 1949 году, и в том же году перешло в

«Крошку Нильса Карлсона». Эта книга состоит из девяти рассказов о современных детях, их одиночестве и потребности в заботе и внимании.

Астрид Линдгрен с самого начала своей писательской карьеры прилежно и увлеченно встречается с главными читателями своих книг по всей Швеции, как на этой фотографии 1950 г. На Дне книги, и не только, она читает вслух, подписывает книги и рассказывает, каково это – быть писателем. Линдгрен всегда подчеркивала, что прежде всего пишет для своего внутреннего ребенка. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В двух рассказах, начинающихся словами «Вот что я вам расскажу», рассказчиками выступают девочки, и оба рассказа – об отсутствии у одинокого ребенка товарища-ровесника. Хотя и у Барбру, и у Бритты-Кайсы есть мама и папа и они живут вместе, из обеих историй понятно, что взрослые не могут заполнить эмоциональную пустоту в жизни ребенка, особенно если они к нему невнимательны. Этот кардинальный вопрос воспитания занимал Астрид Линдгрен всю жизнь, и в сентябре 1952 года она для журнала «Перспектив» написала довольно длинное письмо

под заголовком «Больше любви!» об отношении родителей к детям. В письме говорится, что никогда и ничто не заменит любви, которую ребенок недополучит до того, как ему исполнится десять лет:

> «Ребенок, который не чувствует любви родителей и которому некому и нечему больше отдать свою любовь и не от кого любовь получить, вырастает несчастным, часто неспособным любить человеком и может принести много вреда. Судьбы мира вершатся в детских. Именно там решается, станут ли завтрашние мужчины и женщины душевно здоровыми людьми доброй воли или искалеченными индивидами, пользующимися каждым случаем, чтобы осложнить жизнь своим ближним. Даже государственные чиновники, которые будут вершить судьбы людей в завтрашнем мире, сегодня – маленькие дети».

Именно о невнимании родителей идет речь в двух историях от первого лица из сборника «Крошка Нильс Карлсон», хотя фигуры родителей в них находятся на заднем плане, на периферии повествования. В «Мирабели» мы встречаемся с единственным ребенком в семье Бриттой-Кайсой. Она живет со своими трудолюбивыми и очень бедными родителями в маленькой хижине в чаще леса. Изоляция Бритты-Кайсы настолько абсолютна, что она фантазирует о кукле, которую ее бедные родители не в состоянии ей подарить. Но вот неожиданно в саду возникает кукла Мирабель – из чернозема, в который Бритта-Кайса посадила таинственное зернышко, полученное от старичка-волшебника, что проезжал мимо их дома, когда мама с папой отправились на рынок. Из всеобъемлющего одиночества рождается настоящая сказка, когда в один прекрасный день Мирабель вырастает и ее можно отломить у корня, как те растения, которыми мама с папой заняты гораздо больше, чем своей дочерью. Долгожданная игрушка, эта воображаемая кукла символизирует потребность девочки в близости, дружбе и любви.

В другом рассказе, «Любимая сестра», читатель превращается в друга Барбру, которая доверяет ему тайну о том, что у нее есть сестра-близняшка Ульве-Ли: «Но только никому об этом не говорите! Даже мама с папой этого не знают»[29]. Как и Бритта-Кайса, Барбру очень одинока, а причина – перемены в жизни семьи:

> «Папа больше всего любит маму, а мама больше всего любит моего младшего братишку, который родился

прошлой весной».

Ребенок может быть одинок по-разному, у одиночества много лиц, и горе подросшего ребенка, которого перестают замечать в собственной семье, – на него у Астрид Линдгрен глаз был наметан, в частности, потому, что писательница помнила, что случилось в 1934 году, когда она вернулась домой на Вулканусгатан с новорожденной Карин. Встреча с безутешным Лассе врезалась ей в память, и в письме от 11 февраля 1944 года сестре Ингегерд, побывавшей в таком же положении со своим новорожденным сыном Оке и его старшей сестрой Ингер, она вспоминала и саму ситуацию, и сопутствующую атмосферу:

> «Думаю, все дети, у которых рождаются младшие братья и сестры, переживают горестные моменты. Мне не забыть тот день, когда, вернувшись домой на Вулканусгатан с дочерью на руках, я назвала ее „моя малышка Карин“, а Лассе, сидя в туалете, это услышал. Я почувствовала, что надо пойти к нему, и так и сделала, и назвала его „мой малыш Лассе“, а когда позже сидела в детской, он прибежал, поцеловал мне руку (единственный раз в жизни) и сказал: „Я как раз сидел и думал: почему она меня не называет своим малышом, – и тут ты пришла и сказала «мой малыш», какая же ты хорошая!“ Каждый раз при этом воспоминании у меня слезы наворачиваются на глаза, потому что я понимаю, как он тогда переживал и какое испытал облегчение».

Но в истории о Барбру 1949 года мама не называет дочку своей малышкой, и потому девочка не только выдумывает себе подружку, которая будет звать ее «моей любимой сестричкой», но и особый язык, их собственный. Да, из фантазии Барбру вырастает целое сказочное царство, и под розовым кустом в саду, который получает имя «Саликон», есть вход в этот параллельный мир, где во дворце из золота живет сестра девочки Ульве-Ли с пуделями Руфом и Дуфом и лошадьми Золотинкой и Серебринкой, на которых сестры каждый день ездят через «Большой ужасный лес, где живут злыдни» и «Луг, где живут добряки». В этом сказочном мире жизнь Барбру наполнена смыслом, потому что там к ней относятся с вниманием и явной любовью.

Всеми своими сверкающими металлами, приглушенными изящными тонами и таинственностью «Любимая сестра» предвещает появление романа «Мио, мой Мио!» (1954), чьим эпическим затактом была сказка «И день и ночь в пути», которую

Астрид Линдгрен написала в 1950 году для рождественского номера журнала «Идун». Текст сказки позже превратился в важную первую главу «Мио, мой Мио!», из которой читатель узнает о социальной и психологической подоплеке воображаемого путешествия рассказчика. И в сказке 1950 года, и в романе 1954-го ему девять лет, его зовут Бу Вильхельм Ульсон, но называют его Буссе, и свое детство мальчик провел с черствыми приемными родителями, от которых в фантазии сбегает, чтобы встретиться с отцом, которого не знает и по которому очень скучает.

Как и сказки о Бритте-Кайсе и Барбру, «Мио, мой Мио!» – рассказ о том, как очень одинокий, замкнутый ребенок может забыть о сиюминутной печали и боли и силой мысли и мечты создать воображаемый мир, населенный родителями, братьями, сестрами, родственниками и друзьями, которые могут подтвердить, что ты существуешь.

Астрид Линдгрен интересовали незащищенные дети и подростки. В упоминавшемся письме в «Перспектив» под названием «Больше любви!» она рассказала об одной сцене в театре, когда мать с двумя детьми, сидевшая в паре рядов впереди, не могла скрыть безграничной любви к младшему сыну, одновременно выказывая тотальное отсутствие интереса к старшему:

> «Как будто он не существует. А он сидит такой потерянный. Одинокий, погруженный в себя, неспособный к контакту с другими. За весь спектакль он не проронил ни слова. Вокруг него стоит стена одиночества. Такая оставленность, что приходишь в отчаяние».

Вот эту стену одиночества от имени всех незащищенных, одиноких детей Астрид Линдгрен и хотелось, образно выражаясь, разрушить, когда в 1954 году она за два весенних месяца написала «Мио, мой Мио!». В романе читатель встречается с мальчиком, «погруженным в себя и неспособным к контакту с другими». Его, как уже говорилось, зовут Буссе, и с помощью своего богатого воображения он сочиняет для нас историю о Принце Мио, который находит отца-Короля и зрелыми поступками доказывает, что его достоин. Но в действительности сиротка одиноко сидит на скамейке в темном безлюдном стокгольмском парке, глядя на освещенные окна в квартирах окрестных домов, где в уюте за настоящими обеденными столами сидят дети с настоящими родителями. И в частности, дома у Бенки, лучшего (и единственного) друга Буссе:

> «В домах вокруг парка зажглись огни. В Бенкиных окнах тоже горел свет. Значит, он дома, вместе с папой и мамой, ест блины и горошек. Наверно, повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте»[30].

Смерть Стуре

Шведское слово «ensam», означающее и «одинокий», и «уединившийся», и «один», и «одиночка», прокралось в дневник Астрид Линдгрен около 1950 года и вошло в обиход в последующие десять лет, когда ее жизнь неоднократно менялась, а она задумывалась и о собственной семье, и о семье как институте. Когда кто-то из членов семьи уезжал или умирал, что-то в доме менялось. Вот что записала Астрид в дневнике на Пасху 1950 года:

> «Семья – странное образование: каждый раз, когда один ее член уезжает или исчезает навеки, семья как целое полностью меняется. Стуре + Астрид + Ларс + Карин – это совсем не Стуре + Астрид + Карин. Дай Бог, чтобы она никогда не превратилась только в Астрид + Карин. Пусть в конце останутся только Стуре и Астрид и двое других, счастливых в другом месте. Может быть, однажды останется Астрид + никто. Сейчас мне кажется, что все может случиться. Жизнь – такая хрупкая штука, а счастье трудно удержать».

Что касается алкоголизма Стуре, никаких признаков перемены к лучшему не наблюдалось. То, что этой проблеме было много лет, чувствуется в наставлении пожилой Астрид Линдгрен юной Саре Юнгкранц в их переписке 1970-х: «Мне так знакома проблема с алкоголем. <…> Береги свой ясный, разумный, логичный мозг, не губи его выпивкой».

Страх однажды остаться одной, о котором Астрид в многочисленных письмах родителям не упоминала никогда, но в дневнике со времени размолвки с мужем – все чаще, воплотился в жизнь в 1952 году, когда Стуре внезапно начал кашлять кровью, был срочно госпитализирован и умер через два дня в госпитале Саббатсберг. Причиной смерти стали лопнувшие вследствие цирроза печени венозные сосуды в пищеводе. 16 июня, вернувшись домой на Далагатан после двух душераздирающих суток, проведенных в больнице, Астрид открыла дневник и отдала дань последним часам их совместной со Стуре жизни:

«Я лежала рядом с ним на кушетке, держа его за руку. В итоге уснула, а проснулась оттого, что во сне слышала его дыхание, которое раньше было тяжелым, а теперь становилось все медленнее и медленнее, и вечером, в начале двенадцатого, он издал последний вздох. Стина сидела со мной, но как раз перед этим ушла домой, и я была со Стуре одна, когда он умер. Сидя рядом с моим мальчиком, лежащим без сознания, я набросала несколько строк на писчей бумаге. Вот что я записала:

15 июня 1952: „While strolling out an afternoon in June“[31]. Так раньше пел мой любимый. И так он поступает теперь – *strolling out an afternoon in June*. Он умирает у меня на глазах. „Birds were singing everywhere“[32], – пел он. Да, они поют на деревьях у Саббатсберга. А мой любимый умирает. Он больше меня не слышит, он больше меня не видит. А то я бы поблагодарила его за доброту, за отношение – этим июньским вечером умирает хороший человек. Он был мне как ребенок, я очень его любила. Всегда держала за руку, но не смогу последовать за ним туда, куда он уходит, не смогу держать его за руку там. Господи, помоги же ему найти дорогу! Я бы так хотела держать его за руку вечно!»

На страницах «Экспресса» за 12 декабря 1992 г. Астрид оглядывается на свой брак: «Он мне очень, очень нравился. Он обладал удивительным чувством юмора, был добрым, но я никогда не была в него влюблена. Никогда не чувствовала той большой страсти, которую, кажется, испытывают другие люди, хотя у меня нет ощущения, что мне чего-то не хватало в этом смысле. …

Стуре было всего 53 года, а мне 45, и, надо сказать, я проявила самообладание. Я всегда умела быть одна». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Карин, которой только что исполнилось восемнадцать, была на каникулах в Париже, но сразу вернулась домой. Размышляя теперь о внезапной смерти отца, она припоминает, что это было для нее неприятной неожиданностью, но не ужасным шоком. О слабом здоровье Стуре знали все в семье Линдгрен, и за много лет до того, как произошло несчастье, Астрид, во всяком случае, понимала, к чему все идет, полагает Карин Нюман:

> «Мы очень волновались за него, и когда он так, в общем-то, неожиданно умер, буквально за несколько суток, волнение тоже закончилось, то есть нам даже стало легче. После моего возвращения из Франции – меня привез Лассе – мы провели втроем несколько дней, которые, как мне помнится, были скорее наполнены чудесными разговорами, добрыми воспоминаниями и облегчением, чем слезами и горем. Астрид с тех пор скорбела о мужчине, с которым так недолго прожила. Думаю, у них был порядок в сексуальной жизни, много веселого, и все же долгое время он в основном приносил ей одни разочарования и беспокойство».

Вскоре после похорон Астрид поехала на Фурусунд, пытаясь как-то жить дальше, но постоянно думала о Стуре и разговаривала с ним, когда оставалась одна. 9 июля она написала Эльсе Олениус, которая поддерживала ее и в больнице, и в последующие дни:

> «Без него здесь пусто. На Фурусунде он постоянно был рядом с нами, и причин для тревоги не было. Но ты, верно, права: для моего Стуре так лучше. Ах, как же я рада, что ты была со мной в Саббатсберге! Как же я рада, что ты у меня есть!»

В письмах родителям Астрид заставляла себя говорить о другом: об отпуске, о Лассе, о его жене Ингер и их маленьком сыне Матсе. Начало июля все трое провели у Астрид, а с ними и Карин, и ее кузина Гунвор, и девочки очень помогали, когда в дом внезапно нагрянули гости. В один прекрасный день в дверь постучался голландский издатель Астрид Линдгрен с «Pippi Langkous» («Пеппи Длинныйчулок») под мышкой. Наведалась и Грета Болин из «Свенска дагбладет» – взять у Астрид интервью о

жизни и литературе, и 31 июня 1952 года читатели узнали о горе, поразившем писательницу:

> «В настоящий момент Астрид Линдгрен нуждается в исцеляющей силе природы – недавно она потеряла своего мужа и спутника жизни. Рана еще свежа, все еще кажется ей кошмарным сном. Но она не одна – у нее есть чудесная дочь Карин, сын Лассе и самый лучший утешитель, внук Матс полутора лет от роду. „Самый красивый внук на свете“, – говорит Астрид Линдгрен… и начинает рассказывать чудесную сказку, которую никогда не напечатают, потому что это сказка о внуке, который крадет печальное бабушкино сердце».

Но вообще-то Астрид ни с кем не делилась этой скорбью. Жизнь должна идти своим чередом. Вернувшись на Далагатан в августе, она продолжила писать текст радиосериала о сыщике Калле Блюмквисте и работать в издательстве «Рабен и Шёгрен», начала брать уроки вождения, сидела в радиостудии, ожидая начала нового веселого выпуска «Двадцати вопросов», и готовилась к изданию и распространению новой книги. Незадолго до смерти Стуре Астрид закончила третью, и последнюю книгу о детях из Бюллербю, которую до конца года напечатали тиражом 60 тысяч экземпляров. Непрерывная напряженная и разнообразная работа была лучшей защитой от скорби и депрессии. Работа, а также прогулки по Норра Бегравнингсплатсен на севере Стокгольма, где, навещая могилу Стуре, она не то чтобы утешалась, но, во всяком случае, убеждалась в том, что и другие умирали в пятьдесят три года. Рождество 1952-го было ознаменовано записью в дневнике:

> «Обычно я описываю в дневнике все рождественские подарки, для памяти. В канун Рождества 1952 года Стуре получил в подарок венок из роз на свою могилу. <…> „Я не собираюсь умирать – по крайней мере, пока тебя не сделают членом Шведской академии“, – говорил он, бывало, оптимист такой. И вот на Рождество 1952 года он получил в подарок венок из роз».

Каждый год в 1950-е, в период между Рождеством и Новым годом, Астрид Линдгрен подводила итоги в черных или коричневых записных книжечках, которые когда-то называла «военным дневником», – их уже накопилось пятнадцать. Она писала не только о подарках, не только о радостях и скорбях семьи Линдгрен в прошедшие двенадцать месяцев. Астрид начала

пристально анализировать себя и свою новую женскую роль. Как идет ее жизнь без мужчины рядом? И сможет ли она оставаться одна, когда в один прекрасный день Карин вырастет, уедет из дома и двадцать пять лет семейной жизни уйдут без возврата? Эти мысли посещали ее ежегодно между Рождеством и Новым годом, и 1957 год не был исключением:

> «Я хочу попытаться больше не бояться… настоящее несчастье – страх перед всем и вся. Поэтому пусть жизнь приносит то, что приносит, а мне хватит сил принять то, что она принесет».

В ноябре 1952 г. Астрид написала матери: «В воскресенье вечером после отъезда Гунвор мы с Карин пошли на кладбище Норра, зажгли свечу на могиле Стуре – был День всех святых. Почти на всех могилах горели свечи, они так красиво светились в темноте. Да, мама, можешь не сомневаться, что я проглядываю ВСЕ некрологи, чтобы посмотреть, сколько лет было умершему. Я как будто хочу убедиться, что не только жизнь Стуре оборвалась до времени, – и поистине это так, многие жизни, многие!» (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В пятидесятые, до того как Карин вышла замуж за Карла-Улофа Нюмана, мать и дочь прожили вместе на Далагатан шесть лет. Карин Нюман ясно помнит последние годы в родном доме:

> «У нас все не слишком изменилось. С экономической точки зрения совсем не изменилось, потому что Астрид зарабатывала достаточно. Мы могли сохранить за собой квартиру. Но жизнь Астрид постепенно менялась, она стала более открытой, стала больше общаться. Раньше ей приходилось считаться со Стуре, который хотел, чтобы она сидела дома и он мог бы увильнуть от общения с людьми. Ей нравилось, что я жила с ней несколько лет, пока не вышла замуж. Нам было хорошо вдвоем. А писать она могла, как и раньше».

Мио, мой Мио!

Когда Еву фон Цвайберг и Астрид Линдгрен в конце 1950-х пригласили для участия в книге «Дружеская критика», посвященной профессору литературы Улле Хольмбергу и состоявшей из нескольких бесед шведских литературных критиков со шведскими писателями о каком-нибудь из их произведений, они выбрали роман «Мио, мой Мио!». Цвайберг задала Линдгрен следующий вопрос:

> «Мне бы хотелось знать, как Астрид Линдгрен, такой быстрой, находчивой Астрид Линдгрен, которую знают все радиослушатели, у которой столько братьев и сестер, – как ей удалось с таким пониманием изобразить мир одинокого ребенка».

Линдгрен ответила честно – и осторожно. Объяснила, что в образах одиноких детей, возможно, отразилась неосознанная тоска писателя по утраченному раю детства и тесной связи с природой. Кроме того, ей хотелось, чтобы читатель сам интерпретировал книгу. «Откуда мне знать?» – сказала Астрид.

«Мио, мой Мио!» действительно допускает разные толкования. Если избрать биографический ракурс, можно объяснить особое «проживание» писателем одиночества Буссе тем, что «Мио, мой Мио!» был написан на волне скорби. Тем, что за рассказом о мечте Буссе найти отца скрывается драма чувств, в одиночестве и тоске мальчика отражается личная утрата взрослого человека.

Ни одна другая книга Линдгрен не создает ощущения такой

подавленности и клаустрофобии. Едва Буссе в его воображаемом мире впервые называют Принцем Мио и он с другом и оруженосцем Юм-Юмом отправляется в мрачное царство смерти, где правит рыцарь Като, в сказке начинают звучать слова «одинокий», «один», «черный», «мрак», «смерть» и «скорбь». Слова, которые с небольшими вариациями повторяются вновь и вновь, часто в одном и том же абзаце или фразе, – например, когда Мио видит озеро с заколдованными птицами перед жуткой крепостью рыцаря Като:

> «Иной раз мне снятся глубокие черные воды, которые разверзаются предо мной. Но ни мне, ни другим людям, ни одному человеку в мире никогда и не снились такие черные воды, какие открылись моим глазам. То были самые угрюмые, самые страшные воды на свете. Озеро замыкали черные утесы. И птицы, несметное множество птиц кружило над мрачными водами. В темноте их не было видно, только слышались их крики. И печальнее этих криков мне слышать ничего не доводилось. О, как я жалел этих птиц! Казалось, будто они зовут на помощь, будто они в отчаянии плачут».

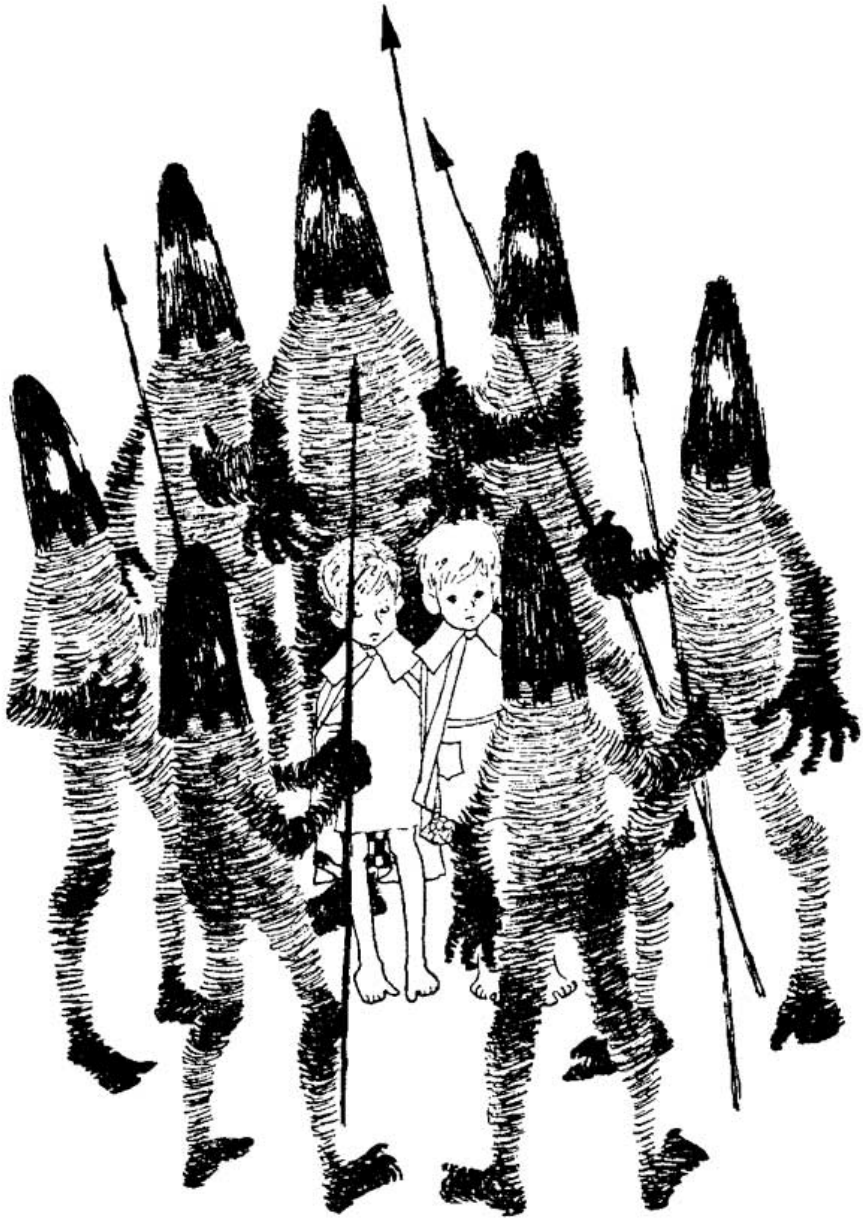
Если подсчитать, сколько раз писатель использует слова «черный» и «мрачный», на шестидесяти страницах, посвященных пребыванию Мио и Юм-Юма среди словно бы одухотворенных скал Чужедальней страны, то окажется, что количество этих слов доходит почти до сотни, а слова «одинокий» и «один», «смерть» и «скорбь» в сумме звучат больше пятидесяти раз. Ни одно другое слово в романе не повторяется так часто. Хватка вокруг горла читателя все сильнее, сильнее и ощущение клаустрофобии, столь характерное для многих сцен сказки. Но скорбное, суггестивное течение в языке романа выражается не только в этих повторах. Еще один инструмент воздействия на читателя – заклинание, произносимое Юм-Юмом, когда мальчики нуждаются в чуде. На пути к последней битве с рыцарем Като оно повторяется восемь раз – и каждый раз меняется в зависимости от испытания, с которым сталкиваются маленькие герои. Постоянный, повторяющийся элемент заклятий – заключительная формула: «Если бы мы не были так малы и беззащитны». Эти слова – своеобразный припев, они подчеркивают, как незначителен человек в космическом масштабе. Когда рыцарь Като ловит Юм-Юма и Принца Мио и их приговаривают к заключению и медленному гниению, Юм-Юм произносит: «Эх, была бы смерть не так тяжка… а мы не так малы и беззащитны!» Именно этот

вариант заклятия Юм-Юма так трудно представить в устах девятилетнего ребенка. Даже в фантастическом романе они больше подходят взрослому персонажу. Быть может, восемь этих заклинаний играли для Астрид Линдгрен особую роль в мощном потоке слов и картин, струившихся на бумагу весной 1954-го. В романе удивительно мало исправлений по сравнению с остальными ее книгами.

В 1945 году, во время размолвки со Стуре, Астрид записала в дневнике, что в работе над новой книгой находит спокойствие и опору: «Иногда я счастлива, иногда нет. Счастлива – в основном когда пишу». Творчество с самого начала, с 1944–1945 годов, было противовесом ее личным волнениям, меланхолии и страху. Стенографируя свои книги, она, по ее собственным словам, ощущала, что «недоступна всем скорбям». Но как раз в 1954 году, во время работы над «Мио, мой Мио!», творческий процесс не вытеснил скорбь. Совсем напротив. С первой главы, с сумрачной сцены в Стокгольме, и до мрачных фантастических пейзажей Чужедальней страны скорбь и настойчивое, болезненное чувство утраты доминируют в «Мио, мой Мио!». И даже в счастливом окончании романа, когда солнце наконец-то освещает погруженную во тьму вселенную, читателю не избежать печального напоминания:

> «Только на верхушке самого высокого серебристого тополя в одиночестве сидела птица Горюн и пела. Я не знаю, о чем пела она теперь, когда все похищенные дети вернулись домой. Но у птицы Горюн, верно, всегда найдется о чем петь».

Большая черная птица сопровождает Мио бóльшую часть пути, напоминая нам о том, что горе – такое же непременное условие жизни, как и радость. Горя никому не удается избежать. Желая объяснить это, Астрид Линдгрен прибегала к китайской пословице, которой утешала своих подавленных или скорбящих друзей – например, Эльсу Олениус в 1959 году: «Ты не запретишь птицам скорби виться над твоей головой, но ты можешь помешать им свить гнездо в твоих волосах».



Мио и Юм-Юм, окруженные жуткими и безликими черными дозорными рыцаря Като. Иллюстрация юной Илон Викланд, которая в надежде найти какую-то работу зимой 1953 г. обратилась к Астрид Линдгрен. Это стало началом плодотворного сотрудничества, длившегося тридцать лет. В каталоге выставки работ Викланд в Национальной галерее Осло в 1986 г. Линдгрен написала о том, чем обязана своему иллюстратору: «Твои работы помогли моим книгам найти своего читателя. Многие дети всю

жизнь будут помнить созданные тобою картины – незабываемую часть их детства». (Иллюстрация Илон Викланд)

Вероятно, это Астрид Линдгрен и сделала весной 1954 года, начав работать над «Мио, мой Мио!»: позволила птице скорби виться над своей головой, следя за тем, чтобы птица не свила гнездо. Много мыслей, воспоминаний, ассоциаций и идей кружилось в голове у Астрид в те два весенних месяца, пока она писала книгу. Ей так мало нужно было, чтобы внезапно вспомнить о Стуре. Как в письме немецкой подруге, написанном в Вальпургиеву ночь 1954 года, где она рассказывала и об утрате мужа, и о работе над книгой, заполнившей бóльшую часть ее жизни:

> «Два года назад в этот день я поехала на пару дней домой (в Нэс. – *Ред.*). Уже стояла настоящая весна, вечером я сидела на холме, светило солнце, щебетали птицы, а мы пели: „Может быть, в жизни твоей больше не будет праздника“. Когда я вернулась в Стокгольм, мой муж заболел и прожил после этого совсем недолго. Об этом я задумываюсь, когда наступает Вальпургиева ночь. Кстати, я сейчас пишу в безумном темпе, может, я уже говорила? Только этим и занимаюсь (и еще в издательстве работаю два часа в день). Интересно будет впоследствии отправить Вам книгу и узнать, что Вы о ней думаете. Но, конечно, до этого еще далеко».

Не так уж далеко было до того момента, когда она вместе со своим юным персонажем из «Мио, мой Мио!» пробилась сквозь тьму к свету. И лету. Закончив еще одну книгу, которая должна была выйти до Рождества. А из «Рабен и Шёгрен» пришел чек на 5000 крон – благодарность за многолетний экстраординарный трудовой вклад редактора Линдгрен. Нежданные деньги, на которые Астрид намеревалась купить машину, хотя еще не получила права. По той же причине ей пришлось посреди лета отправиться на Фурусунд на переполненном рейсовом судне. Корабль уходил с набережной Страндвеген. Ей предстояло провести чудесный длинный отпуск, много писать и принимать у себя родственников и друзей. И среди них – новую подругу из Германии.

Певчая птица Луиза

Их дружба зародилась осенью 1953 года. В конце сентября

Астрид Линдгрен и Эльса Олениус отправились в Европу. Они участвовали в конгрессе детской литературы в Цюрихе, где собрались писатели, издатели, сотрудники библиотек, учителя, работники радио и журналисты – всего 250 участников из 27 стран, – чтобы основать IBBY (International Board of Books for Young People – Международный совет по детской и юношеской литературе). В последний день конгресса незабываемую речь произнес Эрих Кестнер – позже ее процитировали в издании «Свенск букхандель», которому Астрид Линдгрен дала интервью:

> «– И госпожа Линдгрен встретила много приятных людей?
>
> – Да, целую кучу. Там были Эрих Кестнер, и Лиза Тецнер, и Памела Трэверс из Англии, та, что написала „Мэри Поппинс“, вы знаете. И еще не забыть Йеллу Лепман, директора Международной юношеской библиотеки в Мюнхене, которую построили на американские деньги. Йелла Лепман и предложила такую форму международного сотрудничества, которая, как я надеюсь, поддержит хорошие книги для юношества, да, в этой области есть движение, и это хорошо. Потому что, как верно сказал Эрих Кестнер в своем великолепном заключительном докладе, „Die Zukunft der Jugend wird so aussehen wie morgen und übermorgen ihre Literatur“ („Будущее молодежи станет таким же, какой станет завтрашняя литература для юношества“)».

Мысль Кестнера о молодежи будущего и детской литературе настоящего Астрид повторяла, возвращаясь с конгресса. Расставшись с Эльсой, она в одиночестве отправилась в Гамбург, Бремен и Берлин, рекламируя немецкие переводы своих книг. Супруги Фридрих и Хайди Этингер в 1949 году закрепили немецкие права на «Пеппи Длинныйчулок» за маленьким начинающим издательством, после того как пять крупных издательств вежливо, но решительно отказались от книги. И теперь Этингеры собирались водить «маму Пеппи» по ужинам и банкетам в Гамбурге и Бремене, где проходили чтения и Астрид Линдгрен говорила о значении смеха в послевоенное время. Затем путь лежал в Берлин, куда ее пригласила организация «Hauptjugendamt»[33], которая, если верить интервью в «Свенск букхандель», соответствовала шведской «Barnavårdsnämnd» (Организации по защите прав детей) и искала необычные пути для того, чтобы немецкие дети из разбитых семей и разрушенных домов выросли более или менее нормальными и счастливыми

молодыми людьми.

> «– Значит, госпожу Линдгрен пригласили в качестве своеобразного духовного витамина?
>
> – Мммм… это, наверное, слишком сильно сказано. „Хауптюгендамт“, по всей видимости, сочло, что немного длинночулочничества немецким детям не повредит, и решило убедить в этом книготорговцев. Они пригласили на встречу в „Хаус дер Югенд“ – Дом молодежи в берлинском районе Далем – всех книготорговцев Западного сектора. И мы сидели в дружеской обстановке на солнышке, на зеленой лужайке, было хорошо. Я прочитала рассказик из одной своей книги, а Урсула Херкинг, звезда немецкого кабаре, прочитала отрывки из „Пеппи Длинныйчулок“, „Бойкой Кайсы“ и „Кати в Америке“, и все книготорговцы были такими милыми, поддерживали нас. Но так они обычно себя и ведут, правда? А затем энергичные дамы из „Хауптюгендамт“ воспользовались случаем, чтобы попросить книготорговцев о помощи в популяризации книг среди детей».

Одной из «энергичных дам» была Луиза Хартунг. За несколько месяцев до приезда Линдгрен в Берлин Луиза написала ей и предложила пожить в своей двухкомнатной квартире на Рудольфштедтерштрассе в районе Вильмерсдорф. В начале октября 1953 года Астрид с головой ушла в изучение немецких предлогов и сочинила приличное благодарственное письмо:

> «Liebe Frau Hartung, vielen Dank für Ihr freundliches Schreiben und für die Einladung. Natürlich will ich so fürchterlich gern nach (oder zu?) Berlin kommen»[34].

Луиза Хартунг (1905–1965) впитала любовь к Гёте с молоком матери и не представляла себе жизни без «Фауста». Об этом она рассказала в письме Астрид, в котором возвела Пеппи на тот же пьедестал, потому что эти две одинокие фигуры так хорошо сочетаются. Влиятельный консультант по вопросам детей и юношества из Берлина сменила всех детских библиотекарей и ввела «Пеппи Длинныйчулок» в программу всех читательских

клубов по понедельникам. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

В поездке Астрид должна была не только читать свои произведения и общаться с читателями, но и посещать книжные магазины, школы и приюты для детей войны. В последний вечер в Берлине Астрид на закате солнца участвует в тайной миссии Луизы Хартунг. В машине они пересекают тогда еще неохраняемую границу между ФРГ и ГДР и оказываются в старых разбомбленных кварталах Восточного сектора, где Луиза, тогда еще молодая талантливая певица, выступала с концертами, записывала пластинки, изучала фотографию и до 1933 года жила несколько богемной жизнью бок о бок с Куртом Вайлем и Лотте Ленья. Сразу по приезде домой, 28 октября 1953 года, Астрид засела за письмо Ханне и Самуэлю Августу, в котором рассказала им о Берлине:

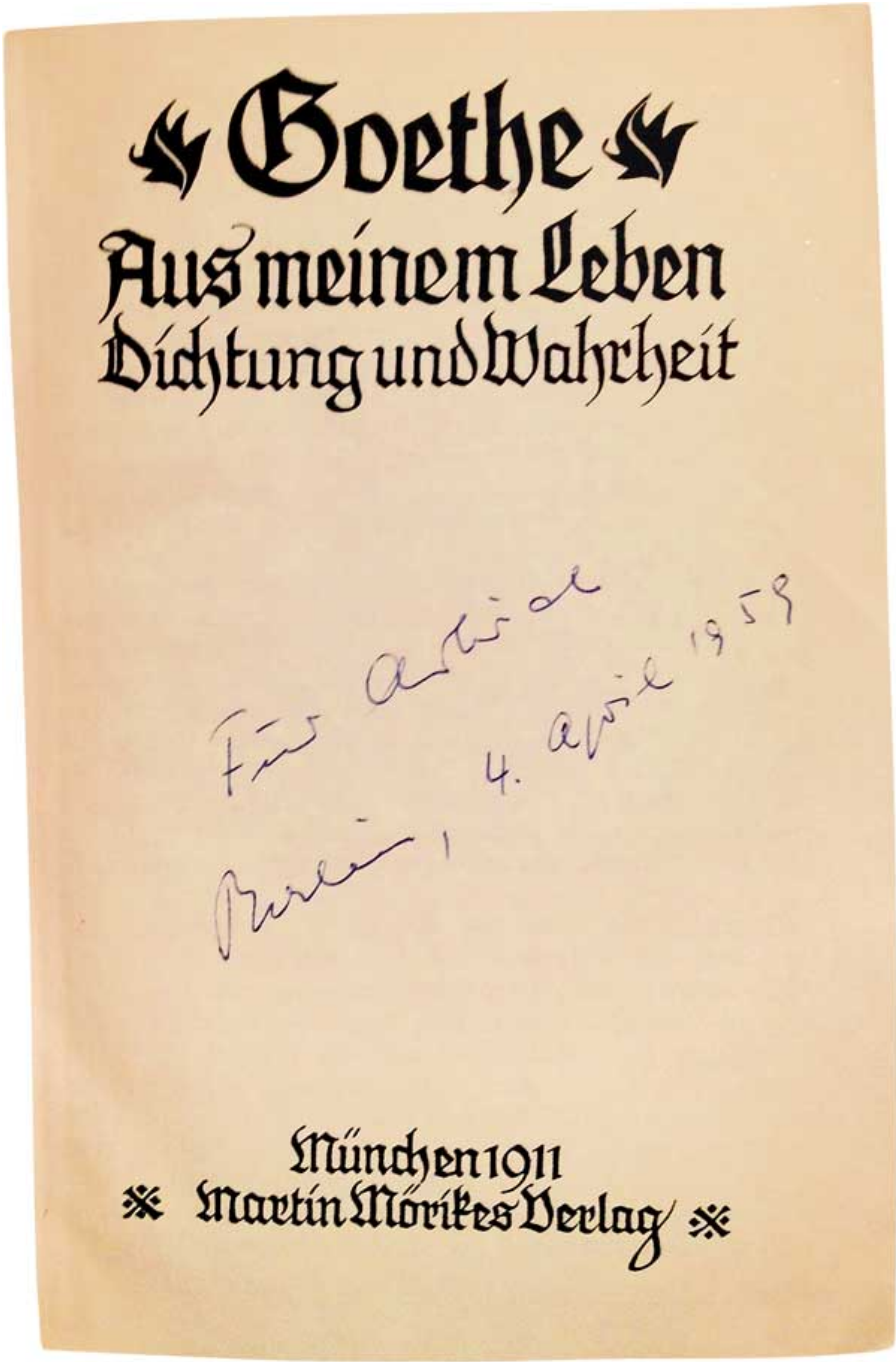
> «Зрелище просто ужасающее. Я видела место, где был бункер Гитлера, – сейчас это просто груда камней, кругом руины, руины, руины, я как будто на другой планете побывала. На немногих уцелевших домах русские водрузили гигантские флаги и написали непонятные лозунги. Бедная Луиза Хартунг плакала – это когда-то была самая роскошная часть Берлина, она не узнавала родного города, ей приходилось читать названия улиц на указателях, чтобы понять, где мы находимся».

Прогулка по улицам, где жила Луиза в юности, где она пережила битву за Берлин весной 1945-го, где советские войска и советские танки за несколько месяцев до приезда Астрид подавили первое народное восстание в ГДР, стала началом долгой задушевной дружбы и интеллектуального общения. Вот что рассказывает Карин Нюман:

> «Я помню, как в 1953-м Астрид вернулась очарованная этой немкой. Луиза пережила войну, она брала Астрид с собой в тайные вылазки в Восточный Берлин, рассказывала о послевоенной ситуации с детьми в социальном плане и о так называемых „die Halbstarken“[35], подростках-уголовниках тех лет, которые, по словам Луизы, видели, как насиловали их матерей. Луиза была очень одаренной, развитой женщиной, ее живо интересовали и книги Астрид Линдгрен. Астрид ценила мнение доброжелательного и

знающего человека, к тому же взыскательного».

За те одиннадцать лет, что прошли до смерти Луизы Хартунг в 1965 году, и после того, как Астрид Линдгрен навестила ее на Ибице, две женщины успели отправить друг другу 600 писем. Чаще всего приходили длинные письма эмоциональной Луизы, но Астрид в долгу не оставалась и писала достаточно регулярно, несмотря на то что ей нужно было отвечать на колоссальное количество других писем – и личных, и по работе. С 1953 по 1964 год она написала «Louisechen» («Луизхен») около 250 писем. Первые письма – на немецком, потом пара на английском и затем на шведском, когда Астрид поняла, что Луиза, которая писала только по-немецки, читает Стриндберга в оригинале. И с самого начала Астрид обращалась к ней «Louisechen», шутливо склоняя обращение на разные лады: «Louisechen mein Freundchen», «Louisechen meinchen», «Louisechen Hartungchen Berlinchen»[36], а когда в конце 1950-х началась гонка за космос – «Louisechen, mein Satellitchen, Sputnichen»[37].



Одно из многих произведений Гёте, которое читали и обсуждали Луиза и Астрид за свою десятилетнюю дружбу и переписку. В эти годы они переговорили о стольких книгах, что в одном письме Астрид призналась, что у нее теперь есть отдельная полка для Гёте. (Фотография: Йенс Андерсен)

В пустоте, образовавшейся после смерти Стуре, дружба и переписка с одаренной, образованной Луизой Хартунг была интеллектуальной отдушиной, окном в большой мир, непохожий на тот, в котором Астрид ежедневно вращалась в Стокгольме. Женщины давали друг другу профессиональные советы, обменивались мнениями о писателях и их творчестве, от страданий юного Гёте до желаний пожилого Генри Миллера. «Что читаешь?» – регулярно спрашивала Луиза, и Астрид рассказывала обо всем, на что мечтала найти время в промежутках между каждодневной работой писателя и редактора, которая временами становилась для нее тюрьмой, в том числе и в интеллектуальном плане. В письме, отправленном в канун нового, 1958 года, она в очередной раз рассказывает о своих разочарованиях:

> «У меня, слава Богу, так мало времени и, слава Богу, такой голод к чтению, а на романы просто больше нет сил, за исключением парочки из классики, которые я перечитываю. Охотнее всего читаю исторические книги, философию (хотя в этом смысле чудовищно невежественна), поэзию, биографии и мемуары. Думаю, ничто не доставляет столько радости, как философия и поэзия. Ты читала шведских поэтов?»

Начиная с первых пространных писем 1953–1954 годов между женщинами царило доверие. Ни одна не боялась честно рассказывать о себе, и заключительные слова Астрид в письме от 22 февраля 1955 года очень характерны для искомой и найденной ими формы диалога. Они действительно *разговаривали* на бумаге, временами как будто сидя в берлинском, будапештском или венском кафе. В письмах никогда не было отстраненности, – напротив, неизменно чувствовались любопытство и включенность в дела друг друга. Как в тот раз, когда в феврале 1955-го Астрид захотелось услышать мнение Луизы о жизни и бытии:

> «Иногда я раздумываю, зачем живу, зачем человек вообще живет. Но делюсь этим только с тобой: я не выставляю свое уныние напоказ. Если знаешь, в чем смысл жизни, расскажи».

За год до этого, 30 апреля 1954 года, рисуя очередной автопортрет, Линдгрен сравнила себя со своей немецкой приятельницей – такой особенной, пишущей такие потрясающе оригинальные, глубокомысленные письма, в отличие от

заурядной, скучной, обыкновенной Астрид:

> «Я в высшей степени обыкновенная, совершенно нормальная и уравновешенная, может, немного меланхоличная, чего мое окружение, верно, и не замечает. Кажется, никогда особой жизнерадостностью не отличалась, хотя бываю весела на людях. Легкая меланхолия сопровождает меня с юности. По-настоящему радостной была только в детстве – может, потому предпочитаю писать книги, где можно воскресить это чудесное состояние».

В последующие годы Астрид добавила много штрихов к образу, которым не слишком гордилась: часто подавленный человек с невероятной, писала она, потребностью «в том, чтобы сидеть в одиночестве и таращиться на свой пупок». Она рассказывала Луизе о трудной жизни в большом городе, о том, как ее разрывают на куски, а 13 февраля 1957 года написала, что иногда ей хочется из жителя большого города превратиться в маленького одинокого зверя в чаще леса:

> «Сегодня ночью лежала без сна и сочинила ужасно красивое стихотворение, которое начиналось так: „Ах, тот, кому дозволено в лесу быть одиноким зверем…“ Нет, это не означает, что мне всегда хочется быть *mit mir allein*[38]. Это означает, что я пережила тяжелый период общения с людьми, которые ссорятся друг с другом и все время хотят что-то от меня услышать».

Среди всего того, что Астрид рассказывала о себе и своей сущности, которая явно принадлежала иному, сокровенному пространству вдали от шведской повседневности, семейной жизни и дружеского круга, она упоминала и чрезмерную верность, которую назвала «безумием». Конечно, верность – добродетель, но может стать обузой, чем она зачастую и была для Астрид Линдгрен в отношениях с некоторыми друзьями. Карин Нюман много лет наблюдала этот феномен и считала его проблемой, так матерью и не разрешенной:

> «Ее преданность друзьям была велика. Астрид испытывала сильные чувства к людям. Но у нее были подруги, которые давили на нее, от которых она уставала из-за их навязчивости, из-за постоянных требований подтвердить их „суверенное“ право на ее общество и интерес. Луиза же для нее была, я думаю,

прежде всего, человеком, на чье суждение обо всем, что Астрид писала, можно было положиться, и, насколько мне известно, единственным, с кем Астрид действительно советовалась. Ее совершенно завораживала судьба Луизы, все, что та рассказывала о военном и послевоенном Берлине, ее особая „европейская“ идентичность».

Осада

Если в своей первой сумбурной поездке в Берлин в октябре 1953-го Астрид и не заметила, что Луизу привлекают люди одного с нею пола, вскоре, по возвращении в Стокгольм, картина прояснилась. И дело не только в романтичных письмах: из Германии стали приходить посылки с букетами, цветочными луковицами, книгами и перчатками, шоколадом, желе, вазами с фруктами и билетом на самолет в Берлин. Луиза вела настоящую осаду, хотя у нее уже была подруга в Берлине – Гертруда Лемке, врач-психотерапевт с практикой на Бундесплатц в районе Вильмерсдорф.

Насколько освободительной и интеллектуально привлекательной эта дружба по переписке казалась вначале, настолько утомительными в какой-то момент стали письма Луизы, особенно после встречи на Фурусунде в июле 1954 года, когда Луиза по дороге в Лапландию подъехала к красному деревянному дому Астрид. Багажник ее машины был полон берлинских луковиц и многолетников для сада. Астрид и Луиза провели вместе три дня, много гуляли, говорили по-немецки. Так много и так долго, что Астрид стала шутливо называть Луизу «Шахерезадой». Но не только сказки были на уме у немецкой гостьи: она была влюблена на романтически-идеалистический лад. Вот как Гертруда Лемке описывала десятилетнюю любовь подруги в своем письме 1 июля 1965 года, когда она после смерти Луизы Хартунг отослала Астрид ее письма:

> «Луиза создала королевство – с тобой и вокруг тебя, – направила на него всю силу своего воображения, ограждала его от сухих банальностей. Ты смогла очаровать ее и оправдать ее ожидания. И все же она думает о тебе не только как о „королеве запечатанного ларца, блаженных сновидений, неисполнимых мечтаний, неописуемого блаженства“».

Хотя Астрид, общаясь с Луизой, постоянно обозначала свои

естественные границы, недовысказанная любовь подруги омрачала их переписку. После отъезда Луизы с Фурусунда в Лапландию и к Северному Ледовитому океану 16 июля 1954 года Астрид написала ей письмо:

> «Луизхен, Луизхен, я вовсе не такая чудесная, как ты думаешь, не надо так увлекаться, ни мной и ни кем другим, иначе ты становишься совершенно беззащитной и отдаешься на произвол другого человека. Я так тебя люблю, мы всегда будем друзьями, но не надо меня идеализировать и пренебрегать другими, теми, кому ты нужна как источник силы, как лекарство».

Чаще всего подруга оставалась глуха к уговорам, и вскоре стало ясно, что, не обижая и не отталкивая Луизу, Астрид должна выражаться однозначнее:

> «Ты говоришь, я „играю с огнем“. С каким огнем? А как я должна себя вести, если не хочу играть с огнем? Разве любить другого человека и дружить с ним значит играть с огнем?»

Да, с Луизой Хартунг это так и было, а потому поток нежных писем и свежих цветов из Берлина – роз, тюльпанов, ирисов и гвоздик, только в вазу поставить, – продолжался. К Рождеству 1954 года Астрид неожиданно получила из Германии толстый конверт с билетом на самолет до Берлина и сказкой о ящерице и устрице авторства Луизы. Это была история любви, родившаяся из Луизиных размышлений о том, как «Astrid zum Reden bringen könnte» («как заставить Астрид раскрыться»). Ответ пришел незамедлительно, 20 декабря 1954 года, в форме сказки о неблагодарной и озабоченной устрице, «которой досталось слишком много любви от слишком многих, а потому она закрылась в своей ракушке». В сказке Астрид говорилось о всех тех шведах, которые ее добивались. В том числе там фигурировала некая ящерица мужского пола, по-видимому готовая бросить свою ящерицу-жену и ящериц-деток и угрожающая покончить с собой, если не получит устрицу своей жизни (она же Астрид Линдгрен):

> «Но она все равно не пожелала пускать его на свою устричную отмель, потому что ей нужно было остаться одной, не делить ни с кем свое сокровенное „я“ и свою отмель. Были и другие ящерицы, самцы и самки, и все они хотели быть устрице ближе всех. Устрицу это очень

беспокоило, и она сказала: как могу я выбрать одного-единственного, как могу сказать „nur du und ich“[39]».

После такого фантастического рассказа о том, как трудно ей отвечать на любовь и дружбу сограждан, Астрид ввела в сказку и Луизу. Астрид изобразила ее озорной самкой ящерицы с берегов Шпрее, которая тоже предъявляет права на популярную северную устрицу:

«Устрица так любила ее, так хотела, чтобы та была счастлива. Но их разделяли такие широкие долы, такие глубокие воды, что устрица подумала: „Kleine süsse Eidechse[40], найди устрицу у берегов Шпрее, устрицу, которая подарит тебе счастье, которое ты заслужила. Es gibt für alles Grenzen[41], ты не можешь звать меня издали, со своего берега, я ведь не могу приехать к тебе, а ты – ко мне, нас разделяют слишком глубокие воды… не требуй от меня слишком многого, kleine Eidechse[42], я ведь устрица, я закрываю створки, сижу на своей отмели и смотрю, как жизнь проносится мимо“».

Фотография Луизы в юности. Она была восьмым ребенком в семье, в Первую мировую войну потеряла четырех братьев. Луиза рассказывала, что ее в некотором роде считали вундеркиндом. В детстве она могла просвистеть «Прекрасную мельничиху» Шуберта, а в юности в Париже и Берлине пыталась стать

концертирующей певицей и записала пластинку, которую как-то поставила для своей шведской подруги. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Но и этот толстый намек не заставил Луизу задуматься. Напротив, количество писем и посылок в 1955–1956 годах выросло, и следующей зимой Луиза предприняла новую вербальную атаку. На сей раз она не стала тратить время на сказку, прямо написала, что истинная близость в дружбе между женщинами подразумевает «körperliche Vertrauenheit». То есть не только духовную близость, но и физическую. 13 февраля 1957 года Астрид Линдгрен ответила ей без околичностей:

> «Всякая любовь имеет право на существование. Но если кто-то – как я – абсолютно гетеросексуален и даже ни в малейшей степени не бисексуален, его никак не может охватить „любовь“ к человеку того же пола, если под любовью иметь в виду „Komm in meine Arme“[43]. Зато я могу оставаться в близких отношениях и восхищаться, или как хочешь назови, женщиной, как в случае с тобой. Мне тяжело мириться с тем, что я не вполне оправдываю твои ожидания, тогда как ты отдаешься мне полностью. Этим объясняются и странности, которые ты во мне видишь. Ты никогда не будешь довольна, предлагая любовь и получая взамен дружбу».

На этом поток писем и подарков мог прекратиться, но не прекратился, и две женщины, кроме всего прочего, продолжили встречаться минимум раз в году. В Стокгольме или на юге Европы – бывало, втайне в Германии или Швейцарии, чтобы не узнало гамбургское издательство «Этингер», иначе шведскую звезду засосало бы в круговорот массивной немецкой рекламы. Этими встречами и совместными выходными Астрид наслаждалась, хотя Луиза не всегда была подарком. Когда в апреле 1957 года та уехала домой после недолгого пребывания в Стокгольме, Астрид лила крокодиловы слезы и написала Эльсе Олениус вот что:

> «На другой день меня постигло Большое Испытание в лице Луизы Хартунг – самого кипучего человека на свете, который часами болтает без умолку. Она спросила, можно ли у меня пожить, я не смогла отказать – она ведь предоставила мне стол и кров в Берлине. Но в итоге у меня уже ум за разум стал заходить – я думала,

> бедная голова моя взорвется. Вздохнула с облегчением, когда она уехала в аэропорт. <…> Легла и уснула, чувствуя, как все немецкие слова испаряются из моей измученной головы».

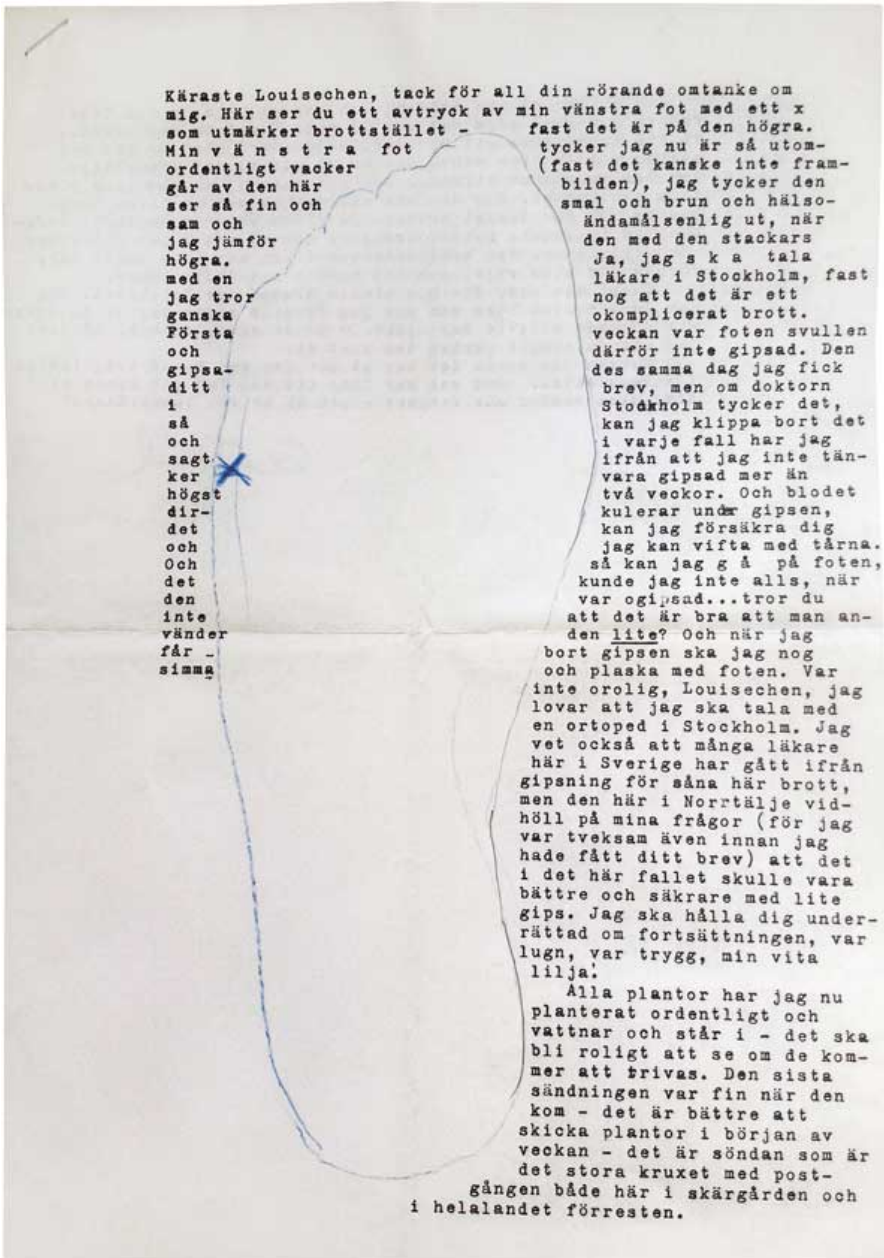
Однако факты говорят о том, что, по большей части, Луиза и Астрид с огромным удовольствием обсуждали искусство и литературу – как для взрослых, так и для детей и подростков. Ведь этим занимались обе, и образованная и проницательная Луиза Хартунг десять лет была идеальным спарринг-партнером, консультантом и советчиком в том, что касалось творчества Астрид Линдгрен и европейской жизни ее книг. И не в последнюю очередь – прибыльного книжного рынка Германии, где это творчество в 1950-е годы спасло издательство «Этингер» от банкротства, как книги о Пеппи спасли шведское издательство «Рабен и Шёгрен».

Луиза Хартунг охотно вникала в вопросы перевода – например, в 1955 году, когда она прямо-таки пришла в ярость, увидев многочисленные исправления, которые, ссылаясь на чувствительность немецкого рынка в травматическое послевоенное время, пожелал внести в текст «Мио, мой Мио!» Фридрих Этингер. 24 ноября 1955 года благодарная Астрид написала Луизе: «Ах, как же ты борешься за мои книги… ты прямо стихия». И в последующие годы она часто благодарила Луизу за тонкие и глубокие замечания о ее рукописях:

> «Ты единственный человек, способный дать мне честную и основательную оценку. <…> Я абсолютно склоняюсь перед твоим мнением, но не перед чьим другим».

Много вдохновенных дискуссий возникало между ними в 1950-е и начале 1960-х, когда Астрид посылала своей берлинской читательнице копию рукописи или книгу. «Мио, мой Мио!» (1954), «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» (1955) и «Расмус-бродяга» (1956) восхищали Луизу. Но в 1957 году повесть «Расмус, Понтус и Растяпа» чуть не разрушила их дружбу из-за отрицательного персонажа, глотателя шпаг подловатого Альфредо, который говорил с немецким акцентом, любил пиво и называл двух светловолосых юных героев книги «проклятыми неготниками». Альфредо проявляет недюжинную фантазию, рассказывая о своем необычайно разветвленном центральноевропейском роде, в том числе о матери с маленькими, но железными кулаками, которые она прилежно пускала в ход, воспитывая всех своих восемнадцать детей, и о

дяде – брате матери, взорвавшем себя анархисте.



Käraste Louisechen, tack för all din rörande omtanke om mig. Här ser du ett avtryck av min vänstra fot med ett x som utmärker brottstället – Min v ä n s t r a fot ordentligt vacker går av den här ser så fin och sam och jag jämför högra. med en jag tror ganska Första och gipsa- ditt i så och sagt ker högst dir- det och Och det den inte vänder får – simma fast det är på den högra. tycker jag nu är så utom- (fast det kanske inte fram- bilden), jag tycker den smal och brun och hälso- ändamålsenlig ut, när den med den stackars Ja, jag s k a tala läkare i Stockholm, fast nog att det är ett okomplicerat brott. veckan var foten svullen därför inte gipsad. Den des samma dag jag fick brev, men om doktorn Stockholm tycker det, kan jag klippa bort det i varje fall har jag ifrån att jag inte tän- vara gipsad mer än två veckor. Och blodet kulerar under gipsen, kan jag försäkra dig jag kan vifta med tårna. så kan jag g å på foten, kunde jag inte alls, när var ogipsad...tror du att det är bra att man an- den lite? Och när jag bort gipsen ska jag nog och plaska med foten. Var inte orolig, Louisechen, jag lovar att jag ska tala med en ortoped i Stockholm. Jag vet också att många läkare här i Sverige har gått ifrån gipsning för såna här brott, men den här i Norrtälje vid- höll på mina frågor (för jag var tveksam även innan jag hade fått ditt brev) att det i det här fallet skulle vara bättre och säkrare med lite gips. Jag ska hålla dig under- rättad om fortsättningen, var lugn, var trygg, min vita lilja!

Alla plantor har jag nu planterat ordentligt och vattnar och står i – det ska bli roligt att se om de kom- mer att trivas. Den sista sändningen var fin när den kom – det är bättre att skicka plantor i början av veckan – det är söndan som är det stora kruxet med post- gången både här i skärgården och i helalandet förresten.

Корреспонденты любили удивить друг друга своими взглядами или забавной историей. Например, в письме, написанном на Фурусунде летом 1958 г., Астрид оригинально располагает рассказ о том, как сломала левую ногу, вокруг рисунка самой ноги и уверяет, что посадила все Луизины луковицы и черенки.

(Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Это оказалось чересчур для чувствительной Луизы, которая была оскорблена и обвинила Астрид в «Nationalhass» (ненависти на национальной почве) в то время, когда немецкий народ так нуждается в доверии и терпимости. Прочитав гневное письмо Луизы, Астрид в свою очередь оскорбилась, но уже как художник из страны, где господствовала свобода слова:

> «Луизхен… ты самый разумный человек, какого я знаю, и я думала, что ты знаешь меня. Но ты считаешь, что у меня „tief eingewürzelte Abneigungen gegen alle Deutsche, gegen alles fahrendes Volk und gegen alle Ausländer“ („глубоко укоренившееся неприятие всех немцев, всех приезжих, всех иностранцев“. – *Ред.*). Тому, кто, как я, питает глубокое отвращение к любым формам национализма, тяжело и горько это слышать. Я думала, ты это понимаешь. Я думала, ты понимаешь, что я ненавижу любое разделение людей по национальному и расовому признаку, любую дискриминацию белых и черных, арийцев и евреев, турок и шведов, мужчин и женщин. С того момента, как я выросла и начала самостоятельно мыслить, мне был противен великошведский желто-голубой патриотизм… он противен мне так же, как немецкий национализм Гитлера. Я никогда не была особой патриоткой. Все мы люди – так я это формулирую. И потому мне невыразимо больно, что ты в рукописи „Расмуса“ увидела обратное тому, что было задумано».

Расмуссиана

Весной 1958 года Астрид Линдгрен отправилась во Флоренцию на вручение медали Ханса Кристиана Андерсена, которую также называют Нобелевской премией по детской литературе; это самая почетная международная награда, какую только может получить детский писатель. Медаль вручалась в роскошном палаццо Веккьо, в средневековом интерьере, к которому приложили руку Леонардо да Винчи и Микеланджело, в присутствии людей со всего мира, включая главного редактора Ханса Рабена: в 1956–1958 годах он был президентом Международного совета по детской и юношеской литературе (IBBY) и участвовал в присуждении медали Андерсена писателю,

который с ним сотрудничал. За месяц до того Астрид написала о предстоящем награждении Ханне и Самуэлю Августу, подчеркнув, что распространять новость в Виммербю пока нельзя:

> «Все это пока, кажется, секрет, так что никому из посторонних ничего не говорите. Но это ужасно престижная международная награда, присуждается за лучшую детскую книгу, изданную за последние два года. Не то чтобы я считаю Расмуса шедевром, но раз они не нашли ничего лучше, остается только поблагодарить».

То, что Астрид Линдгрен не считала «Расмуса-бродягу» своей лучшей книгой, было связано со скоростью выхода ее книг в 1950-е годы, когда шведская писательница, казалось, забыла о совете своей немецкой подруги: «Пиши, только когда есть желание, и никогда по обязанности». В 1950-е годы новые произведения появлялись ежегодно, новые или уже знакомые персонажи моментально расходились в новых форматах, на разных медиаплатформах. Прибыльное для многих предприятие, которое Астрид прозвала «Расмуссианой», объединяло трех совершенно разных персонажей по имени Расмус. Это имя входило в названия книг «Калле Блюмквист и Расмус» (1953), «Расмус-бродяга» (1956) и «Расмус, Понтус и Растяпа» (1957).

Причиной художественной неразберихи стал шестилетний Эскиль Далениус. Предыстория такова: в 1951 году Астрид Линдгрен написала на основе двух первых книг о сыщике Калле Блюмквисте текст радиосериала, который шел каждый субботний вечер в прайм-тайм с самородком Эскилем Далениусом в роли Расмуса. У мальчика был несравненный голос, он умел неподражаемо произносить реплики вроде «Фу, ну и дураки же вы!», которые сразу входили в шведскую речь 1950-х. Постановка «Калле Блюмквист и Расмус» на радио имела ошеломительный успех, и Астрид Линдгрен тут же попросили написать продолжение. Режиссера звали Эльса Олениус, а детей-актеров снова нашли на ее театральной фабрике талантов в Сёдермальме, как и Эскиля Далениуса. Затем Линдгрен попросили написать сценарий к фильму, и как можно скорее, – о чем угодно, лишь бы Эскиль Далениус играл главную роль, а персонажа звали Расмус.

Премьера фильма «Бродяга и Расмус» состоялась в 1955 году, а позже Астрид переработала сценарий в радиосериал и – третьим выстрелом в очереди – в книгу «Расмус-бродяга». Расмуссиана неслась на всех коммерческих парусах, и тут было важно поспешить, потому что Эскиль Далениус младше не становился. И в 1956 году Астрид Линдгрен согласилась написать еще один киносценарий для Эскиля – под названием «Расмус,

Понтус и Растяпа», и, как и предыдущие истории о Расмусе, он стал сначала радиосериалом, а затем книгой. И только после пяти лет беспрерывного развития Расмуссианы одиннадцатилетнему Эскилю Далениусу позволили уйти в отставку.

Если «Расмус-бродяга» и не был произведением «нобелевского» уровня, то все же явно выделялся на фоне прочей Расмуссианы пятидесятых. В книге мы вновь встречаем несчастного, тоскующего мальчика – у него, как и у Буссе из «Мио, мой Мио!», нет родителей, ему так же не хватает защищенности и понимания того, кто он такой, ведь у него нет семьи. Светловолосый взъерошенный Расмус Оскарсон живет в приюте и каждый раз переживает разочарование, когда в приют приезжают бездетные обеспеченные родители, чтобы выбрать – или забраковать – одного из отмытых, прилизанных детей, и каждый раз выбирают какую-нибудь милую спокойную девочку с кудряшками. Сам Расмус говорит об этом: «Приютскому мальчику с прямыми волосами, которого никто не хочет взять, лучше умереть»[44].

В мае 1956 г. Астрид Линдгрен была занята мероприятиями, посвященными Расмусу. Вот что она написала родителям: «Завтра всей бандой едем на Фурусунд, там, надеюсь, допишу „Расмуса-бродягу“, осталось две главы. Потом нужно доделать сценарий нового фильма о Расмусе. …Вообще-то, писать эту книгу было интересно, из-за того что действие происходит в самом начале века, можно было использовать кучу своих детских воспоминаний. Поразительно, как жутко, невероятно, пугающе изменился с тех пор мир». (Фотография: Анна Ривкин / Музей современного искусства [Moderna museet])

В начале книги мы находим печального мальчика, он прячется на любимом дереве и планирует «идти искать кого-нибудь, кто захочет меня взять». Само описание ночного исчезновения из приюта, втайне от друга Гуннара и директрисы

фрёкен Хёк («Ястребихи»), щекочет нервы и одновременно очень поэтично. Под покровом ночи Расмус также прощается с детством, его моментально захватывает страх темноты, будущего и той действительности, которая ему, по сути дела, раньше не была знакома. «Совсем один, – констатирует Расмус, а в горле у него комок, но он черпает силу в стихотворении, которое запомнил на уроке: – Мальчик в этом стихотворении тоже оказался вечером один далеко от дома».

«Расмус-бродяга» – книга о дружбе ребенка и взрослого, одной из самых крепких и теплых в творчестве Астрид Линдгрен. Дружба начинается на следующий день после того, как Расмус, еще босой, в заштопанных суконных штанах и приютской рубашке в синюю полоску, невольно делит ночлег с бродягой на сеновале. На следующее утро мужчина, который странствует в поисках работы, представляется «Счастливчиком Оскаром, Божьей кукушкой» и объясняет напуганному мальчику, что Господь когда-то, давным-давно, захотел, чтобы на земле было все-все, и бродяги тоже. И когда Счастливчик Оскар собирается покинуть сеновал, Расмус принимает решение: «Оскар, я тоже хотел бы стать счастливчиком-бродягой». Оскар говорит, что Расмус еще ребенок, что ему надо быть дома, с отцом и матерью, на что мальчик тихо и коротко отвечает: «У меня нет ни отца, ни матери, но я ищу кого-нибудь».

Встреча этих персонажей – вынужденно одинокого приютского мальчика и добровольно одинокого бродяги – не случайна. Расмус и Оскар воплощают два разных понимания того, что есть одиночество. Два одиночества – добровольное и вынужденное, – которые появились и в жизни самой Астрид. В письмах Луизе Астрид часто говорила о желании остаться одной, освободиться от работы и других людей, а в дневнике описывала страх перед пустотой, которая окружит ее, когда родной дом покинет Карин. Вот что Астрид Линдгрен написала 5 сентября 1958 года, когда этот день наконец наступил:

> «Может быть, я впервые всерьез ощутила, что „маленький поросенок остался один“. Когда Карин вышла замуж, я уехала на Фурусунд – там поросенок мог оставаться один, сколько требуется, и не замечать этого. В городе, на Далагатан, все иначе. С возвращения в воскресенье я каждый день с кем-то коротала время. А сегодня обедала с Нордлунд (помощницей по дому. – *Ред*.) одна, говорила только о болезнях и мечтала, чтобы за столом вместо нее сидела Карин. Но я точно знаю, что настроение это, скорее всего, временное. Я не горюю, но

у меня, слава Богу, есть дело, призвание, работа – а каково тем, кто одинок и всего этого не имеет?»

Дети с хутора Южный Луг

Если бы потомков попросили выбрать, какая из книг Астрид Линдгрен, написанных в 1950-е, была бы достойна детского «Нобеля» в 1958 году, они предположительно назвали бы «Мио, мой Мио!», однако некоторые выбрали бы не менее увлекательный сборник сказок «Южный Луг», опубликованный в 1959-м. Книгу, по своему тону и настроению не похожую ни на «Лотту с улицы Бузотёров», ни на «Малыша и Карлсона, который живет на крыше», ни на Расмусов всех мастей.

События в этой маленькой книжке разворачиваются в XIX веке, когда в Швеции царила бедность. Четыре истории написаны искусственно состаренным сказочным языком, и некоторых критиков это привело в замешательство и задело. Сентиментальность «Южного Луга» сравнивали с сентиментальностью Сельмы Лагерлёф – и это не было похвалой. В издательстве «Рабен и Шёгрен», где за пятнадцать лет привыкли выпускать по бестселлеру от Астрид Линдгрен в год, внезапной смене стиля не обрадовались. Коммерческого успеха «Южный Луг» не имел. Казалось, на сей раз Астрид Линдгрен не смогла просчитать, какие истории придутся по вкусу детям, или, быть может, скорее взрослым. Критик и писатель Леннарт Хельсинг явно осуждал такие перемены. Новая книга модернизатора детской литературы была для него шагом назад. Вот что Хельсинг написал в газете «Афтонбладет» 15 декабря 1959 года:

> «Ужасно, если „Южный Луг“ положит начало целой школе. Народные сказки навсегда ушли в прошлое. Эта повествовательная манера принадлежит миру взрослых».

Возможно, критика Хельсинга скорее касалась выбора устаревшего жанра. Во всяком случае, от его внимания ускользнуло, что в «Южном Луге» Линдгрен по-новому взглянула на тему одиночества. В книге описаны беспредметные страхи, и описаны они языком, который помогает ребенку – читателю или слушателю – заглянуть в собственную душу. Немногие до Линдгрен совершали такое в детской литературе, и понадобилось десять с лишним лет, прежде чем исследователи детской психологии – и прежде всего Бруно Беттельхейм с его работой «Пути очарования: смысл и важность волшебных сказок» (1976) – указали на то, что в народной сказке в символической форме

зачастую изображаются характерные для разных стадий развития ребенка внутренние конфликты – например, страх отвержения и одиночества. Через развитие сказочного действия и особый язык сказка апеллирует к подсознанию ребенка, чем достигается терапевтический эффект. С помощью необыкновенной природы своего воображения дети перерабатывают то, что не всегда поддается осознанию, подчеркивали детские психологи и исследователи сказки в 1970-е годы, а Астрид Линдгрен – уже в конце 1950-х.

«Но дети не могут жить одни-одинешеньки, кто-то ведь должен заботиться о них»[45]. Так начинается «Южный Луг». Книга, подводящая итоги ушедшего десятилетия в жизни Астрид Линдгрен – десятилетия с его скорбями, страхом остаться одной и отвращением к растущей нагрузке на работе, которую она, писатель и редактор, взвалила на себя сама. Астрид не сразу пришла в себя после утраты Стуре, а радость от общения с внуком Матсом внезапно омрачилась разводом Лассе и Ингер. Как и многие дети, о которых писала его бабушка, мальчик оказался между двух огней, ему казалось, что у него вообще нет родителей. Так, во всяком случае, это понимала Астрид, и на Рождество 1957 года она записала в дневнике: «Никакое горе не переживаешь так сильно, как то, что затронуло детей». И потому Матс в конце 1950-х много времени проводил с бабушкой. Астрид брала его к себе при любой возможности, и на Далагатан, и на Фурусунд, и на виллу «Лонгберс» – пансионат в Тельберге на озере Сильян, где стала проводить свой ежегодный зимний отпуск и куда охотно приглашала близких. Так было и в марте 1959 года, когда они с уже восьмилетним мальчиком отправились в Тельберг одни, и бабушка, конечно же, взяла с собой карандаши и стенографические блокноты, поскольку по утрам писала новую книгу. Пока она стенографировала, лежа в постели, Матс с другими детьми из пансионата резвился в снегу на холмах, откуда открывался вид на Сильян и на кучку домов на берегу озера под названием Суннанэнг – Южный Луг.

В сказках «Южного Луга» тема детского одиночества доведена до крайности. Все дети в этих четырех историях либо сироты, либо больны, чрезвычайно уязвимы или изолированы. Они носят такие обычные шведские имена – Матиас, Анна, Малин, Стина, Мария и Нильс, но все они – из другой эпохи, своего рода предки одиноких детей Швеции 1950-х. В том числе мальчишек и девчонок, которых Астрид Линдгрен изобразила в более ранних книгах: Бертиль, Йоран, Бритты-Кайсы и Барбру из «Крошки Нильса Карлсона», Кайсы, Евы и Мэрит из «Бойкой Кайсы», Буссе из «Мио, мой Мио!», Малыша и Карлсона из

«Малыша и Карлсона, который живет на крыше» и не в последнюю очередь Расмуса из «Расмуса-бродяги». Все эти дети похожи и узнаваемы, но с одним существенным различием: материальное благополучие детей из «Южного Луга» равно нулю. Все они обездолены, но сохранили величайшее человеческое богатство: способность с помощью фантазии подняться над бессмысленностью и злобой этого мира в рай согласия и радости. Как маленькая Малин, что, потеряв родителей и очутившись в доме призрения среди других отверженных, сохраняет искру надежды, которой никому не отнять у человека с воображением:

«Главное – верить и стремиться, и все получится!»

Поэзия белых ночей

По утрам в квартире на Далагатан царили мир и покой; писательница стенографировала свою новую книгу, лежа в постели, пока не приходила домработница, не звонил телефон и через щель во входной двери не начинала сыпаться сегодняшняя почта. А около трех в дверь дома номер 28 на Тегнергатан заходила уже редактор издательства – она быстро взбегала по лестнице, и начинался сущий ад. Дневная программа Линдгрен обычно не имела конца и края, довольно часто заявлялись журналисты и фотографы. Так, весной 1953 года в кабинете Астрид Линдгрен появился журналист из «Веко-шурнален»:

> «Перед нами настоящий стол редактора-женщины: его ножки едва не подламываются под штабелями рукописей детских книг, проектов детских книг, готовых детских книг. А посреди всего этого беспорядка – видавшая виды фарфоровая кружка и деревянная шведская лошадка, знававшая лучшие времена. „Я обычно сижу тут с часу до пяти, но сегодня мне нужно в четыре уйти на радио, на запись… – (Где-то среди бумажных кип приглушенно звонит телефон.) – Нет, спасибо, я не стану рекламировать крем, реклама получится неважная… не с моей кожей, уверяю вас… – (Кладет трубку.) – А после радио надо забежать в Театр Оскара на „Новые приключения сыщика Калле Блюмквиста“».

Как редактору и главе отдела детской и юношеской литературы издательства «Рабен и Шёгрен» в 1946–1970 годах Астрид Линдгрен приходилось читать рукописи шведских писателей (уже закаленных в боях или еще только подающих надежды) и зарубежные издания на предмет возможной покупки прав, перевода, иллюстрирования и, естественно, создания привлекательной обложки. Все это, однако, не означало, что она читала или вела телефонные переговоры в кабинете за закрытыми дверями, – напротив, каждый день Линдгрен общалась с массой людей в издательстве и за его пределами: писателями, редакторами, консультантами, переводчиками, иллюстраторами, корректорами, типографскими работниками и книготорговцами.

Все конфиденциальные беседы с директором Хансом Рабеном, как правило, проходили в первой половине дня: он звонил Астрид домой, спрашивал совета и обсуждал основные

задачи на сегодня. А все шведские рукописи и зарубежные книги редактор Линдгрен читала по вечерам на Далагатан.

Во многих письмах к Луизе Хартунг Астрид рассказывает о своей литературной рутине: «С утра лежу в постели, пишу, затем иду в издательство рассказывать другим писателям, отчего им надо переделывать свои произведения, чтобы те стоило читать, затем возвращаюсь домой и продолжаю работать. Как в часовом

механизме, без пауз – едва у меня появляется свободная минутка, я работаю». (Фотография: Анна Ривкин / Музей современного искусства)

Этот бешеный ритм писатель и редактор Астрид Линдгрен поддерживала двадцать четыре года, и все работало как часы. Вот что Астрид, как одна деловая женщина другой, 1 июня 1959 года ответила Луизе Хартунг на вопрос, как дела и чем она в данный момент занимается:

> «По-прежнему пишу по утрам, иду в издательство, возвращаюсь домой, работаю, сплю, просыпаюсь, пишу, ухожу, прихожу и так далее – и так по кругу».

Должность редактора издательства «Рабен и Шёгрен», в 1949 году переместившегося из темных комнат на Окторсгатан в светлые помещения в районе Васастан у парка Тегнерлунден, давала немалую власть. Совместная работа Астрид Линдгрен с Хансом Рабеном повлияла на шведскую литературу и издательский бизнес в эти два с половиной десятилетия, считавшиеся золотым веком детской и юношеской книги. Эта эпоха пришла вместе с экономическим подъемом в послевоенной Швеции, где ряд социальных реформ 1950-х положительно сказался и на развитии молодежной культуры, а равно привел к росту рождаемости, повышению уровня жизни и увеличению покупательской способности. Это означало, что на полках шведских библиотек появлялось все больше детских книг.

Для издательства «Рабен и Шёгрен» это был период непрерывного расширения: многочисленные конкурсы детской книги сороковых годов привлекли в издательство новых писателей, прежде всего Астрид Линдгрен, и прогресс был виден по количеству изданий в год, рассказывают две ближайшие в эти годы сотрудницы Астрид, Черстин Квинт и Марианне Эриксон, в книге «Дорогая Астрид». В середине пятидесятых в год выходило по сорок наименований, в шестидесятые около шестидесяти, а в семидесятые – десятилетие, когда Астрид Линдгрен оставила работу у Ханса Рабена, – уже семьдесят.

Как уже было сказано, большинство рукописей Астрид читала вечером дома, поскольку в издательстве не было ни времени, ни покоя. Зато там Астрид могла проявить другие свои умения – например, в переписке. Значительная часть ежедневной корреспонденции была адресована иллюстраторам, переводчикам и независимым консультантам. К этому постоянному кругу внештатных сотрудников принадлежали, среди прочих, Стина и

Ингегерд. Стине досталось особенно много переводческих заданий от «Рабен и Шёгрен» за те двадцать пять лет, что ее старшая сестра была там ведущим редактором детской литературы, а среди верных консультантов и редакторов-фрилансеров была не только Эльса Олениус, но и Анне-Марие Фрис. Вот что Астрид написала в Нэс 27 февраля 1947 года, через год после того, как Ханс Рабен взял ее на работу:

> «Стина переводит для „Рабен и Шёгрен“, а Анне-Марие вычитывает корректуру. „Главное – не останавливайтесь, продолжайте, старайтесь“, – говорю я им».

Они и старались, и весной 1955 года к ним присоединился самый юный литературный отпрыск генеалогического древа вместе со своим молодым человеком. Вот что написала довольная мать Ханне и Самуэлю Августу:

> «Карин и Карл-Улоф переводят для „Рабен и Шёгрен“ одну книгу с французского. Скоро я, видимо, всех своих родственников привлеку для работы в издательстве».

Многочисленные и зачастую длинные письма, которые Линдгрен отправляла писателям, – часть мифа о ней как книгоиздателе. Она редко откладывала дело в долгий ящик, владела сложным искусством конструктивной критики и, таким образом, могла и ободрить, и дать совет, как растерянному писателю поработать с еще сырой книгой. Труднее всего было отказывать лелеющим надежды писателям. Эти письма Астрид писала с особым старанием, ведь ей самой когда-то пришлось ощутить холод отказа. Вот что она написала Луизе Хартунг летом 1960 года:

> «Я только что закончила трехметровое письмо бедняжке, которая недостаточно хорошо владеет словом. <…> Нет ничего хуже, чем убивать в людях надежду».

Почти так же тяжелы были обеды с писателями и прочие представительские обязанности. Например, встречи с известными детскими зарубежными писателями Эрихом Кестнером и Лизой Тецнер или более камерное общество, когда у Астрид дома собирались ведущие шведские писатели издательства, и ежегодные съезды книготорговцев, где представляли издания следующего сезона. Не стоит забывать и о поездках за пределы

Швеции, на книжные ярмарки, конгрессы и семинары, где ей часто удавалось одним выстрелом убить двух зайцев, поскольку редактор Линдгрен представляла всех писателей издательства, включая себя саму. Хождение по канату, а быть может, и конфликт интересов? Во всяком случае, этот вопрос поднимался в Швеции, где некоторым детским и юношеским писателям казалось, что Астрид Линдгрен слишком много в самом крупном издательстве детской книги в стране. Кто оценивает и редактирует ее собственные книги?

А ответ на это был – сама Астрид Линдгрен, и никто другой. Ее многолетняя коллега и последователь Марианне Эриксон в 1970 году рассказала в интервью, что Астрид всегда была «абсолютно уверена в своих рукописях и не нуждалась ни в чьей помощи». А Карин Нюман припоминает, что экономические вопросы, касающиеся книг ее матери, пока она работала в издательстве, всегда напрямую обсуждались с Хансом Рабеном, и книги свои Астрид редактировала сама. И даже самостоятельно вычитывала корректуру. Коллегам и другим недовольным Астрид Линдгрен ответила в журнале «Барнбокен» («Детская книга») в 1985 году:

> «Иногда до меня доходят непонятные намеки на то, что я, сама детский писатель, сидя в редакторском кресле, устраняла конкурентов. Но я этого не делала! Я больше всех радовалась, когда на мой письменный стол ложилась хорошая рукопись. А отвечать отказом было пыткой, это известно любому издательскому редактору».

Рабен, Шё… и Линдгрен

То, что все эти годы по поводу двойной роли Астрид Линдгрен звучало так мало открытой критики, объяснялось, несомненно, ее потрясающим умением справляться как с писательскими задачами, так и с редакторской работой. Она сохраняла хрупкое равновесие. В частности, потому, что была на шаг впереди, никогда не задирала нос, не считала ниже своего достоинства выполнять более скромную, рутинную работу – писала аннотации для задней обложки или каталога, набрасывала тексты рекламных писем книготорговцам. И тут она пользовалась своим именем, дабы помочь другим, менее известным писателям, – например, могла подчеркнуть в письме торговой организации, что книгу «рекомендует Астрид Линдгрен», не боялась бросить вызов покупателям – как в старом проекте

рекламного текста, теперь хранящемся в архиве Астрид Линдгрен:

> «Существует два типа людей. Те, кто любит читать, и те, кому и в голову не придет заглянуть в книгу, если жизнь не заставит. А ты кто?»

А если издательству срочно нужен был автор текста, как в 1956 году, когда фотограф Анна Ривкин подготовила альбом о Японии, Астрид Линдгрен откликалась моментально, хотя у нее, бесспорно, хватало работы – и с другими рукописями, и с собственными изданиями.

Книга «Ева встречает Норико-Сан» стала началом двенадцатилетнего сотрудничества с Ривкин. Глобальный проект, возникший за много лет до того, как люди задумались о глобализации, включал восемь альбомов о разных частях света, где побывала фотограф – в большинстве случаев без автора текста, так как на это не было ни средств, ни времени. А следовательно, надо было работать очень быстро, и Астрид, всегда заботившейся о качестве, приходилось идти на компромисс с самой собой. Вот ее слова из книги Ульфа Бергстрёма об Анне Ривкин (1991):

> «Меня, можно сказать, заставили работать с Анной. Посыл издательства был такой: надо! Теперь, спустя столько времени, я могу сказать, что не все наши книги мне нравятся».

Другую такую работу «по случаю», в результате которой также появилось несколько успешных изданий, Астрид Линдгрен в 1959 году нашла себе сама. Раньше всех в издательстве она разглядела перспективный проект в поэтических иллюстрациях Харальда Виберга к классическому стихотворению Виктора Рюдберга «Tomten» («Ниссе»[46]). Осенью 1960 года стихотворение было издано на шведском в виде книжки с картинками, и одновременно в Германии, Англии и Дании вышел экспортный вариант – в прозаической обработке Астрид Линдгрен, доступной для перевода на любые языки. 7 декабря 1960 года в письме Луизе Хартунг, которая в Германии наверняка одобрила бы этот гимн северной романтике, Астрид рассказала историю международного проекта:

> «У нас в Швеции есть одно известное стихотворение – ты вряд ли читала, оно написано одним из наших давно ушедших бардов, Виктором Рюдбергом… один

шведский художник взялся сделать иллюстрации, и получилась книжка с картинками, от которой народ тут просто в восторге. Но получилось так, что ее невозможно было выпустить, если бы в проекте не приняли участия другие издатели, и как-то в прошлом году, когда к нам приехали представители других скандинавских издательств, я ворвалась на совещание и заявила: „Секундочку, господа!“ И показала иллюстрации, одновременно читая стихотворение, а затем сказала: „Не хотите ли поучаствовать в издании этой книги?“ И ей-богу, за пять минут я продала 20 тысяч „ниссе“. Но было одно условие. Стихотворение Рюдберга трудно перевести на другие языки, ничего не потеряв, а потому издатели взамен потребовали, чтобы я написала к иллюстрациям прозаический текст. Что я и сделала; не слишком талантливый текст. В стихах Рюдберга есть размышления с метафизическим налетом – их я добросовестно опустила».

На немецком «Tomten» вышел под названием «Tomte Tummetott», на английском – «The Tomten», а по-датски книга называлась «Nissen». Можно спорить о том, насколько Астрид Линдгрен в своей прозаической обработке сохранила своеобразие оригинального текста, о существовании которого в экспортном варианте не упоминалось. А на обложке датского «Ниссе» большими буквами было написано: «Рассказ Астрид Линдгрен», в то время как художник должен был удовольствоваться надписью ниже, сделанной мелким шрифтом: «С иллюстрациями Харальда Виберга».

Коммерческая задумка Астрид Линдгрен вылилась в колоссальные продажи, не в последнюю очередь в США, так что через год последовала новая книга в том же формате и с иллюстрациями Харальда Виберга – рождественское Евангелие на смоландский лад, «Рождество в хлеву». А в 1965 году была сделана третья заявка на коммерческий успех – «Лиса и ниссе», по мотивам классического стихотворения Карла Эрика Форслунда, которое Астрид в экспортном варианте переработала в прозу, в то время как в Швеции книга вышла с оригинальным стихотворением Форслунда.

Быть может, Астрид была чересчур предприимчивой? Во всяком случае, деловое чутье у нее было выдающееся. Деньги по-прежнему так и текли рекой в издательство, которому – да простит нас второй его основатель Карл-Улоф Шёгрен – следовало бы называться «Рабен, Шё… и Линдгрен».

Не столь удачным с коммерческой точки зрения, но все же любопытным скандинавским проектом обернулась идея Астрид Линдгрен предложить Туве Янссон в 1959–1960 годах сделать иллюстрации к новому переводу книги Д. Р. Р. Толкина «Хоббит». Два крупных детских писателя с далекого севера пересекались до этого всего пару раз, так что Астрид постаралась излагать как можно убедительнее. В этом легко увериться, читая биографию Туве Янссон авторства Боэля Вестина: там приводится письмо Астрид Линдгрен, написанное в ноябре 1960 года, где она уговаривает Янссон бросить Муми-троллей и прервать всю прочую серьезную работу:

> «Бог благословит тебя за Кнютта!!![47] Но кто утешит Астрид, если ты не примешь моего предложения? <…> Читая эту книгу, я так и вижу перед собой иллюстрации Туве Янссон и говорю себе: это станет книгой века, которая надолго нас переживет».

Туве Янссон потребовалось всего пару дней на размышление, после чего она накинулась на работу, и в 1962 году шведский перевод «Хоббита» Бритт Г. Хальквист – «Бильбо. Приключения хоббита» – был готов. Увидев прекрасные иллюстрации, Астрид Линдгрен пришла в восторг:

> «Дорогая великолепная Туве, я готова целовать край твоего платья! Я в таком восторге от твоего чудесного маленького хоббита, что словами не описать. Вот как раз таким маленьким, потешным, трогательным и добрым он и должен быть, и таким его еще никто не изображал».

Астрид Линдгрен и Туве Янссон в 1977 г., когда финский писатель, иллюстратор и художник ненадолго покинула свое творческое убежище на острове в финских шхерах. (Фотография: Улле Вестер / TT)

Не столь счастливы были литературные критики и многочисленные поклонники Толкина. «Книга века» вышла всего одним изданием и может считаться самым большим провалом Астрид Линдгрен как редактора. Но маленький хоббит Янссон был помещен в рамку под стекло и повешен на стену в кабинете Астрид Линдгрен, где и висел до ее смерти, а сама книга в наши дни стала культовой.

Девичник

Так получилось, что Астрид приходилось брать на себя бразды правления, когда Ханс Рабен уезжал в командировку, был в отпуске или болел, и, как в 1950-е годы Самуэль Август и Ханна узнали из письма дочери, ей было «любопытно» сидеть в кресле начальника, держать в руках все нити и ощущать ответственность. Талант руководителя был виден в ней и раньше. Уже в «Виммербю тиднинг» в 1920-е восемнадцатилетней практикантке поручали сидеть на телефоне и следить за потоком местных новостей, когда главный редактор отлучался в город и

окрестности. И позже, во время войны, когда Астрид перлюстрировала письма в тайной почтовой службе, ее ценили коллеги по смене. До такой степени, что даже обладатели ученых званий назвали Астрид, когда потребовалось найти человека, который смог бы представлять интересы всех сотрудников. Вот что Астрид написала в письме в Нэс 18 июня 1943 года:

> «А еще меня выдвинули на должность председателя нашего профессионального союза. Считают, что меня „любят в коллективе и уважают в клетке“ (кабинете начальника. – *Ред.*). Я, однако, вежливо, но твердо отказалась, потому что считаю, что таким человеком должен быть мужчина, по той простой причине, что нам труднее будет добиться своего, если с высоким начальством, чиновниками и т. п. придется общаться женщине. Так что вчера мы выбрали председателем мужчину. Но все равно приятно – у нас полно магистров и лиценциатов обоих полов, и они, как водится, страшно гордятся своим образованием, а стало быть, то, что они предложили барышне со средним образованием стать их председателем, кажется мне знаменательным».

В этой цитате перед нами предстает сильная, самостоятельная женщина, умеющая оценить расстановку сил. Тридцатипятилетняя сотрудница понимает, как добиться влияния в коллективе, красноречива и – не самое последнее умение – способна ладить с влиятельными мужчинами. Отнюдь не через бунт и анархию, как Пеппи Длинныйчулок, а, напротив, оставаясь прагматичной, обязательной и лояльной. Обладая всеми этими качествами, Астрид Линдгрен была настоящей современной деловой женщиной закалки Альвы Мюрдаль. Она знала, что, если женщины хотят занять достойное место в обществе и участвовать в преобразовании мира, где правят мужчины, добиваться уважения в нем необходимо каждой отдельной представительнице этого пола.

Согласно Мюрдаль, путь к освобождению женщин лежал не через жесткую и открытую борьбу, а через тайную борьбу в тылу, которую так хорошо умеют вести женщины. Эту преобразовательную силу Лотта Грёнинг в своей книге об Альве Мюрдаль называет «феминизмом сотрудничества», который означал, что женщины должны расширять сферу влияния в профессиональной жизни, заключая союзы и ведя переговоры, не криками. Этим умением Астрид Линдгрен владела в совершенстве – фактически она заняла активную позицию и начала громко стучать кулаком по столу только после 1970 года,

когда вышла на пенсию.

С начала своей двойной карьеры в книжной отрасли Астрид Линдгрен сталкивалась с профессиональными, творческими и чрезвычайно влиятельными женщинами. И в этом – умении окружать себя нужными людьми – она тоже знала толк. Эльса Олениус уже сама по себе представляла целое профессиональное сообщество, и благодаря ее разветвленным связям Астрид познакомилась с Гретой Болин и Евой фон Цвайберг, которые удерживали за собой звание ведущих критиков детской литературы в Швеции пятидесятых. Они часто писали рецензии на Линдгрен, брали у нее интервью и помогали ей, пользуясь своим влиянием в медиаотрасли. Цвайберг, а особенно Грету Болин часто приглашали на девичники – обеды на Далагатан, которые Астрид Линдгрен называла «бабниками». На «бабники» приглашались подруги из разных компаний – как профессиональных, так и дружеских, – коллеги, добрые друзья и родственники. Карин Нюман рассказывает:

> «Сестры (Стина и Ингегерд. – *Ред.*) были самостоятельной группой. Кроме того, была группа, состоявшая из Анне-Марие Фрис, Марианне Эриксон из „Рабен и Шёгрен“ и писательниц Барбру Линдгрен и Мод Ройтершверд. Они по очереди приглашали друг друга на обед, были близкими людьми. Маргарета Стрёмстедт и Астрид часто обедали вместе после 1970 года, одни или с кем-нибудь из „бабок“, например с сестрой Маргареты».

На девичниках неизбежно затрагивалась тема «дураков-мужчин». Даже феминистка разлива Альвы Мюрдаль порой уставала от дипломатии и давала волю чувствам. Пример такого «срыва» Астрид привела в длинном письме Луизе Хартунг от 18 января 1963 года, где рассказала о своих новогодних разногласиях с Хансом Рабеном. Спор касался одного писателя, который по налоговым причинам попросил выплатить ему гонорар не в декабре, а в новом году. Вполне обычная, приемлемая форма креативного подхода к бухгалтерии, которая, однако, требовала подписи Ханса Рабена, и именно ее оказалось совершенно невозможно получить после Нового года. Раз за разом Астрид заворачивал секретарь, сообщавший, что доктор Рабен (никогда не забывавший ставить перед своей фамилией степень) еще не оценил активы и пассивы данного автора. Притом что ведущий редактор детской литературы как раз уже все просмотрела и готова была дать свое поручительство:

«Не знаю, смогла ли я донести до тебя, что именно так неописуемо меня оскорбило: то, что я, между прочим, правая рука шефа, на ответственной должности, вынуждена бегать, как дура, и просить о доверии, которого мне так и не оказали. Так и ушла домой. Теперь уже все забылось. Для шефа это, разумеется, было вопросом престижа, надо же было показать, что ему „не важно, кто там просит, решаю здесь я“. Да-да, конечно, все это мелочи жизни, но как же оно бесит в тот момент, когда случается. А меня трудно взбесить. <…> Господи, какие мужчины идиоты, их так сильно заботит их глупый престиж, просто не верится!»

В еще одну битву за власть с мужским руководством книжной отрасли Астрид Линдгрен включилась, когда в конце пятидесятых знаменитое датское издательство «Гюльдендаль» едва не погубило детскую литературу своей страны, поскольку не желало достойно платить авторам. Так, по крайней мере, считала Астрид Линдгрен. В 1958 году в «Гюльдендале» решили переиздать ее книги о Бюллербю, однако писательница ответила, что ее совершенно не удовлетворяют пять процентов от розничной цены, предложенные издательством. Она настаивала на стандартных отчислениях в семь с половиной процентов. Датское издательство ответило, что, невзирая на их старания и многочисленные расчеты, они не смогут заплатить больше пяти процентов, не повышая розничную цену до четырех крон за экземпляр, а столько датские родители за детскую книгу не заплатят, даже если это книга Астрид Линдгрен, подчеркивал директор Йокум Смит. Ответ привел Астрид в ярость. Неужели политика «Гюльдендаля» – это давление на авторов? Свой протест Астрид Линдгрен выразила в письме, отправленном из издательства «Рабен и Шёгрен» 22 апреля 1958 года:

«Дабы не усложнять ситуацию, я принимаю предложенные Вами условия. Однако не могу не задаться вопросом: разве не „Гюльдендалю“ следовало возглавить новую инициативу и помочь детской и юношеской литературе Дании выйти из упадка, на который горько сетуют сотрудники Ваших библиотек? <…> У Вас никогда не будет хороших датских рукописей с такими отчислениями. Уважающий себя писатель не должен писать больше одной книги в год, а за нее он, как правило, получает тысячу крон, так что легко предсказать, чем это закончится. Если голова у него работает не слишком хорошо, он скорее пойдет

работать в мясную лавку или парикмахерскую или же начнет штамповать книжки ради приличного заработка. Поверьте, в Дании никогда не будет хорошей детской литературы, если Вы не приучите людей к тому, что и детские книги должны стоить денег. <…> Такая политика издательства обязательно приведет к содержательной бедности. <…> Простите, простите, что я все это высказываю, я не желаю никого оскорбить, совсем напротив. Однако, как уже говорилось, я принимаю предложенные Вами условия и с благодарностью ожидаю приумножения капитала».

Шестое чувство

То, что Астрид Линдгрен смогла без каких-либо трений оставаться ведущим редактором одного из крупнейших издательств детской литературы в Швеции и одновременно сохранять позиции ведущего детского писателя, объяснялось не в последнюю очередь той ролью, которую она играла в развитии детской литературы и жизни всех детских писателей. Именно об этом свидетельствовало письмо в «Гюльдендаль» – о последовательности ее взглядов на детскую литературу как товар и вид искусства. Она отказывалась ограничить свое мнение о детской литературе частоколом правил, догм и установок, как и Гурли Линдер в 1916 году в книге «Что читают наши дети», Грета Болин и Ева фон Цвайберг в работе «Ребенок и книги» в 1945-м и отчасти писатель Леннарт Хельсинг в сборнике статей «Мысли о детской литературе» в 1963-м.

Даже после выхода на пенсию Астрид Линдгрен часто слышала вопрос: какой должна быть хорошая детская книга? Ее стандартный ответ всегда был осторожным, оборонительным и кому-то может даже показаться уклончивым:

> «Она должна быть хорошей. Уверяю вас, я посвятила этому вопросу много размышлений, но другого ответа не придумала: она должна быть хорошей».

Такой ответ говорил о желании защитить многообразие детской и юношеской литературы. Как вообще кому-то в голову может прийти, что литература укладывается в формулу? Положение Линдгрен в «Рабен и Шёгрен» приводило к тому, что вся детская и юношеская литература, выходившая в издательстве, ограничивалась теми же рамками, что и ее собственное творчество, но тут уж царило многообразие. Линдгрен писала для

обоих полов и для разных возрастов, работала в разных жанрах и форматах: комедийная проза, детектив, сказка, басня, книга для девочек, фэнтези, комедия и драма. К тому же творчество Астрид Линдгрен иллюстрировало, как книгу могут адаптировать другие виды искусства: кино, театр, радио и телевидение. Как же молодому писателю не вдохновиться, не прийти в восхищение, как его дыханию не сбиться при виде того, сколь ловко Астрид Линдгрен справляется со своей ролью. Все время в движении, в тонусе, всегда впереди. Как в творчестве, так и в бизнесе. С помощью жанрового многообразия дальновидная писательница противилась ограничениям, и это стремление к свободе творчества и разнообразию в искусстве было основой взглядов Линдгрен на детскую литературу. Как сказала новоявленная пенсионерка в своем наставлении писателям и издателям в «Барн & Культур» («Дети и культура») в 1970 году:

> «Если хочешь написать поразительную книгу для детей о том, как трудно и невозможно быть человеком в нашем мире, ты имеешь на это право. Хочешь написать о расизме и классовой борьбе – твое право. Хочешь стишок написать о цветущем острове среди шхер – и это твое право, и ты вовсе не обязан ломать голову над тем, какое там слово рифмуется со сточными водами и утечкой нефти. Короче говоря – свобода! Ибо в отсутствие свободы вянет цветок поэзии, где бы он ни рос».

Предпосылки философии Астрид Линдгрен – в том числе касательно мира искусства – лежали в культурно-радикальных течениях межвоенной эпохи, в частности в тех направлениях педагогики и детской психологии, которые использовали понятие «целостная личность». Тот же подход, по ее мнению, был необходим и в литературе для детей. Не оберегать и поучать, а бросать вызов и тем самым приобщать детей и подростков к общечеловеческому. Особенно четко Линдгрен выражает свою позицию в интервью «Дагенс нюхетер» 8 сентября 1959-го, настаивая: детские писатели имеют принципиальное право писать о чем угодно – о табуированном и вытесняемом тоже:

> «Если это сделано качественно с художественной точки зрения, можно всерьез рассказать и о смерти, и придется уж детям с этим смириться. Любовь и смерть – самое значительное в жизни человека, это интересно людям любого возраста. Не следует запугивать детей, но они, как и взрослые, нуждаются в искусстве. Необходимо встряхнуть душу, которая спит, всем нужно иногда

поплакать или испугаться».

Выступая в газетах и журналах, твердя об исключительности ребенка и о детской литературе как особом виде искусства, Астрид Линдгрен повлияла на развитие чувства собственного достоинства шведских детских писателей, которые и до, и после войны боролись за приемлемые гонорары и право участия в писательских объединениях.

Не все, что выходило из-под пера Линдгрен-писательницы, было гениальным – случалось ей и выполнять работу на заказ, которая превращалась для нее в кошмар. Таким кошмаром в 1961 г. стал

фильм «Нина, Нора, Налле». Этот телесериал о трех бравых скандинавских стюардессах на одном самолете компании SAS потерпел полное фиаско, и сама Линдгрен называла его глупостью. (Фотография: Анна Ривкин / Музей современного искусства)

В этой связи нельзя не упомянуть рецензию Улле Хольмберга на «Мио, мой Мио!», написанную для «Дагенс нюхетер» в 1954 году. Опубликовав эту рецензию, он возвел детскую книгу на литературный Парнас. Еще ни разу в Швеции профессор литературы не обходился с детской книгой как с полноценным художественным произведением. На самом деле Линдгрен сама, заблаговременно, еще до выхода книги, потянула за нужную ниточку в переписке и беседах с критиком. История вкратце такова. После званого ужина на Далагатан, данного Астрид для супругов Хольмберг в сентябре 1954 года, она сподвигла профессора литературы из Лунда перехватить книгу у ведущего критика «Дагенс нюхетер» Евы фон Цвайберг. Из письма Астрид Улле и Май Хольмберг от 16 сентября 1954 года следует, что он уже читал первую корректуру «Мио, мой Мио!» и за ужином на Далагатан похвалил сказку. На что, конечно, и надеялась писательница, в свое время посылая ему корректуру:

> «Я как девчонка радуюсь тому, что Улле хорошо отозвался о Мио, никаким ливням не погасить мою радость… возможно, по телефону я не выразилась достаточно ясно. Мне в миллион раз больше хочется получить рецензию от Улле, чем от Е. Ф. Ц. (Евы фон Цвайберг. – *Ред*.), но она, возможно, рассердится и воспротивится».

В последующее десятилетие, в продолжение этой важной для развития культуры рецензии, Улле Хольмберг работал над тем, чтобы ввести Астрид Линдгрен в шведское литературное общество «Самфюнде Де Нио» («Общество девяти») – литературную академию, основанную в Стокгольме в 1913 году, цель которой изначально состояла в продвижении художественной литературы, содействии борьбе за мир и решению женского вопроса. Члены общества избирались пожизненно, четыре кресла в нем всегда занимали женщины, еще четыре – мужчины. В 1963 году, пока Хольмберг был председателем «Де Нио», Астрид Линдгрен избрали членом общества, что имело огромное символическое значение для детской и юношеской литературы Швеции. Далеко не всякого принимали в эту организацию с гендерными квотами, где когда-

то заседали Эллен Кей и Сельма Лагерлёф. Кое-кого из восьми членов общества Астрид прекрасно знала. Помимо Хольмберга (кресло номер 1), в него входила адвокат Ева Анден (кресло номер 2) – та самая, что в 1926 году помогла юной Астрид Эриксон уехать в Копенгаген, – а в кресле номер 9 восседал профессор Йон Ландквист, который в 1946 году пытался критикой изничтожить «халтуру» – «Пеппи Длинныйчулок». Пользуясь своей известностью и положением в шведской культурной жизни, издательский редактор Линдгрен не пренебрегала ни единой возможностью, ни единой площадкой, чтобы высказаться в защиту детской книги и напомнить о значении чтения для демократий будущего и в Скандинавских странах, и за их пределами. Она обращалась не только к литературной академии, но и напрямую к родителям, учителям, тем, от кого зависело общественное мнение, к тем, кто принимал политические решения, и задавала дискуссионный вопрос: «Нужны ли детские книги?»

Астрид Линдгрен, Фритьоф Нильсон Пиратен и Улле Хольмберг (справа) беседуют после встречи в литературном обществе «Де Нио» в 1970 г. Астрид была большим почитателем эссеистики Хольмберга и позже процитировала один из его многочисленных афоризмов в надгробной речи: «Жить любопытно. Но вы, живущие, это понимаете, правда?» (Фотография: «Дагенс Бильд» / TT)

В силе воздействия детской книги, в пользе, которую она приносит, попадая в руки ребенка, Астрид Линдгрен убеждалась

на примере своих детей и внуков. В феврале 1960 года, в очередной раз взяв с собой в зимний отпуск в провинцию Даларна внука Матса, она увидела, как благодаря литературе вокруг ребенка создается защитный круг, «безродительская зона». Вот что написала Астрид Луизе Хартунг 6 марта 1960 года с виллы «Лонгберс» в Тельберге:

> «Матс много читает, а когда он читает, то ничегошеньки не слышит, приходится довольно громко кричать, чтобы хоть какой-то реакции добиться. Я сказала ему: „Ты не слышишь, что тебе говорят, когда читаешь“. На что он ответил: „Не слышу, и это, вообще-то, хорошо. Потому что когда мама сердится, я просто сажусь читать“. Как же хорошо, что ребенок умеет приспособиться к *die verdammten Erwachsenen*»[48].

Астрид Линдгрен всегда верила, что умение детей создавать воображаемые миры когда-нибудь спасет цивилизацию. Эту тему она затронула в 1978 году в своей знаменитой благодарственной речи на вручении Премии мира немецких книготорговцев. Но впервые ее гуманистическое обращение от лица всей детской литературы попало на страницы международных газет в 1958-м, после вручения Премии имени Х. К. Андерсена во Флоренции. Еще тогда Линдгрен предостерегала, что детская литература не выдержит напора современных средств коммуникации – кино и телевидения, ведущих к пассивности, а быть может, и дегенерации:

> «Ничто не заменит книгу. Книга дает пищу воображению. Современные дети смотрят фильмы и телевизор, слушают радио, читают комиксы – все это наверняка интересно, но к фантазии имеет мало отношения. Наедине с книгой, где-то в потаенных уголках своей души, ребенок создает собственные образы, и с ними ничто не сравнится. Эти образы необходимы человеку. В день, когда фантазия ребенка больше не сможет их создавать, – в этот день человечество обеднеет».

С пропеллером на Сальткроку

В 1962–1964 годах Астрид Линдгрен покорила новую высоту книгами «Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел», «Эмиль из Лённеберги» и «Мы – на острове Сальткрока». В

буквальном смысле. История началась в сентябре 1962-го с продолжительного и шумного полета, которому наверняка завидовали каждый Карлсон на крыше и Луиза на земле, в Берлине; последняя 4 октября получила от Астрид письмо с подробным отчетом:

> «На днях летала на Фурусунд вертолетом; дело в том, что я должна написать сценарий фильма о шхерах, и компания доставила меня на самые дальние острова на вертолете, чтобы я посмотрела, где будет разворачиваться действие. После чего меня выбросили на пароходном причале Фурусунда. Мне очень понравилось летать на вертолете – чувствуешь себя птицей, парящей над верхушками деревьев и шхерами, и красная листва сверху смотрится необыкновенно красиво».

Пока продюсер Улле Нордемар и режиссер Улле Хелльбум искали подходящий остров, а также дружелюбного сенбернара и пытались выбрать семерых из восьми тысяч детей, записавшихся на кастинг, Астрид Линдгрен приступила к новому непростому проекту. Работа растянулась на восемь месяцев, причем работать пришлось в непривычном ритме, поскольку речь шла о телесериале из тринадцати серий по двадцать восемь минут, и съемки шестичасового фильма должны были начаться задолго до того, как писательница закончит работу. Поэтому Астрид пришлось сначала написать сценарий последних серий, чтобы зимой 1963-го можно было снять эффектную рождественскую главу, в которой рейсовый пароход из Стокгольма не может добраться до острова из-за льда и вынужден сложить груз и высадить пассажиров у его кромки в сотне метров от суши.

Этот год оказался непростым: работа над сценарием была нервной – киношники Нордемар и Хелльбум вмешивались в сюжет, желая немедленных изменений или добавлений, – а от издательских трудов Астрид никто не освобождал. Луиза по письмам подруги следила за творческим процессом из Берлина:

> 6 ноября 1962: «Я работаю над фильмом про Сальткроку. Работы много, продвигается медленно – постоянно не хватает времени».
>
> 2 февраля 1963: «Писать интересно, мне начинает нравиться на этом воображаемом острове, Сальткроке, с этими людьми. Это очень приятные люди, но какими они станут, когда до них доберется режиссер, не знаю, могут случиться неприятные сюрпризы. Сейчас пишу

Рождество на Сальткроке: малышка выставляет миску с кашей для рождественского гнома, и когда на остров опускается ночь и гаснет весь свет, к миске приходит лиса и сует морду в кашу. Если все сделать, как я задумала, получится мило, но ждать этого вряд ли стоит. Наверное, надо и книгу написать – книгу, по крайней мере, никто не будет переделывать».

26 марта 1963: «Зимний эпизод снят – с судном у ледяной кромки и т. п. Как получилось, не знаю. Знаю только, что очень много работаю и что все эпизоды, я имею в виду рукопись, должны быть готовы 10 мая. *Voj, voj*».

Замечательный пароход «Сальткрока» зимой 1963 г., на носу – большинство актеров, участвующих в съемках сериала, на ледяном берегу Вакссхольма, где снимались зимние эпизоды, – сама автор. (Фотография: Харри Диттмер)

Финско-шведское междометие «voj, voj» («о-хо-хо»)

передавало беспокойство Астрид из-за жесткого плана съемок, в которых задействовали массу людей и использовали бесконечное количество техники; кроме того, надо было учесть и непредсказуемые факторы вроде погоды. Однако сомнения Астрид оказались напрасными. Превосходный сценарий, хорошая актерская игра, профессионализм съемочной группы и, не в последнюю очередь, погода – все это чудесное количество перешло в не менее чудесное качество, и в итоге появился один из самых успешных сценариев шведского телевидения – «Мы – на острове Сальткрока». Киноповесть в тринадцати главах каждую субботу в 19:00, с середины января до середины апреля 1964 года, собирала перед экранами телевизоров всю страну. Многие телезрители восприняли сериал как гимн шведскому народу и шхерам. Весь этот шарм, ностальгия, летняя идиллия у моря – даже Эверту Тобу[49] не удалось бы это сделать лучше. Сериал стал очень популярным и снискал признание критиков. Мария Йохансон в роли Чёрвен была признана лучшей телеактрисой Швеции, а Торстен Лиллекрона, сыгравший неуклюжего отца семейства, писателя Мелькера, получил награду за лучшую мужскую роль; и, конечно, передача «Мы – на острове Сальткрока» была объявлена «Лучшей телевизионной программой» 1964 года.

А еще шведам не удалось скрыть сериал от своих скандинавских соседей. Повсюду считали, что он, говоря словами Чёрвен, «чертовски хорош». Даже жители плоской, бедной шхерами Дании – и взрослые, и дети – могли отождествить себя с обитателями острова Сальткрока. Разумеется, писателя радовал общескандинавский восторг. Астрид охотно признавалась, что чувствует себя шведкой до мозга костей, как правило прибавляя, что национализм ей чужд. Как она заявила «Дагенс нюхетер» в сентябре 1959 года, природу Швеции нужно постигать под скандинавским небом и в свете скандинавской сказочной традиции:

> «Что-то во мне тяготеет ко всему шведскому. В мире столько чудесных волшебных сказок, но мои корни – в шведской природе. Я бы не смогла жить за границей. Я скучаю по земле, я скучаю по запаху Швеции. Как обойтись без скандинавской сказки с ее народной мудростью и природой, без длинной череды теней, отбрасываемых эльфами, водяными, хюльдрами и гномами. У всех жителей Швеции, Норвегии и Финляндии есть нечто общее: поэзия белых ночей. На заднем плане должны присутствовать дорожка через бор,

пение дрозда, закат».

Для съемок продюсер Нордемар и режиссер Хелльбум избрали маленький островок Норрёра, часть Стокгольмского архипелага, в трех морских милях к востоку от Фурусунда. Название Сальткрока («медвежий угол, захолустье») Астрид Линдгрен позаимствовала у семейной яхты, купленной у Ханса Рабена и пришвартованной у Фурусунда рядом с семейным яликом «Сюльткрукан». С моторкой «Мио», которую она подарила Лассе в 1960-е, они составили целый семейный флот, активно используемый летом, когда дети Астрид со своими растущими семьями переезжали в два купленных ею новых дома на Фурусунде.

Атмосфера жизни семьи Линдгрен на фоне белых ночей в начале 1960-х, а также старинные байки и сплетни, подслушанные за двадцать пять лет отдыха в стокгольмских шхерах, тоже вошли в телевизионную повесть «Мы – на острове Сальткрока», позже переработанную Астрид Линдгрен в самый длинный ее роман. В нем 360 страниц, действие охватывает целый год, от лета до лета, и всезнающий коллективный рассказчик проникает в мысли, сны и мечты жителей острова. Даже звери наделяются человеческой способностью чувствовать и понимать.

В основе тринадцати глав сериала и романа – конфликт между городской и сельской жизнью, который Астрид Линдгрен переживала все свои взрослые годы. С одной стороны – напряженный, загруженный рабочий день в «Ниневии», как она любила называть столицу Швеции в письмах родным и друзьям. Выражение пришло от отца, Самуэля Августа, и отсылало к ближневосточному городу, который в Ветхом Завете Господь превратил в руины из-за безбожного поведения жителей. Противоположностью «Ниневии» была размеренная жизнь в отпуске и старинная трудовая жизнь, в своем ритме, под открытым небом, близко к природе, лесу, полю и морю.

Лето с Малин

Целительное действие природы на городского человека стокгольмская семья Мелькерсон из книги «Мы – на острове Сальткрока» испытала на себе. Четверо детей с отцом-одиночкой прибывают на самый крайний остров стокгольмских шхер. Сырая погода, безлюдный, на первый взгляд, остров и дряхлая лачуга, которую снял на год их наивный отец-писатель, внушают

опасения. Сомнительная летняя идиллия. Однако вскоре оказывается, что остров – это врата рая, и он навсегда запомнится всем пяти Мелькерсонам. Девятнадцатилетняя Малин, заменяющая мать трем своим младшим братьям и неуклюжему отцу, встречает на острове своего избранника. Два старших мальчика знакомятся с лучшим и предположительно последним другом детства, младший Пелле обзаводится домашним любимцем, а папа Мелькер оказывается в самой что ни на есть вдохновляющей обстановке, какую только может пожелать писатель. И что же это за рукопись он привез, над чем корпит в Столяровой усадьбе? Этого читатель так и не узнает. Быть может, это роман о счастливой жизни на островке в стокгольмских шхерах, где семья, лишившаяся матери, вновь находит смысл жизни, а люди и животные общаются друг с другом естественно и свободно? Так, во всяком случае, воображала это Астрид Линдгрен. Своего рода робинзонада о городских жителях, которые попадают в деревню, на остров, населенный, как оказалось, самыми разными людьми, разных возрастов, с четким, однако, соотношением темпераментов, характеров и – не в последнюю очередь – полов.

В описании воображаемого острова в стокгольмских шхерах Астрид Линдгрен ближе всего в своем творчестве подошла к изображению матриархата. Час плавания прочь от патриархата на материке, мимо древних скал, дает нескольким сильным, энергичным женщинам – Мэрте, Чёрвен, Стине, Тедди, Фредди и Малин – возможность раскрыться и выразить себя среди мягких, послушных мужчин – Ниссе, Бьёрна, Петера, Мелькера, Пелле, Юхана и Никласа. Старшие сестры Чёрвен, близнецы Тедди и Фредди, в романе описаны как пацанки и несколько раз названы амазонками. Показателен в этом смысле эпизод, где бойкая семилетняя Чёрвен, вокруг которой вращается жизнь на острове, и ее ровесник из города Пелле потерпели «кораблекрушение» и очутились на Ворчальном острове. Не успели они сойти на берег, как Чёрвен уже определила мягкому, осторожному Пелле второстепенную роль Пятницы, а сама, без какой-либо демократической дискуссии, назначила себя Робинзоном Крузо в переднике и нарукавниках:

> «Чёрвен хотелось быть… Робинзоном, у которого есть маленький садик, где бы она собирала на сладкое землянику. Она видела, сколько спелой земляники краснело в траве перед хижиной. Будь ее Пятница как все люди, он взял бы старую удочку Тедди, стоявшую возле хижины, и наловил бы в море окуней»[50].

Но ее другу, «защитнику природы» Пелле, жалко и рыбу, и живую приманку. И так на протяжении всего романа большие и маленькие мужчины – за немногими исключениями – показывают женскую сторону своего характера. В частности, своим отношением к природе. Тема окружающей среды возникает, когда над Столяровой усадьбой вдруг нависает угроза, что ее купит и модернизирует капиталист – разрушитель природы, прибывший на остров в большой, экологически небезопасной моторной лодке. Интервью 1963 года, когда Астрид Линдгрен работала над рукописью, показывает, что она разбиралась в вопросах экологии. Рассказывая о напряженной работе, Линдгрен насмешливо заметила, что ей приходится очень торопиться, чтобы успеть «до того, как природу погубят пластиковые лодки и прочие так называемые технические достижения».

Улле Хелльбум (слева) в разгар съемок на острове Норрёра в 1963 г. «Он был странным человеком, но как будто и сам об этом знал, – пишет Астрид в некрологе летом 1982 г. – „Блестяще“, –

произносил он, когда ему показывали результаты работы. Это было его любимое словечко, и ты уходил от него, чувствуя себя блестящим». (Фотография: Арне Швитц / ТТ)

То, что Астрид Линдгрен была готова к переменам в общественном сознании, которые происходили в Скандинавии 1960-х, заметно по атмосфере свободы, терпимости и уважения, окружающей всех детей острова. На острове Сальткрока каждый может оставаться собой, мужчина и женщина, старый и малый. Чувствовать, думать и, в основном, делать что хочет. Все, что происходит за два лета и зимние каникулы и частично отражается в дневнике Малин, который вплетается в роман разрозненными недатированными календарными листками, порождено желанием. «18 июля» – единственная дата в романе, и это тот важный день, когда Мелькер Мелькерсон произносит перед своими детьми мудрые слова: «Этот день и есть жизнь». Слова, что отпечатались в сознании семнадцатилетней Астрид Линдгрен в доме Эллен Кей в 1925 году, – слова, что Кей почерпнула у шведского поэта XVIII века Томаса Торильда. За завтраком Мелькер объясняет детям, что они означают:

> «Это значит, что каждый день надо жить так, словно тебе дарован всего один-единственный день. Надо пользоваться каждой секундой и чувствовать, что ты в самом деле живешь на свете».

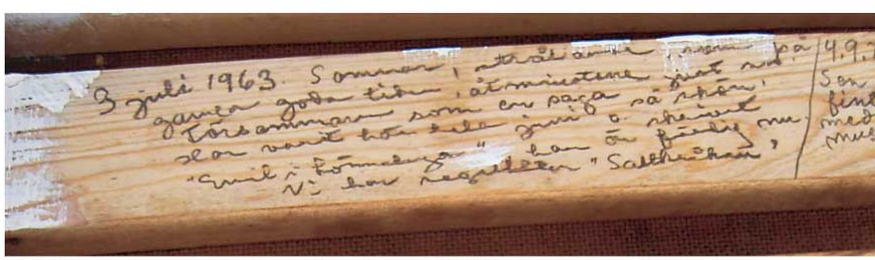
Из-за старой расчески Пелле возникает разговор о «жизненном тонусе». Каждый день Пелле отламывает от расчески зубчик, ведя счет дням до конца райского лета на острове Сальткрока. Его отец-мечтатель считает это натуральным самоистязанием и выкидывает расческу в мусорное ведро: «Неправильно испытывать страх перед будущим, надо наслаждаться сегодняшним днем». Пелле удивляется поступку отца и долгому разговору взрослых о «жизненном тонусе». «Где же такой находится?» – спрашивает Пелле у Малин, и та отвечает: «У тебя, по-моему, в ногах. Когда ты говоришь, что ноги тебя сами несут, – так это он, жизненный тонус!»

У детей на острове Сальткрока 1964 года, представляющих шведских мужчин и женщин дня завтрашнего, такие беспокойные ноги, они так умеют наслаждаться каждой минутой, проведенной в шхерах, будто близится их последний час. Они пускаются в великие приключения – посуху и по морю – и попадают в опасные ситуации, когда внезапно меняется погода. Это вполне в духе философии Томаса Торильда, лежащей в основе романа. «Этот день и есть жизнь» – формула, предполагающая знание и

осознание того, что в жизни всегда присутствует смерть. Ничто не длится вечно. Именно это проиллюстрировано в суровой главе, где лиса задрала кролика Пелле, искусала ягненка Стины и едва не погубила пса Боцмана. За секунду безграничная радость превращается в глубокую черную скорбь, которую малышам Пелле и Чёрвен трудно вместить, однако писатель не щадит ни их, ни маленьких читателей. И мысли Линдгрен о реальности скорби и необходимости одиночества, разумеется, обобщает Малин, материнская фигура в романе:

> «– Видишь ли, в жизни иногда приходится тяжело. Даже маленьким детям. Даже такой малыш, как ты, должен испытать и перебороть горе, и перебороть его тебе нужно самому».

Книга «Мы – на острове Сальткрока», эта счастливая мечта об острове, где во взаимном уважении, с любовью к природе, сосуществуют дети, взрослые и животные, в 1960-е годы стала значимой составляющей самопонимания шведов и, отчасти, всех скандинавов. В то время, когда книга вышла на четырех скандинавских языках, а фильм появился на черно-белых экранах шведского, норвежского, датского и финского телевидения, гендерный вопрос еще не стал актуальным, а слово «экологичный» воспринималось как иностранное, а вот взгляды на права скандинавских детей быстро менялись, и это не в последнюю очередь отражалось на социальных законах и школьных реформах 1960-х.



3 juli 1963. Sommar, strålande som i gamla goda tider! Åtminstone just vid Försommar som en saga så skön!
Har varit här hela juni o skrivit "Emil i Lönneberga" han är färdig nu.
Vi har _____ Saltkråkan

На деревянной скамье на балконе своего фурусундского дома в 1955 г. Астрид начала писать особый дневник. Каждый год она суммировала все, что произошло прошедшим летом, записывая это на досках снизу, на обратной стороне сиденья. Под датой 3 июля 1963 г. значится кое-что и о «Мы – на острове Сальткрока», но

сначала: «Солнце сияет как в старые добрые времена! По крайней мере, первые дни лета были просто сказочными! Пробыла здесь весь июнь, писала „Эмиля из Лённеберги“, закончила…» (Фото: Saltkråkan)

Эта осторожная критика отношения общества к природе, отношений мужчин и женщин, взрослых и детей не закончилась на сериале и романе об острове Сальткрока. Она продолжилась в новых книгах Астрид Линдгрен, в теле– и кинопродукции последующих десяти лет, когда на фоне различных исторических декораций автор все с новыми вопросами обращался к тому патриархальному строю, при котором господствовало пренебрежение природой, вечно развязывали войны и продолжали угнетать женщин и детей. Книги «Мы – на острове Сальткрока» и особенно «Эмиль из Лённеберги» (последний за 1968-й, рубежный, год вырос в трилогию о бунте сыновей против авторитета отцов) ознаменовали начало последней большой главы в творчестве и жизни Астрид Линдгрен, где она выступает как гуманист, цивилизационный критик и политический активист.

Молодежный бунт в Лённеберге

В мае 1963 года внимание Астрид Линдгрен резко переключилось со стокгольмских шхер ее времени на Смоланд конца XIX столетия. Обстоятельство было отмечено в дневнике 23 мая: «Сегодня написала первые слова того, что может стать книгой об Эмиле из Лённеберги». Астрид посетила идея написать сборник рассказов о смоландском крестьянском мальчишке – с такими шустрыми ногами и развитыми лобными долями, что в наше время ему бы грозил диагноз и куча таблеток.

Имя Эмиль возникло так же случайно, как и Пеппи Длинныйчулок, которое нафантазировала Карин, а Астрид использовала. На сей раз в деле поучаствовал старшенький Карин, малыш Карл-Юхан: летом 1962 года у него случались жуткие приступы гнева. Временами трехлетнего мальчика, казалось, просто не остановить, что-то нужно было предпринять, рассказывала бабушка Карла-Юхана на Дне книги в Клагсторпе в 1970 году:

> «И вот однажды я кое-что придумала и завопила еще громче его: „Угадай, что как-то сделал Эмиль из Лённеберги?“ Имя просто сорвалось у меня с губ, но

Карл-Юхан затих, ему захотелось послушать, что же такое сделал Эмиль из Лённеберги. И потом я каждый раз пользовалась этой уловкой, и он замолкал. Тогда мне и в голову не приходила мысль написать книгу, а потом я вдруг стала думать: а кто же такой этот Эмиль и как ему живется в Лённеберге, и, еще ничего не зная, я начала о нем писать».

История Эмиля, однако, зародилась гораздо раньше, чем можно заключить из этого рассказа: другие шустрые мальчишки из прошлого и настоящего писательницы тоже поучаствовали в создании образа единственного героя детских книг Линдгрен, который витальностью и популярностью соперничал с Пеппи Длинныйчулок. Годами Астрид хотелось как-то использовать авантюрные истории, услышанные в детстве от Самуэля Августа, – и в более крупной форме, нежели отдельные рассказы, вроде «Укротителя из Смоланда» и «Нескольких слов о Саммельавгусте», опубликованных в 1950 году. Мысль эта не отпускала ее после смерти матери в 1961 году: Астрид боялась, что отец недолго проживет без своей любимой, незаменимой Ханны из Хульта.

Осенью 1963 г. бабушка может почитать вслух свою первую книжку об «этом Эмиле из Лённеберги» Карлу-Юхану (слева) и его младшей сестренке Малин. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

И конечно, детские проказы Гуннара тоже послужили материалом для образа Эмиля. Однажды в Нэсе Гуннар забрался на высокую крышу, и тут как раз подошел Самуэль Август. «Спускайся, Гуннар», – сказал он, и мальчик тут же послушался. Когда через десять минут отец опять проходил мимо, Гуннар как ни в чем не бывало снова сидел на крыше. «Я разве не велел тебе спуститься?» – «Велел, но ты не говорил, что нельзя залезать обратно!»

Пригодились и незабываемые сцены и реплики из детства Лассе в 1930-е годы и его сына Матса в 1950-е. В 1963-м Матс уже подрос, но оставался таким же любящим внуком, как когда-то в Даларне, где они с бабушкой проводили зимние каникулы. Тогда он вдруг заявил: «Главное, что мы с тобой вместе… хоть когда-то!» А в 1960-е у Астрид Линдгрен появилось еще пять внуков, детей Карин и Лассе, – постоянный источник радости, удивления и вдохновения. На самом деле, рассказывает Карин Нюман, Астрид вдохновляли все окружавшие ее дети и истории о детях, все это она могла использовать в книгах:

> «Астрид запоминала услышанное от детей, разрозненные реплики, сцены из их жизни и вставляла их в свои книги, свои детища. „Селедка в воскресенье, фу ты, гадость какая!“ – сказал как-то ребенок друзей; „Меня ноги сами так и несут“, – заявил сын Ингегерд Оке, а сын еще одних друзей залез на навозную кучу под дождем, чтобы быстрее вырасти. Кроме того, мама считала, что источник вдохновения – в ее детстве, ключевом периоде жизни. Часто бывало, люди предлагали ей встретиться с их детьми: „О, вы столько от него почерпнете“, но она всегда отчетливо давала понять, что вдохновение к ней приходит не так. Думаю, правда то, что сказала сама Астрид, – что прототипами Эмиля были Самуэль Август и ее брат Гуннар, и, возможно, племянник Оке – он в детстве немало хлопот родителям доставил».

Но в 1962–1963 годах благодаря маленькому Карлу-Юхану на свет родилось имя Эмиль, и именно внук подал Астрид идею написать три истории, положившие начало целой саге. А потому Линдгрен посвятила книгу внуку. «Карлу-Юхану» – написано на форзаце первых 100 тысяч экземпляров шведского издания «Эмиля из Лённеберги».

У Карла-Юхана, счастливого обладателя «кепарика», в которой он время от времени спал, было столько мыслей, столько фантазий, что Астрид не уставала слушать о внуке и наблюдать за ним. По какой-то необъяснимой причине мальчик звал свою мать «маленькой госпожой Нюман», а однажды, в 1963 году, за ужином в доме Карин и Карла-Улофа почти уже четырехлетний ребенок внезапно уставился на родителей и произнес: «Я вас знаю, а вы меня – нет». Так же загадочно, рассказывала Астрид в письмах Анне-Марие Фрис, Эльсе Олениус и Луизе Хартунг, он мог выражаться, внезапно появляясь с кем-нибудь из сестер и братьев, родных и двоюродных, у двери дома на Фурусунде:

> «„У тебя есть детская еда?“ – приходит и сладчайшим голосом вопрошает Карл-Юхан. И когда я отвечаю „да“, так же сладко продолжает: „Хорошо, потому что они хотят есть“. И они действительно хотят. Довольно часто. Так что я готовлю довольно много „детской еды“».

Карл-Юхан сообщил, что женится только на своей младшей сестренке Малин, когда она вырастет, и у них будет трое детей по имени Лайф, Матс и Кадольф. Сестренка была еще младенцем, но старший брат поупражнялся в проведении брачного ритуала в день, когда им разрешили пойти поглядеть на свадьбу одного из братьев Карла-Улофа, а Астрид должна была присматривать за детьми. Сначала, казалось бабушке, все было хорошо. В церкви Малин в основном спала, а Карл-Юхан с интересом наблюдал за церемонией, пока пастор раскатистым голосом не произнес: «Помолимся!» Карл-Юхан еще громче закричал: «На помощь! На помощь!» – чем, как написала Астрид Луизе Хартунг в феврале 1963 года, привлек всеобщее внимание. Когда они вернулись домой и сели за ужин, Карл-Юхан хватился родителей: «Когда эти чертовы люди придут домой?»

Вечернее купание Эмиля и Альфреда 28 июля, быть может, самый утопический момент в творчестве Астрид Линдгрен, красиво интерпретированный под краснеющей закатной луной

Бьёрном Бергом: «А на озере, среди чудесных водяных лилий, плавали в прохладной воде Альфред и Эмиль, и огромная красная луна светила им, словно фонарь.

– Ты и я, и никто нам не нужен, – сказал Эмиль. – Верно, Альфред?

– Верно, Эмиль, – ответил Альфред». (Иллюстрация: Бьёрн Берг / Бильдмакарна Берг)

Но, как уже было сказано, создавая своего Эмиля, Астрид черпала вдохновение и в других детях, и в собственных воспоминаниях: тут и Самуэль Август, и Гуннар, и Лассе, и Матс, и Оке, и, не в последнюю очередь, сама Астрид, которая родилась в день святого Эмиля в ноябре 1907 года и носила второе имя Эмилия. Так что мальчишка, всегда живший в ее душе, обзавелся шустрыми ножками, на которых и отправился в путь в 1963 году, а в последующие годы с ним приключилось столько интересного, что хватило материала на целую трилогию, три части которой увидели свет в 1963, 1966 и 1970 годах, а в 1980-е увенчались еще тремя историями, вошедшими в книгу «Эмиль и Ида из Лённеберги». В этой книге Эмиль посвящает свою огромную коллекцию деревянных человечков будущим поколениям и окончательно прощается с читателем и столярной на Катхульте. Это художественное произведение настолько целостно и представляет собой настолько утонченную рамочную конструкцию (Альма Свенсон в течение года описывает многочисленные проказы Эмиля), что пятнадцать рассказов читаются как плутовской роман в эпизодах а-ля «Дон Кихот».

Если обратиться к трем первым книгам об Эмиле, вполне соответствовавшим духу 1960-х, когда весь западный мир был объят народными манифестациями, участники которых – борцы за гражданские права, студенты, хиппи, противники атомной энергетики и войны во Вьетнаме – на разных уровнях ратовали за свободу, за громким смехом можно различить глубокое искреннее желание высказаться о жажде свободы, гражданском мужестве и «демократизации семьи» (как это сформулировала Астрид Линдгрен в одной датской газете в 1977 году).

В одной из своих книг о творчестве Астрид Линдгрен литературовед Виви Эдстрём пишет, что шведскому актеру Аллану Эдваллю в роли отца Эмиля в экранизации 1971 года «не хватало искорки в глазах, когда он пугал детей притворным рыком во время набегов в столярную». С этим можно поспорить. Разве Эдвалль не попал в точку, изобразив ослабленную фигуру отца, напоминающую нам о тех авторитетах, чье падение близилось в демократической Европе 1968–1970 годов?

Авторитеты, увековеченные художником Бьёрном Бергом – одновременно сыном и отцом – в образе смехотворного патриарха, восседающего во главе обеденного стола семьи Свенсон, – трактовка, против которой Астрид Линдгрен ни разу не возразила за более чем десять лет сотрудничества. В выразительных линиях Берга Антон Свенсон раз за разом предстает тем персонажем, которым, по сути, и является на протяжении всей саги об Эмиле из Лённеберги: дураком, над которым читатель может посмеяться и которого читатель может пожалеть. Но не слишком сильно! В 1970 году, на последней странице трилогии, после того как Эмиль совершает подвиг в снежную бурю, пока отец нежится дома в тепле и жалеет себя, Астрид Линдгрен вкладывает в уста Антона Свенсона слова, призванные подчеркнуть его мелочность:

> «По-честному, я не думаю, что Эмиль станет когда-нибудь председателем сельской управы… Но он парень что надо, и, если он будет жив-здоров, из него выйдет толк, это уж как пить дать!»[51]

Основа конфликта в трилогии – борьба за власть между отцом и сыном. Эта борьба возникает либо из страха отца, что сын скоро его перерастет, либо из неукротимого желания сына повелевать своим отцом и матерью и всем Катхультом, а лучше всей Лённебергой – желания, которое, как мы знаем, парадоксальным образом сбывается в его взрослой жизни председателя сельской управы. Во всех пятнадцати историях, охватывающих полтора года жизни Эмиля, эта борьба разгорается, когда сын показывает себя умнее, сообразительнее, смелее, человеколюбивее и изобретательнее, чем отец, и каждый раз заканчивается заключением в маленькой столярной. Но и взаперти, в одиночестве, иногда мучительном, иногда блаженном, Эмиль вырастает внутренне. Мир раскрывается перед мальчиком, пока он сидит, склонившись над своими художественными поделками, и дверь, ведущая к свободе, вынуждена открыться, и антиавторитарный бунтовщик может дальше сеять радость, ужас и добро на свой непосредственный, более или менее бездумный лад.

Молодежный бунт, груз которого несет на своих мальчишеских плечах Эмиль, выходит за рамки своего времени в последнем рассказе саги, где сын снова поступает наперекор жалкому эгоцентричному отцу и осмеливается рискнуть жизнью ради другого человека. В аду снежной бури Эмиль спасает свою мечту об отце – наемного работника Альфреда – от смерти из-за заражения крови. И Альфред, и Эмиль, и лошадь Лукас находятся

уже на полпути в царство мертвых, когда парнишка героически собирает последние силы и бросает в лицо бушующей стихии слова, которые Астрид Линдгрен пронесла через самые жесточайшие жизненные перипетии: «Когда надо быть сильным, сил хватает».

Именно это напоминание о человеческой отваге и любовь Эмиля к мужчине, которого он хотел бы видеть своим отцом, связывают воедино искрометный юмор и многочисленные комические эпизоды книги и поднимают повести об Эмиле на уровень мировой литературной классики для детей. Ибо самое важное в «Эмиле из Лённеберги» – его гуманистическая основа. Это тихое, проникновенное эхо, следующее за смехом, напоминает нам о том, кто мы есть, и о том, что нам, людям, нельзя забывать: относись к другим так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе.

Памяти Самуэля Августа

Отец Астрид Линдгрен не успел прочитать последнюю книгу об Эмиле. 28 июля 1969 года, когда лето уже близилось к концу, а с ним и белые ночи, 94-летний Самуэль Август Эриксон умер. Спустя десять дней Астрид карандашом записала на днище лавки на балконе на Фурусунде, где год за годом вела в высшей степени нетрадиционный дневник:

> «Все лето – страшная жара. Безумно сухо. Лето отчаяния, Лассе в глубокой депрессии, болен, без работы. Папа умер 28 июля. Буквально накануне первые люди ступили на Луну. Написала песни к Пеппи. Пишу Карлсона».

Третий том повестей об Эмиле вышел в 1970 году под названием «Жив еще Эмиль из Лённеберги». Как и обещает название, маленький искусник с Катхульта все так же полон жизни и проказлив, но основной прототип Эмиля ушел навсегда и был – как и его правнук Карл-Юхан в 1963-м – отмечен на форзаце словами: «Памяти Самуэля Августа». Как рассказала Астрид на Дне книги в Клагсторпе осенью 1970 года, отец с большим интересом следил за созданием саги об Эмиле и он же был родоначальником проказ нескольких поколений:

> «В последние годы папа так вжился в Эмиля, будто считал, что тот действительно существует. Незадолго до папиной смерти я рассказала ему о коммерческой удаче

Эмиля на аукционе в Баккегорден, и отец очень радовался – он ведь и сам довольно преуспел в коммерции. Он считал, что Эмилю нужно продолжать в том же духе, и каждый раз при встрече спрашивал, не побывал ли Эмиль на новом аукционе. Еще он хотел, чтобы я написала книгу об Эмиле, когда тот станет председателем сельской управы. Папа многие годы был церковным старостой, веселым, добрым и щедрым, настоящим „välmänske“, другом всему свету».

Отец и дочь, 1969 г. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

«Välmänske», рассказывает Карин Нюман, – это смоландское словечко: так ее мать обозначала человека, который, не выставляя это напоказ, излучал позитивный настрой и умел создавать

приятную атмосферу. Такого, что был добр к другим, вмешивался и активно помогал, если нужно. Часто спонтанно и инстинктивно, как Эмиль, перед всем классом поцеловавший учительницу в губы, а потом объяснивший красной и смущенной фрёкен, почему так поступил:

> «– Из любезности, – ответил Эмиль, и это стало с тех пор как бы поговоркой в Лённеберге. „Из любезности, как сказал мальчишка с хутора Катхульта, целуя свою учительницу“ – так говорили лённебержцы и, насколько мне известно, и сейчас еще говорят».

Вот таким человеком был Самуэль Август Эриксон, и теперь он ушел навсегда. За одно десятилетие Астрид, Гуннар, Стина и Ингегерд потеряли обоих родителей. Сильные личности, Самуэль и Ханна воспитывали своих четверых детей твердой рукой, но предоставляли им свободу и всегда показывали хороший пример. И не в последнюю очередь – пример счастливой супружеской жизни в эпоху, когда менялось представление о любви и все больше семей прискорбным образом распадалось. Вот что сказала Астрид Линдгрен в интервью «Экспрессу» 6 декабря 1970 года:

> «Они так много значили друг для друга, что мы, дети, в каком-то смысле были на заднем плане. Папа безумно любил маму и каждый день напоминал ей, что она уникальна. <…> Я думала, что после маминой смерти он потеряет всякое желание жить. Но он продолжал считать жизнь удивительной, а смерти ждал с надеждой: Ханна пребывала в раю, и там они встретятся. В этом не могло быть никаких сомнений, и обсуждать тут нечего».

Когда весной 1955 года у Ханны случился инсульт и она долго болела, Астрид в письме спросила Луизу Хартунг, не задумывалась ли та о своем отношении к матери. Сама Астрид об этом думала и пришла к четкому выводу: «Я всегда любила папу больше мамы, но восхищалась ею за ясный ум и большие умения». А когда в мае 1961 года Ханна умерла, Астрид повторила в письме к Луизе, что никогда не была «особенно привязана к матери».

Это отношение заметно в изображении родителей в книге «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта», основанной на юношеской переписке родителей. Книга была впервые опубликована в журнале «Ви» в 1972 году. В описании сдержанной, религиозной Ханны нет ни холодности, ни

отстраненности, но в изображении «välmänske» Самуэля Августа столько тепла и симпатии, что родительский портрет становится признанием в любви к отцу и благодарностью за все, чем дочь чувствовала себя ему обязанной:

> «Ему было свойственно поразительное доверие к жизни, желание жить и твердая убежденность в существовании жизни после жизни, а потому даже смерть Ханны его не сломила. Он продолжал любить ее, говорить о ней и восхвалять все ее добродетели. И даже в 94 года, когда, радостный и довольный, лежал в кровати в доме престарелых, своем последнем земном пристанище».

Нэсу уже не быть прежним без Ханны и Самуэля Августа, но он наверняка обретет какую-то новую жизнь. Вот так же дом Линдгренов на Далагатан совершенно преобразился в 1950-е, а дача на Фурусунде в 1960-е постоянно менялась в зависимости от того, жила там Астрид одна или с семьей. «Одиночество – очень странный флюид, который заполняет дом своеобразным отдохновением», – констатировала она в письме Луизе в августе 1963-го, удивляясь тому, что одиночество может действовать так освежающе, и одновременно испытывая легкие угрызения совести, оттого что совершенно не скучала ни по детям, ни по внукам, которые недавно вернулись в город. Замуж она больше никогда не выйдет, это было решено. Вот что Астрид писала своей немецкой подруге в июле 1961-го, наслаждаясь летним теплом, собирая лисички и читая биографию Жорж Санд авторства Моруа:

> «Совершенно с тобой согласна – просто загадка, как люди умудряются жить в браке. Жениться, по моему мнению, надо очень рано, а с другой стороны, есть же дураки, которые женятся раз, другой, третий, даже и в более зрелом возрасте. Одно только знаю… нет такого мужчины на свете, который мог бы прельстить меня новым браком. Возможность быть одной – это просто невероятное счастье: заниматься собой, иметь свое мнение, самостоятельно действовать, самой решать, самой устраивать свою жизнь, спать, думать, оооо!»

Битва за фантазию

Ангелы, ниссе, драконы и ведьмы были нежеланными гостями в скандинавской детской литературе 1970-х. «Что есть фантазия? Говорящие животные, ниссе и тролли?» – так в начале десятилетия прозвучал вопрос шведского писателя Свена Вернстрёма на одном из семинаров Скандинавской народной академии (NFA) в Кунгельве, которые задали новую повестку обсуждения детской и юношеской литературы в Скандинавии.

> «Для меня фантазия – это не животные и ангелы, тролли и драконы. Фантазия – это способность представить то, чего нет. Но „то, чего нет“ бывает разным: а) то, чего нет, потому что это невозможно (например, Бог, ангелы, говорящие животные), и б) то, чего нет, но все же возможно (например, социалистическая Швеция или демократическая школа)».

Свен Вернстрём, автор детских и юношеских книг о кубинской революции, партизане Иисусе и тысячелетней истории шведского рабочего движения, в начале 1970-х стал образцом для многих скандинавских детских писателей. «Вся литература политична» – таков был лозунг левого литературного крыла, для которого детская литература была оружием классовой борьбы, которое возносило детей и юношество в марксистский мир, очищенный от сверхъестественных порождений фантазии.

Но в усадьбе Нэс в восточном Смоланде по-прежнему голосовали за Партию центра и верили в нечистую силу. И в старую кухню в красном доме Ханны и Самуэля Августа регулярно наведывалась ведьма, которая брала старую Ханнину лопатку для хлеба, насыпала на нее шоколадки и просовывала в кухонную дверь. Дети, не в силах устоять перед соблазном, прилипали к лопатке, и ведьма затаскивала их в кухню и засовывала в ящик для дров. Преотвратительным сиплым голосом ведьма говорила, что возьмет ножницы для стрижки овец и обрежет прекрасные волосы ужасных детей. Иногда она оставляла свою лопатку и бегала за мальчиками и девочками по старому дому. Лишь в одном месте, под кроватью в гостевой комнате, можно было передохнуть и утешить младших братьев, сестричек и прочих родственников, давно лежавших тут в темноте и ревущих от страха.

Вот такая «жуть», как говорили дети в Нэсе, могла случиться, когда тетя Астрид приезжала в Виммербю и брала на себя роль

ведьмы в доме своего детства, который она купила, отремонтировала и обустроила – все в нем стало как в том самом доме, где росли они с Гуннаром, Стиной и Ингегерд. Писатель Карин Альвтеген рассказывала, что ведьминские игры всегда были долгими и правдоподобными. Карин была одной из семи детей Гуннара и Гуллан, время от времени попадала в ящик для дров, но, как и все прочие дети, выбиралась из него, когда ведьма отворачивалась и очень долго искала ножницы для стрижки овец на верхней полке:

> «Там она жила, приезжая в Нэс, и там играла в ведьму со своими племянниками и племянницами. То есть играла по-настоящему. Вот это и было интересно в играх с Астрид. Мы как будто до конца не знали, не превратилась ли она в настоящую ведьму, так здорово она умела играть. Обычно взрослые этого не могут».

Игры в ведьму начались на Фурусунде в начале 1960-х, когда Астрид стала брать Карла-Юхана и еще одну девочку, его ровесницу, в лес на поиски троллей и ниссе, прячущихся за деревьями. Дети обычно оставались в повозке и следили, как бабушка Карла-Юхана кралась по лесу, пытаясь застукать духов природы на месте преступления. Позже, когда дети стали старше и их стало больше, Астрид сама превратилась в нечистую силу, без лопатки для хлеба, зато в жуткой японской маске – подарке далекого обожателя. Результат, когда она надевала ее и бегала за детьми, был устрашающим, рассказывает Карин Нюман и прибавляет: «Астрид казалось, люди всех возрастов понимают, что страх и напряжение нужны в игре, она не приписывала это открытие себе».

Фурусунд, 1968 г. Добрая бабушка бежит за внуками. «Дети – лекарство для души, – пишет Астрид Линдгрен Луизе Хартунг в начале десятилетия. – Глядя на них, понимаешь, для чего же Господь наш, собственно, создал людей: чтобы жить было хорошо и весело». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Астрид Линдгрен любила напугать и своих читателей. Желательно так, как взрослые в Нангилиме пугали детей «жуткими, страшными сказками», как говорится в концовке «Братьев Львиное Сердце». Так же за Астрид, Гуннаром, Стиной и Ингегерд в детстве гонялась их бабушка, рассказывала Астрид Линдгрен «Дагенс нюхетер» 8 сентября 1959 года:

> «Бабушка, кротчайший человек на свете, рассказывала нам довольно страшные вещи, легенды и истории о привидениях. Например, мне вспоминается история о привидении из церкви в Румскулла. Давным-давно жил-был мужчина, который прокрался в церковь, нарядившись привидением, чтобы напугать звонаря. Но ночью его заперли в церкви, и он окаменел от страха, „кровь в его жилах застыла“, рассказывала бабушка. Он не был живым, но и не умер, так что его нельзя было похоронить, и он стоял в нише. Но прошло сто лет, и пастор нанял служанку из тех, что ничего не боятся, и

как-то вечером она дурачилась с бродячим портным, хвасталась своим бесстрашием, и он побился с ней об заклад. Если она войдет в церковь и вынесет привидение на спине, будет ей отрез на платье. Она вошла в церковь, вернулась с привидением и бросила его на пол в гостиной. „Но я не обещала вернуть его обратно“. Перепуганный портной уговорил ее, надавав новых обещаний. И только она вернулась с привидением в церковь, как тот схватил ее – рассказывала бабушка так, что мурашки по коже! – и мертвецким голосом потребовал, чтобы девушка отнесла его к могиле звонаря. Когда они туда добрались, он попросил у звонаря прощения. Снизу донесся замогильный голос: „Бог простит, и я прощаю“. Тут привидение рассыпалось в прах, который можно было похоронить в освященной земле… Да, вот такие нам рассказывали истории, моему брату Гуннару, мне и нашим сестрам».

Ошарашить верных поклонников необычной книгой – вполне в духе Астрид Линдгрен. И наплевать, если тем самым она провоцирует критиков из тех, что любят диктовать, какой должна быть детская литература. Линдгрен не отличалась политической корректностью, и еще до того, как спор о роли фантазии в скандинавской детской литературе разгорелся всерьез, она обозначила свою позицию по этому вопросу. В эссе, напечатанном в журнале «Барн & Культур» в 1970 году, Астрид Линдгрен посмеялась над соцреалистическим стилем книг Свена Вернстрёма и ему подобных, намекая, что тоже могла бы состряпать общественно ориентированную детскую книгу, если уж на то пошло:

«Возьмите одну разведенную мать, желательно мать слесаря, но физик-ядерщик тоже подойдет, – главное, чтобы она не „шила“ и не „была милой“, смешайте мать слесаря и две части отработанной воды, две части загрязнения воздуха, пару ложек нужды и некоторое количество родительского угнетения и учительского террора, аккуратно выложите слоями с парой горстей расовых противоречий и парой горстей половой дискриминации, добавьте немного Вьетнама, как следует посыпьте половыми актами и наркотиками, и вы получите отличный соус, который заставил бы содрогнуться Сакариаса Топелиуса[52], если бы он его попробовал. <…> Ни один нормальный человек не поверит, что хорошую детскую книгу можно написать по

рецепту».

А именно этим и занимались многие молодые детские писатели Скандинавии, вдохновляемые ровесниками-литературоведами из университетов, где теперь изучалась детская и юношеская литература. Не был исключением и Копенгагенский университет, где в начале семидесятых бичевали «старых» детских писателей, «упорно продолжающих писать о личных проблемах отдельного индивида». Именно такая формулировка содержалась в одном из самых модных в эти годы в Скандинавии литературоведческих трудов «Дети. Литература. Общество». Его авторами были «левые» энтузиасты Пиль Далеруп, Сёрен Винтерберг и Уве Крайсберг. В противоположность Астрид Линдгрен, они не остерегались давать определение тому, какой должна быть детская книга 1972 года выпуска:

> «Хорошая детская книга – это такая книга, где автор ставит вопросы, исходя из ситуации, в которой находятся дети, и дает ответы в социалистическом духе».

Эмиль и «Икеа»

В 1971 году по другую сторону Эресунна на творчество Астрид Линдгрен накинулись три шведских историка литературы – Ева Адольфсон, Ульф Эриксон и Биргитта Хольм. В журнале «Орд & Бильд» «Эмиля из Лённеберги» заклеймили как будущего «агрокапиталиста», а книги о Пеппи, детях из Бюллербю, Крошке Нильсе Карлсоне, Мио, Мадикен, Малыше и Карлсоне объявили чередой нарушенных зароков «освободить наше общество от идеологии достижений».

Марксисты из «Орд & Бильд» заклеймили неуправляемого, непредсказуемого мальчишку из феодального Смоланда как капиталиста как раз в то самое время, когда некий Ингвар Кампрад из южного Смоланда начал экспортировать мебель из ДСП. В противоположность сотням тысяч скандинавов – детей и взрослых, – которые любили Астрид Линдгрен (и мебель смоландского производителя), три этих исследователя были не способны радоваться превращению Швеции в общество благосостояния, то есть тому новому, что Астрид уловила в книге об Эмиле:

> «Оказываясь „лучше“ своего отца, Эмиль предвещает нам новое время. Своей авторитарностью и скаредностью консервативного сельского бедняка отец Эмиля

воплощает патриархальный строй и прежнюю экономическую систему, утратившие актуальность. Благодаря экспансивности и экономическим талантам Эмиля картина меняется. Свежие ветра растущего аграрного капитализма дуют в сторону нового, еще более вероломного угнетательского общественного строя».

Рождество 1972 г. в дневнике Астрид Линдгрен: «Состоялась премьера второго фильма об Эмиле, часть стокгольмской критики

приняла его плохо – на мой взгляд, несправедливо: он много лучше первого. Не нравится он только киношникам, а публика пока что, как я заметила, проявляет интерес». (Фотография: Томас Лёфквист / TT)

Астрид Линдгрен была слишком умна, чтобы участвовать в бурной литературно-политической дискуссии начала семидесятых, в которой и с датского, и с шведского берега Эресунна было выпущено немало стрел в ее сторону. На некоторые она нарвалась сама. Отчасти из-за той своей провокации в «Барн & Культур» в 1970-м, отчасти – благодаря фантастическому роману «Братья Львиное Сердце», опубликованному в 1973 году. С точки зрения адептов Вернстрёма, роман писала не иначе как ведьма на помеле. Отмечалось, что Астрид Линдгрен побуждает детей и подростков к самоубийству скорее, чем к бунту, предположительно поддерживает идею реинкарнации и погружает читателя в эзотерическую материю.

Она прекрасно понимала, что «Братья Львиное Сердце» опережают свое время. За полгода до издания книги, на Пасху 1973-го, «Рабен и Шёгрен» напечатали анонс книги, написанный Астрид и в первую очередь адресованный книготорговцам, а затем – прессе и издательствам соседних стран, заинтересованным в покупке прав на роман. В анонсе Линдгрен рассказывала о книге и намекала, что, по всей видимости, это ее произведение предназначено для читателей не всех возрастов. Лучшую приманку трудно было и представить, и в последующие несколько месяцев напряжение росло:

> «Я назвала книгу повестью времен лагерных костров и сказок, но, возможно, это ни о чем вам не говорит. Это не исторический роман, как кто-то мог подумать. Ричард Львиное Сердце не имеет к сюжету никакого отношения. Герои книги – два брата, носящие прозаическую фамилию Лев и в начале повести прозаически живущие в деревянном бараке где-то в бедной Швеции. Не в обществе благосостояния. Живут они в маленьком городке, мать кое-как сводит концы с концами, работая швеей, – да, начало несколько мелодраматическое! Мальчикам десять и тринадцать лет. А как они становятся Братьями Львиное Сердце из Рюттаргорден в Долине Вишен в Нангияле – об этом я вам не скажу. Не стану ничего рассказывать заранее. Скажу только, что книга будет увлекательной, такой увлекательной, что ее,

возможно, и не стоит давать ребенку младше семи лет. Но я, конечно же, опробовала ее на своем видавшем виды четырехлетнем внуке. Он уснул. Может, это была защитная реакция. Однако его девятилетний брат довольно улыбнулся, когда начались страшные приключения. О книге могу сказать вот что: сначала все очень грустно, потом какое-то время чудесно, а потом страшно. А потом – потом наступает конец! Который я как раз должна писать».

Заключительная фраза была правдивой. Последняя глава «Братьев Львиное Сердце» с Нового года сильно омрачала жизнь Астрид. В начале года – на Далагатан, затем на Фурусунде, в Тельберге в провинции Даларна, куда она обычно отправлялась на зимние каникулы с внуками и стенографическими блокнотами. После Пасхи и коммерческого анонса в прессе дела лучше не пошли. Подросток Сара Юнгкранц из писем Астрид узнавала о том, как шла борьба с материалом. Никогда еще окончание книги не доставляло писательнице столько хлопот. 4 мая 1973 года Сара получила следующее письмо:

«Мне нужно дописать две главы, две сложные главы. Скрести за меня пальцы на удачу!»

Четырнадцатилетняя девочка так и сделала, и все же ее старшей подруге по переписке приходилось тяжело: ее никак не удовлетворяло то, что появлялось на страницах стенографических блокнотов. Сроки поджимали, да еще предстояла поездка на Крит с детьми и внуками. 12 июня, когда времени совсем не осталось, Сара получила новое послание:

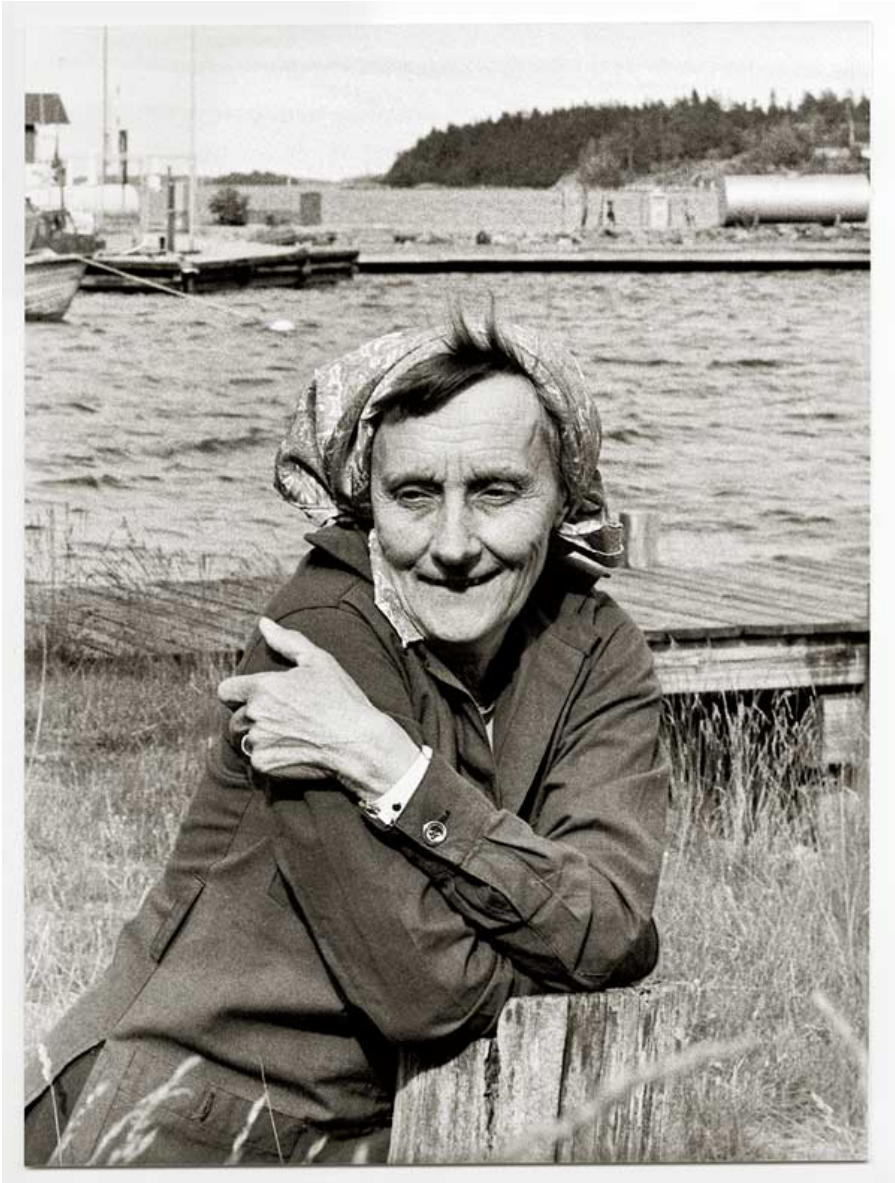
«…еще одна глава, so help me God![53] Но сложная глава. И надо закончить к двадцатому, потому что двадцать первого я уезжаю на Крит».

До того Астрид предстояло заполнить стенографические блокноты текстом последней главы и съездить в Виммербю, где ее класс отмечал пятидесятилетие выпуска. Она ночевала в доме своего детства, проснулась до петухов и тут же принялась писать, сначала в постели, потом за письменным столом отца. Стенографические блокноты отправились с ней и на Крит, остальные главы были перепечатаны и сданы в издательство. Вот что в июне, перечитав три четверти своей рукописи, написала Эльсе Олениус недовольная Астрид:

«Вчера сдала „Львиное Сердце“, за исключением концовки, допишу ее на Крите, если можно. Прочитала – по-моему, книга плохая, огорчена».

Но и на греческом острове Астрид Линдгрен не удалось закончить последнюю главу, и по прибытии домой в начале июля ей пришлось везти рукопись к сестре Ингегерд и ее мужу Ингвару в Фагерсту. Отсюда Эльса получила последние новости о книге:

«В комнатке, где ночевала, рано утром переписала концовку „Братьев“. Но это еще не окончательный вариант, надо переписывать снова».



«Пробыла на Фурусунде больше, чем обычно: нужно было (и хотелось) дописать „Братьев Львиное Сердце“, – отмечает Астрид в дневнике на Рождество 1973 г. – Еще ни из-за одной моей книги не поднималась такая шумиха. Меня заинтервьюировали, все пишут, звонят, высказываются – так странно. Рецензии в основном хвалебные, хотя некоторые считают, что книга слишком страшная или что в ней слишком много зла». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Только 31 июля была поставлена последняя точка в

последней главе. В письме Саре звучит облегчение. Теперь все пойдет своим ходом: «Книга, ты знаешь, отправлена в набор и должна выйти где-то в ноябре».

Свобода не может умереть

Хотя «Братья Львиное Сердце» аполитичны, совершенно свободным от «общественного сознания» и «общественной критики» этот приключенческий роман определенно не был. Разговоры о народном восстании против угнетателей просто затерялись на метафорических тропках – отчего, вероятно, марксистские критики и смотрели на книгу, как черт на Библию. Они упрямо твердили, что в новой книге Линдгрен политики нет. Но если вглядеться повнимательнее, в «Братьях Львиное Сердце» можно найти лозунги в духе революционной риторики семидесятых. Прежде всего – в описаниях бунта жителей Долины Терновника против диктатора Тенгиля:

> «Тенгиль не понимает одного: ему никогда не сломить людей, которые борются за свою свободу и держатся вместе так, как мы»[54].

Политический подтекст можно найти и в портрете, а-ля Че Гевара, бунтовщика Урвара, которого братья Юнатан и Карл Сухарик Львиное Сердце освобождают из заточения в пещере Катлы: «Урвар может умереть, но свобода – никогда!» И разумеется, политически окрашено изображение самого восстания против Тенгиля. Между воинственным Урваром и миролюбивым Юнатаном были глубокие разногласия по поводу стратегии этого восстания. И здесь мы наталкиваемся на выражения, которые вполне могли бы встретиться на страницах «кумачовых» книг для юношества авторства Свена Вернстрёма:

> «– Грянет буря свободы, она сокрушит насильников подобно тому, как она рушит и валит деревья. С грохотом промчится она, сметая всякое рабство на своем пути и возвращая нам наконец свободу!»

Вместо того чтобы указывать на политические параллели между своим романом и действительностью 1973 года, Астрид Линдгрен рассказала в интервью о конфликте, который бесконечно повторяется в истории человечества, оставляя многочисленные следы в истории литературы: о борьбе добра и зла. Как и в «Мио, мой Мио!», она воплотила эту древнюю

мифологическую битву в фантазии мальчика.

По одну сторону находится само воплощенное Зло – Тенгиль, по другую сторону – добро двух разновидностей – Урвар и Юнатан. Оба лидера восстания хотят победить зло, но как его следует побеждать: злом или добром? Рассказчик Сухарик, чьими глазами читатель следит за путешествием по долинам добра и зла, резюмирует проблематику, затронутую в книге, в самом ее, возможно, важном диалоге:

> «– Но я же никого не могу убивать, – сказал Юнатан, – ты ведь знаешь это, Урвар!
>
> – Даже если речь пойдет о спасении твоей жизни? – спросил Урвар.
>
> – Да, даже тогда, – ответил Юнатан.
>
> Урвар этого никак не мог понять, да и Маттиас тоже едва ли.
>
> – Если бы все были такими, как ты, – сказал Урвар, – то зло безраздельно и вечно правило бы миром!
>
> Но тогда я сказал, что если бы все были как Юнатан, то на свете не было бы никакого зла».

Слова «если бы все были как Юнатан» незримым факелом пронесены через книгу, как и другие важные слова о необходимости любви к ближним, солидарности и нравственного мужества в цивилизованном обществе. Эти слова часто цитируют, пытаясь объяснить, что Астрид Линдгрен хотела сказать своим творчеством, кроме того, что она просто рассказывала нам хорошие истории:

> «– Но есть вещи, которые нужно делать, иначе ты не человек, а лишь маленькая кучка дерьма».

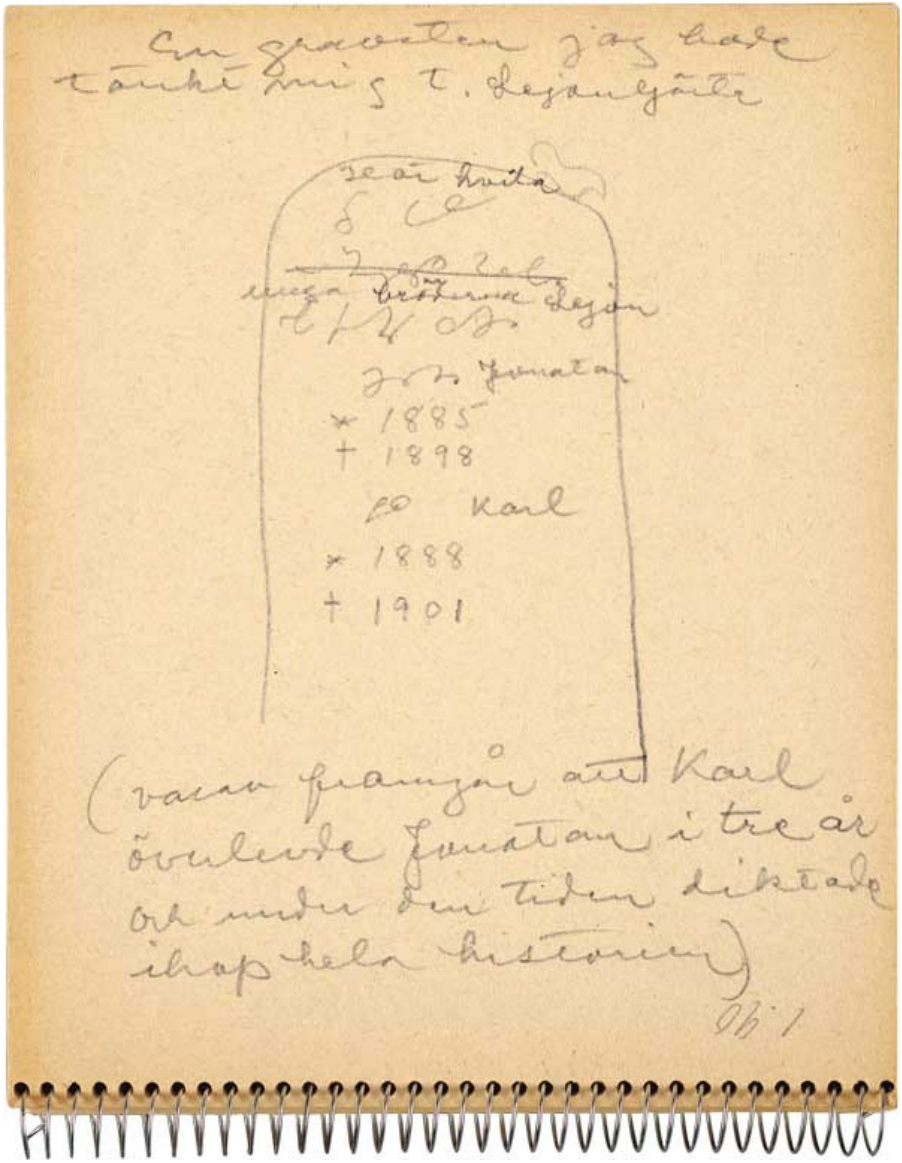
Детские писатели Скандинавии 1970-х вообще редко писали об угнетении, терроре и предательстве в такой художественной аллегорической форме, а подобное натуралистичное и беззастенчивое изображение смерти и глубокое погружение в представления ребенка о жизни после жизни было и вовсе неслыханным.

Чтобы рассказывать детям о смерти, от писателя во все времена требовалась чувствительность к этическим вопросам. Именно это следовало из эссе датского философа К. Е. Лёгструпа «О морали и детских книгах», напечатанного в 1969 году в литературоведческой антологии «Книги для детей и юношества». Книга эта стояла в кабинете Астрид Линдгрен на Далагатан и, предположительно, была ею прочитана, поскольку содержала

десять страниц анализа «Мио, мой Мио!». Лёгструп придерживался крайне прагматичного подхода к скандинавской детской литературе и подчеркивал, что детский писатель всегда будет взвешивать, как подействуют главный герой и концовка книги на читателя, дабы, по его выражению, не «отравить ребенка безысходностью».

Никогда раньше, работая над новой книгой, Астрид Линдгрен осознанно не боялась сломить дух своего читателя, однако, возможно, этот страх и заставлял ее колебаться весной 1973-го, когда она сидела над двумя заключительными главами «Братьев Львиное Сердце». Среди тех немногих, кто уже прочитал книгу, были, по словам Карин Нюман, внуки писательницы:

> «Она читала „Братьев“ внукам, пока писала сказку, но мне никогда не казалось, что ее целью было проверить их „порог терпимости“, – она читала, просто чтобы понять, насколько хороши формулировки. Мне ее сомнения и старания представлялись поиском верных образов для разговора о такой большой теме».



«Надгробие, придуманное мной для „Братьев“ (из чего следует, что Карл пережил Юнатана на три года, за которые и сочинил эту историю)», – написано в стенографическом блокноте № 50, хранящемся в архиве Астрид Линдгрен. (Фотография: Национальная библиотека Швеции)

Впервые за всю свою жизнь Астрид Линдгрен испытала страх чистого листа. Нет, писать она могла, но ее терзали нравственные сомнения по поводу концовки романа, где ребенок решается прыгнуть навстречу смерти вместе со своим умирающим старшим

братом. Смогут ли дети понять, что прыжок в последней сцене происходит «только» в воображении Сухарика, или же поймут все буквально и, быть может, «отравятся безысходностью»?

То, что Астрид Линдгрен приходили в голову эти мысли, можно заключить, листая один из многочисленных стенографических блокнотов 1972–1973 годов – блокнот № 50, хранящийся в архиве Национальной библиотеки. Больше всего в этом блокноте, содержащем черновик главы романа и наброски двух довольно длинных писем, в глаза бросается картонная обложка, на которой Линдгрен карандашом нарисовала большое надгробие с именами обоих братьев Львиное Сердце и датами их рождения и смерти: «Юнатан 1885–1898» и «Карл 1888–1901». Выше и ниже надгробия написано следующее: «Надгробие, придуманное мной для „Братьев“ (из чего следует, что Карл пережил Юнатана на три года, за которые и сочинил эту историю)».

Был ли рисунок задуман как проект возможной иллюстрации Илон Викланд в конце книги, которая должна была объяснить, что вся история братьев Львиное Сердце, включая драматический финал, разыгрывалась в воображении Карла, мы не знаем. Зато рисунок свидетельствует о сомнениях Астрид в том, утешительно ли окончание книги.

Да, весной 1973 года работа над «Братьями» застопорилась не только из-за чисто художественных вопросов. Это чувствуется и в письме к Гуннель Линде от 1 июля 1973 года. Председательница BRIS («Права детей в обществе») хотела привлечь Линдгрен к сотрудничеству и отправила ей несколько писем, оставшихся без ответа. Но вот наконец писательница дала о себе знать, объясняя причину долгого молчания:

> «Понимаете, сколько памяти хватает, живу как затворница, занимаюсь только работой. Сегодня утром дописала книгу, над которой работала больше года. И все равно еще не раз перепишу последнюю главу. Упоминаю об этом, чтобы объяснить свое молчание, всю весну – и до сих пор – с ума сходила, теперь, надеюсь, это закончится».

Ребенок и смерть

В последующие после публикации годы разные представители политических, педагогических и психологических кругов встречали «Братьев Львиное Сердце» и с восторгом, и

критически. Эта сказка сдвигала границы допустимого в детской книге, и раз за разом Астрид Линдгрен задавали вопрос: следует ли заканчивать детскую повесть столь мистическим и жутким образом? И всякий раз она отвечала спокойно и уверенно, ничуть не обнаруживая сомнений, терзавших ее во время затяжной работы над последними главами:

> «Для ребенка это окончание счастливое. Единственное, чего ребенок действительно боится, – это одиночество. Что тебя оставит любимый человек. Два брата вместе отправляются в другую страну. Они останутся вместе навсегда. Это детская мечта о счастье».

Таким был ответ шестидесятишестилетней писательницы в интервью газете «Политикен» в декабре 1973 года. Говорить ей пришлось в основном о теме смерти в «Братьях Львиное Сердце» и воздействии книги на читателя. Датский журналист хотел знать, смогут ли скандинавские дети принять ужасную правду о смерти. Астрид Линдгрен ответила:

> «Почему нет? Дети, в отличие от взрослых, не настолько боятся смерти. Многие взрослые, как выяснилось после выхода „Братьев Львиное Сердце“, боятся ужасно. <…> Мне не кажется, что знакомить детей со смертью через сказку – неправильно. У них пока нет опыта, чтобы взглянуть в глаза реальности. <…> Дети еще не боятся смерти. Они боятся, что их бросят».

«Прежде всего, я не имела в виду, что книга закончится самоубийством двух мальчиков, совершенно не имела! Но писатель не может запретить читателям интерпретировать то, что они читают, так, как им хочется, так, как они чувствуют. Книга становится тем, чем она становится, благодаря сотрудничеству писателя и читателя», – объясняла Астрид Линдгрен в 1977 г. (Фотография: Изольде Ольбаум)

Как будто без внимания осталось замечание писательницы о том, что «Братья Львиное Сердце» – еще и книга об одиночестве. А это особенно ясно слышится в конце, когда Сухарик принимает окончательное решение и думает: «Никому не придется оставаться в одиночестве, лежать, и горевать, и плакать, и бояться». После выхода книги Астрид Линдгрен сделала все, чтобы эти слова услышало как можно больше людей, и вопросы посыпались на нее градом. В «Экспрессе» за 2 декабря 1973 года цитируют ее слова:

> «Страх смерти у детей не сильнее, чем у взрослых. Больше всего они боятся, что их бросят, – именно это я и хотела показать в книге. Так обстоят дела с Сухариком. Он готов идти на любую смерть, лишь бы вместе с Юнатаном. Конец книги совсем не грустный, нет, напротив, это счастливый конец. <…> По-моему, каждому ребенку для благополучия нужен эмоциональный контакт по крайней мере с одним

взрослым, иначе ему не выжить».

А в основном Астрид приходилось держать ответ за свое творение, защищать и объяснять, почему она в детской книге написала о смерти. Даже в такое откровенно бунтарское время, когда догмы рушились одна за другой, существовали неприкосновенные табу. А Линдгрен попыталась их нарушить, в частности сославшись на то, что уже поднимала запретные темы в своих книгах, а также указав на старинную и совсем не зловещую сказочную традицию. 2 января 1974 года она заявила в интервью «Веко-шурнален»:

> «Конечно, между „Братьями Львиное Сердце“, „Мио, мой Мио!“ и „Южным Лугом“ есть сходство. Это же сказки, а как народная, так и литературная сказка обращаются к одним и тем же темам: борьбе добра и зла, любви, смерти – все это старинные мотивы. Норвежский исследователь творчества Андерсена пришел к выводу, что в пяти из шести сказок Андерсена рассказывается о смерти. Так или иначе. И кстати (не сравнивая), в моих сказках тоже. Так или иначе».

Именно дети семидесятых первыми поняли, что же Астрид хочет сказать своей книгой, и если бы они могли задать ей хоть один вопрос, многие захотели бы узнать, что случилось с Сухариком и Юнатаном дальше, в Нангилиме. Любопытные читатели заваливали ее письмами, и Линдгрен решила написать и распространить через СМИ небольшой эпилог – заверить всех, что Сухарик и Юнатан счастливо живут в ином мире.

Были среди многочисленных писем и послания от тяжелобольных детей и их близких – они благодарили писательницу за утешение, которое книга «Братья Львиное Сердце» принесла детям. И в глубине души именно на это Астрид и надеялась: что для многих книга станет утешением. В 1975 году она писала Эгилю Тёрнквисту из литературного журнала «Свенск литтературтидскрифт»:

> «Я верю, что детям нужно утешение. Когда я была маленькой, мы верили, что после смерти люди попадают на небо, и это, безусловно, было не так уж весело. Однако если они *все вместе* окажутся на небе, то… Все же это лучше, чем лежать в земле и не существовать. Но такого утешения у современных детей нет. Этой сказки у них больше нет. И я подумала: может, дать им другую сказку, которая согреет их в ожидании неизбежного

конца».

Ведь таков был ее собственный опыт с младшим братом Карла-Юхана и Малин, восьмилетним Ниссе. В 1972–1973 годах ребенок так много размышлял о смерти, что бабушке хотелось хоть немного его утешить. Позже, в статье «Nej, var alldeles lugn» («Нет, будь совершенно спокоен»), опубликованной в антологии «Смысл жизни», она рассказывала:

> «Я прочитала напуганному мальчику „Братьев Львиное Сердце“. Когда я закончила, он улыбнулся и сказал: „Да, мы ведь не знаем, что там на самом деле, так что, может, все так и происходит“. „Братья Львиное Сердце“ стали для него утешением».

Первый искатель

Утешение было нужно и самой писательнице. Столько близких друзей у нее умерло в 1974-м, что на Рождество, когда она обычно описывала, что случилось в уходящем году, Астрид вклеила в дневник четыре маленькие фотографии. На них были помощница по хозяйству фрёкен Нордлунд, старший брат Гуннар, профессор литературы Улле Хольмберг и радиоведущий Пер-Мартин Хамберг. А затем стала писать:

> «Да, 1974 год стал годом смерти, какого еще не было, и эти четверо на фотографиях оставили в душе больше всего пустоты. Я скучаю по ним, скучаю, скучаю. <…> В годы, заканчивающиеся на 4, в моей жизни всегда происходят перемены – логично было ожидать, что перемены в этом году будут означать смерть, а что же еще?»

Для Астрид Линдгрен это были огромные личные потери. Улле Хольмберг и Пер-Мартин Хамберг десятилетиями были ее близкими, верными друзьями и вдохновителями, каждый по-своему повлиял на ее творческое развитие. Но больше всего писательницу потрясла смерть помощницы Герды Нордлунд. Одним февральским воскресеньем, в двадцать вторую годовщину поступления на работу к Астрид, «Нолле» пришла на Далагатан, чтобы помочь приготовить обед. Она отказалась от кофе и торта, поскольку собиралась в кино, крикнула «до свидания» из прихожей и вскоре после этого попала в аварию на своем велосипеде и умерла на месте на опасном перекрестке у площади

Святого Эрика.

Самым большим горем для Астрид, разумеется, стал уход Гуннара. Он умер 27 мая после многолетней борьбы с болезнью сердца, сопровождавшейся затрудненным дыханием. На Троицу 1974 года, перед похоронами, Астрид написала в дневнике:

> «Никогда мне не забыть той ночи: как мы приподняли его, чтобы ему легче было дышать, и как жалостно он висел у нас на руках, и предсмертный пот, выступивший у него на лбу. Нет, не могу больше писать; скорблю по нему, так тяжко вспоминать нашу детскую дружбу – Лассе из Бюллербю, первый искатель, умер. И это первое лопнувшее звено в нашей цепочке братьев и сестер».

Гуннар не только занимался земледелием в Нэсе, но и в свое время участвовал в политической жизни Швеции. Десять лет он пробыл депутатом шведского парламента – Риксдага – от партии «Фермерский союз», которая в 1957 году, через год после того, как Гуннар Эриксон отошел от партийной политики, стала называться Партией центра. После этого Гуннар занялся политической сатирой и до самой смерти вместе с художником Эвертом Карлсоном выпускал ежегодную хронику, в которой переносил актуальных политиков во времена викингов, в Свитьод[55].

Древнескандинавский язык был страстью Гуннара Эриксона, как и «Скандинавские штаты», соединенные мостом через Эресунн. А еще крестьянин из Нэса несколько десятилетий прилежно писал пастели и под псевдонимом Г. Е. Нэс выставлял их, в частности, в Хельсинки и Вене. В фермерстве Гуннар не преуспел – слишком далеки от земли были его духовные устремления. Однако совсем не о Гуннаре-земледельце стремилась рассказать радиослушателям его младшая сестра в 1957 году:

> «Во всем, что он делает, проявляется какая-то невероятная сила, он действует очень спонтанно. Вот он берется учить финский, а вот неожиданно начинает рисовать, а однажды вдруг затевает писать о „житье-бытье в Свитьоде“. <…> Гуннар обладает и музыкальным слухом. Может взять карандаш и простучать по голове совершенно отчетливую мелодию. А когда поет, зажав нос, звук сильно напоминает гавайскую гитару. Я часто удивлялась, что такой человек заседает в парламенте. Но, возможно, там он гавайскую

гитару не изображает».

Гуннар был далеко не единственным ребенком Эриксонов из Нэса, обладавшим политическим чутьем, но, в отличие от него, трех сестер больше интересовали идеи, нежели активное участие в партийной политике. Считаться с общественными интересами и участвовать в общественной жизни четверо детей научились не у чужих людей, считает Карин Нюман:

> «И Ханне, и Самуэлю Августу, которые в Виммербю занимались общественной работой, казалось естественным брать на себя ответственность и участвовать в жизни общества, но без всякой агитации. Возможно, у Ханны были примеры для подражания в собственной семье. Ее мать занималась попечением о бедных. Ингегерд никогда не была политически активна, но как журналист интересовалась земледелием и хозяйственными вопросами. Пока жила с родителями, она ходила с Гуннаром на собрания молодых политиков в 1930-е. Стина, как и ее муж, писатель Ханс Хергин, была социалисткой, но, насколько мне известно, политикой никогда не занималась».

Брат и сестра позируют для журнала «Хёрде ни» в конце 1950-х, в связи с анонсом радиопрограммы, где им предстоит рассказывать друг о друге. В этой программе Астрид удалось в полной мере проиллюстрировать слова Гуннара, которые тот произнес в 1956 г., покидая парламент и шведскую политику: «Такое облегчение, как будто вышел от стоматолога». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

А Астрид? После смерти Гуннара в 1974 году она, казалось, решила подхватить тлеющий семейный факел и взять на себя роль, которую писательница Черстин Экман в эссе об Астрид Линдгрен в книге «Литературный календарь общества „Де Нио“ – 2006» охарактеризовала как роль «народного трибуна». То есть классическую античную роль народного защитника и заступника. Во всяком случае, не прошло и полутора лет со дня смерти Гуннара, как Астрид занялась общественной политикой, на местном уровне и не только, и двадцать лет (с 1976 года) выступала по самым разным вопросам – от шведской налоговой политики, Хартии-77, атомной энергии, детской порнографии и закрытия публичных библиотек до расизма, защиты животных, ЕС, убийства тюленей, нехватки жилья для молодежи и многого другого.

Не ставя перед собой такой цели, Линдгрен во второй половине 1970-х стала писателем с невиданным до сих пор в Скандинавии политическим влиянием. С неприглядной оборотной стороной такого положения дел она столкнулась практически сразу. В июне 1976 года хороший друг Астрид переводчик Рита Тёрнквист-Вершур получила жалобное письмо:

> «Я стала исповедником всего шведского народа: люди звонят мне в любое время дня и ночи, считая, что я должна заниматься их разводами, проблемами с детьми, любовными историями и судебными тяжбами – всем, всем, всем. Я как будто жила – и временами так и живу – в темном колодце, я так всем этим подавлена, и все так и будет продолжаться до выборов 19 сентября. Я даже не успеваю с детьми повидаться, и все, что связано с моими книгами и фильмами, меня как будто больше не касается. Я беспокоюсь о том, куда движется моя страна, страдаю из-за того, что больше не верю в нашу социал-демократию, да, хочу говорить об этом сколько потребуется. В довершение всего из-за нескольких смертей я еще глубже погружаюсь в свой колодец, не

бывало еще такой тяжелой весны. Но в глубине души я все та же Астрид, и надеюсь, что ты – все та же Рита, потому что жить не могу без своих друзей».

Помперипосса и бюрократы

1976 год стал поворотным в жизни Астрид Линдгрен, и перемены ясно видны, когда сравниваешь записи в ее стенографических блокнотах. Пробежать взглядом по описи 660 стенографических блокнотов в стокгольмской Национальной библиотеке – все равно что заглянуть в голову Астрид Линдгрен и увидеть, что происходило с ней всякий раз, когда на свет появлялась новая книга. Но с 1976 года в блокнотах все меньше художественной прозы, кроме разве что черновика книги «Ронья, дочь разбойника». Зато становится больше политических текстов: писем, речей, воззваний, дискуссионных статей, ответов на вопросы. Все вместе – собрание коротких текстов под такими, например, заголовками: «Проповедь мира во Франкфурте», «Содержание домашних животных», «Война, мир и атомная энергия», «Употребление наркотиков», «Загрязнение окружающей среды», «Вопросы к Улофу Пальме» и «Письмо Горбачеву». Характер и количество этих работ говорят о том, что общественно-политическая деятельность пенсионерки Линдгрен во второй половине 1970-х годов вытеснила творческую. Вот что шестидесятивосьмилетняя Астрид Линдгрен написала Анне-Марие Фрис 20 июля 1976-го, когда предвыборная борьба в Швеции находилась на пике и Астрид решила выступить против социал-демократического правительства – то есть против партии, за которую голосовала с начала 1930-х годов:

> «Если я не размышляю о глубинном смысле человеческого бытия, смерти и тому подобном, то лишь из-за того, что в голове у меня одна политика. Какое счастье, что у нас выборы 19 сентября. А не позже, а то бы я совсем свихнулась. Я все сильнее завожусь из-за того, что творят социал-демократы. Нас ждут поистине судьбоносные выборы».

Выяснение отношений с социал-демократами началось 10 марта 1976 года, когда «Экспресс» опубликовал новую сказку Линдгрен с потешным названием «Помперипосса в Монисмании». По словам главного редактора Бо Стрёмстедта, женатого на Маргарете Стрёмстедт и, таким образом, принадлежавшего к кругу близких друзей Астрид, писательница позвонила ему и

сказала: «Это Астрид Линдгрен, бывший социал-демократ. Я написала сказку о Помперипоссе, которая платит 102 процента налога. Напечатаешь?» Конечно, высококультурный главный редактор буржуазной газеты – крупнейшей в Швеции – напечатал сказку и таким образом вошел не только в политическую, но и литературную историю. В статье памяти Астрид Линдгрен из книги «Не быть маленькой кучкой дерьма» Стрёмстедт пишет:

> «Ей было 38, когда она дебютировала как писатель. Ей было 69, когда она дебютировала как политический журналист. И она не сдается».

В сказке о Помперипоссе речь шла о социал-демократической политике налогообложения в Швеции в 1976 году. Узнав о начисленных ей властями Монисмании 102 процентах налога, главная героиня, успешный, независимый писатель, индивидуальный предприниматель, констатирует, что писательским трудом ей, в общем-то, заниматься смысла нет. Отныне она может жить на пособие и клянчить на улице деньги на фомку, чтобы вломиться в государственное казначейство и украсть собственные деньги. Абсурдный налог в 102 процента, который на самом деле был начислен Астрид Линдгрен, был следствием нестыковок в недавно усовершенствованном шведском Налоговом кодексе, и в группу риска попадали прилежные индивидуальные предприниматели. Слой, указывалось в сказке, у которого не было ни налоговых вычетов, как у богатых, ни прямого контакта с креативными ревизорами.

Риксдаген, 10 марта 1976 г. Во время дебатов по экономическим вопросам Гуннар Стрэнг находит время почитать сказку Астрид Линдгрен в «Экспрессе». Они с Улофом Пальме еще не подозревают, что за пределами парламента, среди верных избирателей социал-демократов, назревает бунт. (Фотография: Свен-Эрик Шёберг / TT)

В реальности эта напасть объяснялась все большим усложнением налогового законодательства, а потому отрицательными героями сказки оказались не богатые и обеспеченные, а те самые социал-демократы, которые некогда думали об общем благе, в юные годы Помперипоссы покончили с бедностью и превратили Швецию в общество благосостояния, основанное на свободе и равенстве:

> «„Какая муха их укусила?“ – думала Помперипосса в своем темном углу. – Неужели это те самые мудрые мужи, которыми я так восхищалась, которых так ценила? Что же они пытаются построить – наихудшее из возможных общество? Ах, чистая, цветущая социал-демократия моей юности, что же они с тобой сделали, – думала она, постепенно впадая в патетику, – доколе твое чистое имя будет оскверняться ради защиты самовластного, бюрократического, несправедливого общества надзора?»

«Пригнитесь, мальчики!» На страницах «Экспресса» за 1976 г. политическая активистка, вживаясь в роль, взмахивает фомкой и угрожает государственному казначейству и социал-демократам-бюрократам. (Фотография: Пер Кагрель / TT)

Крайне нетрадиционная статья возымела действие, о каком Астрид Линдгрен и не мечтала, когда за полгода до парламентских выборов, ставших важной вехой в истории Швеции, позвонила своему хорошему другу в «Экспресс». В 1976 году, после сорока четырех лет непрерывного правления, социал-

демократам пришлось склониться перед буржуазной коалицией, возглавляемой Турбьёрном Фельдином, и деятельность Астрид Линдгрен признают одним из факторов, спровоцировавших смену системы. Узнав из прессы о роли, которую ей приписывали, писательница рассказала историю, произошедшую во время бомбежек Лондона. Одно большое здание разбомбили, и спасатели в развалинах искали выживших. Внезапно из-под обломков раздался безумный смех. Смеялась старуха, уцелевшая в руинах ванной комнаты. Когда спасатели поинтересовались, что старуху так насмешило, она ответила: «Ха-ха-ха – я потянула за цепочку слива, и все рухнуло!»

Следует, однако, помнить, что Астрид Линдгрен – ха-ха-ха – перед выборами 19 сентября потянула за цепочку раз четырнадцать-пятнадцать. И каждый раз сильно, и каждый раз в «Экспрессе», где в распоряжение всенародно любимой писательницы, которая, как и редакция газеты, желала припереть социал-демократическое правительство Улофа Пальме к стенке, предоставляли лучшие страницы. Хоть Астрид в глубине души и продолжала чувствовать себя социал-демократом.

Промахи Стрэнга

Мишенью сказки о Помперипоссе в Монисмании стал министр финансов Гуннар Стрэнг. Стрэнг пробыл министром двадцать один год и считался старейшиной правительства, так что именно ему и пристало объясниться в связи со 102-процентным налогом, который для обычного гражданина символизировал стремительно растущее налоговое бремя в Швеции 1960-х и 1970-х. Министру бы извиниться и срочно изменить налоговое законодательство, но в начале избирательной борьбы, которую за тридцать лет своего депутатства социал-демократ Стрэнг еще не проигрывал, опытный политик допускал один ораторский промах за другим.

В день, когда сказка вышла на страницах «Экспресса», он отмел аргументы Помперипоссы Линдгрен сексистским указанием на скромные математические способности писательницы и ее невежество в области исчисления налогов. Грубость Стрэнга возмутила политически активную Астрид. В тот же день Помперипосса Линдгрен выступила на радио, и, как всегда, была остроумна. Одним мановением руки она обратила высокомерие министра против него самого:

«Гуннар Стрэнг всегда умел рассказывать сказки, а

вот считать так и не научился. Нам с ним, наверное, стоило бы работой поменяться».

Через четыре дня, 15 марта 1976 года, Астрид продолжила дебаты, ставшие к этому времени народными. Из своего лагеря в «Экспрессе» она обратилась к министру финансов с открытым письмом:

> «Уважаемый Гуннар Эмануэль Стрэнг, знаете ли вы, как обстоят дела у мелких предпринимателей в нашей стране?»

Тон был саркастичным, ироничным, но не злобным. На глазах у шведов раскрывалась совершенно новая для многих сторона милой, славной, веселой Астрид Линдгрен. Детская писательница сбросила плащ художника и взяла на себя роль агитатора, от лица народа выступив против «Великого вождя» (Гуннара Стрэнга), а также партии и правительства, которым как раз следовало бы понимать, что они представляют народ:

> «Речь идет не о каких-то Помперипоссах с миллионными доходами, а о том множестве ремесленников, продавцов, парикмахеров, фермеров и других мелких предпринимателей, на которых вы взвалили такое налоговое бремя, что кровь выступает у них из-под ногтей».

Новые бойкие статьи Линдгрен в «Экспрессе» последовали в марте и апреле, и среди них – ее ответ на публикацию социал-демократа Нэнси Эриксон, где с Гуннаром Стрэнгом (который был на год старше шестидесятивосьмилетней Астрид – и шестидесятивосьмилетней Нэнси Эриксон) Астрид обошлась как с мальчишкой. Феминистический тон просочился даже в заголовок, граничивший с дерзостью: «Астрид (68) отвечает Нэнси (68) и отчасти малышу Гуннару». Что посеешь, то и пожнешь: в конце статьи Астрид упоминала, пожалуй, о самой большой промашке министра финансов – этой весной он сравнил Линдгрен с популистом Могенсом Глиструпом, создавшим в Дании партию недовольных под названием «Партия прогресса», основываясь на своих анархистских, асоциальных идеях относительно налогообложения, позже стоивших ему длительного тюремного заключения. О чем только думал Стрэнг! Если Астрид Линдгрен в чем и можно было упрекнуть, то уж не в асоциальности и налоговых спекуляциях.

Среди многочисленных шведов, вовлеченных в дебаты

Помперипоссы, были и такие, кто поддерживал министра финансов и его инсинуацию. Раз детский писатель с астрономическими продажами и головокружительными доходами вдруг страстно включается в дискуссию о налогах, наверняка у него есть своя корысть. Эту точку зрения Астрид и пыталась опровергнуть в ответе Нэнси Эриксон и Гуннару Стрэнгу, напечатанном в «Экспрессе» 8 апреля 1976 года:

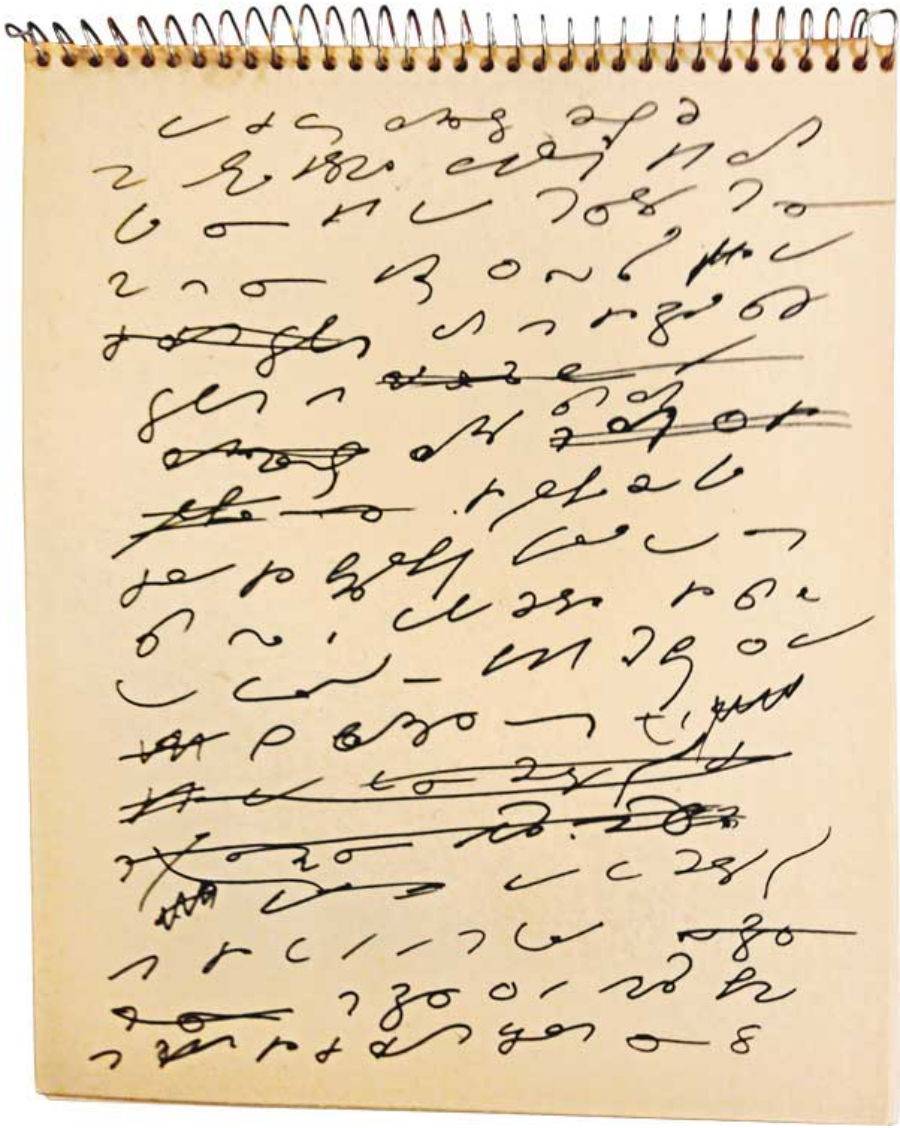
> «Может, мне даже удастся вас (Нэнси. – *Ред.*) убедить в том, что не ради себя я веду эти дебаты Помперипоссы. Вот что я вам скажу: я боюсь и не хочу денег, не хочу кучу вещей, имущество, власть, которую дают деньги, поскольку она развращает почти так же, как политическая. Но я считаю, что никого нельзя вынуждать красть ради того, чтобы наскрести денег для уплаты налогов».

Большинству шведов слова Помперипоссы Линдгрен приносили огромное облегчение, и в обществе наметились контуры настоящего народного движения против налоговой политики социал-демократов. Письма так и сыпались в редакцию «Экспресса» и сквозь почтовую щель в двери квартиры на Далагатан. Астрид Линдгрен поблагодарила читателей за позитивные отклики, написав статью, в которой, воспользовавшись случаем, отхлестала некоего журналиста-мужчину, усомнившегося в том, что к писательнице по поводу налогов обратилась хоть одна женщина:

> «Пишут ли мне женщины, ха! Если бы он только знал, со сколькими умными, проницательными, ожесточенными, веселыми и злыми женщинами мне приходилось переписываться и говорить по телефону. Поистине к женщинам Монисмании относятся слова фольклориста: „Женщины выносливы и сильны, как ослы, они пекут чудесный хлеб с изюмом, но если их рассердить, они немедленно атакуют“. Как это точно! Так что пригнитесь, мальчики в Канслихусет! Женщины взводят курки. Наступление состоится в сентябре! Так думает Помперипосса».

И в Канслихусет, где заседало правительство, волновались из-за того, как развивалось противоборство министра финансов и писательницы. Что же Стрэнг с ней не управится? Хенрик Берггрен в биографии Улофа Пальме пишет о том, что во время предвыборной борьбы премьер-министр хотел сосредоточиться на

таких темах, как рынок труда, демократия на предприятиях и семейная политика, но тут его планам помешала Астрид Линдгрен – выпрыгнула, как чертик из табакерки. Хуже того, историю детской писательницы, которая в одиночку воевала с правительством социал-демократов, пробывших у власти полвека, узнала «заграница», прежде взиравшая на шведскую государственную модель с восхищением. Международные издания – «Тайм», «Ньюсуик» и «Ридерз дайджест» – публиковали статьи под заголовками «Sweden's Surrealistic Socialism»[56] и «Utopia's Dark Side»[57]. К зарубежным страшилкам относилась и история Ингмара Бергмана, в январе 1976 года задержанного полицией в штатском в Королевском драматическом театре, прямо на репетиции «Пляски смерти» Стриндберга. Режиссера заподозрили в попытке налогового мошенничества. Той же весной все обвинения были сняты, однако в результате этой истории в апреле 1976 года Бергман покинул родину.



На обороте одного из стенографических блокнотов 1970-х, содержащего и беллетристику, и политические заметки, Астрид Линдгрен написала о том, что Швеция должна была погрузиться в траур, когда весной 1976 г. Ингмар Бергман сообщил об отъезде с родины: «На Форё он создавал великое искусство, которое доставляет нам радость. Мы гордились тем, что он – один из нас. Позор, что с ним так обошлись». (Фотография: Йенс Андерсен)

Иными словами, на социал-демократический рай посыпался град обвинений как в самой Швеции, так и за рубежом, а впереди ждал день солидарности всех трудящихся. И вновь Гуннар Стрэнг

недооценил заинтересованность масс в истории Помперипоссы и в своих первомайских выступлениях в Хельсингборге и Мальмё попытался умалить значение Линдгрен и Бергмана для предвыборной борьбы:

> «Те, кто полагает, что популярные нынче имена Астрид Линдгрен и Ингмара Бергмана можно использовать как оружие в предвыборной борьбе с Социал-демократической партией, ошибаются. Никакого влияния они на выборы не окажут».

Как он ошибался! Впрочем, он был прав, когда, комментируя историю Помперипоссы в своей первомайской речи, сказал: «У нас появилась громкоголосая оппозиция». Шведские карикатуристы жили припеваючи. Любимым образом была стройная Астрид в костюме Пеппи Длинныйчулок со своевольно торчащими косичками, жонглирующая угрюмым шарообразным министром финансов. И одуревшему Стрэнгу не дали времени прийти в себя. 11, 18, 29 мая и 2 июня Астрид Линдгрен опубликовала в «Экспрессе» новые полемические статьи, а также бойкие ответы на письма читателей, раз за разом повторяя свою мысль: «Социал-демократия предала меня и всех, кто мечтал о справедливом „народном доме“». В то же время в еженедельнике «Веканс афферер» появилось большое интервью с Линдгрен, где она объяснила, почему приняла участие в политической кампании «Экспресса»:

> «– *Почему вы являетесь или, по крайней мере, являлись социал-демократом?*
>
> – Я останусь демократом, пока жива. Но, на мой взгляд, нынешняя власть уже не защищает демократию, им больше пристало название „социал-бюрократическая партия“.
>
> – *Можно ли быть социал-демократом, не стремясь к социализму?*
>
> – Социализм, доведенный до крайности, предполагает диктатуру, а диктатура мне не по душе.
>
> – *Чувствуете себя наказанной?*
>
> – Нет, наказанной я себя не чувствую. Я просто сатанею, когда Стрэнг сравнивает меня с Глиструпом. Если я – Глиструп, то Стрэнг – архангел Гавриил, воинственный ос… Нет, что это я говорю… ослепительный воин света редкой чистоты. Вот уж вряд ли! Хотя у него и много хороших сторон».

И вот настал конец июня, а с ним и пора отъезда в шхеры – набраться сил на природе после беспокойной весны в большом городе. Но в августе Астрид Линдгрен с новой силой взялась за социал-демократическое правительство. 31 августа 1976 года на первой странице «Экспресса» появилось открытое письмо «социал-демократу». За три недели до выборов. Это было длинное прочувствованное обращение ко всем заядлым социал-демократам, которые в очередной раз собирались голосовать за свою партию. Линдгрен призывала их к бунту: «Демократия – это когда власть переходит из рук в руки». Письмо вышло за подписью «Астрид Линдгрен, бывший социал-демократ – теперь просто демократ» и занимало целый разворот, а оставшееся место украшал классический портрет Пеппи Длинныйчулок работы Ингрид Ванг Нюман. Искусство Астрид Линдгрен стало политическим, колонку за колонкой она посвящала болезни власти и моральному падению социал-демократов. Литературным клеркам Риксдага оставалось завидовать красноречию автора. То была демократия для «чайников» в действии:

> «Если правда, что политика – это искусство удерживать людей от участия в делах, которые их касаются, то никто не владеет этим искусством лучше шведских социал-демократов и их правительства. Они всё за нас решают: где и как нам жить, что есть, как воспитывать детей, что нам думать – всё!»

Что стало со свободой, этой главной ценностью социал-демократов? – вопрошала Астрид. Если большинство социал-демократических братьев и сестер по всей стране не опомнятся и 19 сентября не проголосуют против правительства Пальме, в Швеции установится однопартийный абсолютизм, какого не видели ни в одной европейской стране к западу от железного занавеса.

31 августа 1976 г.: Астрид Линдгрен вновь на первой полосе «Экспресса». На сей раз – на самом верху, над Лив Ульман, Бьёрном Боргом и Улофом Пальме. (Фотография: Йенс Андерсен)

Аргументы звучали убийственно, публичные дебаты оттягивали голоса. Позже рассказывали, что Улоф Пальме побледнел, прочитав письмо в «Экспрессе», а секретарь Социал-

демократической партии Стен Андерсон только головой покачал.

«Помперипосса ударила прямо в разгар завершающей стадии предвыборной борьбы», – звучало в прессе 1 сентября. Тон предвыборной дискуссии обострился, как всегда бывает перед финалом гонки, появилось много жесткой критики против Астрид Линдгрен. Может, ею управляет главный редактор Стрёмстедт и политические стратеги из редакции «Экспресса»? «Эребру курирен» была одной из тех газет, что сомневались в чистоте мотивов писательницы: «Почему Астрид Линдгрен именно теперь написала это письмо? Ранее она говорила, что больше не собирается участвовать в налоговой дискуссии». Во многих газетах по всей стране появлялись критические и осуждающие заметки о перебежчице из социал-демократического лагеря. Так, в «Вестерботтенс фолькблад» появилась статья «Сказочница, которая презирает избирателей», а коллега Астрид, писатель и социал-демократ Макс Лундгрен написал очерк «Ты как ребенок, Астрид!» для газет «Арбетет» и «Афтонбладет», где поставил под сомнение наличие у Линдгрен здравого смысла:

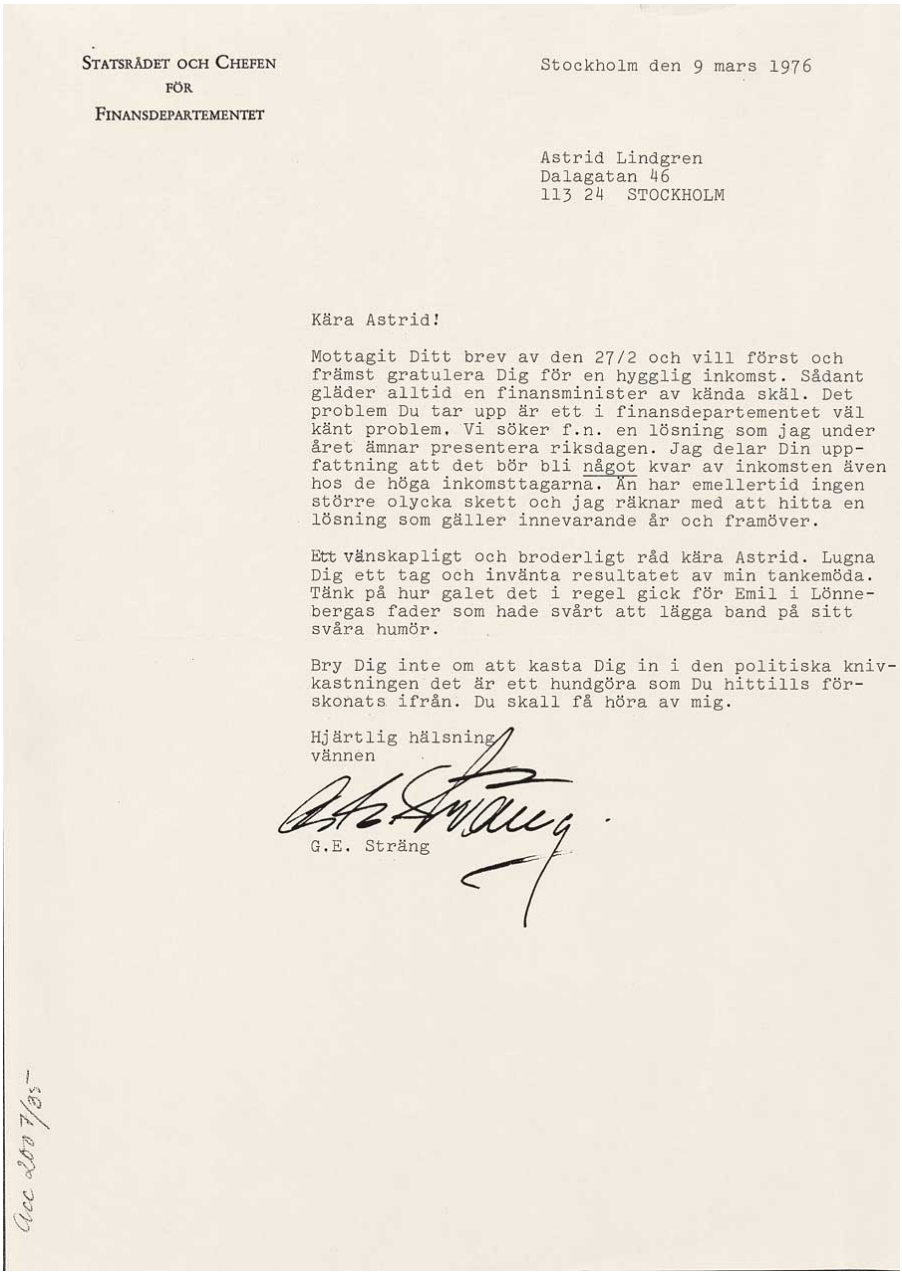
> «Ты внезапно превратилась в реакционера, Астрид! От твоего ребяческого шарма осталась только ребячливость. <…> Твои слова, Астрид, – ужасный приговор тебе самой, не как писательнице, а как человеку, который думает, будто знает правду о нас, о шведах. Подумать только, как ты недооценила народ!»

Вместо того чтобы ответить коллеге, Астрид Линдгрен за три дня до выборов отправилась на розыски: не видел ли кто среди участников предвыборной кампании социал-демократов женщин? И не стоит ли намного больше внимания уделить проклятой атомной энергетике? Вновь Линдгрен ударила по болевым точкам старой партии:

> «Где же в этой предвыборной кампании социал-демократов обретаются женщины, хотелось бы мне знать. По-моему, они очень красноречиво молчат. Разделяют ли они беспокойство своих сестер по поводу атомной угрозы? Отдают ли, подобно всем прочим женщинам, себе отчет в том, что здесь их поджидает опасность, равной которой еще не было? Где-то глубоко внутри, в самой сердцевине своей женственности, где бы она ни находилась – в груди, в голове или во чреве, эти социал-демократки, верно, тоже чувствуют сопротивление! Мы не выпустим на свободу силы, которые могут повредить нашим детям непоправимо, навсегда».

Поражение на выборах 19 сентября 1976-го не было для социал-демократов катастрофическим, однако власть перешла к буржуазному правительству. Для Гуннара Стрэнга это стало концом карьеры министра финансов, хотя он и просидел в Риксдаге до 1985 года. Улоф Пальме вновь стал премьер-министром в 1982-м, примерно когда Ингмар Бергман вернулся в Швецию. А что же Астрид Линдгрен? Никогда больше она не соприкасалась с партийной политикой так тесно, как в 1976-м, когда многие шведы узнали «маму Пеппи и Эмиля» с новой стороны и в очередной раз отдали ей дань уважения. Но были и такие, кто счел ее политически наивной и даже виновной в политическом предательстве. Вот что за несколько недель до выборов писала «Вестерботтенс фолькблад»:

> «Астрид Линдгрен сменила лошадей на переправе и предстала перед нами в облике закоренелого реакционера, носителя образа мыслей, достойного самых законченных буржуа».



STATSRÅDET OCH CHEFEN
FÖR
FINANSDEPARTEMENTET

Stockholm den 9 mars 1976

Astrid Lindgren
Dalagatan 46
113 24 STOCKHOLM

Kära Astrid!

Mottagit Ditt brev av den 27/2 och vill först och främst gratulera Dig för en hygglig inkomst. Sådant gläder alltid en finansminister av kända skäl. Det problem Du tar upp är ett i finansdepartementet väl känt problem. Vi söker f.n. en lösning som jag under året ämnar presentera riksdagen. Jag delar Din uppfattning att det bör bli något kvar av inkomsten även hos de höga inkomsttagarna. Än har emellertid ingen större olycka skett och jag räknar med att hitta en lösning som gäller innevarande år och framöver.

Ett vänskapligt och broderligt råd kära Astrid. Lugna Dig ett tag och invänta resultatet av min tankemöda. Tänk på hur galet det i regel gick för Emil i Lönnebergas fader som hade svårt att lägga band på sitt svåra humör.

Bry Dig inte om att kasta Dig in i den politiska knivkastningen det är ett hundgöra som Du hittills förskonats ifrån. Du skall få höra av mig.

Hjärtlig hälsning
vännen

G.E. Sträng

Acc 2007/35-

В архиве Астрид Линдгрен хранится письмо от Гуннара Стрэнга, датированное днем накануне публикации сказки о Помперипоссе в «Экспрессе». Письмо свидетельствует о том, что министр финансов вел с Линдгрен диалог по поводу истории с ее налогами и был предупрежден о том, что писательница собирается действовать. Он отговаривал ее: «Дружеский, братский совет, дорогая Астрид. Успокойтесь и подождите, пока я разберусь с

Вашим делом. Подумайте, как плохо иногда все оборачивалось для отца Эмиля из Лённеберги, оттого что ему трудно было сдержать свой темперамент. Не включайтесь в политическое ножеметание – тяжелая это работа, чаша эта Вас до сих пор миновала. Я напишу Вам. Всего самого доброго от Вашего друга Г. Э. Стрэнга». (Фотография: Национальная библиотека)

В день выборов Астрид Линдгрен сбежала в Швейцарию. «Афтонбладет» полагала, что в Альпах у писательницы налоговое убежище. Опровержение тут же появилось на первой полосе «Экспресса», и «Афтонбладет» извинилась – тоже на первой полосе. Но что же думала Помперипосса о результатах выборов? В телефонном разговоре с журналистом «Экспресса» она показалась довольной, но ни капли не злорадствовала. 23 сентября было опубликовано ее сочувственное прощальное послание покидающему свой пост министру финансов:

> «В глубине души мне жаль Гуннара Стрэнга. Старый человек, он проделал долгий путь в политике. Я желала ему окончить этот путь с поднятым флагом».

Зато в комментариях Астрид относительно двух журналистов «Афтонбладет», во время предвыборной кампании поливавших писательницу грязью, не видно и тени сочувствия. Последней трелью Помперипоссы стала длинная статья в «Экспрессе» за 17 октября под заголовком «По правде говоря». В ней Линдгрен попыталась растолковать разным сеятелям слухов, что ее борьба с социал-демократами не связана с личными доходами. И с ненавистью к рабочему движению тоже. А тем, кто решил, будто она торжествует, вообразив, что в одиночку свалила правительство, стоит одуматься.

> «Результаты выборов от меня никак не зависели. Я всего лишь высказала то, что люди думают и чувствуют. Но реакция была неадекватной. „Афтонбладет“ сослужила бы Социал-демократической партии гораздо лучшую службу деловым подходом к проблеме. Вместо того чтобы устраивать за мной „уотергейтскую“ слежку».

В самую точку попали слова Астрид Линдгрен, произнесенные в интервью датской газете «Юлландс-постен» 13 августа 1978 г. – в то десятилетие, когда частная жизнь была неразрывно связана с политической: «В жизни нет ничего важнее, чем взаимоотношения с родителями. Ребенка формирует отношение родителей, среда, в которой он вырос. Мысль об этом внушает едва ли не страх». (Фотография: Клаус Готтфредсен)

Но какие же глубинные мотивы заставили Астрид Линдгрен выступить в роли разгневанного народного трибуна? Отчего писательница, многократно заявлявшая, что ей не нравится быть «знаменитостью», что она любит уединение, внезапно переступила черту и вышла на свет прожекторов? Что понадобилось всемирно знаменитой писательнице в гуще предвыборной борьбы именно в тот период жизни, когда она наконец могла предаться «сладкому одиночеству»?

Ответ прозвучал через десять лет, в документальном фильме Маргареты Стрёмстедт «Астрид Анна Эмилия». Без малого восьмидесятилетнюю Астрид Линдгрен спросили, что бы она делала, кем была, если бы в свое время не стала писателем. Вот

ее ответ:

> «Я бы стала скромным активистом на заре рабочего движения… борцом за права людей».

Именно таким народным активистом, идеалисткой с твердыми принципами Астрид Линдгрен оставалась двадцать лет, с середины 1970-х годов. По-другому и быть не могло: иначе она оказалась бы «маленькой кучкой дерьма». После трех десятилетий воображаемой борьбы со злом настала пора вступить в борьбу за реальное добро.

Я танцевала в своем одиночестве

Теплым июльским вечером 1980 года, когда над соседним островом Икслан висела луна, а мимо старой фурусундской таможни проходили в Балтийское море пароходы и паромы на Аланды, Турку и Хельсинки, Астрид Линдгрен спустилась к морю и вышла на свой причал. В руках у нее была банка. Она что-то вынула, взвесила в руке и закинула далеко в море.

О желчь, прощай, чертовка!
Конец твоим глумленьям.
Пришла пора расстаться,
Нет – крови и мученьям.

Коль ты меня терзала,
Как страшный дикий зверь,
Пора остановиться,
Конец тебе теперь!

Ты в раковину смыта
В больнице медсестрой,
Останься в ней и кайся
За муки, за разбой,

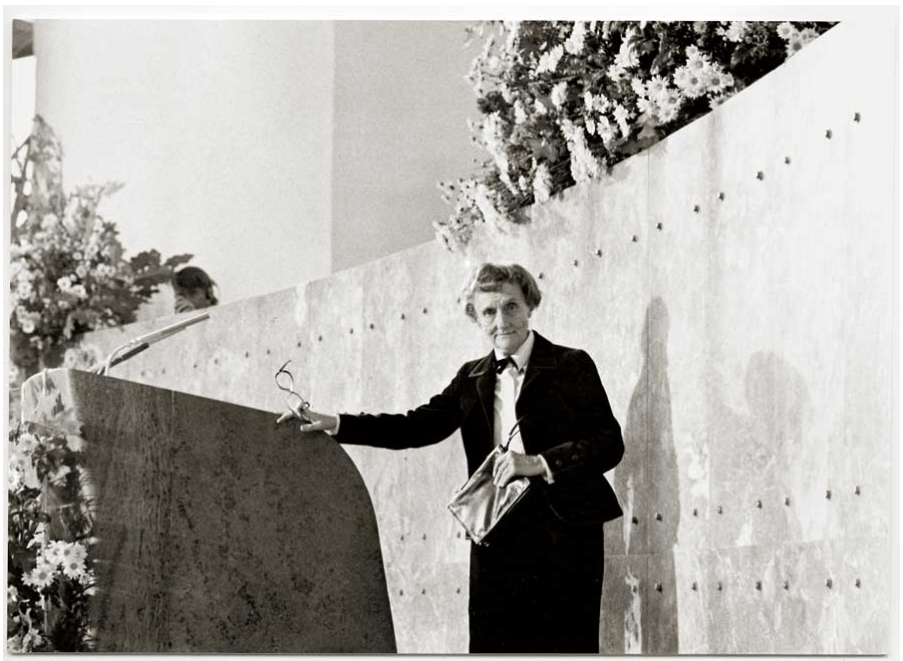
За злобу к человеку,
Что славен добротой!
Прощай же, желчь-чертовка!
Покончено с тобой![58]

Такое стихотворение Астрид написала на клочке бумаги накануне операции в больнице Саббатсберг, и пока вся Швеция сидела за столом с селедкой, водкой, молодой картошкой с укропом и праздновала летнее солнцестояние, из Астрид извлекли некий предмет, который семидесятидвухлетняя писательница окрестила самым большим в Скандинавии желчным камнем. Он доставлял ей много мучений с Нового года. Не меньше хлопот ей доставляли в это время и статьи об атомной энергетике, которые надо было закончить до важных мартовских выборов в парламент, к годовщине аварии на АЭС «Три-Майл-Айленд» неподалеку от города Гаррисберга (штат Пенсильвания, США). Об опасности предупреждали все противники развития атомной энергетики, включая Астрид Линдгрен.

Приступы желчнокаменной болезни мешали и работе над книгой «Ронья, дочь разбойника». Как бывало и раньше, идея пришла к Астрид туманным откровением в 1979 году. Но продлится ли вдохновение? Астрид и сама сомневалась после «Братьев Львиное Сердце» и дискуссии о Помперипоссе. Нужно было многое осмыслить. В письме Рите Тёрнквист-Вершур от 20 июня 1977 года она замечает:

> «Что буду писать, не знаю, не знаю даже, получится ли написать еще одну книгу; боюсь, в один прекрасный день порох может закончиться».

Ей приходило множество обращений от разных организаций, комитетов и движений – после развернувшейся в 1976 году внепарламентской борьбы с правительством Пальме всем хотелось завербовать писательницу для своей кампании. Во времена, когда все на свете принимало политический оборот, спрос на бренд «Астрид Линдгрен», создательницу Пеппи и Эмиля, вырос чрезвычайно.



«Вы вручили Премию мира детскому писателю, так что не рассчитывайте на широкий политический кругозор и не ждите ответов на все наболевшие вопросы. Я буду говорить о детях…» – заявляет Астрид Линдгрен во Франкфурте на вручении Премии мира немецких книготорговцев и произносит речь о разоружении в

семейной жизни. (Фотография: Изольде Ольбаум)

А что же думали дети Линдгрен об этой неспокойной жизни? Не волновались ли они, что их мать-пенсионерка устает? Вообще-то нет, рассказывает Карин Нюман:

> «Я не чувствовала, что есть повод беспокоиться. Астрид была очень сильной, она лишь изредка позволяла себе жалобный вздох: „Что же они все на меня набросились?“ И поскольку речь шла о просьбах, может ли она поучаствовать в этом, поучаствовать в том, я совершенно бесстрастно заявила: „Ну ты же можешь отказаться“. А она ответила: „Ты не представляешь, сколько времени занимает отказ“. Все, что она делала по своему желанию, – все это было так неизбежно, что мне и в голову, кажется, не приходило ее как-то защитить. Меня больше задевало, когда ее осуждали и порицали из-за Помперипоссы, – к такому я не привыкла».

Роль народного трибуна легче не стала, когда в октябре 1978 года Астрид Линдгрен вручили Премию мира немецких книготорговцев и она произнесла благодарственную речь, основная мысль которой – «Только не насилие!» – не могла не вызвать резонанс в эпоху дипломатии разоружения. Речь была наполнена человеколюбием и произнесена с таким напором, что трудно было усомниться в решимости Астрид Линдгрен стоять за идею, когда это возможно и нужно.

Престижную премию, лауреатами которой в свое время были Альберт Швейцер, Мартин Бубер, Герман Гессе и другие, должны были вручать на изысканной церемонии в церкви Святого Павла во Франкфурте, но, заранее ознакомившись с благодарственной речью Линдгрен, организаторы заявили, что писательница должна просто принять премию и поблагодарить «kurz und gut»[59]. На это Астрид Линдгрен тут же ответила, что если ей не позволят произнести речь полностью, то она заболеет, а вместо нее премию получит представитель шведского посольства, который и поблагодарит их «kurz und gut». Во Франкфурте сменили тон. Вопреки своему беспокойству (в первом ряду сидели видные политики – например, министр-президент Хольгер Бёрнер), организаторы позволили Астрид произнести речь в духе Бертрана Рассела. Писательница говорила о том, что судьбы мира решаются в детской, а разговоры о разоружении – пустая трата времени, если не начать с «häusliche Tyrannen»[60] – с семьи:

> «В литературных изображениях полного ненависти

детства хватает таких домашних тиранов, запугиванием добившихся от детей повиновения и покорности и в той или иной степени навсегда их погубивших. Но, к счастью, существуют и другие примеры. К счастью, всегда были родители, которые воспитывали своих детей в любви, без насилия. И все же, вероятно, только в нашем веке родители в целом стали видеть в детях равных себе и оставлять за ними право свободно развиваться, без угнетения и насилия. Как же не прийти в отчаяние, услышав призывы вернуться к старой авторитарной системе?»

Речь Астрид вызвала сенсацию, и в последующие годы вокруг имени и личности Линдгрен за рубежом возникла аура, подобная той, что окружала мать Терезу. Поток писем с мольбами о помощи со всех концов света прибывал, но еще раньше, в июне 1978 года, Астрид пожаловалась на свою беду в письме Анне-Марие Фрис:

«К тому же все мое время уходит на оборону. Один хочет, чтобы я позвонила в правительство и помешала высылке умственно отсталого, больного тринадцатилетнего турка, другой – чтобы я спасла слегка потерянных стариков от принудительной отправки в психиатрическую клинику, третий – чтобы я обратилась к Иисусу и поддержала секту „универсальной жизни“, да, скоро я скажу, как мальчик из Виммербю, когда Маргарета Стрёмстедт спросила его, что он думает о Пеппи Длинныйчулок: „Сюда все время заявляются всякие психи и задают мне вопросы!“»

Плоский утес

В эти годы Фурусунд был настоящим прибежищем для Астрид Линдгрен. Приют, где ее всегда ждали мир и покой, куда не доходила почта, адресованная на Далагатан, не звонил телефон, не стучали в дверь. Жители острова уважали желание Астрид уединиться, в шхерах она отдыхала душой. Природа всегда действовала на нее целительно. Вот что писательница сказала в интервью «Свенска дагбладет» 8 августа 1989 года: «Когда мне нужно утешение, я отправляюсь на природу. Она – лучшая утешительница во всех обстоятельствах». А на дерзкий вопрос журналиста: «С кем вы играете на Фурусунде?» – Астрид дала честный ответ: «С кем играю! Я не хочу ни с кем играть. Там

я предпочитаю оставаться наедине с собой. У меня нет времени ни с кем общаться».

На Фурусунде Астрид, подобно дочери разбойника Ронье, могла вобрать в себя весну и лето, как дикие пчелы – пыльцу. Остров был последним нетронутым уголком, напоминавшим ей о счастливом смоландском детстве: невзирая на письменные протесты, направляемые виммербюской Сельмой Лагерлёф в местную администрацию, старые добрые пахотные земли, окружавшие Нэс, отдали под современные асфальтированные коттеджные поселки. А на острове, на краю стокгольмских шхер, у узкого фарватера, ведущего в столичную гавань, жизнь шла своим чередом, по старинке. Здесь Астрид по-прежнему окружали вода, лес и звездное небо. Впервые за двадцать один год она не издала к рождественской распродаже ни одной книги и наслаждалась свободой. Осенью 1965 года Астрид Линдгрен написала Анне-Марие Фрис:

> «Я была на Фурусунде одна, красота необыкновенная, дух захватывает: тихая синяя вода, синее небо, красно-желтые деревья, звезды по вечерам, чудные, грустные, невыносимо прекрасные осенние закаты. А я танцевала в своем одиночестве от радости, что осталась одна-одинешенька. Одиночество – благо, во всяком случае в небольших дозах».

«Стенхэллен» («Плоский утес») – так называется красный деревянный дом Астрид Линдгрен у моря, в ста метрах от старой таможенной и лоцманской станции Фурусунда и причала, куда до сих пор с конца июня по август пристает рейсовый пароход из Стокгольма. Дом, плоский утес и маленький сад на острове, до которого от столицы более часа пути по морю или на автомобиле, – на одном из 30 тысяч островов стокгольмских шхер, расположенном в той части архипелага, что носит название Руслаген и воспета Эвертом Тобом.

23 июня 2001 г. к 93-летней Астрид Линдгрен, сидящей под желтым зонтиком на своем балконе на Фурусунде, внезапно заявились гости: местный пароход «Блидёсонд» сел на мель у дома писательницы». (Фотография: Ларс Эпштайн / TT)

«Стенхэллен» в 1940 году купили родители Стуре, а до этого им уже довелось пожить здесь в других домах. Половину требуемой суммы в 10 000 крон они одолжили у Ханны и Самуэля Августа. Фурусунд к тому времени уже не был фешенебельным курортом, хотя на рубеже веков сюда приезжали зажиточные стокгольмцы, члены королевской семьи и художники уровня Карла Ларсона и Андерса Цорна[61]. В 1930-е бóльшая часть построек пришла в упадок, обветшали оставшиеся отели и большие виллы с романтическими названиями – «Романов», «Бельвю», «Беллини» и «Изола Белла». Бывало, здесь проводил летние месяцы Август Стриндберг после парижского «инфернального» кризиса 1890-х[62], тут к нему вернулось вдохновение, но счастье в браке с Харриет Боссе он так и не обрел.

Зато гармония царила в семейной жизни Линдгрен во второй половине 1930-х, когда Астрид и Стуре, Лассе и Карин проводили отпуск на острове. Эта традиция продлилась и во время войны, когда умер отец Стуре, а в последний год войны Фурусунд заполонили беженцы из балтийских стран, на чем только не переплывавшие Балтийское море, спасаясь от русских. Когда умерла мать Стуре, сын унаследовал «Стенхэллен», а со временем дом превратился в дачу Астрид, Карин и, конечно же, Лассе,

когда тот наведывался сюда с женой Ингер и малышом Матсом.

Дети, жены и мужья детей, многочисленные внуки – вся эта шумная компания поначалу обосновалась в «Стенхэллене» и в маленькой пристройке в углу участка, и необходимый Астрид летом творческий покой стал недостижим. «По уши в детях и внуках» – так она с ласковой иронией отзывалась о своей интенсивной семейной жизни в роли бабушки, и эта роль была желанной. Но постоянное общение с детьми мешало Астрид, которая привыкла с утра и до обеда работать, записывая все, что приходило ей в голову. Так что в 1960 году она купила небольшую дачу на прибрежном участке неподалеку (дом назвали «Суннананг»), а в 1964 году приобрела старый, стопятидесятилетний дом «Стенторп» на соседнем участке. Таким образом, у Лассе с новой женой Марианне и у Карин с Карлом-Улофом появились собственные дачи на Фурусунде, и каждое лето в 1960-е и 1970-е, с конца июня до начала августа, на острове собирались старики и молодые Линдгрены и Нюманы.

Все «змеиное семя», как в шутку Астрид Линдгрен называла свою непоседливую многодетную семью, собралось на причале на Фурусунде в начале 1970-х. Верхний ряд слева направо: Карл-Юхан, Марианне, Лассе, Карл-Улоф, Карин. В середине: Анника и Малин. Нижний ряд: Андерс, Улле, Астрид и Ниссе. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Лучше всего Линдгрен чувствовала себя на Фурусунде, когда семьи Лассе и Карин уезжали в город или когда она жила на острове одна не в сезон. Когда не нужно было ничего говорить, практически нечего было слушать – кроме крика чаек, шума кленовых листьев, плеска волн, скрипа лодок у причала, стука дождевых капель в окошки веранды, хлопанья швартовых на ветру и хруста гравия под колесами почтового автомобиля, везущего новости из большого мира, от которого ей ненадолго посчастливилось ускользнуть.

Фурусунд был для Астрид Линдгрен тем же, чем Уолденский пруд для Генри Дэвида Торо, который в 1840-е годы отправился в духовное путешествие и осуществил личный социальный эксперимент. Два года, два месяца и два дня писатель жил в лесах, окружавших город Конкорд недалеко от Бостона. Торо построил жилье из подручных материалов и попытался жить максимально просто и уединенно, вдали от материалистической городской культуры. Непростое искусство сохранения баланса он описал позже в своем романе-эссе «Уолден, или Жизнь в лесу». Это автобиографическое поэтико-философское сочинение Астрид Линдгрен многократно упоминала в числе настольных книг и держала на полочке над кроватью в стокгольмской квартире до самой смерти. Немногие книги, по ее мнению, так целительно действовали на читателя, заточённого в большом городе и тоскующего по природе, как тосковала сама Астрид в День святой Люсии в 1947 году, сидя в одиночестве на Далагатан и узнавая себя в размышлениях лесного жителя о вольном и одиноком существовании «отшельника»:

> «Я люблю оставаться один. Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством. Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат. Когда человек думает или работает, он всегда наедине с собой, где бы он ни находился»[63].

Стуре находился в командировке, Лассе – где-то с друзьями, Карин – в кино, а Астрид, которой за несколько недель до этого исполнилось сорок, наслаждалась обществом закоренелого отшельника и его размышлениями о «простой жизни» и единстве человека с природой. Вот что она написала в дневнике в этот памятный день:

> «Сегодня вечером я одна. <…> Прочитала предисловие Франса Г. Бенгтсона с биографией Торо в моем новом „Уолдене, или Жизни в лесу“. Плакала над

словами Торо о нем самом: „My greatest skill has been to want but little[64]. For joy I could embrace the earth. I shall delight to be buried in it. And then I think of those among men who will know that I love them, though I tell them not“[65]. <…> Иногда меня так тянет быть философом, отказаться от несущественного и „want but little“. Может, пожить в лесу, у Уолдена.

Быть может, имей я такой шанс, из этого что-нибудь да получилось бы».

Summer of Love[66]

В книге «Ронья, дочь разбойника», увидевшей свет осенью 1981-го, рассказывается о двух детях, которые, подобно Генри Дэвиду Торо, отворачиваются от мира, где господствует практицизм. Оба – единственные дети в семье, выросли в патриархальных разбойничьих замках, обитатели которых в основном занимались грабежами и воевали друг с другом. Оба ребенка решают уйти из дома в знак антиавторитарного молодежного протеста против отцовских заветов и предаться безграничной лесной свободе. В лесу они построят себе новый дом, станут жить тем, что дарует природа, «днем и ночью, под солнцем, под луной и звездами. Во все времена года, которые неторопливо сменяют друг друга…»[67], как написано в романе.

Одиннадцатилетняя Ронья и ее ровесник Бирк, сын Борки, с самого начала показаны одиночками в духе Торо. Они не нуждаются в обществе других людей, с детства привыкли бродить по лесу и чувствуют себя там не более одинокими, чем восход, куст голубики, Полярная звезда, белка, лось, лисица или заяц. Ронья «жила своей одинокой лесной жизнью. Да, она была одна, но ей никто и не был нужен. Зачем? Дни ее были наполнены жизнью и счастьем».

Но все меняется, когда Ронья встречает Бирка и, несмотря на все препятствия, между ними возникает «нежная связь», как назвала это Астрид Линдгрен в интервью перед выходом книги в 1981 году. Этим любовным отношением проникнуты и дружба родственных душ, и единение с природой. Особенно это ощущается в немногословной блаженной сцене из 14-й главы. Дети пережили нападение диких виттр, избежали падения в водопад и лежат в укрытии под сенью густой листвы:

«– Сестренка моя! – позвал Бирк.

Ронья не слышала его слов, но читала их по губам. И

хотя брат и сестра не могли расслышать ни словечка, они вели разговор. О том, что нужно высказать, пока не поздно. О том, как прекрасно любить кого-то так сильно, что можно не бояться даже самого страшного в жизни. Они говорили об этом, хотя не могли слышать ни единого слова».

Столь же сильной движущей силой, наряду с любовью, этим летом соединившей девочку и мальчика, оказывается упоение природой. «Дикий лес им мил» – так говорится о Ронье и Бирке, живущих в триумфальной гармонии со всем вокруг. «Опьянение летом» – так называет Астрид Линдгрен их напряженную, день за днем, жизнь в лесу.

«– У нас с тобой только одно лето для нас двоих, – сказал Бирк. <…> Лето не вечно, он это знал, и Ронья тоже знала. Но теперь они начнут жить так, будто лето никогда не кончится…»

Именно покой и гармонию Астрид Линдгрен искала и нашла на Фурусунде. Намеренно бездеятельную, простую, спокойную жизнь, непохожую на полную стрессов и суеты жизнь в городе. Здесь, в шхерах, Астрид предавалась праздности: только она, природа, ее книги и стенографические блокноты. Здесь «жизнь играла с нею», как она объясняла в письме Анне-Марие 4 июля 1980 года, после операции на желчном пузыре:

«Самое прекрасное в процессе выздоровления – что можно ничего не делать без малейших угрызений. Сейчас нужно бежать на почту вот с этим письмом, да, могу поехать на велосипеде, а потом вернусь домой и не буду делать ничего, жизнь прекрасна».

Нигде в творчестве Астрид Линдгрен этот важный для нее симбиоз человека и природы не описан так реалистично, как в 8-й главе «Роньи, дочери разбойника». Дети еще не сбежали из дома, но после зимнего заточения в своих замках оказываются наконец на свободе и чувствуют, как сквозь все поры из них выходят мрак и холод этих шести месяцев в миг, когда весна заключает их в свои животворные объятия.

«Они долго сидели там молча, радостно купаясь в весне. Они слышали, как громко, на весь лес, поет черный дрозд и кукует кукушка. Новорожденные лисята кувыркались возле своей норы совсем близко от них, на

расстоянии брошенного камня. Белки суетились на верхушках сосен, и дети видели, как по мшистым кочкам скачут зайцы и исчезают в лесных зарослях. Совсем рядом с ними мирно грелась на солнце гадюка, у которой вот-вот должны были появиться на свет змееныши. Ронья и Бирк не мешали ей, а она не мешала им. Весна была для всех».

После смерти Улле Хелльбума в 1982 г. работать над экранизацией «Роньи, дочери разбойника» продолжил Таге Даниэльсон. В более поздних публикациях и фильмах принято писать патроним Роньи (Rövardotter – Дочь Разбойника) с заглавной буквы, однако сама Астрид Линдгрен всегда писала его со строчной. Конечно, Ронья – дочь Маттиса, но более всего принадлежит себе самой. Справа – Ронья (Ханна Зеттерберг), в центре – Бирк (Дан Хофстрём). (Фотография: Рольф Карлсон / TT)

Астрид Линдгрен всю жизнь волновала тема безотчетного и непосредственного единения ребенка с природой. В миг задумчивости Мелькер Мелькерсон с острова Сальткрока задается вопросом: «Почему нельзя на всю жизнь сохранить такую вот удивительную способность воспринимать как откровение землю и траву, шум дождя и звездные миры?» Вопрос Мелькера возник из-за младшего сына. Дитя природы Пелле воспринимает сущее как череду чудес, глаза его распахнуты, он подмечает мельчайшие детали. И если Мелькеру трудно найти в глубине своей души это

«дитя природы», то сама Астрид Линдгрен как раз умела быть «в единстве с природой, вливаться в нее и чувствовать ее силу», как она сама сказала в интервью «Гётеборгпостен» в мае 1983 года и добавила: «Это любовь, которую я никогда не потеряю. Любовь, которая остается с тобой до конца». И в книге, посвященной родителям, в 1975 году, и в альбоме «Мой Смоланд» в 1987-м Астрид Линдгрен рассказывает о том, какую роль в ее жизни играла природа – источник детских воспоминаний:

> «Если спросить меня, что я помню из детства, первое, что придет в голову, – не люди. Нет, на ум приходит природа – она так наполняла мои дни, что взрослому человеку это трудно постичь. <…> Камни и деревья, они были для нас как живые существа, природа окружала нас, питала наши игры и сны».

Астрид Линдгрен была немногим старше Роньи, когда впервые написала о своей связи с природой. В 1921 году тринадцатилетняя школьница сдала сочинение под заглавием «Прогулка из Виммербю в Крён». В нем описывалось опьянение природой и, совсем в духе Роньи, близость юного существа волшебству, красоте и тишине леса:

> «Не знаю точно, как получилось, что ранним зимним утром я оказалась на опушке леса, разглядывая отяжелевшие от снега, серьезные деревья, а они смотрели на меня сверху вниз, как будто спрашивая: „Что тебе нужно здесь, человеческий детеныш?“ – „Томление по вам и всем чудесам природы, верно, привело меня сюда, пока в доме все спали, еще до восхода солнца“, – тихо отвечала я. Затем я погрузилась в свои мысли. „Какое все красивое“, – думала я. <…> Чуть дальше, у дороги, стояла большая ель. Раньше вокруг нее был хоровод молодых деревьев, но теперь остались одни пеньки. Я прислонилась к стволу и погладила шероховатую кору, вопрошая: „Бедная старая матушка Ель, кто забрал твоих деток?“ Старая матушка Ель в ответ огорченно покачала головой. <…> Как тут хорошо! Я с наслаждением вдыхала свежий воздух. В храме леса было совсем тихо. Лишь испуганная птица или отдаленный звон бубенцов изредка нарушали тишину. Настроение было торжественным и серьезным».

Отношение человека к природе было настолько важно для Астрид, что оказалось в центре ее последней крупной политической кампании: борьбы за нормальные условия содержания домашних животных и за сохранение открытых полевых ландшафтов в Швеции. В этом столкновении, как и в деле Помперипоссы, принимали участие множество простых людей, властей предержащих и представителей прессы. Оно затянулось на десять лет, от первого выступления в 1985 году до последней крупной статьи в «Экспрессе» осенью 1996-го:

> «Алло, кто-нибудь помнит интервью в „Экспрессе“ от 27 октября 1985 года? Нет? А мы и не рассчитывали. Но оно вышло примерно в то время, когда Улоф Пальме, занимавший пост премьер-министра, пообещал нам новый закон о защите животных, чтобы бедным курочкам не сидеть всю жизнь в тесных клетках».

Кампания 1980-х по защите животных и кампания 1990-х по защите открытых полевых ландшафтов привели к тому, что Астрид Линдгрен превратилась в тяговую силу шведского движения зеленых, мобилизовавшегося в связи с дискуссиями об атомной энергетике 1970-х и референдумом 1980 года, посвященным той же проблеме. Линдгрен принимала участие в дебатах – она верила, что вопрос развития атомной энергетики касается всего человечества. Эти резкие слова в «Орет рунт», написанные в декабре 1979-го, принадлежат Линдгрен:

> «Те, кто протестует против развития атомной энергетики, – вовсе не собрание истеричек, как многим бы хотелось внушить себе и другим!»

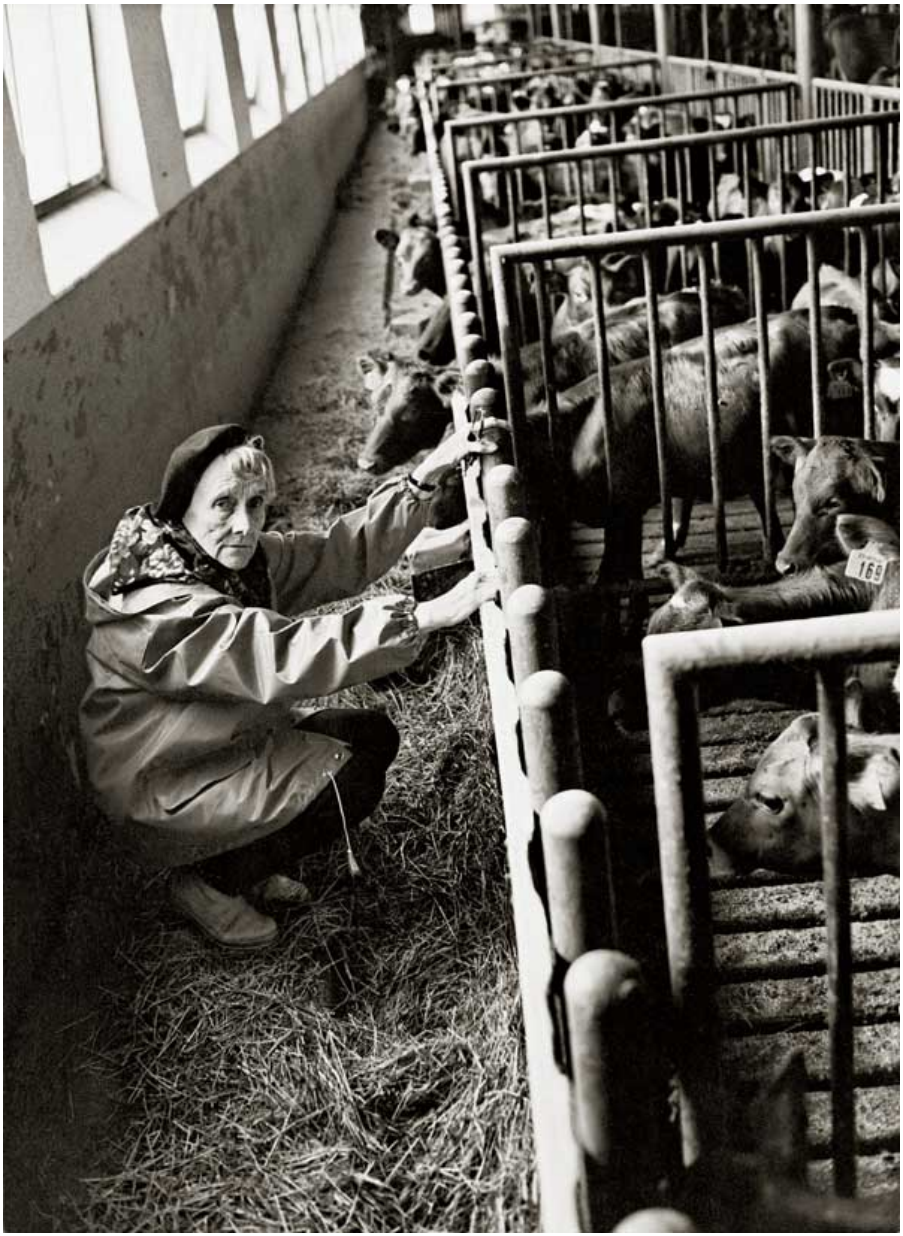
Из движения против ядерной энергии в Швеции родилась мощная экологическая волна. В 1981 году появилась партия зеленых, в том же году вышла «Ронья, дочь разбойника» в сочной зеленой обложке, а Ульф Лундель написал первые строки своей национально-романтической песни «Öppna landskap»[68].

Дискуссия об условиях содержания братьев наших меньших, которую Астрид Линдгрен затеяла в 1985 году вместе с ветеринаром Кристиной Форслунд – экспертом и верным оруженосцем писательницы, – фактически привела к принятию в 1988 году нового закона об охране животных. Закон, привлекший внимание мировой общественности, получил название «Lex[69] Линдгрен». Астрид Линдгрен приобрела такое политическое влияние в Швеции своего времени, что на ее пышном восьмидесятилетнем юбилее в кинотеатре «Гёта Лейон» в ноябре

1987 года появился премьер-министр Ингвар Карлсон. На сцене он обнял увенчанную цветами Линдгрен и сообщил, что отныне правительство обеспечит корове Рёлле, курице Ловисе и свинке Августе приемлемые условия жизни. О лучшем подарке на юбилей Астрид и мечтать не могла. Все были тронуты, пока не ознакомились с окончательной редакцией нового закона. Астрид решительно от него отказалась в статье, напечатанной в «Экспрессе» 23 марта 1988 года:

> «„Lex Линдгрен“ – кто же придумал так назвать закон об охране животных? Неужели я должна быть польщена тем, что этот закон, в нынешнем его виде бессмысленный, назвали в мою честь? И кто так застращал правительство, что оно прибегло к выхолощенному толкованию благородного зарока: все животные должны иметь право жить так, как это для них естественно».

Тон, как видите, и прямой, и вызывающий. Астрид знала, с кем имеет дело. В 1985–1988 годах она публиковала в «Экспрессе» открытые письма министру сельского хозяйства Матсу Хелльстрёму и премьер-министру Карлсону, к которому после убийства Улофа Пальме в феврале 1986 года перешло руководство социал-демократическим правительством. Нового главу страны она в своем письме титуловала «Лучший Карлсон!». А 27 октября 1985 года в большой статье в «Экспрессе», вновь предоставившем место для антиправительственной кампании Линдгрен, курица Ловиса и свинка Августа были представлены этому самому Карлсону, который внезапно заинтересовался экологическим сельским хозяйством, попробовав яйцо всмятку, снесенное вольно пасущейся курицей. «Премьер-министр? Хм, он умный, красивый, в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил».



Статья Астрид Линдгрен «Коровы, которые никогда не видят солнца» («Дагенс нюхетер», 28 апреля 1985 г.) – о домашних животных на ферме премьер-министра в Харпсунде, все лето запертых в помещении, – вызвала сенсацию. «Животные никогда не видят лугов», – утверждает Линдгрен, а в октябре 1990 г. вновь приезжает в имение с проверкой. (Фотография: Ларс Нюберг / TT)

Как и в случае с Помперипоссой в 1976-м, Линдгрен сделала

гениальный ход, перенеся полемику в сказочную плоскость – прежде всего с помощью разговорной стилистики и доверительного и задорного тона. Вести в наше время политическую дискуссию в форме древнего литературного жанра, в той или иной степени впитанного всеми нами с молоком матери, – непревзойденный прием: людям было любопытно и – что еще важнее – люди увлекались.

Домашние животные, которых ранее в политических дискуссиях о сельском хозяйстве величали не иначе как «поголовьем», внезапно получили имена – Рёлла, Ловиса, Августа, – и это жутковатое очеловечение животных невольно обращало на себя внимание любителей мясной пищи, каких в стране было большинство. Никогда раньше в Швеции о таком не говорили:

> «Наши животные – живые существа, они могут страдать, им бывает страшно и больно – как и людям. <…> Имеем ли мы право пренебрегать потребностями животных ради дешевой еды?»

В своих рассуждениях Линдгрен опиралась на профессиональные знания ветеринара Кристины Форслунд, а потому элегантные статьи содержали верную информацию о питании, условиях содержания, лечении, забое и прочем. При этом стиль изложения был таков, что создавалась иллюзия, будто сама Астрид Линдгрен сидит с вами за завтраком и говорит, выглядывая из-за сегодняшней газеты: «Привет всем шведским поросяткам, теляткам и цыпляткам!»

Линдгрен прибегла к столь необычной форме для изложения своих политических взглядов, поскольку верила, что демократия перестает работать, когда население больше не понимает, а следовательно, не слушает тех, кто управляет страной. Как, например, когда она забила тревогу в связи с делом Помперипоссы в 1976 году, в интервью журналу «Хусмодерн» заявив: «Политика слишком важна, чтобы отдать ее на откуп политикам».

Смерть Лассе

Однако прямой конфронтации между Астрид Линдгрен и политической властью в 1986 году не происходит, хотя животноводческая дискуссия продолжается – в печати, на телевидении, на радио. Как пишут Астрид Линдгрен и Кристина Форслунд в книге «Моя корова хочет веселиться» (1990), где

собраны их тематические статьи 1980-х, «в 1986-м все мы испытывали потрясения». Среди потрясений авторы упоминают убийство Улофа Пальме и аварию на Чернобыльской АЭС, однако в книге нет ни слова о том, что жизнь для Астрид Линдгрен остановилась в июле, когда ее сын Лассе умер от рака спустя пять месяцев после своего шестидесятилетнего юбилея. Через несколько лет, в августе 1989-го, отвечая на вопрос журналиста «Свенска дагбладет»: «Самое большое горе в вашей жизни?» – она сказала:

> «Смерть моего мальчика, смерть Лассе. Это самое большое мое горе, которому нет равных. И я, бывает, плачу. И вспоминаю, каким он был ребенком. Да и взрослым тоже».

Лассе когда-то был самой большой ее радостью. Даже в 1950-е, когда он стал инженером и отцом семейства, она время от времени звала его «мой мальчик Лассе Лусидор», намекая на шведского поэта-сироту, автора баллад и псалмов Ларса Юхансона (1638–1674), известного также как «Лассе Лусидор, Несчастный», чья недолгая жизнь на земле была одинокой и бурной.

Больше всего переживаний в жизни Астрид Линдгрен было связано с Лассе. Так она написала в дневнике в 1972 году. Астрид родила его вдали от родных, надолго с ним разлучилась, невыносимо скучала, ужасно угрызаясь, и в то же время очень старалась, чтобы жизнь мальчика стала такой же гармоничной и счастливой, как в первые три года на Аллее Надежды, а затем полтора года в Нэсе. Лассе было почти пять, когда он воссоединился с матерью. По правде говоря, им обоим это давалось трудно, и легче со временем не стало. «Мой маленький ленивец» – так назвала Астрид сына в июне 1946 года в письме Ханне.

На Новый год Астрид записывает в дневнике: «Я уже практически все сказала о 1986 годе, таком трудном и скверном. Прошедшем под знаком болезни и смерти Лассе. Он умер 22 июля, пробыв без сознания около месяца. …Несмотря ни на что, были у нас и счастливые дни, когда облучение закончилось и мы думали, он поправляется. Канун Ивана Купалы на Фурусунде – последний „нормальный“ день, у меня осталась чудесная его фотография, сделанная в тот вечер…» (Фотография: Частный архив)

Как ей с болью приходилось признавать и с тем большей подлинностью и силой описывать и в художественных произведениях, и в публицистических заметках, речах и статьях о воспитании и отношениях детей и родителей, первые пять-десять лет жизни ребенка определяют всю его последующую жизнь. Вот как Астрид Линдгрен сформулировала эту мысль в 1952 году в масштабном эссе «Больше любви!», а через двадцать пять лет вновь озвучила между строк благодарственной речи на вручении Премии мира в Западной Германии:

> «Ничто на свете не способно восполнить ту любовь, что ребенок недополучил до того, как ему исполнилось десять лет».

Ни в одном из этих текстов не было намеков на Ларса Линдгрена, однако речь в них шла о детях, чья жизнь не задалась с самого начала и закончилась несчастливым одиночеством, – а все оттого, что в раннем детстве они не получили свою меру безопасности и свободы. «Две эти вещи, – писала Астрид в 1952 году, – неизбежно нужны человеческому ростку для процветания».

Часто отмечалось, что Лассе повлиял на творчество Астрид Линдгрен, где мы встречаемся с целой чередой образов несчастных, одиноких мальчиков-сирот. Но чтобы понять, признавала ли этот факт сама Линдгрен, придется заглянуть в Национальную библиотеку. В стенографическом блокноте № 343 сохранилась одна из длинных заметок, в 1976–1977 годах написанных Астрид для Маргареты Стрёмстедт. Из текста ясно, что писательница вложила в уста биографа следующее высказывание, не желая, чтобы оно было приписано ей самой (отдельные слова в блокноте зачеркнуты):

> «Существуют критики, вменяющие Астрид Линдгрен в вину чувствительность и сентиментальность, с которой она рассказывает о страждущих детях. Да, в ее книгах много ничем не стесненного чувства – чувства, которое можно принять за сентиментальность, но тот, кто ее осуждает и думает, что за этим скрывается нечто лживое и сомнительное, просто не понимает, насколько Астрид Линдгрен интересовала судьба беззащитных детей. Этот интерес, без сомнения, связан с тем, что Астрид пережила в Копенгагене накануне Рождества 1926 года, когда у нее родился появился ребенок и ей пришлось от него этого отказаться; еще тяжелее пришлось юной Астрид в последующие годы, когда она боролась за возможность самой заботиться о своем ребенке своем Лассе».

Лассе умер 22 июля 1986 года, оставив жену и троих детей. До конца года Астрид не могла оправиться от парализующей скорби, но в январе 1987-го вернулась к дискуссии об окружающей среде. И возвращение было эффектным.

В публикации в «Экспрессе» за 14 января 1987 года описывался сон Астрид Линдгрен, в котором Бог спускается на землю, дабы проинспектировать шведские земли. Он хочет посмотреть, как идут дела у животных, и Астрид Линдгрен в роли гида показывает ему дорогу и все объясняет. Реакцию Господа трудно истолковать ошибочно: «Что за дураков я назначил править всеми зверями на земле?» В этом сне о небесной инспекции фигурирует и министр сельского хозяйства Матс

Хелльстрём, но не «дураком», а, напротив, принцем, который владеет философским камнем в форме «правильного» закона о сельском хозяйстве.

Социал-демократы очень хорошо понимали, как важно не допустить тактические промахи вроде тех, что случились у Гуннара Стрэнга в деле Помперипоссы. Так что когда 20 сентября 1987 года Астрид Линдгрен написала открытое письмо Ингвару Карлсону, которое, с присущим и ей, и «Экспрессу» умением выбрать нужный момент, было опубликовано к съезду Социал-демократической партии, в игру пришлось вступить премьер-министру. Тон всенародно любимой писательницы не оставлял ему выбора:

> «Дорогой Ингвар Карлсон! Простите, что отнимаю у Вас время во время партийного съезда. Я же знаю, сколько у Вас забот и в Швеции, и за рубежом, среди всех этих важных политиков и президентов. И все же я пишу Вам, лелея скромную надежду, что Вы пожертвуете немного времени на размышления о бедственном положении домашних животных у нас в стране. Ведь, несмотря ни на что, именно Вы и Ваше правительство в конечном счете отвечаете за шведское животноводство».

И вот внезапно, среди речей и аплодисментов на партийном съезде, у «лучшего Карлсона» на спине вырос пропеллер, и на целый час он бесследно исчез из зала. Премьер-министр попросил своего шофера отвезти его домой к Астрид Линдгрен, у которой в гостях была Маргарета Стрёмстедт. В своей биографии издания 1999 года Стрёмстедт описывает, как писательница встретила премьера: «…бодро прочитала министру текст и пригрозила принять меры, если он не займется этим делом. Затем похлопала его по щеке, как мальчишку, которым его и считала. Телохранители молча наблюдали за этой сценой».

Экологическая партия «Астрид»

Мягкое, но решительное обращение стареющей Астрид с влиятельным политиком (точно так же она вела себя во время дебатов по делу Помперипоссы) связано с ее отношением к гендерному вопросу, которое бурлило в глубине всех ее политических инициатив последние двадцать пять лет жизни, подобно магме в жерле вулкана. Что касается кампании в защиту сельскохозяйственных животных, Линдгрен и не скрывала, что за улучшение условий содержания шведских животных совсем не

случайно борются две женщины, которые противостоят избранным, мужской элите – министрам, политикам и руководителям сельскохозяйственных организаций. Большинство этих мужчин думали то, что лишь спустя двадцать лет осмелился высказать министр сельского хозяйства Матс Хелльстрём в книге «Не быть маленькой кучкой дерьма»:

> «На каком основании какая-то сказочница решает судьбы современной пищевой промышленности, принимая на юбилей подарки от Ингвара Карлсона?»

85-летняя писательница на обложке июньского номера

журнала «Ви» за 1993 г. (№ 24 / 25). Подпись: «Экологическая партия „Астрид“». (Фотография: Улле Бенгтсон / «Ви»)

Конечно, теоретически за гуманное обращение с курами, поросятами и коровами могли бы побороться и двое мужчин, но звучание женской ноты во всенародных «животноводческих» дебатах, как, кстати, и в деле борьбы за мир и против ядерного оружия, Линдгрен особо подчеркнула в открытом письме бывшему министру сельского хозяйства Андерсу Дальгрену в январе 1986 года. В этом письме слышатся шутливые угрозы Дальгрену и его сторонникам-мужчинам; перед читателями снова феминистка, уже знакомая нам по «делу Помперипоссы»:

> «Судя по письмам, которые я получаю, женщины особенно полны энергии и желают увидеть какие-то результаты. А женщины составляют более половины населения страны. Ой-ой-ой, что будет, если они всерьез разозлятся! Если мы не хотим утратить репутацию культурной нации, нужно прежде всего решать не политические, а этические вопросы. Неплохо было бы достичь каких-то конкретных результатов в ближайшие годы, лучше всего – до следующих выборов. Не могли бы вы поговорить с премьер-министром, министром сельского хозяйства и другими разумными людьми и, быть может, процитировать старинное изречение фольклориста о шведских женщинах: „Женщины выносливы и сильны, как ослы, они пекут чудесный хлеб с изюмом, но если их рассердить, они немедленно атакуют“».

Сразу вспоминаются Лувис и Ундис, противостоящие мужскому разбойничьему племени, каждая в своем разбойничьем замке в лесу Маттиса. Выносливые сильные женщины, они чертовски хорошо пекут хлеб, ухаживают за плодородными огородами, пекутся о большой семье и заботятся о природе. Обе женщины-матери прекрасно сознают, что мужчины – главные, но есть в мире вещи, с которыми их мужчины не справляются и в которых мало что понимают. Например, этические вопросы. Тут мужчины из «Роньи, дочери разбойника» предстают абсолютными «дураками». Как пытается объяснить Бирку отчаявшаяся Ронья – точно как Лувис и Ундис пытались объяснить своим мужьям, – «жизнь свою нужно беречь, ясно тебе?».

Можно только удивляться тому, что в Швеции, считавшейся форпостом феминизма, имя Астрид Линдгрен никогда не ассоциировалось с таким неоднозначным явлением, как

экофеминизм, несмотря на ее выступления 1980-х и 1990-х годов. Астрид Линдгрен и сама никогда не причисляла себя к поборникам порицаемого в наши дни экофеминизма, утверждающим, что между патриархальным угнетением женщин и патриархальным отсутствием стремления защитить природу существует связь. Грубо говоря. Бывший активист партии зеленых Лотта Хедстрём в книге «Введение в экофеминизм» пишет, что смоландскую писательницу Элин Вагнер «следует считать первой шведской экофеминисткой», однако не торопится провести линию между Вагнер и выступлениями зеленых в 1980-х и 1990-х, активной участницей которых была Астрид Линдгрен.

Подобно Элин Вагнер, Линдгрен вовсе не считала, что женщины лучше мужчин, и никогда не называла себя феминисткой, однако, сталкиваясь с мужскими предрассудками, провокациями или давлением, с удовольствием выступала в роли борца за права женщин и равенство полов. Астрид Линдгрен в первую очередь осознавала себя частью поколения, которое, не участвуя в демонстрациях и не возводя баррикад, приняло на себя тяжесть исторической борьбы женщин за равные с мужчинами права, возможности и обязанности. Как и большинство годами окружавших ее женщин – Эльса Олениус, Анне-Марие Фрис, Ева фон Цвайберг, Грета Болин, Луиза Хартунг, Стина, Ингегерд и другие.

Линдгрен так и не стала выдающимся членом женского движения, хотя именно она породила бессмертный образец современного феминизма – Пеппилотту Виктуалию Рульгардину Крисминту Эфраимсдоттер Длинныйчулок. Как однажды во время торжественного королевского обеда крикнула художница Сири Деркерт сидящей от нее через стол Астрид: «Пеппи – благороднейший представитель „женского движения“ наших дней!»

Лишь в старости, в 1990-е, Астрид отчасти распрощалась с антифеминистическими предрассудками и высказываться стала резче. Особенно когда она общалась с зарубежными журналистами. В апреле 1992 года журналист датской газеты «Кристелит даублад», посетивший Астрид Линдгрен на Далагатан, поинтересовался, как писательница относится к «женскому вопросу». Вот что ответила Астрид:

> «Я могла бы побороться за женщин. До сих пор всем по-прежнему заправляет один пол – мужской. Недавно по телевизору я смотрела сюжет о визите одного известного американца в Европу. Его сопровождала целая армия мужчин в костюмах в елочку. За километр юбки не было

видно. И даже среди обслуживающего персонала. А ведь талантливых женщин так много. Но когда доходит до дела, вес имеют только мужчины».

Линдгрен вела с мужчинами борьбу за власть в разные периоды своей жизни. В 1943 году она загнала в угол Райнхольда Блумберга, когда пожилой и совсем не бедный главный редактор «Виммербю тиднинг» показал себя отъявленным скупердяем, пытаясь уклониться от алиментов. Письма Астрид жесткие по тону, в них содержатся сухие юридические факты и нешуточная угроза затащить Райнхольда в тот самый зал суда, где он в 1926–1927 годах противостоял другой взбешенной женщине. Чтобы еще сильнее надавить на отца Лассе, Астрид попросила Стину навестить Блумберга, объяснить всю серьезность ситуации и напомнить, что с сестрой Стины шутки плохи. Если Райнхольд вдруг об этом позабыл.

В другой раз феминистка заявила о себе осенью 1957 года. В Швеции тогда обсуждали возможность рукоположения женщин. Можно ли такое вообразить – и допустить? Не только у церковного руководства, но и у Астрид Линдгрен по этому вопросу была ясная позиция, и с ней 18 октября 1957 года была ознакомлена Луиза Хартунг:

> «В нашей епархии, епархии Линчёпинг, за женщин не подали ни одного голоса. Незадолго до синодального собрания меня попросили написать о родном городе для газеты „Линчёпингс стифтсблад“ („Епархиальная газета Линчёпинга“). И я согласилась – я вообще отличаюсь дружелюбием и уступчивостью. Но, прочитав затем в газете, в „Дагенс нюхетер“, заметку о синодальном собрании, из которой следует, что епархия Линчёпинг была единственной, где не подали ни одного голоса в пользу женщин, я разозлилась и написала в „Линчёпингс стифтсблад“: „Вслед за апостолом Павлом священство епархии Линчёпинг полагает, что женщинам надлежит хранить молчание в собраниях. Если бы две тысячи лет назад существовали газеты, Павел наверняка сказал бы: женщинам также не следует подавать голоса в епархиальных газетах. Так я и поступлю. Я отказываюсь сотрудничать с газетой. Уверена, что апостол Павел в своем Раю останется доволен“».

Двадцать лет спустя Астрид Линдгрен поучаствовала в свержении мужского правительства Улофа Пальме на выборах 1976 года, а в 1988-м вместе с соратницей протолкнула «Lex

Линдгрен», хотя принятый в итоге закон и не возымел того действия, на которое Астрид Линдгрен и Кристина Форслунд рассчитывали. Однако за рубежом эта история привлекла колоссальное внимание. Наконец-то, после всех этих ошеломительных новостей середины 1970-х о всемирно известных шведах, изгнанных из страны безумной налоговой политикой, «народный дом» Швецию вновь признали раем на земле. Где даже звери живут счастливо.

– Rädda våra öppna landskap

I EXPRESSEN

UPPROP TILL SVENSKA FOLKET

Vill ni ha skog, åker eller äng? Svaret verkar givet: Alla tre. Men det får ni inte med dagens svenska politik. Den biologiskt rika och varierade skogen krymper snabbt. Åkrar växer igen. Ängar och hagar vanhävdas och försvinner in i historien.

Vad beror då detta på?

Vi må ha helt olika syn på EG – men på EG kan vi inte skylla i detta fall. Vi är ju inte ens medlemmar. Och EG förbjuder varken den biologiskt rika skogen, åkern, hagen eller ängen.

Beror det då på frihandeln? Nej, det gör det inte. Det enda vi måste lova är att inte ge mer exportstöd till jordbruket än andra länder gör. Ingen utanför Sverige skulle klaga på att vi bevarar vårt kulturlandskap och vår natur.

Vi ber om skydd för regnskogar, djur och växter på andra håll i världen. Men då måste vi ju hålla rent framför egen dörr. Den ogödslade svenska naturbetesmarken är vårt "svar på de tropiska regnskogarna", med tusentals örter, gräs, kryp, insekter och fåglar.

Är det så att vi inte anser oss ha råd med ett levande jordbruk? Det är något vi själva avgör.

Alla andra skyddar sitt jordbruk. Sveriges snedvridna jordbrukspolitik kostar skattebetalarna drygt sex miljarder kronor (försvaret kostar ensamt sex gånger så mycket)! Med en annan inriktning har vi givetvis råd med ett biologiskt rikt kulturlandskap.

Vi har brukat jorden och nyttjat skogen i tusentals år. Är vi den generation svenskar som i en miljöhotad värld vill lägga vårt land i träda? Utrota unika växter och djur?

Självklart inte!

Bonden är utskälld sedan åratal för att ha tagit emot bidrag och förgiftat jorden. I dag driver bönderna ett alltmer naturanpassat jordbruk. Är detta då den tidpunkt då vi skall utrota bonden? Bonden som lever av att Sveriges natur hålls frisk. Bonden som är vår enda naturliga landskapsvårdare.

■■ Vårt underbara landskapsarv är vår gåva. Den tillhör våra barn, och vi önskar att alla barn kunde få uppleva den. Vi tycker att bonden bör få en naturvårdslön såsom Naturskyddsföreningen föreslår, en arealersättning som premierar det öppna landskapet med dess skönhet, variation och biologiska mångfald. Friska jordar som också avkastar en god produktion av mjölk, kött och spannmål.

Detta kostar något mer, åtminstone inledningsvis. Men det ger inga överskottsskördar som får slumpas bort i världen.

Låt oss vakna upp! Vi står vid vägskälet mot 2000-talet. Våra folkvalda *måste* begripa situationens allvar.

Om inget görs NU har vi snart ett land vi inte känner igen. Skönheten dör. Våra kulturella rötter förtvinar. Hundratals växt- och djurarter försvinner. Prima mylla läggs under sura granskogsmattor.

Det får inte ske!

ASTRID LINDGREN
Författare

P G GYLLENHAMMAR
Styrelseordförande Volvo

STEFAN EDMAN
Miljödebattör, vice ordförande, Naturskyddsföreningen

MARIT PAULSEN
Författare

KRISTINA FORSLUND
Veterinär

Om Du tycker som vi – klipp ur talongen och sänd den till:

Jordbruksutskottet
Riksdagen
100 12 Stockholm

JA! Jag stöder uppropet i Expressen om svenskt jordbruk och ett levande landskap. Jag tycker att bonden bör få en naturvårdslön såsom Naturskyddsföreningen föreslår, en arealersättning som premierar det öppna landskapet med dess skönhet, variation och biologiska mångfald.

Namn: .....

.....

Adress: .....

.....

.....

«Помоги Астрид спасти луга и поля», – раздавалось в 1993 г. Детская писательница вместе с другими зелеными – директором компании «Вольво» П. Г. Гюлленхаммаром, биологом Стефаном Эдманом, политиком Марит Паульсен и ветеринаром Кристиной Форслунд – начала кампанию в сельскохозяйственной газете «Ланд» и в «Экспрессе». (Фотография: Йенс Андерсен)

Однако экологическая эпопея для Астрид Линдгрен в 1988 году не закончилась. Напротив, около 1990 года она еще активнее включилась в борьбу за экологическое сознание, улучшение качества пищевых продуктов и, не в последнюю очередь, неприкосновенность открытого полевого ландшафта – ландшафта ее детства, которому столь многим была обязана. В июне 1991 года совместно с политиком Марит Паульсен и биологом Стефаном Эдманом Астрид Линдгрен написала примечательную статью, которую следует понимать в свете подачи заявки на членство Швеции в ЕС (против чего Астрид проголосовала в 1994 году):

> «Окружающая среда и биологическое разнообразие культурного ландшафта нуждаются в таком земледелии, которое производило бы пищу в согласии с природой, а не восставало против нее».

В последующие годы было написано еще несколько статей для сельскохозяйственной газеты «Ланд», где когда-то работала младшая сестра Линдгрен, Ингегерд, и где старшая, Астрид, теперь пыталась докричаться до читателей и вместе с директором «Вольво» Пером Г. Гюлленхаммаром и другими занималась сбором подписей в защиту природы и экологических хозяйств, который организовала газета. Как настоящий представитель несистемной оппозиции Линдгрен призывала шведских крестьян выйти на марш протеста:

> «И еще одно важно, важнее прочего. Чтобы сами крестьяне высказались по этому вопросу, и не только посредством своих организаций, о нет, – каждый крестьянин, что сражается за свою ферму, должен заявить о себе. Отказывайся, кричи, рассказывай о том, каково тебе, о том, что правильно, а что нет – для тебя, для твоих животных, для шведского земледелия в целом! <…>
>
> *P. S.: Я готова к маршу шведских крестьян. Ради достижения целей!»*

Последняя политическая битва в жизни Астрид Линдгрен возвращала ее к истокам. К крестьянской жизни, семейному хозяйству в Нэсе, тесными узами скреплявшему самых разных людей, животных, землю, урожай, поля, луга и леса. К блаженному Бюллербю ее детства. Казалось, те ее противники,

кто утверждал, будто политические взгляды Астрид – следствие ностальгии и не укоренены в реальности, оказывались правы, и тем больше, чем старше становилась Линдгрен. И в дебатах об охране животных, и в кампании по защите открытых ландшафтов обнаруживала себя тоска крестьянской дочери по тому «лошадиному веку», что ушел безвозвратно, уступив дорогу «веку машин». Образ мыслей экологической активистки, желание вернуться в прошлое проявились еще в 1982 году в статье «Моя Швеция», опубликованной в еженедельнике «Аллерс». В этом тексте Астрид наивно восхищалась тропинками и лугами своего детства, которым угрожало шведское градостроительство и большая европейская политика 1990-х:

> «Вот мимо огороженных сенокосных полей бегут узкие тропинки. Когда-то их протоптали коровы, направлявшиеся в загон, где их доили. Да-да, тут всегда ходили коровы и овцы, они не давали траве разрастись. А дети бегали, собирая землянику в грудах старых серых камней. И всегда здесь пели птицы. Светлыми весенними вечерами щебетали зяблики и синицы, заливался дрозд, а ранним летним утром вволю куковала кукушка. <…> Смоландское поле, райское поле, дети, звери, цветы и трава, деревья и пение птиц. Скоро все это исчезнет».

Человек из запчастей

В 1976 году на вопрос представителя журнала «Велькоммен», как шестидесятивосьмилетняя Астрид Линдгрен воспринимает старость, она ответила, что еще до этого не дожила:

> «Пока я работаю, как обычно, пока совершенно здорова, пока могу пробежать сто метров, не задохнувшись, я отказываюсь чувствовать себя старой. Не то чтобы я тут расхаживаю, восклицая про себя: „О, как я молода!“ – просто не чувствую себя старухой. Хотя иногда забываю чье-нибудь имя или что хотела принести с кухни, и тогда понимаю: это признаки старости, с которыми надо учиться жить».

Со смертью невестки Гуллан и Эльсы Олениус в 1984 году, а особенно со смертью Лассе в 1986-м для Астрид Линдгрен началась самая трудная пора старости. В это время у нее значительно ухудшилось зрение, ей стало трудно концентрироваться, очки уже не спасали. В письме Рите

Тёрнквист-Вершур Астрид описала себя как «человека из запчастей с увеличительным стеклом и слуховым аппаратом, но зубы до сих пор свои». А когда журнал «Ви» перед восьмидесятилетним юбилеем писательницы в ноябре 1987 года послал корреспондента на Далагатан, Линдгрен назвала себя полуслепой и полуглухой и показала на два одновременно звонящих телефона, из-за чего в гостиной было шумно, как на выпасе, полном коров с колокольчиками и бубенцами.

И все-таки ей было далеко до полной немощи, о которой из-за плохого перевода интервью из «Экспресса» объявили немецкие газеты «Бильд цайтунг» и «Хамбургер абендблат». Они рассказали о трагической слепоте и изоляции стареющей писательницы: «Ihr Haar ist wirr und Die Augen starren in die Leere» («Волосы растрепаны, а глаза уставились в пустоту»). Узнав печальную новость из Германии, Астрид Линдгрен попросила личного секретаря Черстин Квинт засесть за клавиатуру, которой сама Астрид толком уже не видела, и продиктовала ей пару писем. Первое было отослано 2 декабря 1991 года и звучало так:

> «Herr Redacteur, ich glaube, es war Mark Twain, der gesagt hat: „Das Gerücht von meinem Tod ist erheblich übertrieben“ (Господин редактор, кажется, Марк Твен сказал как-то: „Слухи о моей смерти сильно преувеличены“. – *Ред*.). Прочитав захватывающую статью в „Хамбургер абендблат“ от 30 ноября, хочу заметить, что слухи о моей „слепоте“ сильно преувеличены. Единственное, что я сказала „Экспрессу“ (это газета, которая, по всей видимости, послужила Вам источником), – что больше не могу читать (на самом деле могу, с мощной лупой). Читая Вашу статью, проникаешься сочувствием к изможденной и полуслепой писательнице, которой еле хватает сил продиктовать письмо. Ни мой секретарь (с которым Вы, кстати сказать, не связались), ни я не в состоянии узнать меня в Вашем описании. Ради смеха я сосчитала письма, которые надиктовала в эти дни всего за несколько часов. Их оказалось 18».

Немецкие газеты поведали также, как старая Линдгрен весь день сидит у окна, глядя на детей в Васа-парке, о которых раньше так живо писала. То, что ее изображают пассивным зрителем, возмущало Астрид, которая за год побывала в России, Финляндии, Польше, Австрии, Германии и Нидерландах и вскоре вновь собиралась в Польшу. А после всего этого точно сядет у окошка, расслабится и понаблюдает за жизнью на Далагатан и в

Васа-парке.

8 августа 1989 г. на вопрос журналиста «Свенска дагбладет», нет ли у писательницы ощущения собственной святости из-за того, что ее книги переведены на пятьдесят языков, Линдгрен

ответила: «Нет, с какой стати? Все – суета сует и погоня за ветром. Все мы одинаковы, все были когда-то славными ребятишками, ребятишки выросли и умрут. И что с того, что тебя перевели на пятьдесят языков…» (Фотография: Ева Рудлинг / TT)

Черстин Квинт рассказывает о необыкновенной работоспособности Астрид Линдгрен и в 1980-е, и в начале 1990-х. Квинт раньше работала с Астрид в «Рабен и Шёгрен», а теперь два раза в неделю приходила к ней домой, разбирала почту, оплачивала счета, забирала посылки, вела телефонные переговоры и писала письма под диктовку:

> «Она по-прежнему работала в фантастическом темпе, фактически до 80 с лишним лет. Потом у нее стала развиваться макулодистрофия сетчатки, и начались проблемы. Но, несмотря на это, у Линдгрен всегда был продуманный план для каждой встречи, и она диктовала тонны писем на одном дыхании. Были письма, которые я могла составлять сама с ее одобрения. Могла предложить вариант ответа, и она говорила: „Да, так и напиши!“ Или: „Ты гораздо дружелюбнее меня“».

Но в 1990-е Астрид Линдгрен все чаще вспоминались слова матери: «Последний квартал – худший». Один за другим уходили старые друзья и подруги. В декабре 1991-го после долгой мучительной болезни упокоилась любимая Анне-Марие Фрис. Вот что 5 января 1992 года Астрид написала в дневнике, где теперь лишь раз в год суммировала события, произошедшие в мире, в семье Эриксон-Линдгрен-Нюман и в ближайшем круге друзей:

> «Анне-Марие умерла 7 декабря после длительного и безрадостного пребывания в больнице. Несколько лет я навещала ее в больнице в Блакберге раз в неделю. Точка в нашей 77-летней дружбе была поставлена 7 декабря, в 10 часов утра. Я ведь хотела, чтобы смерть освободила ее от всякой печали, но вынести это оказалось практически невозможно. Неверно говорить, что после 77 лет наша дружба прекратилась. Дружба жива, хоть одна из нас мертва».

Анне-Марие Фрис похоронили рядом с родителями на кладбище Виммербю – там, где закадычные подружки с Прэстгордсалле, в 1925 году вместе навестившие Эллен Кей, договорились встречаться по ночам после смерти. Астрид по-

прежнему будет самой умной и смелой, Анне-Марие самой сильной. И, как в детстве, они станут сражаться со всеми мальчишками, но никогда – друг против друга.

Не начала ли Астрид бояться смерти после утраты Анне-Марие? – интересовалась «Дагенс нюхетер» в интервью 10 апреля 1992 года. «Нет, на самом деле нет. Не имею ничего против смерти. Но не завтра. Мне еще надо кое-что успеть». То же говорили Стина и Ингегерд. Сестер Эриксон из Нэса в 1990-е годы по-прежнему связывала живая крепкая дружба. Корни ее уходили в детство, однажды воплотившееся в трех книжках о Бюллербю и еще в двух – о Мадикен, вышедших с промежутком в 16 лет (в 1960-м и 1976-м). Сама Астрид была старшей сестрой Мадикен, а Стина – младшей, Элизабет. Ингегерд же была малышкой Кайсой, появившейся на свет в рождественскую ночь, «священным даром» сестрам.

Сестры продолжали общаться и после того, как Астрид, Стина и Ингегерд покинули отчий кров, вышли замуж и родили детей. Потом наступила война, и Астрид предложила учредить «письмовный круг», чтобы через постоянно циркулирующий поток писем поддерживать беседу и семейную жизнь, которую поставили под угрозу ужасные мировые события. 19 сентября 1939 года, вскоре после оккупации Польши Германией, Астрид написала Стине и Ингегерд и озвучила свою идею:

> «Желательно, чтобы письма шли непрерывно. И еще, не потому, что я считаю, будто они станут литературными жемчужинами (мои-то, конечно, станут), но для развлечения, стоит их, мне кажется, хранить и сделать небольшой архив дома, в Нэсе. В старости нас могут позабавить наши юношеские глупости. А наши потомки, если кто переживет „Untergang des Abendlandes“[70], смогут почитать о том, каким был мир в дни, когда Гитлер меблировал немецкое „lebensraum“[71]. Примерно как если бы мы читали о Наполеоне».

В начале войны сестры затеяли переписку, а в старости ежедневно созванивались, вплоть до смерти Ингегерд в 1997 году. Утром Астрид разговаривала с одной, вечером с другой, и любой разговор начинался с общего заклинания: «Смерть, смерть, смерть…» Вновь обошла их старуха с косой, еще день можно прибавить к жизням, и без того долгим.

За близкими отношениями сестер довелось наблюдать племяннице Астрид, Карин Альвтеген, с переднего сиденья ее автомобиля, когда в ноябре 1996-го, за год до смерти Ингегерд,

она возила сестер из Стокгольма в Виммербю и обратно. Они много веселились, рассказывала Карин Альвтеген в одном из бюллетеней Общества Астрид Линдгрен в 2006 году, – дамы были несколько немощны плотью, но бодры духом:

> «За эти выходные я поняла, что лучше этих женщин не найти. И мне вдруг пришло в голову, что я ни разу не слышала, как они произносят речи о феминизме или отсутствии равноправия. Им словно и в голову не приходило, что с людьми можно обращаться по-разному, как будто они неравны. Они просто знали себе цену, и к ним относились соответственно. Вместо того чтобы разделять мир на „женское“ и „мужское“, они, как мне кажется, мыслили „по-человечески“».

Три сестры в 1930-е и 1990-е гг. Still going strong [Все еще молодцом (англ.)] и по-прежнему тесно связаны – уже не потоком писем, а ежедневными телефонными разговорами, в которых дочери Самуэля Августа и Ханны заверяют друг друга в том, что еще живы. Ингегерд умерла в 1997 г., Астрид – в январе 2002-го, Стина – в декабре 2002 г. (Фотографии: Частный архив / Saltkråkan)

Что наша жизнь? Игра?

«Все проходит с головокружительной быстротой, а потом наступает конец», – сказала Астрид Линдгрен в апреле 1992 года, когда ее спросили, что такое человеческая жизнь. Она сказала это журналисту и критику Оке Лундквисту в серии интервью о смерти, которую он готовил для «Дагенс нюхетер». Желая подчеркнуть и проиллюстрировать свою точку зрения, Астрид взмахнула рукой и подула, как бы желая загасить свечу. Так скоротечна жизнь человеческая.

Ветхий Завет, к которому часто обращалась Астрид, содержит Книгу Екклесиаста, или Проповедника, где с большим реализмом показано, как устроен мир и как он воспринимается людьми. Первые строки Книги содержат известное и часто цитируемое (не в последнюю очередь – уставшими от жизни писателями) изречение, которое в датском переводе звучит следующим

образом: «Бесконечная пустота, сказал Проповедник, бесконечная пустота, все – пустота». Однако в той Библии, что читала Астрид, одной из шести, стоявших на полке над кроватью, в шведском переводе 1917 года, речь не о пустоте, но о тщете или суете («fåfänglighet») – о том, что лишено содержания или цели: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!»

В этом смысле и употребляла Астрид Линдгрен главное слово Книги Екклесиаста, цитируя его в письмах Луизе Хартунг – например, в письме от 4 декабря 1956 года: «Теперь, Луизочка, хочу сказать тебе, что в глубине души отношу слова Екклесиаста и на свой счет: „Все – суета и погоня за ветром“»[72]. И недатированное письмо 1961 года она заканчивает теми же словами:

> «Луиза, не надо бы писать писем, когда ты подавлен и печален, но я все же пишу, потому что хочу, чтобы ты утешила меня. Скажи что-нибудь хорошее о том, зачем мы живем, если можешь. Все кажется мне суетой и погоней за ветром, но возможно, это оттого, что в стране мрака солнце никогда не восходит».

Все – суета и погоня за ветром. Эти слова – выражение сильнейшего экзистенциального переживания взрослой Астрид Линдгрен: жизнь скоротечна и преходяща, нестабильна, иногда бессмысленна. Однако огромная, тяжелая, статичная пустота, пронизывающая все сущее, редко завладевала Астрид надолго, и в этом суть ее жизненной философии. И не только в молодости и в зрелые годы, но и в старости, когда она уже не была так уверена в своем отношении к Богу. О своей наивной детской вере Линдгрен говорила с юмором и как будто дистанцируясь. Например, в интервью «Экспрессу» 6 декабря 1970 года рассказала, что ребенком верила, будто Бог – это такой старик на небе, которому молятся. И затем на вопрос журналиста: «Верите ли вы по-прежнему в Бога?» – ответила:

> «Нет, честно говоря, не верю. Но при жизни отца не осмелилась бы так говорить, он бы сильно расстроился. Наверное, с моей стороны постыдно отказываться от Бога, которого я тем не менее часто благодарю, которому молюсь, когда отчаиваюсь».

В любопытстве, характерном для ее отношений с Богом в конце жизни, Астрид признавалась «Дагенс нюхетер» в апреле 1992 года: «Я сомневаюсь в собственных сомнениях. Часто». Эти слова она произнесла, пытаясь объяснить, что жизнь – погоня за

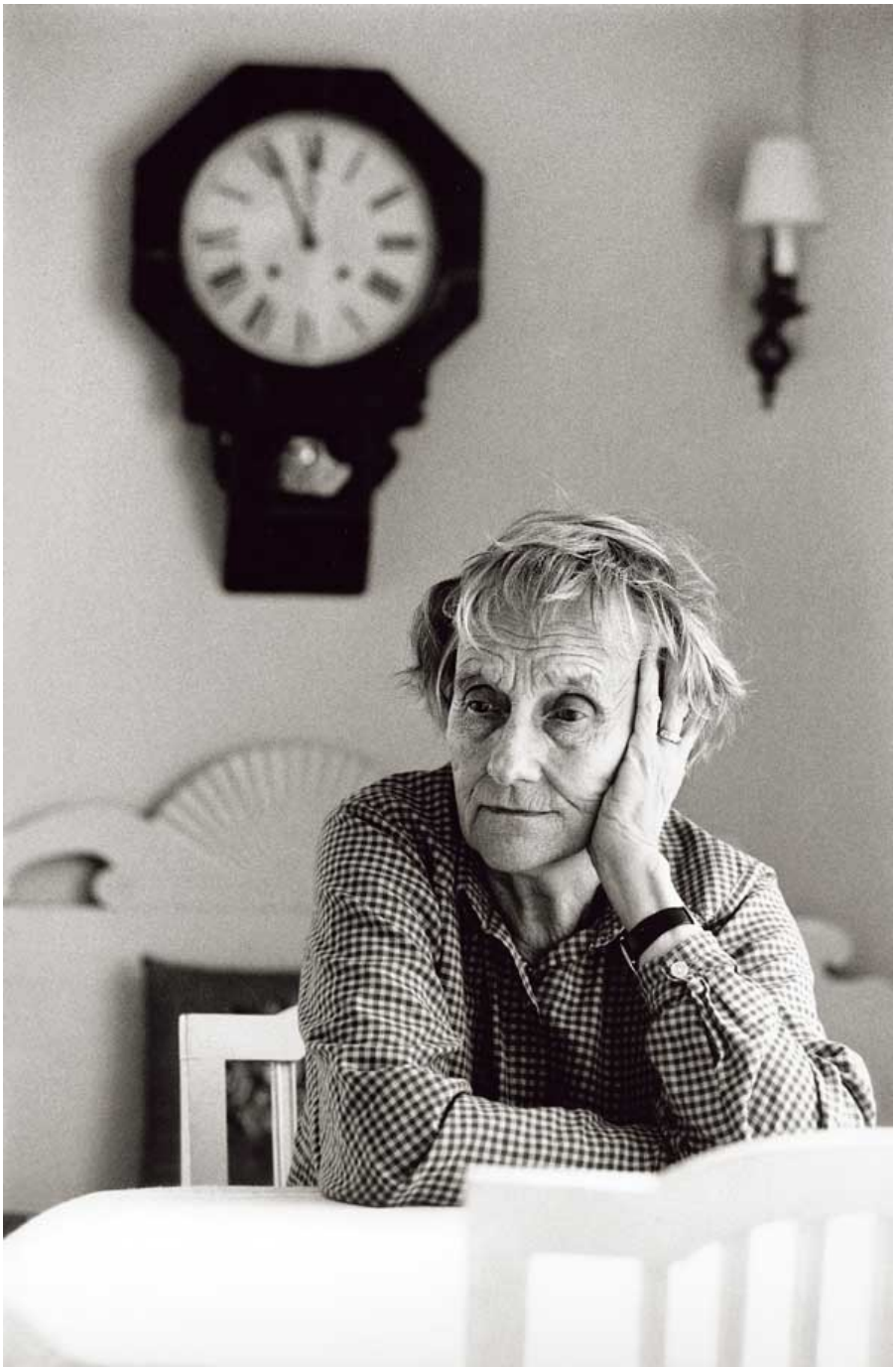
ветром, но это не означает, будто жизнь – сплошь пустота и бессмысленность. Почему же? Потому что в природе царит закон и порядок, объясняла Астрид. И все же недвусмысленного признания журналист не дождался. Старый добрый релятивизм победил:

> «Откуда цветам известно, что весной они должны распускаться, откуда птицам известно, что они должны петь? Ученые думают, будто все могут объяснить: творение, всю историю человечества. А я – я спрашиваю: как все может быть настолько упорядочено? И почему же мы, люди, столько думаем о религии? Что наводит человека на такие мысли? Так что я сомневаюсь в собственных сомнениях. Часто».

Самые мрачные аспекты жизненной философии Астрид Линдгрен – скоротечность жизни и конечность всего сущего, неизбежное одиночество человека. От этого представления Астрид никогда не отказывалась. В молодости она писала об этом Анне-Марие Фрис. В старости – подростку Саре Юнгкранц: «Каждый из нас заточен в одиночество. Все люди одиноки». А в зрелые годы – 8 сентября 1961 года – написала Луизе Хартунг: «В конечном счете каждый человек – маленькое одинокое существо, которому не на что опереться». Даже в некоторых детских книгах Линдгрен отражается ее пессимистический взгляд на основы человеческого бытия. И яснее всего – в окончании «Мы – на острове Сальткрока», когда на первый план выходит взрослый рассказчик и какое-то мгновение повесть звучит подобно Екклесиасту:

> «Иногда снится, что бегаешь и что-то ищешь. И это что-то необходимо найти. Найти как можно быстрее. Дело идет о жизни и смерти. Мечешься в страхе, ищешь и ищешь, страх все растет, но найти – не находишь. Все напрасно».

И все же не напрасно. Или, как Астрид Линдгрен писала Анне-Марие, Эльсе, Луизе, Саре и другим, «Life is not so rotten as it seems». Эти слова были необходимым противовесом меланхолии, унынию и «абстрактной скорби», как это называла Астрид. Скорбь была для нее связана с чувством одиночества, которое преследовало ее в зрелости и старости.



Лирика, философия и эссеистика практически всю жизнь остаются любимым чтением Линдгрен, она часто листает Библию и черпает в ней вдохновение. Астрид поет и цитирует старые песни и сама пишет тексты к песням для многочисленных

экранизаций своих произведений. В сборнике «Траляля и другие песни» («Hujedamej och andra visor», 1993) мы встречаемся с Линдгрен-лириком, например в стихотворении «Песенка о том, как коротки жизнь и любовь», где она обобщает свой жизненный опыт: «Как исчезает мечта / так и жизнь коротка». (Фотография: Якоб Форшель)

В центре мировоззрения Астрид Линдгрен была мысль о том, что среди всех мучений, огорчений и разочарований из-за погони за ветром есть время и для радости, наслаждения, поэзии, любви, игры. И кто же лучше всех умеет жить в настоящем, как не дети – и внутренний ребенок во взрослом? Как объявил мальчик Андерс в начале книги «Калле Блюмквист и Расмус», «жизнь коротка, и… надо играть, пока не поздно»[73].

Этот день и есть жизнь.

Жизнь может закончиться в один день, и в один-единственный день можно прожить целую жизнь. Суть жизненной философии Астрид Линдгрен заключалась в том, чтобы извлекать все возможное и лучшее из отпущенного нам короткого срока на земле. Но как? Об этом захотели узнать в журнале «Фемина» в 1967 году – а еще о том, как же шестидесятилетней Астрид Линдгрен удается оставаться такой «безвозрастной». Вот что ответила Линдгрен:

> «Я просто живу… настоящее кажется мне таким любопытным, таким содержательным, что у меня как будто не остается времени ужасаться тому, как оно будет дальше. Мне кажется, нужно каждый день проживать как единственный. „Этот день и есть жизнь“. Но иногда я чувствую, что столького еще хочу, и понимаю, что не успею. <…> Вообще-то, я считаю, что жизнь – это скоропреходящая нелепица, за которой наступает великая тишина. Но тот короткий срок, что нам отпущен на земле, нужно наполнять содержанием».

День рождения и пожертвования

В 1997 году, через две недели после своего девяностолетия, Астрид написала благодарственное письмо старому другу и коллеге по цензурной службе военного времени профессору-слависту Леннарту Чельбергу. Разговорам о давно прошедшем юбилее и о четырнадцати мешках с письмами, которые приволокли Астрид сотрудники почтового отделения на углу

Далагатан и Оденгатан, она предпочла воспоминания о совместной работе. Но и эта работа казалась чем-то очень далеким. «Все на свете было так давно», – заключала Линдгрен.

Конечно, газеты, теле– и радиостанции всего мира наперебой просили ее дать интервью в связи с юбилеем. Двое видавших виды репортеров со шведского радио удостоились аудиенции, однако успех был весьма условным, вспоминает Карин Нюман. Интервьюируемый и интервьюер не раз поняли друг друга превратно, а когда Астрид спросили, была ли у нее цель своими книгами учить детей родному языку, писательница коротко ответила: «Нет, мне на это наплевать!» И это были последние слова народной любимицы в эфире шведского радио.

Безумный поток писем в день рождения 1997 года напугал Астрид Линдгрен: она всегда полагала, что день рождения – это обязанность, что нужно по возможности участвовать в торжествах, но должны же быть какие-то границы! Письма шли со всех уголков света. Карин Нюман вспоминает, что, как и прежде, Астрид искренне удивлялась своей славе и новым наградам. В 1997-м такой наградой стало почетное звание «Швед года за рубежом».

> «Я читала ей вслух письма – в них говорилось, какую важную роль сыграли ее книги в жизни некоторых людей, и вдруг мама посмотрела на меня и произнесла: „А тебе не *кажется* это странным?“ – „Нет“, – ответила я честно и принялась за следующее письмо. Узнав, что ее, „глухую полоумную старуху“, выдвинули на „Шведа года за рубежом“, она смеялась над этой, как ей казалось, нелепостью два дня».

В многочисленных письмах, полученных Астрид Линдгрен за последние двадцать пять лет ее жизни, были не только благодарности, но и просьбы – в том числе просьбы о финансовой помощи от частных лиц и организаций в Швеции и за рубежом. Немолодая уже писательница пыталась рассуждать трезво, но ей, натуре, склонной к сочувствию, это давалось нелегко. Как и ее героине Мадикен, которая внезапно дарит свой кулончик, дорогостоящее золотое сердечко, бедной Мие, чья семья получила лишь один рождественский подарок: окорок от благотворительного общества.

> «Мадикен подумала, что очень грустно и странно, когда одни люди почему-то получают подарки от Юльтомте, а другие – от благотворительного общества. Окорок – это, конечно, хорошо, но жаль, что Мия ничего

не получила в придачу. Ей тоже, наверно, хочется получить настоящий рождественский подарок. Мадикен задумалась, нет ли у нее чего-нибудь, что можно подарить Мие»[74].

Астрид Линдгрен так много занималась благотворительностью, что при жизни и сама не могла бы сказать, как далеко простираются границы ее благодеяний, и ни ее личный секретарь Черстин Квинт, ни Карин Нюман не знали, сколько миллионов крон писательница пожертвовала организациям и частным лицам, оказавшимся в нужде. Лена Тёрнквист, библиограф Линдгрен, систематизировавшая внушительное количество личных бумаг в архиве Линдгрен в Национальной библиотеке, в том числе и множество писем с благодарностями за пожертвования и финансовую помощь, полагает, что общая сумма приближается к десяти миллионам современных шведских крон.

Лена Тёрнквист рассказывает, что Астрид откликалась на многие письма с мольбами о помощи, а порой спонтанно реагировала на разные происшествия, военные действия, природные катастрофы, голод, узнав о них из теле– и радиопрограмм. В Красный Крест и «Спасем детей» тут же направлялись деньги, и ряд благодарственных писем в архиве подтверждают, что в 1970-е годы она часто переводила организациям суммы в 10 000 крон и больше. «Тогда это были большие деньги, и благодарственные письма подписывал глава организации», – замечает Лена Тёрнквист.

В 1996 г. Астрид Линдгрен со своим секретарем Черстин Квинт побывала в Дании. Перед отъездом она приехала на Аллею Надежды, 36. «Виллу Стевнс» перестроили, там жили незнакомые люди, – вероятно, они знали Линдгрен, но не знали ничего о том, что связывает знаменитую писательницу с этим местом. На это

дерево однажды, когда на виллу приехала «мама Лассе», забрались мальчики Лассе и Эссе. (Фотография: Частный архив)

Многие гуманитарные организации регулярно получали поддержку от Астрид Линдгрен: BRIS («Права детей в обществе»), Stockholms Stadsmission («Городская миссия Стокгольма»), SOS Børnebyerne («Детские деревни»), Amnesty International («Международная амнистия»), Всемирный фонд дикой природы, «Гринпис», Шведский афганский комитет и целый ряд подобных учреждений.

Астрид Линдгрен всегда близко к сердцу принимала положение детей-беженцев. И потому в 1996–1997 годах вмешалась в судьбу двух многодетных курдских семей. После шестнадцати месяцев проживания в здании лапландской церкви их грубо оттуда выдворили и отправили «домой», в Турцию. Незадолго до этого семнадцатилетняя Рожда Синджари, старший ребенок в одной из семей, обратилась к Астрид Линдгрен с просьбой. Девушка писала, что читала книги Линдгрен на курдском и что учителя в Оселе называют ее Роньей. Узнав о том, что случилось с этими беженцами, Линдгрен решила поручиться за Рожду и ее двоюродную сестру Жиндас и оплатить их образование. Это означало, что в 1997 году девочки смогут вернуться в Скандинавию. В настоящее время Рожда – дипломированный стоматолог и врач, живет в Швеции. Рассказывает Черстин Квинт:

> «Один только этот проект стоил около полумиллиона. Это, вероятно, самая большая сумма, пожертвованная Линдгрен частному лицу, не входившему в круг ее знакомых, но в Астрид была истинная, подлинная доброта, она действительно хотела помочь людям».

Астрид Линдгрен знает, что однажды урна с ее прахом окажется на кладбище Виммербю. Рядом с мамой, папой, братом и сестрой. В пятидесяти метрах от их могилы покоится Анне-Марие Фрис, а еще в ста метрах – Райнхольд Блумберг, один из тех мужчин, кого Астрид не любила, но с кем была близка. Вот ее слова из интервью Стине Дабровски в 1993 г.: «Моей большой любовью всегда были дети… я прежде всего мать, а потому самую большую радость мне доставляли мои дети». (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

А потому жертвовала деньги детям-инвалидам, нуждающимся в реабилитации, купила лошадь девочке из неблагополучной семьи и оплатила стационарное лечение девочке из Восточной Европы, которую не могли вылечить на родине. В Виммербю Астрид поучаствовала в спасении прекрасного старинного здания XVIII века в центре города, сделав взнос в 250 000 крон. На месте здания собирались построить торговый центр. Многим она просто помогала деньгами. Уже в 1950-е бедные семьи, о которых она слышала от друзей и знакомых, получали от нее экономическую помощь, и вообще люди, попавшие в беду, могли обратиться за поддержкой на Далагатан, если достаточно проникновенно говорили, не ограничивались письмами, а звонили и плакали в трубку. Рассказывает Карин Нюман:

«Она ведь давала деньги и частным лицам,

случайно, бессистемно. Приходит, например, молодой человек, просит в долг 80 000 на покупку квартиры для себя и своей девушки. Вот так, за красивые глаза, получает от нее деньги и, конечно же, не возвращает. Или вот мать-одиночка из Даларне попросила 50 000, чтобы сохранить дом для деток. Наверное, Астрид вела себя нерасчетливо и неразумно. Но я знаю, как она рассуждала: вот человек, ему не хватает денег, и он пришел к человеку, которому более чем хватает. Но, конечно, не всем просящим она шла навстречу».

В чем был глубинный смысл этой филантропии, которую Астрид Линдгрен не стремилась предавать огласке, если только, как в деле с курдскими беженцами, не возникала необходимость достучаться до властей? Была ли это своего рода покупка индульгенции или же проявление материнского инстинкта, который сама писательница называла аномальным? Вряд ли. Правильный ответ скорее содержится в рукописном философском размышлении, находящемся среди бумаг писательницы в Национальной библиотеке. Эта зарисовка также напечатана в книге «Смысл жизни»:

«– Какая все-таки жизнь странная штука, – сказала юная дочь.

– Да, – отозвалась мать, – она и должна быть странной.

– Как это? – спросила дочь. – А в чем же, собственно, смысл жизни?

Мать подумала.

– Собственно, не знаю. Но Марк Аврелий, если помнишь, кто это, сформулировал так: не живи, словно в запасе у тебя тысяча лет. Смерть как тать накроет. Покуда жив, покуда можешь, будь достойным».

О-хо-хо!

В последний год жизни Астрид Линдгрен была такой же старой, как дедушка из Бюллербю, на чьем юбилее дети читали вслух газету с сообщениями о надвигающейся войне. Дедушка пообещал детям, что война никогда не придет в их деревню, Бог защитит Бюллербю. Но вот дедушка вздыхает: «О-хо-хо!» – и это значит, что он вспоминает молодость. Как и Астрид, когда ей перевалило за девяносто. Многое она вспоминала. Но только не годы, последовавшие за смертью Лассе. Это время как будто

стерлось из ее памяти.

В мае 1998 года с Астрид Линдгрен случился удар, и отныне при ней всегда должна была оставаться сиделка. Последние три года жизни Астрид пребывала во времени, предшествовавшем смерти Лассе. Обо всем, что было после, говорить с ней было невозможно, рассказывает Карин Нюман. Тем не менее она осталась собой и, главное, ей не отказывало чувство юмора. Как-то Карин была у Астрид в Каролинской больнице, куда ту поместили после удара, и перед уходом спросила, не включить ли в палате радио. Мать коротко и ясно ответила «нет». Дочь удивилась:

– Ты что же, будешь тут сидеть как полуживая?
– Нет, я буду лежать как полумертвая!

А жизнь шла своим чередом. Бурно отпраздновали наступление нового тысячелетия, но на Далагатан, 46, все было спокойно. Только сиделки, семья и ближайшие друзья приходили к Астрид Линдгрен: помимо Карин, ее семьи и семьи Лассе – сестра Стина; Маргарета Стрёмстедт и ее сестра Лиса; бывшая коллега, сменившая Астрид на посту в «Рабен и Шёгрен», Марианне Эриксон; подруга по прогулкам в парке Алли Вириден. И конечно, Черстин Квинт, несколько раз в неделю проверявшая почту и превратившаяся в стенографа одного из самых прилежных стенографов в истории литературы.

> «В первое время после инсульта она была очень грустной и замкнутой, не интересовалась письмами, но я читала их ей, как обычно, и сама на них отвечала. И так наша работа продолжалась до Рождества 2001 года, когда она повеселела, приободрилась, стала смеяться и произносить длинные предложения».

Так проходили последние годы в квартире окнами на Васапарк, где Астрид когда-то так много писала, жила с мужем и детьми, родными и друзьями, принимала множество гостей, от писателей, детских психологов и борцов за права женщин до шведских и зарубежных политиков. Но часто просто одиноко и счастливо танцевала под граммофон. Теперь она в основном слушала радио – больше всего любила адажио из божественного Третьего концерта Моцарта для скрипки с оркестром соль мажор, который в письме Анне-Марие Фрис летом 1978 года назвала «мое похоронное адажио».

После того как с ней случился удар, Астрид иногда говорила, что устала от жизни. «Я хочу умереть!» – заявляла она Карин. В

более светлые моменты она просила дочь или Черстин Квинт почитать ей вслух из шведских классиков, например Пера Лагерквиста и Вернера фон Хейденстама, или что-нибудь из ее собственных книг – например, стихотворение, написанное в 1960-е годы, «Если бы я была Богом» или избранные главы из «Пеппи Длинныйчулок». Вряд ли ей хотелось насладиться своим знаменитым стилем – скорее, воскресить чувство свободы и полноты, приблизиться к той вечности, которую обрели ее книги. К эйфорическому одиночеству, в котором она никогда не бывала одинока. Вот что сама Астрид написала Луизе Хартунг в 1958 году:

> «Совершенно счастлива я, видимо, только когда пишу, – я имею в виду не когда вообще работаю над книгой, а конкретный момент, когда пишу».

Она умерла 28 января 2002 года в 10 часов утра в своей постели. Рядом были две медсестры, врач и Карин. Весь день стокгольмцы всех возрастов совершали паломничество в район Васастан, на Далагатан, 46, приносили цветы и зажигали свечи. Вечером по телевидению шли траурные программы; на следующий день все газеты Скандинавии и Германии опубликовали пространные некрологи, а в крупных шведских газетах тема заняла целую полосу. Церемония прощания, достойная королевы или государственного деятеля, состоялась 8 марта, в Международный женский день. Собрались почти все – не только феминистки с детьми и внуками, но и премьер-министр, несколько поколений королевской семьи и сто тысяч совершенно обычных шведов, стоявших вдоль улиц, по которым гроб с телом проследовал до собора в Гамла Стан.

Какой день, какая жизнь.

После известия о смерти 94-летней Астрид Линдгрен около полудня 28 января 2002 г. на Далагатан, 46, весь день и весь вечер шли потоки людей всех возрастов. В первых рядах скорбящих – звезда группы «АББА» Бьёрн Ульвеус. (Фото: Магнус Йонсон / TT)

Астрид Линдгрен: избранное

Britt-Mari lättar sitt hjärta, 1944 (Рус. изд.: «Бритт-Мари изливает душу», пер. Л. Брауде).

Kerstin och jag, 1945 (Рус. изд.: «Черстин и я», пер. Л. Брауде; «Черстин и я», пер. Т. Шапошниковой).

Pippi Långstrump, 1945 (Рус. изд.: «Пеппи поселяется на вилле „Курица“», пер. Л. Лунгиной; «Пиппи Длинныйчулок», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде).

Pippi Långstrump går ombord, 1946 (Рус. изд.: «Пеппи собирается в путь», пер. Л. Лунгиной; «Пиппи Длинныйчулок садится на корабль», пер. Л. Брауде).

Mästerdetektiven Blomkvist, 1946 (Рус. изд.: «Калле Блюмквист играет», пер. Н. Городинской-Валлениус; «Суперсыщик Калле Блюмквист», пер. Л. Брауде).

Alla vi barn i Bullerbyn, 1947 (Рус. изд.: «Мы все из Бюллербю», пер. Л. Горлиной; «Все мы – дети из Бюллербю», пер. Н. Беляковой).

Pippi Långstrump i Söderhavet, 1948 (Рус. изд.: «Пеппи в стране Веселии», пер. Л. Лунгиной; «Пиппи Длинныйчулок на острове Куррекурредутов», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде).

Mera om oss barn i Bullerbyn, 1949 (Рус. изд.: «Снова о детях из Бюллербю», «Снова про детей из Бюллербю», пер. Н. Беляковой; «И снова о нас, детях Бюллербю», пер. Л. Горлиной).

Nils Karlsson Pyssling, 1949 (Рус. изд.: «Крошка Нильс Карлсон», пер. Л. Брауде и Е. Соловьевой).

Kajsa Kavat, 1950 (Рус. изд.: «Бойкая Кайса», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде).

Kati i Amerika, 1950 (Рус. изд.: «Кати в Америке», пер. Л. Брауде).

Mästerdetektiven Blomkvist lever farligt, 1951 (Рус. изд.: «Калле Блюмквист рискует», пер. Н. Городинской-Валлениус; «Суперсыщик Калле Блюмквист рискует жизнью», пер. Л. Брауде).

Bara roligt i Bullerbyn, 1952 (Рус. изд.: «Весело живется в Бюллербю», пер. Н. Беляковой; «В Бюллербю всегда весело», пер. Л. Горлиной).

Kati i Italien, 1952 (Рус. изд.: «Кати в Италии», пер. Л. Брауде).

Kalle Blomkvist och Rasmus, 1953 (Рус. изд.: «Калле Блюмквист и Расмус», пер. Л. Брауде; «Калле Блумквист и Расмус», 1994, пер. Б. Ерхова; «Калле Блюмквист и Расмус», пер. Н. Городинской-Валлениус).

Mio, min Mio, 1954 (Рус. изд.: «Мио, мой Мио!», пер. И. Токмаковой; «Мио, мой Мио!», пер. Л. Брауде и Е. Паклиной).

Kati i Paris, 1954 (Рус. изд.: «Кати в Париже», пер. Л. Брауде).

Lillebror och Karlsson på taket, 1955 (Рус. изд.: «Карлсон, который живет на крыше», «Малыш и Карсон, который живет на крыше», пер. Л. Лунгиной; «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», пер. Б. Ларина; «Малыш и Карлсон», пер. Л. Лагутина).

Rasmus på luffen, 1956 (Рус. изд.: «Расмус-бродяга», пер. Н. Беляковой; «Расмус-бродяга», пер. Е. Милехиной и О. Шарковой; «Расмус-бродяга», пер. Е. Паклиной).

Rasmus, Pontus och Toker, 1957 (Рус. изд.: «Расмус, Понтус и Глупыш», пер. Л. Брауде; «Расмус, Понтус и Растяпа», пер. Е. Тиновицкой).

Barnen på Bråkmakargatan, 1958 (Рус. изд.: «Дети с улицы Бузотеров», пер. Л. Брауде; «Дети с Горластой улицы», пер. Л. Горлиной).

Sunnanäng, 1959 (Рус. изд.: «Солнечная полянка», пер. Л. Брауде; «Южный Луг», пер. И. Новицкой).

Madicken, 1960 (Рус. изд.: «Мадикен», пер. И. Стребловой; «Мадикен», пер. Е. Тиновицкой).

Lotta på Bråkmakargatan, 1961 (Рус. изд.: «Лотта с улицы Бузотеров», пер. Л. Брауде; «Лотта с Горластой улицы», пер. Л. Горлиной).

Karlsson på taket flyger igen, 1962 (Рус. изд.: «Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел», 1965, пер. Л. Лунгиной; «Карлсон, который живет на крыше, прилетает вновь», пер. Л. Брауде).

Emil i Lönneberga, 1963 (Рус. изд.: «Приключения Эмиля из Лённеберги», пер. Л. Лунгиной; «Приключения Эмиля из Лённеберги», пер. Л. Брауде и Е. Паклиной).

Vi på Saltkråkan, 1964 (Рус. изд.: «Мы – на острове Сальткрока», пер. Л. Брауде и Е. Милехиной; «Мы – на острове Сальткрока», пер. Л. Брауде и Е. Паклиной; «На острове Сальткрока», пер. О. Мяэотс).

Nya hyss av Emil i Lönneberga, 1966 (Рус. изд.: «Новые проделки Эмиля из Лённеберги», пер. Л. Лунгиной; «Новые проделки Эмиля из Лённеберги», пер. Л. Брауде и Е. Паклиной).

Karlsson på taket smyger igen, 1968 (Рус. изд.: «Карлсон, который живет на крыше, проказничает опять», пер. Л. Лунгиной; «Карлсон, который живет на крыше, возвращается тайком», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде).

än lever Emil i LÖnneberga, 1970 (Рус. изд.: «Жив еще Эмиль из Лённеберги!», пер. Л. Лунгиной; «Жив еще Эмиль из Лённеберги!», пер. Л. Брауде и Е. Паклиной).

Bröderna Lejonhjärta, 1973 (Рус. изд.: «Братья Львиное Сердце», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде; «Братья Львиное Сердце», пер.

Б. Ерхова).

Samuel August från Sevedstorp och Hanna i Hult, 1975 (Рус. изд.: «Самуэль Август из Севедсторпа и Ханна из Хульта», пер. Н. Беляковой).

Madicken och Junibackens Pims, 1976 (Рус. изд.: «Мадикен и Пимс из Юнибаккена», пер. И. Стребловой; «Мадикен и Пимс из Юнибаккена», пер. Е. Тиновицкой).

Ronja Rövardotter, 1981 (Рус. изд.: «Рони, дочь разбойника», пер. Л. Лунгиной; «Ронья, дочь разбойника», пер. Н. Беляковой и Л. Брауде).

Ida och Emil i Lönneberga, 1989 (Рус. изд.: «Ида и Эмиль из Лённеберги», пер. Л. Брауде; «Эмиль и малышка Ида», пер. М. Бородицкой).

Ur-Pippi, 2007 («Первая редакция „Пеппи“»).

Библиография

Adolfsson, Eva / Eriksson, Ulf / Holm, Birgitta: «Anpassning, flykt, uppror: barnboken och verkligheten», i Ord & Bild nr. 5 (1971) [Адольфсон, Ева / Эриксон, Ульф / Хольм, Биргитта: «Адаптация, побег, бунт: детская книга и действительность» // «Орд & Бильд», 1971, № 5]

Ahlbäck, Pia Maria: «Väderkontraktet: plats, miljöröttvisa och eskatologi i Astrid Lindgrens Vi på Saltkråkan», i Barnboken. Tidskrift för Barnlitteraturforskning, bd. 33, vol. 2 (2010) [Альбэк, Пиа Мария: «Сделка с погодой: пространство, экология и эсхатология в книге Астрид Линдгрен „Мы – на острове Сальткрока“» // Барнбокен. Журнал исследований детской литературы, bd. 33, vol. 2 (2010)]

Alvtegen, Karin: «Min gammelfaster Astrid», i Astrid Lindgren-sällskapets medlemsblad Nr. 15, 2006 [Альвтеген, Карин: «Моя старая добрая тетушка Астрид» // Бюллетень Общества Астрид Линдгрен, 2006, № 15]

Andersen, Jens: «Andersen. En biografi» (2003) [Андерсен, Йенс: «Андерсен: Биография» (2003)]

[«Det begynder altid i et køkken», i Berlingske 26.12.2006 [«Все начинается с кухни» // Берлингске. 26.12.2006]

«Jeg danser helst ensom til grammofonen», i Berlingske 2.11.2012 [«Я предпочитаю танцевать в одиночестве под граммофон» // Берлингске. 2.11.2012]

Andersson, Maria: «Borta bra, men hemma bäst? Elsa Beskows och Astrid Lindgrens idyller», i Andersson / Druker: *Barnlitteraturanalyser* (2009) [Андерсон, Мария: «В гостях хорошо, дома лучше? Идиллии Эльзы Бесков и Астрид Линдгрен» // Андерсон / Друкер: *Детская литература. Анализ* (2009)]

Barlby, Finn (red.): *Børnebogen i klassekampen. Artikler om marxistisk litteratur for børn* (1975) [Барльбю, Финн (ред.): *Детская книга и классовая борьба. Статьи о марксистской литературе для детей* (1975)]

Bendt, Ingela: *Ett hem för själen. Ellen Keys Strand* (2000) [Бендт, Ингела: *Дом для души. Эллен Кей и ее «Странд»* (2000)]

Bengtsson, Lars: *Bildbibliografi över Astrid Lindgrens skrifter 1921–2010* (2012) [Бенгтссон, Ларс: *Астрид Линдгрен. Библиография, 1921–2010* (2012)]

Berger, Margareta: *Pennskaft. Kvinnliga journalister under 300 år* (1977) [Бергер, Маргарета: *Ручка. 300 лет женской журналистики* (1977)]

Berggren, Henrik: *Olof Palme. Aristokraten, som blev socialist*

(2010) [Берггрен, Хенрик: *Улоф Пальме. Аристократ, ставший социалистом* (2010)]

Bettelheim, Bruno: *Eventyrets fortryllelse* (1991) [Беттельхайм, Бруно: *Очарование сказки* (1991)]

Birkeland, Tone / Risa, Gunvor / Vold, Karin Beate: *Norsk barnlitteraturhistorie* (2005) [Биркеланд, Тоне / Риса, Гунвор / Вольд, Карин Беате: *История норвежской детской литературы* (2005)]

Blomberg, Reinhold: *Minnen ur släkterna Blomberg-Skarin* (1931) [Блумберг, Райнхольд: *Воспоминания о семье Блумберг-Скарин* (1931)]

Boëthius, Ulf: «Skazen i Astrid Lindgrens Emil i Lönneberga», i Hallberg, Kristin (red.): *Läs mig – sluka mig!* (2003) [Боэциус, Ульф: *Сказовость в «Эмиле из Лённеберги» Астрид Линдгрен* / Хальберг, Кристин (ред.): *Прочитай меня – проглоти меня!* (2003)]

Bohlund, Kjell (m. fl.): *Raben, Sjögren och alla vi andra. Femtio års förlagshistoria* (1972) [Болунд, Шель и др.: *Рабен, Шёгрен и все мы, остальные. Пятидесятилетняя история издательства* (1972)]

Bolin, Greta / Zweigbergk, Eva von: *Barn och böcker* (1945) [Болин, Грета / Цвайберг, Ева, фон: *Ребенок и книги* (1945)]

Bugge, David: «At inficere med håbløshed – K. E. Løgstrup og børnelitteraturen», i Slagmark nr. 42 (2005) [Бугге, Дэвид: «Заразить безнадежностью – К. Е. Лёгструп и детская литература» // Слаумарк, 2005, № 42]

Buttenschøn, Ellen: *Smålandsk fortæller* (1977) [Буттеншён, Эллен: *Смоландская рассказчица* (1977)]

Christensen, Leise: «Prædikerens Bog», i Bibliana nr. 2 (2011) [Кристенсен, Ляйсе: «Книга проповедника» // Библиана, 2011, № 2]

Christofferson / von Vegesack (red.): *Perspektiv på 30-talet* (1961) [Кристофферсон / фон Вегесак (ред.): *Взгляд на 30-е годы* (1961)]

Dabrowski, Stina: *Stina Dabrowski möter sju kvinnor* (1993) [Дабровски, Стина: *Стина Дабровски встречается с семью женщинами* (1993)]

Edström, Vivi: *Barnbokens form* (1982) [Эдстрём, Виви: *Форма детской книги* (1982)]

Vildtoring och lägereld (1992) [*Дикий и костер* (1992)]

Sagans makt (1997) [*Сила сказки* (1997)]

Kvällsdoppet i Katthult (2004) [*Вечернее купание в Катхульте* (2004)]

Det svänger om Astrid (2007) [*Заводная Астрид* (2007)]

Egerlid, Helena / Jens Fellke: *I samtidens tjänst. Kungliga Automobil Klubben 1903–2013* (2013) [Эгерлид, Хелена / Йенс Фельке: *На службе у современности. Королевский автоклуб 1903–*

2013 (2013)]

Ehriander, Helene: «Astrid Lindgren – förlagsredaktör på Raben & Sjögren», i Personhistorisk Tidsskrift nr.2 (2010) [Эриандер, Хелене: «Астрид Линдгрен – редактор в „Рабен и Шёгрен“» // Персонхисториск Тидскрифт, 2010, № 2]

Ehriander, Helene / Nilson, Maria (red.): *Starkast i världen! Att arbeta med Astrid Lindgrens författarskap i skolan* (2011) [Эриандер, Хелене / Нильсон, Мария (ред.): *Сильнейшая в мире! Работа с творчеством Астрид Линдгрен в школе* (2011)]

Ehriander / Heden (red.): *Bild och text i Astrid Lindgrens värld* (1999) [Эриандер / Хеден (ред.): Иллюстрации и текст в мире Астрид Линдгрен (1999)]

Ekman, Kerstin: «I berömmelsens lavin», i Harding, Gunnar: *De Nio – litterär kalendar* (2006) [Экман, Черстин: «В лавине славы» // Хардинг, Гуннар: *Литературный календарь общества «Де Нио»* (2006)]

Ericsson / Lindgren / Hergin / Lindström: *Fyra syskon berättar* (1992) [Эриксон / Линдгрен / Хергин / Линдстрём: *Три сестры и брат рассказывают свою историю* (1992)]

Eriksson, Göran (red.): *Röster om Astrid Lindgren* (1995) [Эриксон, Йоран (ред.): *Рассказы об Астрид Линдгрен* (1995)]

Estaunie, Edovard: *De ensamma* (1928) [Эстонье, Эдуард: *Одиночество* (1928)]

Fellke, Jens (red.): *Rebellen fren Vimmerby. Om Astrid Lindgren och hemstaden* (2002) [Фельке, Йенс (ред.): *Бунтарка из Виммербю. Астрид Линдгрен и ее родной город* (2002)]

«För pappans skull», i Dagens Nyheter, 5.12.2007 [«Ради отца» // Дагенс нюхетер, 5.12.2007]

Forsell, Jacob (red.): *Astrids bilder* (2007) [Форшель, Якоб (ред.): *Жизнь Астрид в фотографиях* (2007)]

Fransson, Birgitta: *Barnboksvärlder. Samtal med författare* (2000) [Франсон, Биргитта: *Мир детских книг. Беседы с писателями* (2000)]

Gardeström, Elin: *Journalistutbildningens tillkomst i Sverige* (2006) [Гардестрём, Элин: *Начало обучения журналистике в Швеции* (2006)]

Granberg / Swartz (red.): *Tourister. Klassiska författare på resa* (2006) [Гранберг / Сварц (ред.): *Туристы. Путешествие писателей-классиков* (2006)]

Grönblad, Ester: *Furusund. Ett skärgårdscentrum* (1970) [Грёнблад, Эстер: *Фурусунд. Средоточие стокгольмских шхер* (1970)]

Gröning, Lotta: *Kvinnans plats – min bok om Alva Myrdal* (2006) [Грёнинг, Лотта: *Место женщины. Моя книга об Альве Мюрдаль* (2006)]

Gaare, Jørgen / Sjaastad, Øystein: *Pippi og Sokrates* (2000) [Горэ, Йорген / Шостад, Эйстан: *Пеппи и Сократ* (2000)]

Hallberg, Kristin: «Pedagogik som poetik. Den moderna småbarnslitteraturens berättande», i Centrum för barnlitteraturforskning nr. 26, 1996 [Хальберг, Кристин: «Педагогика как поэтика. Фигура повествователя в современной литературе для детей младшего возраста» // Центр исследований детской литературы, 1996, № 2]

Hansson, Kjell åke: *Hela världens Astrid Lindgren. En utställning på Astrid Lindgrens Näs i Vimmerby* (2007) [Хансон, Чель Оке: *Астрид Линдгрен – мировое достояние. Прогулка по линдгреновскому Нэсу в Виммербю* (2007)]

Harding, Gunnar (red.): *De Nio – litterär kalender* (2006) [Хардинг, Гуннар (ред.): *Литературный календарь общества «Де Нио»* (2006)]

Hedström, Lotta: *Introduktion till ekofeminism* (2007) [Хедстрём, Лотта: *Введение в экофеминизм* (2007)]

Hellsing, Lennart: *Tankar om barnlitteraturen* (1963) [Хельсинг, Леннарт: *Мысли о детской литературе* (1963)]

Hellsing / Westin / Öhman-Sunden (red.): *Allrakäraste Astrid. En vänbok till Astrid Lindgren* (2002) [Хельсинг / Вестин / Эман-Сунден (ред.): *Дорогая Астрид. Астрид Линдгрен посвящается* (2002)]

Hergin, Stina: *Det var en gång en gård* (2001) [Хергин, Стина: *Однажды на хуторе* (2001)]

Hirdman, Yvonne / Lundberg, Urban / Björkman, Jenny: *Sveriges historia 1920–1965* (2012) [Хирдман, Ивонне / Лундберг, Урбан / Бьоркман, Йенню: *История Швеции 1920–1965* (2012)]

Holm, Claus: «Lad ensomheden være i fred», i Information, 25.8.2008 [Хольм, Клаус: «Оставьте одиночество в покое» / Информашон, 25.8.2008]

Holm, Ingvar (red.): *Vänkritik. 22 samtal om dikt tillägnade Olle Holmberg* (1959) [Хольм, Ингвар (ред.): *Дружеская критика. 22 разговора о стихах, посвященные Улле Хольмбергу* (1959)]

Israel, Joachim / Valentin-Israel, Mirjam: *Det finns inga elaka barn!* (1946) [Израэль, Хоаким / Валентин-Израэль, Мирьям: *Злых детей не бывает!* (1946)]

Johansson, Anna-Karin: *Astrid Lindgren i Stockholm* (2012) [Йохансон, Анна-Карин: *Астрид Линдгрен в Стокгольме* (2012)]

Jørgensen, John Chr.: *Da kvinder blev journalister* (2012) [Йоргенсен, Йон Кр.: *Когда женщины стали журналистами* (2012)]

Karlsson, Maria / Rider, Sharon (red.): *Den moderna ensamheten* (2006) [Карлсон, Мария / Ридер, Шарон (ред.): *Современное одиночество* (2006)]

Karlsson, Petter / Erseus, Johan: *Från snickerboa till Villa Villekulla. Astrid Lindgrens filmvärld* (2004) [Карлсон, Петтер / Эрсеус, Юхан: *От столярной до виллы «Курица». Мир фильмов Астрид Линдгрен* (2004)]

Key, Ellen: *Barnets århundrade* (1996) [Кей, Эллен: *Век дитяти* (1996)]

Knudsen, Karin Esmann: «Vi må håbe du aldrig dør – døden i dansk børnelitteratur», i Jacobsen / Haakonsen: *Memento mori – døden i Danmark i tværfagligt lys* (2008) [Кнудсен, Карин Эсманн: *Будем надеяться, что ты не умрешь. Смерть в детской литературе Дании* // Якобсен / Хоконсен. *Memento mori – смерть в Дании в междисциплинарном свете* (2008)]

Knutson, Ulrika: *Kvinnor på gränsen till genombrott. Grupporträt av Tidevarvets kvinnor* (2004) [Кнутсон, Ульрика: *Женщины на грани прорыва. Групповой портрет женщин из «Тидеварвет»* (2004)]

Kümmerling-Meibauer, Bettina / Surmatz, Astrid (red.): *Beyond Pippi Longstocking. Intermedial and International Aspects of Astrid Lindgren's Works* (2011) [Кюммерлинг-Майбауер, Беттина / Сурматц, Астрид (ред.): *По следам Пеппи Длинныйчулок. Интермедиальный и интернациональный аспекты произведений Астрид Линдгрен* (2011)]

Kvint, Kerstin: *Astrid i vida världen* (1997) [Квинт, Черстин: *Астрид в большом мире* (1997)]

Astrid världen Över (2002) [*Астрид по всему миру* (2002)]

Bakom Astrid (2010) [*По следам Астрид* (2010)]

Kåreland, Lena: *Modernismen i barnkammaren. Barnlitteraturens 40-tal* (1999) [Кореланд, Лена: *Модернизм в детской. Детская литература в 40-е гг.* (1999)]

«Pippi som dadaist», *i Svenska på prov. Arton artiklar om språk, litteratur, didaktik och prov. En vänskrift till Birgitta Garme* (1999) [«Пеппи как дадаист» // *Тестируем шведский. 18 статей о языке, литературе, дидактике и тестировании. Дружеское посвящение Биргитте Гарме* (1999)]

En sång för att leva bättre. Om Lennart Hellsings författarskap (2002) [*Песня для жизни. О творчестве Леннарта Хельсинга* (2002)]

Barnboken i samhället (2009) [*Детская книга в обществе* (2009)]

Lindgren, Astrid: *Hujedamej och andra visor av Astrid Lindgren* (1993) [Линдгрен, Астрид: *Траляля и другие песни Астрид Линдгрен* (1993)]

Det gränslösaste äventyret (2007) [*Сказка без границ* (2007)]

Livets mening (2012) [*Смысл жизни* (2012)]

Jultomtens underbara bildradio (2013) [*Чудесное радио Рождественского Деда* (2013)]

Lindgren, Astrid / Forslund, Kristina: *Min ko vill ha roligt* (1990)

[Линдгрен, Астрид / Форслунд, Кристина: *Моя корова хочет веселиться* (1990)]

Liversage, Toni / Vinterberg, Søren (red.): *Børn Litteratur Samfundskritik* (1975) [Ливерсаге, Тони / Винтерберг, Сёрен (ред.): Дети, литература, общественная критика (1975)]

Lundqvist, Ulla*: århundradets barn. Fenomenet Pippi Långstrump och dess förutsättningar* (1979) [Лундквист, Улла: *Ребенок столетия. Феномен Пеппи Длинныйчулок и его предпосылки* (1979)]

Kulla-Gulla i slukaråldern (2000) [*Кулла-Гулла в том возрасте, когда читают запоем* (2000)]

Alltid Astrid. Minnen från böcker, brev och samtal (2012) [*Всегда Астрид. Воспоминания из книг, писем и бесед* (2012)]

Løgstrup, K. E.: «Moral og børnebøger», i Møller Kristensen / Ramløv: *Børne – og ungdomsbøger* (1969) [Лёгструп К. Е.: «Мораль и детские книги» // Мёллер Кристенсен / Рамлёу: *Книги для детей и юношества* (1969)]

Løkke, Anne: «Præmierede plejemødre. Den københavnske filantropi og uægte børn i 1800-tallet», i Den jyske Historiker Nr. 67 (1994) [Лёке, Анне: «Премированные приемные матери. Копенгагенская филантропия и незаконнорожденные дети в XIX в.» // Ютландский историк, 1994, № 67]

Marstrander, Jan: *Det ensomme menneske i Knut Hamsuns diktning* (1959) [Марстрандер, Ян: *Одинокий человек в творчестве Кнута Гамсуна* (1959)]

Metcalf, Eva-Maria: *Astrid Lindgren* (1995) [Мекаф, Ева-Мария: *Астрид Линдгрен* (1995)]

Mitchell, Lucy Sprague: *Här och nu* (1939) [Митчелл, Люси Спрэг: *Здесь и сейчас. Современная книга сказок* (1939)]

Møhl, Bo / Schack, May: *Når børn læser – litteraturoplevelse og fantasi* (1980) [Мёль, Бо / Шак, Мей: *Когда дети читают. Литературный опыт и фантазия* (1980)]

Ney, Birgitta (red.): *Kraftfelt. Forskning om kön och journalistik* (1998) [Най, Биргитта (ред.): *Силовое поле. Иссследование, посвященное гендеру и журналистике* (1998)]

Nikolajeva, Maria: „Bakom rösten. Den implicita författaren i jagberättelser“, i Barnboken. Tidsskrift för barnlitteraturforskning Nr. 2, 2008 [Николаева, Мария: «По следам голоса. Имплицитный автор в повествовании от первого лица» // Барнбокен. Журнал исследований детской литературы, 2008, № 2]

Nørgaard, Ellen: «En vision om barnets århundrede», i VERA Nr. 11 (2000) [Нёргор, Эллен: «Представление о веке дитяти» // ВЕРА, 2000, № 11]

Ohlander, Ann-Sofie: «Farliga kvinnor och barn. Historien och det utomäktenskapliga», i *Kvinnohistoria: Om kvinnors villkor från antiken*

till våra dagar (1992) [Оландер, Анн-Софи: «Опасные женщины и дети. История и незаконнорожденные дети» // *История женщин: О положении женщины от античности до наших дней* (1992)]

Raben, Hans: *Raben & Sjögren 1942–1967. En tjugofemårskrönika* (1967) [Рабен, Ханс: *«Рабен и Шёгрен», 1942–1967. 25-летняя хроника* (1967)]

Riwkin, Anna / Bergstrøm, Ulf: *Möten i mörker och ljus* (1991) [Ривкин, Анна / Бергстрём, Ульф: *Встречи в темноте и на свету* (1991)]

Rosenbeck, Bente: *Kvindekøn. Den moderne kvindeligheds historie 1880–1980* (1987) [Росенбек, Бенте: *Женский пол. История современной женственности, 1880–1980* (1987)]

Runström, Gunvor: «Den yppersta gäddan i sumpen», i Astrid Lindgren sällskapets medlemsblad Nr. 34, 2011 [Рунстрём, Гунвор: «Лучшая щука в болоте» // Бюллетень Общества Астрид Линдгрен, 2011, № 34]

Russell, Bertrand: *Om opdragelse særlig i den tidlige barndom* (1927) [Рассел, Бертран: *О воспитании, особенно в раннем возрасте* (1927)]

Schwardt, Sara / Lindgren, Astrid / Törnqvist, Lena (red.): *Jeg lægger dine breve under madrassen* (2014) [Швардт, Сара / Линдгрен, Астрид / Тёрнквист, Лена (ред.): *Я храню твои письма под матрасом* (2014)]

Sjöberg, Johannes / Strömstedt, Margareta (red.): *Astrids röst*. CD & Textbok (2007) [Шёберг, Йоханнес / Стрёмстедт, Маргарета (ред.): *Голос Астрид*. CD & Textbok (2007)]

Sköld, Johanna: *Fosterbarnsindustri eller människokärlek* (2006) [Шёльд, Йоханна: Индустрия приемных детей или благотворительность (2006)]

Strömstedt, Margareta: *Astrid Lindgren. En levnadsteckning* (1977 / 1999) [Стрёмстедт, Маргарета: *Астрид Линдгрен. Жизнеописание* (1977 / 1999)]

«Du och jag Alfred – om kärlekens kärna, om manligt och kvinnligt hos Astrid Lindgren», i Eriksson, Göran: *Röster om Astrid Lindgren* (1995) [«Ты и я, Альфред – о сущности любви, о мужском и женском у Астрид Линдгрен // Эриксон, Йоран: *Рассказы об Астрид Линдгрен* (1995)]

Jag skulle se gärna vilja förföra dig – men jag orkar inte (2013) [*Мне так бы хотелось тебя соблазнить – но я не могу* (2013)]

Surmatz, Astrid*: Pippi Lengstrump als Paradigma* (2005) [Сурматц, Астрид: *Пеппи Длинныйчулок как парадигма* (2005)]

«International politics in Astrid Lindgren's works», i Barnboken Nr. 1–2 (2007) [«Международная политика в произведениях Астрид Линдгрен» // Барнбокен, 2007, № 1–2]

Svanberg, Birgitte: «På barnets side», i *Nordisk Kvindelitteraturhistorie*, på nordicwomensliterature.net [Сванберг, Биргитте: «На стороне ребенка» // История скандинавской женской литературы, nordicwomensliterature.net]

Svensen, åsfrid: «Synspunkter på fantastisk diktning», i *Den fantastiske barnelitteraturen* (1982) [Свенсен, Осфрид: «О замечательной поэзии» // *Замечательная детская литература* (1982)]

Svensson, Sonja: «Den där Emil – en hjälte i sin tid», i Harding, Gunnar: *De Nio-Litterдr kalendar* (2006) [Свенсон, Соня. Тот самый Эмиль – герой своего времени // Хардинг, Гуннар. *Литературный календарь общества «Де Нио»* (2006)]

Søland, Birgitta: *Becoming modern* (2000) [Сёланд, Биргитта. *Становясь современной* (2000)]

Sønsthagen, Kari / Weinreich, Torben: *Værker i børnelitteraturen* (2010) [Сёнстхаген, Кари / Вайнрайх, Торбен: *Произведения детской литературы* (2010)]

Thielst, Peter: *Nietzsches filosofi* (2013) [Тильст, Петер: *Философия Ницше* (2013)]

Thoreau, Henry David: *Walden. Livet I skovene* (2007) [Торо, Генри Дэвид. *Уолден, или Жизнь в лесу* (2007)]

Törnqvist, Egil: «Astrid Lindgrens halvsaga. Berättartekniken I Bröderna Lejonhjärta», I Svensk Litteraturtidsskrift Nr. 2 (1975) [Тёрнквист, Эгиль: «Полусказка Астрид Линдгрен. Повествовательная техника в „Братьях Львиное Сердце“» // Шведский литературный журнал, 1975, № 2]

Törnqvist, Lena: «Astrid Lindgren i original och Översätning. Bibliografi», i Ørving, Mary: *En bok om Astrid Lindgren* (1977) [Тёрнквист, Лена. Астрид Линдгрен: оригинал и переводы. Библиография. // Эрвинг, Марю. Книга об Астрид Линдгрен (1977)]

«Astrid Lindgren i original och Översätning. Bibliografi, 1976–1986» i Ørvig, Mary: *Duvdrottningen* (1987) [Астрид Линдгрен. Оригинал и переводы. Библиография, 1976–1986 // Эрвинг, Марю. Голубиная королева (1987)]

Astrid från Vimmerby (1998) [*Астрид из Виммербю* (1998)]

«Från vindslåda till världsminne», i BIBLIS 33 (2006) [«От коробки в мансарде до мировой известности» // BIBLIS 33 (2006)]

«140 hyllmeter, 75 000 brev och 100 000 klipp», i BIBLIS 58 (2012) [«140 метров полок, 75 000 писем и 100 000 газетных вырезок»] // BIBLIS 58 (2012)

Törnqvist, Lena / Öhman-Sunden, Suzanne (red.): *Ingen liten lort. Astrid Lindgren som opinionsbildare* (2007) [Тёрнквист, Лена / Эман-Сунден, Сусанне (ред.): *Не быть маленькой кучкой дерьма. Астрид*

Линдгрен как выразитель общественного мнения (2007)]

Törnqvist-Verschuur, Rita: *Den Astrid jag minns* (2011) [Тёрнквист-Вершур, Рита: *Астрид, как я ее помню* (2011)]

Turkle, Sherry: *Alone together* (2011) [Тёркл, Шерри: *Совместное одиночество* (2011)]

Wahlström, Eva: *Fria flickor före Pippi. Ester Blenda Nordström och Karin Michaëlis: Astrid Lindgrens föregångare* (2011) [Вальстрём, Ева: *Свободные девочки до Пеппи. Эстер Бленда Нордстрём и Карин Микаэлис – предшественницы Астрид Линдгрен* (2011)]

Watson, John B.: *Psykologisk barneopdragelse* (1932) [Уотсон, Джон Бродес: *Психология воспитания детей* (1932)]

Westin, Boel: *Tove Jansson. Ord, bild, liv* (2007) [Вестин, Боэль: *Туве Янссон. Слово, рисунок, жизнь* (2007)]

Vinterberg, Søren: «Astrid og Lasse lille på Haabets Alle», i Politiken 26.12.2006 [Винтерберг, Сёрен. Астрид и малыш Лассе на Аллее Надежды // Политикен, 26.12.2006]

Wågerman, Ingemar: *Svenskt postcensur under andra världskriget* (1995) [Вогерман, Ингемар. Шведская почтовая цензура времен Второй мировой войны (1995)]

Zweigbergk, Eva von: *Barnboken i Sverige 1750–1950* (1965) [Цвайберг, Ева, фон. Детская книга в Швеции. *1750–1950* (1965)]

Ödman, Charlotta: *Snälla, vilda barn. Om barnen i Astrid Lindgrens böcker* (2007) [Эдман, Шарлотта. *Милый непослушный ребенок. О ребенке в книгах Астрид Линдгрен* (2007)]

Ørvig, Mary (red.): *En bok om Astrid Lindgren* (1977) [Эрвиг, Марю (ред.): *Книга об Астрид Линдгрен* (1977)]

Örvig / Eriksson / Sjöquist (red.): *Duvdrottningen. En bok til Astrid Lindgren* (1987) [Эрвиг / Эриксон / Шёквист (ред.): *Голубиная королева. К Астрид Линдгрен* (1987)]

Östberg, Kjell / Andersson, Jenny: *Sveriges historia 1965–2012* (2013) [Эстберг, Челль / Андерсон, Йенню. История Швеции. 1965–2012 (2013)]

Сайты:

www.astridlindgren.se
www.haabetsalle.com
www.stenografi.nu
www.nordicwomensliterature.net

Другие источники:

Архив Астрид Линдгрен (Национальная библиотека, Стокгольм).

Частные письма, дневники и фотографии (Карин Нюман / *Saltkråkan AB*).

Собрание писем Астрид Линдгрен в Культурном центре Астрид Линдгрен в Нэсе, Виммербю.

Частные письма и фотографии (Лисбет Стевенс Сендеровиц).

Журналы заседаний окружного суда Севеде за 1926–1927 гг. (Региональный архив Вадстены).

Архив издательства *Gyldendal.*

Общеобразовательная школа Виммербю в архиве Виммербю (Региональный архив Вадстены).

Бумаги Йенса Сигсгора (Королевская библиотека, Копенгаген).

Общество Астрид Линдгрен. Бюллетени, 2004–2014.

Беседы и интервью:

Черстин Квинт, Карин Нюман, Лисбет Стевенс Сендеровиц, Маргарета Стрёмстедт, Лена Тёрнквист.

notes

Примечания

1

Жизнь не так паршива, как кажется *(англ.)*. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Линдгрен Астрид. Кати в Америке. Здесь и далее перевод Л. Брауде.

3

Набросок, эскиз *(фр.)*.

4

Город на юге Швеции.

5

Город на восточном берегу озера Веттерн.

6

Остров на озере Веттерн.

7

Речь идет об уничтожении Густавом Вазой (1496–1560) торговых привилегий Ганзы после победы над Данией.

8

Линдгрен Астрид. Кати в Париже. Перевод Л. Брауде.

9

«Стара как мир моя легенда, но всякий раз… нова» *(нем.)* – строчка из стихотворения Г. Гейне «Однажды юноша влюбился…» (*Ein Jüngling liebt ein Mädchen*, 1822). Перевод О. Буевой.

10

Название Осло до 1877 г.

11

Служба опеки детей в Швеции.

12

Строки из стихотворения «О детях» *(On Children)* из книги ливано-американского поэта Джебрана Халиля Джебрана «Пророк» (*The Prophet*, 1923). Перевод В. Маркова.

13

Братья Маркс (Marx Brothers) – популярный в первой половине XX в. американский комедийный квинтет, выступавший в жанре комедии абсурда.

14

Густав Фрёдинг (1860–1911) – шведский поэт.

15

Нисse – рождественский гном в Скандинавских странах.

16

Hokus pokus filiokus – «волшебные» слова, известные с XVII в., народное искажение литургической формулы *Hoc est enim corpus meum* («Сие есть тело мое», *лат.*) и добавления к латинскому переводу символа веры, принятому Западной (Римской) церковью в XI в., – *«filioque»* («и Сына»).

17

Фурусунд – остров и приморский поселок на Балтийском море.

18

Человеку с улицы, обычному человеку *(англ.)*.

19

Многое случилось *(англ.)*.

20

Линдгрен Астрид. Пеппи Длинныйчулок. Здесь и далее перевод Л. Лунгиной.

21

Сверхчеловек *(нем.)*.

22

«Окончательное решение», «жизненное пространство»… «кровь и почва» *(нем.)*.

23

«Домой воротился моряк из морей, / Охотник спустился с холмов» *(англ.)*. *Стивенсон Роберт Льюис*. Завещание. Здесь и далее перевод М. Лукашевича.

«Здесь он лежит по воле своей» *(англ.)*.

25

Цвета шведского флага.

26

«Драматен» – народное название Королевского драматического театра в Стокгольме.

27

В старости Йенс Сигсгор написал предисловие к книге, посвященной истории игрушек. В письме Астрид Линдгрен от 14 февраля 1983 г. он посвятил ей это предисловие, и она поблагодарила его следующими словами: «Чудесно было получить твою статью об игре. Если кто и умеет играть, так это ты, а человек играющий нужен всему человечеству».

28

Линдгрен Астрид. Мы все из Бюллербю. Перевод Л. Горлиной.

29

Линдгрен Астрид. Любимая сестра. Здесь и далее перевод И. Новицкой.

30

Линдгрен Астрид. Мио, мой Мио! Здесь и далее перевод Л. Брауде и Е. Паклиной.

31

Прогуливаясь июньским деньком *(англ.)*.

32

Везде пели птицы *(англ.)*.

«Хауптюгендамт», Главное управление по делам молодежи *(нем.)*.

34

«Дорогая госпожа Хартунг, большое спасибо за Ваше дружелюбное письмо и за приглашение. Разумеется, я с огромным удовольствием приеду в (или на?) Берлин» *(нем.)*.

35

От *нем. halbstark* – хулиганский.

36

Зд.: «Луизхен-дружищхен», «Луизхен мой-хен», «Луизхен Хартунгхен Берлинхен» *(нем.)*.

«Луизхен, мой Сателлитхен, Спутникхен» *(нем.)*.

Наедине с собой *(нем.)*.

39

«Только ты и я» *(нем.)*.

Милая ящерка *(нем.)*.

41

У всего есть границы *(нем.)*.

42

Ящерка *(нем.)*.

43

Приди в мои объятия *(нем.)*.

44

Линдгрен Астрид. Расмус-бродяга. Здесь и далее перевод Н. Беляковой.

45

Линдгрен Астрид. Южный Луг. Здесь и далее перевод И. Новицкой.

Перевод Ю. Вронского.

47

«Кто утешит Кнютта?» (*«Vem ska trösta knyttet?»*, 1960) – стихотворная книга Туве Янссон. Малютка Кнютт – персонаж цикла о муми-троллях.

Этим проклятым взрослым *(нем.)*.

49

Аксель Эверт Тоб (1890–1976) – популярный шведский поэт, композитор, эстрадный певец.

50

Линдгрен Астрид. Мы – на острове Сальткрока. Здесь и далее перевод Е. Паклиной и Л. Брауде.

51

Линдгрен Астрид. Приключения Эмиля из Лённеберги. Здесь и далее перевод Л. Лунгиной.

52

Сакариас Топелиус (1818–1898) – выдающийся финский писатель и поэт, исследователь фольклора, писал на шведском языке.

Зд.: видит Бог! *(англ.)*

54

Линдгрен Астрид. Братья Львиное Сердце. Здесь и далее перевод Н. Беляковой и Л. Брауде.

55

Свитьод – древнескандинавское название страны свеев, предков современных шведов.

«Сюрреалистический шведский социализм» *(англ.)*.

«Темная сторона утопии» *(англ.)*.

Перевод А. Орлова.

Коротко *(нем.)*.

Домашний тиран *(нем.)*.

61

Карл Ларсон (1853–1919) и *Андерс Цорн* (1869–1920) – известные шведские художники.

62

В 1894–1896 гг. шведский писатель Август Стриндберг пережил религиозный и психический кризис, который принято называть «инферно-кризисом». Этот период описывается в автобиографии Стриндберга «Инферно».

63

Торо Генри Дэвид. Уолден, или Жизнь в лесу. Здесь и далее перевод З. Александровой.

64

«Ибо самый большой мой талант – это малые потребности» *(англ.)*.

65

«Я, кажется, обнял бы землю от радости; меня радует, что я буду в ней похоронен. А потом думать о тех, кого я люблю, кто будет знать, что я его люблю, хотя я этого и не открою!» *(англ.)* – цитата из дневника, 17 августа 1851 г. (*Торо Генрих Дэвид*. Дневники. Прогулки. Под общ. ред. Н. Покровского).

Лето любви *(англ.)*.

67

Линдгрен Астрид. Ронья, дочь разбойника. Здесь и далее перевод Н. Беляковой и Л. Брауде.

«Открытый ландшафт» *(швед.)*.

Закон *(лат.)*.

«Закат Западного мира» *(нем.)*.

71

Жизненное пространство *(нем.)*.

Екк. 4: 16, в русском синодальном переводе: «И это – суета и томление духа».

73

Линдгрен Астрид. Калле Блюмквист и Расмус. Перевод Л. Брауде.

74

Линдгрен Астрид. Мадикен и Пимс из Юнибаккена. Перевод И. Стребловой.